ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
ЗАПАД
АНДРЕЙ БЕЛЯНИН
БАГДАДСКИЙ
ВОР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

О благословенный город, воспетый Шахерезадой! Высокие минареты, пение муэдзинов, призывающих правоверных к вечерней молитве… И вот уже лучатся яркие звезды на бархатном фиолетовом небе. Дурманящий аромат ночи, трепет листьев чинар. Топот арабских скакунов – грозные стражи порядка спешат в свои казармы. И наконец, монотонный стук колотушки и убаюкивающий голос: «Спите, жители Багдада, все спокойно! В Багдаде все спо…» О горе! Вай мэ! Уже несколько дней не знает сна и покоя главный правитель города наимудрейший Селим ибн Гарун аль-Рашид. Вай дод! Рыщет по всем улочкам и проулкам его верный слуга, высокородный господин Шехмет, и ищет он Багдадского вора по имени Лев Оболенский!

В общем, не обошлось здесь дело без таинственных волшебных сил…

Заскучал как-то великий сочинитель рубай Хайям ибн Омар и решил залить тоску содержимым старинного кувшина, из которого и не замедлил появиться очень черный и очень веселый джинн. На радостях пообещал дух выполнить три желания. Старый борец за справедливость, Хайям давно мечтал о достойном преемнике. Но так как джинн был нетрезв, иными словами – «в стельку пьян», то и оказался наш голубоглазый герой, москвич нового тысячелетия, потомственный дворянин на… средневековом Востоке…

- Андрей Белянин
  - ○
  - ○
  - ○ Глава 1
  - ○ Глава 2
  - ○ Глава 3
  - ○ Глава 4
  - ○ Глава 5
  - ○ Глава 6
  - ○ Глава 7
  - ○ Глава 8
  - ○ Глава 9
  - ○ Глава 10
  - ○ Глава 11
  - ○ Глава 12
  - ○ Глава 13
  - ○ Глава 14

- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Глава 58

- Глава 59
- Глава 60
- Глава 61
- Глава 62
- Глава 63
- Глава 64
- Глава 65
- Глава 66
- Глава 67
- Глава 68
- Глава 69
- Глава 70
- Глава 71
- Глава 72
- Глава 73
- Глава 74
- Глава 75
- Глава 76
- Глава 77
- Глава 78
- Глава 79
- Глава 80
- Глава 81
- Глава 82
- P. S.

Андрей Белянин
Багдадский вор

«Бисмилляи ир-рахман ир-рэхим!»

Вознесём молитву к престолу Всевышнего и с молитвой начнём наше повествование. Воистину велик и мудр Аллах и бессмертны деяния его… Ибо осенил он благодатью своей души правоверных и возвёл к небесам руки свои, извечно благословляя славный город Багдад. И правил тем городом могучий эмир Селим ибн Гарун аль-Рашид, чье громкое имя из века в век будут прославлять благодарные мусульмане. Сурово искоренил он один из самых страшных пороков души человеческой – воровство! Зорки были его стражи, неподкупны судьи и суровы палачи, кровь рекой лилась на плахах, и ни один грешник не избежал заслуженной кары! Но горек был день, когда на улицах спящего Багдада появился молодой человек с кожей белой, как снега Шахназара, и глазами голубыми, как купола Бухары, а гордое имя его звучало подобно бубнам Хочкара – Лев Оболенский!

Очень коротенькая биографическая справка: «Оболенский Лев Николаевич, 1967 года рождения, русский, прописан и проживает в городе Москве. Женат, имеет годовалого сына, работает помощником прокурора в суде центрального района столицы. Рост выше среднего, телосложение крупное, волосы тёмно-русые, кудрявые. Действительный член Дворянского собрания России, потомок древнего аристократического рода. Всего в жизни добивался сам…» Натура разносторонняя, увлекающаяся, что, впрочем, не мешает ему иметь трезвый взгляд на реальные вещи. До описываемых нами событий – ни в чем предосудительном не участвовал, фантастику не читал и всё произошедшее с ним долгое время скрывал даже от друзей. Мы были знакомы достаточно давно, но встречались редко: я не каждый день бываю в Москве, он в Астрахани – ещё реже. Так вот, год назад, случайно прочтя мою автобиографическую книгу о приключениях тринадцатого ландграфа, Лев позвонил и поделился очень загадочной историей. Проблема переселения душ и множественности воплощений человека на этой земле волновала умы не одного поколения. Думается, что этот рассказ внесёт свою скромную лепту и, быть может, послужит для кого-то уроком. К моему дружескому предложению написать что-либо на эту тему сам Оболенский отнёсся довольно скептически. Мне так и не удалось убедить его в том, что вся эпопея, сделавшая его знаменитым Багдадским вором, в должной мере оригинальна и

поучительна. Но, увы… прочтя мои первые намётки романа, Лев сказал, что это никому не будет интересно, потому как тысячу раз уже было и в кино, и в литературе, и наотрез отказался ставить своё имя в соавторах. А посему прошу видеть во мне, а не в господине Оболенском, истинного автора сего повествования. Итак…

Лев не верил в сказки. Москва вообще очень быстро отбивает у своих детей веру в чудеса. Слезам столица традиционно не верит, но щедро наделяет взамен холодным практицизмом, трезвой расчётливостью, привычкой полагаться исключительно на себя и особой, только москвичам присущей, гордостью. Приезжие единодушно называют москвичей высокомерными снобами. Это ложь! С полной ответственностью заявляем, что настоящие, коренные жители столицы – народ общительный, хлебосольный и чрезвычайно деловитый. Если вы приехали сюда в первый раз – вам не откажут в ночлеге, накормят ужином, поддержат советом, но, увы, на этом всё. Превыше всего москвичи ценят в человеке самостоятельность. Тебе помогли? На следующее утро берись за дела, барахтайся, как можешь, но выплывай сам. Сажать тебя на шею никто не обязан… Думаю, что подобное лирическое отступление немного поможет вам понять характер нашего героя и не удивляться, почему он порой поступал так или иначе.

Дело в том, что памятным утром середины января позапрошлого года на Льва Оболенского неожиданно свалились самые настоящие чудеса. Сначала был сон… Длинный, маловразумительный сон, мучивший его почти полночи. Лев дважды просыпался в холодном поту, ругался, чашками пил кофе на кухне, ложился вновь, но сон возвращался с завидным постоянством. Чёткого сюжета в нём не было, а суть неизбежно сводилась к одному – смерти! Вроде бы он, Лев Николаевич, разгуливает по сказочной Бухаре, словно сошедшей со страниц «Тысячи и одной ночи». Щёлкает дорогим фотоаппаратом, грызёт арахис в меду, чуть улыбается проходящим красоткам в чадрах и, как вежливый российский турист, никого не обижает. Шумит восточный базар, размахивают руками крикливые торговцы, взад-вперёд снуют босоногие мальчишки, нищие, гнусавя, просят подаяния… А небо над головой – синее-синее, облака белые-белые, и огромный диск солнца похож на золотой казан самого эмира! Утомлённый Лёвушка останавливается в тени навеса торговца редкими тканями. Вытирает пот со лба, улыбаясь, пытается на пальцах объяснить хозяину, что ничего не покупает, зашёл просто так… Лицо лавочника становится злым, он хватает Оболенского за руку и тонко кричит на весь базар:

– Этот человек – вор! Он украл тень! Он наслаждался её

прохладой и не заплатил ни таньга!

Сначала москвич громко смеётся, как бы над удачной шуткой… но когда появлялась какая-то устаревшая стража… с копьями, кривыми мечами, и его пытались обезглавить прямо у прилавка – за воровство! – Лев кричал и… просыпался. Во второй раз всерьёз обеспокоенная жена предложила ему валерьянки. Оболенский встал, с тоской взглянул на часы и, поняв, что уснуть всё равно не удастся, отправился в ванную. После душа и завтрака с остатками вчерашнего торта он не придумал ничего умнее, кроме как отправиться на работу. Контора открывалась в девять, но Лев счёл, что вполне убедит ночного охранника пропустить его в такую рань. Следующее действие произошло на улице, сразу по выходе из подъезда. К нему привязался старый узбек, один из тех бродячих попрошаек, что заселили сейчас едва ли не весь Киевский вокзал. Старик, видимо, не знал ни слова по-русски, только кланялся и, поминая Аллаха, совал под нос Льву затёртую до дыр тюбетейку. Москвичи не любят давать милостыню, особенно тем, кто её, по сути, вымогает. После третьей попытки обойти настырного старика Оболенский вспылил, достал из кармана рубль и приготовился высказать азиату всё, что он думает об их занюханном, но суверенном Востоке. А старый узбек вдруг, глаза в глаза, уставился на молодого помощника прокурора, хлопнул себя тюбетейкой по колену, ощерив в улыбке редкие острые зубы:

– Ай, шайтан! Якши шайтан! Весь Багдад его ищет, а он тут гуляет… Настоящий шайтан, клянусь бородой пророка Мухаммеда! – И узкоглазый дедок вновь забормотал что-то узбекское, бодро хромая в обратную сторону. Лев от избытка чувств шумно выругался матом, нарвавшись на ответное воронье карканье с ближайшего мусорного ящика. Третье событие произошло по дороге на работу и оказалось роковым. Москва – деятельный город: даже если вы отправляетесь на работу в шесть утра, то всё равно пойдёте в плотной толпе таких же ранних пташек. У каждого свои планы, свои заботы, свои сложности – до ваших проблем никому дела нет. И всё-таки Лев не мог отвязаться от ощущения того, что за ним кто-то следит. Сначала он гнал от себя это чувство, как первый признак паранойи. Потом начал невольно оглядываться в поисках того, кто так упорно сверлил его спину взглядом. На улице, в троллейбусе, в переходах метро, в поезде – везде его преследовали незнакомые глаза, колючие, как рентгеновские лучи. Они были повсюду – слева, справа, сзади, сверху, снизу. Лев всей кожей ощущал нереальную физическую мощь направленного взгляда, но никак не мог встретиться с преследователем глаза в глаза… Сначала это

даже тревожило, потом стало раздражать! Дворянская кровь Оболенских никогда не отличалась долготерпением, а уж о трусости в их роду вообще не слышали. Когда разгорячённый невидимым соглядатаем Лев встал на пороге своей конторы и резко обернулся, его голос действительно походил на рык царя зверей:

– Какого чёрта?! А ну выходи, подлец, и поговори со мной как мужчина с мужчиной! Или, клянусь аллахом, я…

С чего ради он стал клясться светлым именем всевидящего и всемилостивейшего, Лев не в состоянии объяснить до сих пор. Видимо, слишком много восточного в тот день свалилось ему на голову… А в ту скорбную минуту его ботинок самопроизвольно соскользнул с порога госучреждения, и благородный господин Оболенский всем весом опрокинулся на спину, тяжело ударившись затылком о холодный асфальт. Как его поднимали, вызывали «скорую» и везли в больницу он не помнил. Главным для нашего рассказа остаётся одно: молодой человек впал в глубокую кому, и всё, что мы знаем о его тогдашнем состоянии, почерпнуто из скудных строчек медицинских отчётов:

«…дыхание ровное, пульс непрерывный. Больной не реагирует на посторонние раздражители. Отечественная медицина не располагает средствами, способными эффективно улучшить состояние пациента. Ведутся переговоры с американской клиникой в Нью-Джерси. Их опыт работы с больными в состоянии комы более обширен, хотя, по утверждению самих американских специалистов, полной гарантии у них тоже нет…»

Глава 1

Путешествие в Арабские Эмираты со скидкой, в багажном отделении…

Всё еще Горящие Путёвки.

Лев пришёл в себя от невразумительного шума. Два голоса, яростно споря, ругаясь и перекрикивая друг друга, пробивались в его затуманенное сознание… Сначала он даже счёл их появление новым дурацким сном. Глаза открывать не хотелось по причине безумно болевшего затылка, наверняка его стукнули паровозом… Что такое паровоз, Лев не знал, но почему-то был уверен, что эта штука очень тяжёлая. Он ощущал своё тело непривычно лёгким, руки и ноги словно висели в воздухе, а вот припомнить, что конкретно с ним произошло и где он сейчас находится, – никак не удавалось. Не желая усложнять себе жизнь натужным шевелением мозгами, Оболенский расслабился и более благосклонно прислушался к настырным голосам, продолжающим незаконченный спор…

– Ты старый, бесполезный, пьяный, тупоумный джинн! Кого ты мне притащил, чтоб Азраил пожрал твою печень?!

– Я не старый… Мне всего двенадцать тысяч лет, а по меркам джиннов…

– У-и-ий, он ещё спорит со мной?! Ты прожил столько веков, а ума в твоей пустопорожней башке – как в пересохшей тыкве! Не позорь мою седую бороду, скажи ради аллаха, кого ты приволок в эту хижину?

– Ты просил молодого, сильного человека, не знающего страха перед законом, смеющегося над эмиром, плюющего на происки шайтана и, самое главное…

– Самое главное, ослоподобный Бабудай-Ага, чтобы он был не местным и никто не знал его в лицо!

Здесь разговор прекращается по причине длинного перечисления цветистых арабских ругательств. Тот, кого называли джинном (или Бабудай-Агой), оправдывался односложно и как бы нехотя. Зато второй, чей визгливый, старчески дребезжащий голос буквально резал уши, украшал свои проклятия столь поэтичными образами, что Лев невольно заслушался. Каждый аксакал на Востоке – обязательно мудрец, а каждый восточный мудрец ругается очень поэтично… Это юным и влюблённым позволено по глупости облекать свои мелкие

страсти в дивные узоры рифмосплетённых строчек. Человек, поживший на свете, знает, как скоротечна молодость, а потому тратит благословенный дар Аллаха исключительно на ругань! Ибо в этом есть свой высший смысл передачи мудрости уходящего поколения легкомысленным юнцам, иначе они просто не поймут… Вот нечто такое и пытался донести до всего белого света неизвестный старик, распекающий неизвестного джинна. Оболенский попытался повернуться на бок, но тело отказывалось ему повиноваться, и он вновь сосредоточил внимание на голосах, которые звучали теперь так близко, что уши начинали побаливать…

– Мне был нужен вор! Самый ловкий, самый неуловимый, самый искусный вор, чьё имя с восторженным придыханием произносили бы от вершин Кафра до низовий Евфрата. Его глаза должны быть подобны зелёным очам кошки из Сиама, руки – сильны и упруги, словно клинки Дамаска, шаг – неуловим и лёгок, подобно златотканым вуалям Каира…

– Вах, вах, вах… как красиво ты говоришь, господин мой!

– Я тебе не о красоте говорю, о козлоподобный сын безволосого шакала! Я спрашиваю: кого ты мне притащил?!

– Хозяин, он сильный, смелый очень и умный тако-о-й… Я два раза проверял, снами мучил, денег просил, присматривался, клянусь аллахом!

– Не смей произносить имя Аллаха, светлого и великого! О моё старое сердце, оно не выдержит праведного гнева, гложущего мои бренные кости… Молчи, молчи, гяур лукавый!

– Ну гяуром-то зачем обзываться…

Лев почувствовал, как у него чешется нос. Поверьте, человек может стойко перенести многое, но, когда нет возможности почесать там, где чешется, – это одна из самых страшных пыток в мире. Может быть, его, спящего, укусил комар, может быть, по носу пробежал муравей, может быть, даже намеревался вскочить прыщ какой-нибудь, – не важно… главное, что Лев Оболенский всеми мыслимыми и немыслимыми усилиями поднял казавшуюся эфемерной руку и упоённо поскрёб переносицу. Оба голоса дружно слились в единый вздох то ли умиления, то ли разочарования. Не прерывая почёсывания, наш герой открыл наконец глаза. И… закрыл почти сразу же, так как увиденное ничуть его не обрадовало. Вроде бы он лежит абсолютно голый на старом, давно не стиранном одеяле, прямо на полу в грязнейшей хибарке, а рядом с ним препираются, сидя на коврике, два странных субъекта. Один маленький и какой-то коричневый, другой высоченный и чёрный, как негр.

– Вай дод! У него ещё и глаза голубые?! О недоношенный

щенок чёрной пустынной лисы, я в последний раз тебя спрашиваю: кого ты мне притащил? Кожа белая, как брюхо у лягушки; плечи широкие, как у бурого медведя; пальцы тонкие, как у продажной женщины; глаза голубые, как… О, храни аллах, какой урод!!!

– Там, где я его брал, все такие страшные…

Вот тут уж господин Оболенский не сдержался. Во-первых, он решительно открыл глаза и огромным усилием воли сел. Голова сразу закружилась, но он не позволил себе даже малейшего проявления слабости. Во-вторых, Лев набрал полную грудь воздуха, чтобы обрушиться на грубиянов, но не успел. Он неожиданно поймал себя на том, что смотрит сквозь чёрного гиганта, словно бы тот был не из плоти и крови, а из закопчённого стекла.

– Господи Иисусе… – изумлённо сорвалось с его губ.

– Ва-а-х… – на почти истерическом писке выдавил старый, как карагач, дедок в застиранном халате и драной чалме. – Так он ещё и неверный! Христианин! О жёлтые почки протухшего верблюда, ты что, не мог найти кого-нибудь в мусульманском мире?! Сейчас же отнеси его обратно!

– Это второе желание? – уточнил джинн. – Тогда слушаю и…

– Не-е-е-т!!! – быстро опомнился старик, обеими руками цепко схватив Оболенского за ухо. – Он – мой! Я передумал! Вай… позор на мою седую голову… Как я могу подготовить себе достойную замену и навек отрешиться от дел, посвятив помыслы Аллаху, если бестолковый джинн приволок мне такое чудовище…

– А… вы о ком это? – Праведный гнев Льва мгновенно улетучился, сменившись скорее жадным любопытством, усугубившимся тем, что в голове у него было абсолютно пусто. И пусто, к сожалению, в самом страшном смысле этого слова…

– Вай мэ… – безнадёжно махнул рукой словоохотливый владелец чалмы. – Куда деваться, брать, что дают… Скажи мне своё имя, о страшнейший и уродливейший из всех юношей Багдада!

– Не помню… – неожиданно для самого себя выдал наш герой.

– Как так не помнишь?!

– Так… не помню. И ухо моё отпустите, пожалуйста.

– Кто ты такой? Кто были твои родители? Чем ты занимаешься, какому ремеслу обучен? Откуда родом?

– Не знаю. Не помню. Понятия не имею, – честно отвечал Лев, а старичка, похоже, вот-вот должен был хватить сердечный приступ.

– Ходил ли в медресе? Читал Коран? Чтишь ли Аллаха,

всемилостивейшего и всемогущего?!

– Хозяин, он же христианин… – тихо вмешался Бабудай-Ага, но тут же получил своё.

– А ты вообще молчи, тяжёлый аромат коровьего помёта! Я просил доставить ко мне умного, красивого, вежливого юношу из хорошей семьи, с благородными манерами, правоверного мусульманина… А это что?! Неизвестно кто, неизвестно откуда?!

– Тот, кого ты описываешь, аксакал, ни за что на свете не согласился бы стать вором, – резонно возразил джинн. – А этот молодой человек будет в твоих руках послушней глины под пальцами умелого гончара.

– Я вспомнил! Вспомнил! – Обсуждаемый объект подпрыгнул на тряпках и выпрямился во весь рост. – Я – Лев Оболенский!

Глава 2

Тут я понял – это джинн, он ведь может многое…

Он ведь может мне сказать – враз озолочу!

Ваше предложение, говорю, – убогое.

Морды будем бить потом, я вина хочу!

В. Высоцкий. Из куплетов к «Старику Хоттабычу»

К сожалению, это оказалось единственным, что злая судьба даровала бывшему помощнику прокурора. Он сумел вспомнить только своё имя, ни больше ни меньше… Быть может, джинн как-то неправильно провернул волшебное заклинание или удар затылком об обледеневший асфальт не прошёл бесследно, – беднягу поставили перед свершившимся фактом. Лев абсолютно ничего не помнил, но врождённый оптимизм и непоколебимая вера в собственные силы всколыхнули в нём ту неистребимую, вечную жажду жизни, столь характерную для каждого истинно русского человека. Пусть он ничего не помнит и не знает, пусть он наг и одинок, но руки и ноги пока целы, голова на месте, а значит, он сумеет найти своё место даже в этом чужом мире! И ещё посмотрим, кому будет хуже…

Старика в чалме звали Хайям ибн Омар. Лев был убеждён, что где-то уже слышал это имя, но, естественно, никак не мог припомнить, где? Характер у старого Хайяма был вздорный, внешность – вроде сморщенной луковицы с козлобородой порослью. Как понял Оболенский, в молодости дедок отличался завидной крутизной нрава и наводил шороху везде, где мог. То ли был великим разбойником, то ли вором, то ли аферистом, в общем, крупным спецом по криминальной части… На старости лет начал пить, отсюда впадать в философию, пописывать нравоучительные стишки и вести в целом законопослушный образ жизни. В те времена власти решили ужесточить режим контроля над преступным элементом – и многие друзья и ученики старика были казнены на плахе без всякого суда и следствия. Бывший «авторитет» поклялся отомстить, но не сносить бы и ему головы, если бы по воле всемогущего Аллаха не обнаружил он в одном из старинных кувшинов не вино, а

настоящего джинна! Бабудай-Ага выполз из горлышка пьяным в стельку, на радостях пообещав дедуле исполнить три его желания. Умудренный долгими часами размышлений над пиалой с креплёными напитками, Хайям ибн Омар принял судьбоносное решение – найти себе достойного преемника и, передав ему всё своё мастерство, спустить этот бич божий на мирно спящий эмират. Всё ещё не совсем протрезвевший джинн отправился на поиски и… доставил в близлежащие от Багдада пустыни того самого Льва Оболенского, чьё тело на данный момент в состоянии комы возлежало под капельницей в НИИ Склифосовского. Как получилось, что один человек одновременно находился и тут и там, до сих пор никто не сумел более-менее связно объяснить… Джинн за дорогу быстренько выветрил из головы весь алкоголь, а его теперешний хозяин, не переставая ругаться и жаловаться, носился взад-вперёд по хижине, лихорадочно размышляя: куда бы теперь пристроить этого голубоглазого великана? Внешность Льва мгновенно стала его минусом, а вот потеря памяти, наоборот, плюсом, ибо представляла поистине неограниченные возможности. Чем дедушка и не преминул воспользоваться…

– О возлюбленный внук мой, пользуясь благорасположенностью Аллаха, я спешу раскрыть тебе тайну твоего рождения. Будь проклят шайтан, лишивший тебя памяти… Но преклони свой слух к моим устам и внимай, не перебивая. Ты родился в славном роду великих воров Багдада!

– Вот блин… Саксаул, а ты точно уверен, что мои предки были большими уголовниками?

– Не саксаул, а аксакал! Аксакал – пожилой, уважаемый человек, а саксаул – это верблюжья колючка! Сколько можно повторять, о медноголовый отпрыск северных медведей?!

– Ладно, не кипятись… Я ж не со зла, просто слова похожие…

Старый Хайям мысленно вознёс молитву к небесам, прося даровать ему долготерпение. На самом деле Лев постоянно ставил своего учителя в тупик совершенно незнакомыми и явно немусульманскими словечками. Нет, память так и не вернулась к нашему герою, но его речь навсегда осталась яркой и самобытной речью молодого россиянина нашего века, Оболенский ни за что не мог бы объяснить, что означает то или иное выражение, но к нему быстро вернулся столичный гонор и особый, присущий только москвичам, «чёрный юмор», чаще приписываемый врачам и юристам.

– О'кей, дедушка Хайям! Общую концепцию я уловил, можешь лишний раз не разжёвывать. Родоков себе не выбирают, примиримся с тем, что есть. Ты только поправь меня, если я

собьюсь с курса партии… Итак, как я тебя понял, все мои предки по материнской линии были валютными аферистами и мастрячили полновесные динары из кофейной фольги. Папашка был карманником, дед – конокрадом, дядя ввел рэкет на караванных тропах, и громкое имя Оболенских громыхало кандалами от Алма-Аты до Бахчисарая. Кстати, как там фонтаны? А, не важно… Стало быть, я с малолетства был передан тебе на воспитание и заколдован злым ифритом, чтоб ему охренеть по фазе конкретно и бесповоротно! Я правильно так цветисто выражаюсь? За пять с лишним лет эмир Багдада публично репрессировал всю мою родню, и они сгинули на Соловках. Тебе же удалось скрыться, подкупить Бабудай-Агу и в конце концов вернуть меня к жизни как общественно полезного члена коллектива. Верблюд моих мыслей дошёл до колодца твоего сознания, не рассыпав по пути ни зернышка смысла из хурджинов красноречия?

– Ва-а-х, как он говорит, хозяин… – восхищённо прищёлкнул языком чёрный джинн. – Клянусь аллахом, у него за плечами целых два медресе!

– Я понял только про верблюда, – сухо откликнулся Хайям, но Льва это ничуточки не обескуражило.

– А теперь ты хочешь, чтобы я, как праведный сын нереабилитированного врага народа, взял в руки меч возмездия и обкорнал им бороду эмира? С моей стороны – нон проблем, вопрос лишь в отсутствии специальных навыков. Чёй-то мне кажется, что мой батяня не особо утруждался образованием отпрыска…

– Что ты хочешь сказать? – окончательно запутался дед.

– Я воровать не умею, – честно улыбнулся Оболенский.

– Ах, это… – безмятежно отмахнулся Хайям, и его узловатые пальцы сделали тайный знак навострившему ушки джинну. – Знай же, мой возлюбленный внук, что на самом деле ты являешься величайшим и искуснейшим из всех воров Багдада!

– Не может быть…

– Бабудай-Ага, подтверди! – торжественно приподнялся старик, и джинн, пробормотав привычное «слушаю и повинуюсь», кивнул, скрестив руки на волосатой груди. Массивное золотое кольцо в его носу даже задымилось от напряжения, а Лев ощутил лёгкое покалывание в кончиках пальцев. В хижине потемнело, огонь в очаге пригнулся, словно прячась от ветра, где-то далеко громыхнули раскаты грома… Потом всё как-то резко оборвалось, на секунду вообще все звуки пропали.

Хитро сощурив и без того невозможно узкие глаза, старый азиат подсел поближе и протянул ладонь. На ней тускло

поблёскивала маленькая медная монетка…

– Смотри сюда, видишь – это таньга. Сейчас я её спрячу, отвернись. – Хайям подумал, ощупал чалму, похлопал себя по бокам, порылся в лохмотьях драного халата и, едва удерживаясь от самодовольного хихиканья, спросил: – Ну, умнейший из молодых юношей с двумя медресе за плечами, где таньга?

– Вот… – Оболенский простодушно разжал кулак, демонстрируя лежащую у него на ладони денежку. Хайям ибн Омар буквально окаменел от такой непревзойдённой наглости, а Бабудай-Ага повалился на пол, гогоча, как сумасшедший:

– Он… он обокрал тебя! Клянусь аллахом, хозяин… этот человек и есть настоящий Багдадский вор! Вай мэ, вай дод, уй-юй-юй!!!

Глава 3

Даже лев может подавиться
костью убитого им зайца.

Безутешная вдова-львица.

Вы наверняка задаётесь логичным вопросом: каким образом русский человек так легко и непринуждённо заговорил на древнеарабском или персидском? Увы, мне нечем удовлетворить ваше любопытство… В первую очередь потому, что сам Лев этим таинственным обстоятельством заинтересовался только после того, как я лично его об этом спросил. Оболенский крепко задумался и в недоумении развёл руками – удобнее всего было бы свалить всё на безответственного джинна, тот всё равно не может за себя заступиться… Хотя лично я склоняюсь к одной из версий множественности миров: обычно человек, попадая в некое параллельное измерение, с удивлением обнаруживает способность говорить на всех местных наречиях. В самом деле, если бы владение языком Лев получил от чернокожего Бабудай-Аги, то что мешало джинну даровать ему и полное знание обычаев, традиций, религии и сложных общественных взаимоотношений Востока? Но, как нам известно, говорить Оболенский мог, а вот относительно всего прочего…

– Покажись, о мой высокорослый внук, дай мне ещё раз на тебя полюбоваться! Ах, вай мэ, ты горечь моей печени и печаль селезёнки… Легче одеть в халат самый большой минарет Бухары, чем тебя! А теперь повернись… Не-е-т!

«Хр-р-р-р-п-ш-уп!» – с тихим предательским треском сообщили рукава, превращая халат в жилет. Лев сплюнул, помянул шайтана и попробовал присесть. «Хр-р-р!» – раздалось снова…

– М-да… это не джинсы «Леви страус», – раздумчиво признал Оболенский. – Дедушка, ты мне такие колготки больше не бери, я из них вырос. Давай смотаемся до ближайшего фирменного магазина и купим мне приличные брюки.

– У, дебелый нубийский бык… – прикрыв ладонями лицо, простонал Хайям. – Внук мой, ты же вор! Тебе нельзя ничего покупать, ибо это недостойно и оскорбительно для представителей нашего ремесла. Ты можешь только красть!

– Как скажешь, саксаул…

– Аксака-а-л!!! Вай дод, что я буду делать с этим

недоношенным царём зверей?! Меня поднимет на смех весь Багдад! Как ты сможешь отстоять семейную честь против Далилы-хитрицы или даже самого Али Каирского? Я уж не говорю о сотне молодцов Шехмета из городской стражи… Тебя поймают, как только ты сделаешь первый шаг из нашей благословенной пустыни в сторону караванных троп!

– Японский городовой, так мы ещё и в пустыне?! – ахнул Лев, впервые за последние два часа заинтересовавшийся тем, что находится за порогом стариковской хижины. Откинув полог, он решительно шагнул наружу и замер, сражённый… Стоял тёплый летний вечер. По линии горизонта, насколько хватало взгляда, высились золотые барханы, с одной стороны залитые оранжевым светом заката, а с другой – играющие глубокими голубыми тенями. Небо над головой казалось пронзительно-синим и кое-где уже искрилось праздничными хрусталиками звёзд. А воздух… Какой освежающий воздух бывает в пустыне на исходе дня! Потомственный русский дворянин, Багдадский вор, Лев Оболенский долгое время молчал у забытой богом хижины, восторженно вглядываясь в бескрайние пески и размышляя, почему же всё это кажется ему таким новым и незнакомым…

Хайям ибн Омар поставил эту грубую конструкцию из жердей, шкур и почерневшего войлока ещё в незапамятные времена, когда был куда моложе своего нынешнего «внука». Невысокая гранитная скала сзади укрывала жилище от ветра и дарила тень. Три пальмы, старый колодец, дававший не больше одного ведра воды в день, да скудные запасы муки и риса – вот и всё хозяйство. На самом деле у Хайяма был маленький домик в Бухаре, где он доживал последние годы в обнимку с кувшином, а о старом убежище в пустыне он вспомнил, лишь когда в пьяном угаре поклялся Аллаху найти, для усмирения гордыни эмира, нового, молодого преемника. Всё остальное вы знаете, а потому продолжим…

– Дедуля! Всё, вернулся я. Надышался чистым воздухом и вновь припадаю к стопам твоей мудрости с пылкими лобзаниями…

Оболенский широко распахнул объятия и, поймав не ожидавшего ничего подобного Хайяма, от души прижал старца к могучей груди. Аксакал трепыхался и дёргал ногами в тапочках. Бесполезно… Лев выпустил несчастного, лишь до конца исчерпав весь запас внучатой любви. Потом, прищурясь, огляделся и шагнул ко второй безответной жертве:

– Бабудай-Ага, какого лешего?! Сидишь тут у огня, уже чёрный весь, копаешься в золе, словно Золушка какая… Давай украдём где-нибудь ящик пива и хряпнем за знакомство?!

– И думать не смей, шайтан кудрявый! А ты куда?! Сядь! На место сядь, о глупейший из джиннов… – мгновенно очнулся старик, как только Бабудай охотно вскочил на ноги, с благодарностью принимая предложение Льва. – Что ещё ты придумал, неразумный отрок?

– А что не так? Я же вроде правильно сказал: «украдём»! Честь профессии превыше всего…

– Остановись! – строго и торжественно попросил Хайям ибн Омар, и на лицо его опустилась тягостная тень воспоминаний. – Послушай старого человека, и ты поймёшь, как страшно расходовать талант, дарованный тебе Аллахом, на низменные цели. Христиане говорят, что «благими намерениями вымощена дорога в ад». Любой мулла подтвердит тебе, что «Мухаммед осеняет благодатью каждого, кто хочет его слушать. Кто не хочет, не услышит слов пророка. Но шайтан сам лезет в уши и к тем и к другим!». По сути своей это одно и то же… Эмир Багдада решился на праведное дело – он возжелал искоренить порок. Любой вор должен получить свою кару! И они получили… Все, от мала до велика. Прощенья не было никому. Сначала виновному отрубали руку… Джигит, укравший у бая коня для уплаты калыма; старик, подобравший плод, упавший с ханского дерева; женщина, схватившая горсть овса для голодных детей; ребёнок батрака, утолявший жажду из арыка богатого соседа… Стражники волокли всех! Ибо порок должен быть наказан, и праведность торжествовала победу на залитых кровью плахах… От закона не уходил никто, и перед законом эмира все были равны!

– Э… я, наверное, хочу извиниться…

– Молчи! Кто тебя учил перебивать старших?! – прикрикнул старик, но, глянув на поникшего Льва, смутился и даже погладил его по голове. – Прости меня, о мой непослушливый внук… Я дряхлый, выживший из ума верблюд, брызгающий слюной на всё, что не поддаётся его пониманию. Ты – молодой, горячий, на твоём челе печать избранности… Прошу тебя – не трать своих сил в погоне за отражением луны в колодце, но накажи эмира!

– Да я всего лишь…

– Накажи его! Достойно накажи самого могущественного человека нашего Багдада. Ты должен это сделать, ибо, не удовлетворившись отрубанием рук, великий Селим ибн Гарун аль-Рашид приказал рубить головы!

– Что?! – обомлел Лев. – Даже детям?

Хайям и Бабудай-Ага скорбно кивнули. Не будем врать, будто бы Оболенский всю жизнь был праведным поборником справедливости, как, впрочем, и вместилищем всех грехов… Нет, в его русской душе одновременно уживались и буйный гнев, и

братская любовь, и врождённое благородство, и лихое пренебрежение условностями, а кроме того, у парня было большое сердце… Сталкиваясь по роду своей профессии с разными уголовными маньяками, он яростно ненавидел всех негодяев, избиравших жертвой наиболее слабую и беззащитную категорию – невинных детей.

– Дедушка Хайям, шутки побоку, что я должен сделать? Обворовать эмира?!

– Этого мало…

– Замочить его в сортире? Ну, в смысле убить…

– Ай-яй, зачем говоришь такие слова? Ты же вор, о мой бестолковый, но уже почти любимый внук! Вор, а не убийца. Ложись спать. Завтра тебе предстоит долгий путь в славный город Багдад, да сохранит его Аллах вечно. Что же касается эмира… Я назову тебе имя человека, при помощи которого ты смешаешь грозного Селима с придорожной грязью. Но это – завтра! Сейчас – спи.

– Э… господин, – шёпотом поинтересовался джинн, когда Оболенский со вздохом попытался поудобнее устроиться на старой кошме, – а что ты там говорил о каком-то пиве?

– Пиво… – попытался припомнить Лев, облизывая губы. – Пиво – это, брат… это – религия! И пить его надо непременно ящиками…

– Ва-а-й, но Аллах запрещает правоверным пить вино!

– Вино? Правильно запрещает, – сонно кивнул будущая гроза Багдада. – Но пиво… Пиво Аллах пьёт! И ещё как! Можешь мне поверить.

На том и уснули. Льву снилась заснеженная Москва, троллейбусы, Арбат, храм Христа Спасителя, только он всё равно не помнил, где это находится… А пробуждение было ранним…

Глава 4

Верь в себя, ибо без воли Аллаха
и волос не упадет с головы твоей.

Слабое утешение лысых.

Чёрный джинн растолкал его, когда солнце ещё только-только высунуло первые лучики из-за самых дальних барханов. Старый Хайям уже был на ногах и что-то укладывал в потёртый полосатый мешок. Заспанному Льву сунули в руки кусок сухой лепёшки и горсть липкого урюка. Умыться не позволили, экономя воду, но вдосталь напиться дали. На этот раз отошедший от дел составитель рубай был категорично немногословен, на вопросы отвечал односложно либо вообще отмалчивался, отворачиваясь в сторону. Как более-менее выяснил Лев, Хайям ибн Омар намеревался отправить его в Багдад, а сам перенестись, с помощью джинна, куда-то на отдых. Тот факт, что его «уважаемый дедушка» едет на курорт, оставляя единственного «внука» мстить всемогущему эмиру, Оболенского нисколько не напрягал. Выросший в суровых условиях российской столицы, молодой человек полагал совершенно естественным то, что его, словно слепого котёнка, бросают одного в самую гущу водоворота жизни. Да нормально… Наоборот! Если бы старик уговаривал его остаться, Лев наверняка бы сбежал сам – сидеть на шее пожилого человека он не позволил бы себе никогда. А потому он потуже затянул пояс кое-как восстановленного халата, подтянул дырявые штаны, сунул ноги в разбитые чувяки и с лёгким сердцем шагнул за порог хижины.

– Мешок возьми, – напутствовал его Хайям, и в глазах старика предательски блестели искорки влаги, – там еда, воды немного. Вот деньги еще, три дирхема медью… не спорь! Бери, купи себе место в караване. Через два дня будешь в великом Багдаде, а там уж решай сам… Я не смогу о тебе позаботиться.

– Да ладно, справлюсь как-нибудь… – беззаботно ответил Оболенский, принимая из рук джинна мешок и маленькую тюбетейку. Национальный головной убор еле-еле уместился у него на макушке, выделяясь белым узором на фоне тёмно-русых кудрей.

– У караванщиков не воруй – побьют, – сразу предупредил старик. – Скажешь караван-баши, что тебе нужно найти лавку Ахмеда-башмачника, криворукого и плешивого, как коленка. Он приютит тебя… Постарайся найти Ходжу Насреддина, это ловкий

юноша, веселит народ и успешно скрывается от слуг эмира. Целуй полы его халата и проси взять тебя в ученики. С его помощью ты одолеешь Селима ибн Гаруна аль-Рашида…

– Насреддин, Насреддин… что-то смутно припоминаю… – задумчиво пробормотал Лев. – Это не тот, что ездит на сером ослике, кидает лохов и травит байки при каждом удобном случае?

– Ва-а-х! – тихо восхитился джинн. – Хозяин, он и вправду много знает!

Хайям сердито цыкнул на него и вновь повернулся к герою нашего повествования:

– Видимо, Аллах внушил тебе тайные откровения, о которых ведают немногие… Но на прощание прими несколько мудрых советов, и, если они дойдут до твоего сердца, ты проживёшь долгую и счастливую жизнь. Не пей вина! Никогда не доверяй женщине! Почитай Аллаха всемилостивейшего и всемогущего превыше всего на земле!

– Вот те крест! Не подведу… – искренне поклялся Оболенский, широко осеняя себя крестным знамением. Старик в ужасе прикрыл глаза ладошками и тихо застонал. Похоже, все его потуги гуськом шли насмарку. Из этого северного тугодума никогда не получится настоящего вора! Но… отступать уже некуда и некогда. Дело сделано, и с чисто восточным фатализмом уважаемый Хайям ибн Омар постарался довести всё до конца…

– Вон там, за тем большим барханом, – караванная тропа. Четырнадцать вьючных верблюдов, идущих из Бухары с ценной поклажей, будут там, едва солнце вознесётся к зениту. Тебе надо спешить… Во имя Аллаха, да будет он вечен на небесах, я благословляю твой путь!

– Что ж… и тебе до свидания, дедушка Хайям. – Будущий вор попытался вновь обнять «родственничка», и тот не протестовал. – Ты пришли открытку из своего санатория, а как наотдыхаешься – звони. Или лучше сразу приезжай, я сниму какой-нибудь домик в Багдаде и буду ждать.

– Приеду… обязательно… когда-нибудь… – стыдливо опустив глаза, забормотал старик, а Лев, помахав рукой, широким шагом двинулся в направлении указанного бархана.

– Бабудай-Ага! Береги дедулю! Вернетесь вместе – с меня пиво-о…

– Он хороший человек, хозяин… – задумчиво признал джинн, когда Хайям развернулся обратно к хижине.

– Хороший… только вор из него плохой… Никудышный вор! Городская стража схватит его в одно мгновение, а значит, ещё одна голова упадёт к ногам эмира. Этот юноша уже несёт на себе

тень крыльев Азраила… Всё, больше ничего не хочу о нём слышать!

– Увы, мой господин, – криво улыбнулся чёрный Бабудай, – мне почему-то кажется, что ты ещё о нём услышишь… Клянусь шайтаном! Да мы все о нём услышим, и не раз…

А Багдадский вор – Лев Оболенский шёл себе и шёл, размашисто двигаясь к далёкому бархану, и знойное солнце Азии щедро заливало его дорогу золотом. Он не понимал, как мало подходит для той роли, что навязала ему злая судьба. Огромный рост, крупное телосложение, голубые глаза и светлая кожа – уже одного этого хватало, чтобы сделать его примерно столь же «незаметным», как медведя в гербарии. Добавьте к вышеперечисленному полное незнание Востока как такового, чисто православную набожность, редкую (но меткую!) ненормативную лексику, да плюс ещё явное несоответствие системе общественных взаимоотношений, которой он собирался противостоять… Поверьте, я вас не запугиваю. Мне самому было безумно интересно понять психологию человека, искренне намеревавшегося проломить стену лбом. Крепким, упрямым, русским лбом… Оболенский впоследствии рассказывал, будто в его светлой голове на тот момент не было ни одной, даже самой захудалой, мыслишки о том, что он может и не… победить. То есть инстинкт самосохранения отсутствовал напрочь! Льву крепко «проехались по ушам», а так как он принял весь бред коварного Хайяма за чистую монету, то и вёл себя соответственно. Он – вор? Отлично, значит, будем воровать! Он должен отомстить насаждающему законы яйцеголовому эмиру с явными садистскими замашками? Да от всей широты необъятной славянской души! Селиму ибн Гаруну аль-Рашиду лучше было бы не ждать неизбежного, а резко прятаться где-нибудь в замороженных Гималаях, приняв монашество и отрёкшись от всех земных благ. Эмир этого не сделал, он просто не знал, что по барханам пустыни уже идёт его самый страшный ночной кошмар, Багдадский вор – Лев Оболенский!

Глава 5

Пустыня – от слова «пусто».

Глубокое прозрение бедуинов.

На караванную тропу он скорее выполз… Оказалось, что это не так близко, расстояния в пустыне обманчивы. А ходить по песку совсем не то, что по асфальту: ноги проваливаются по щиколотку и быстро устают. Спустя пару часов Лев взмок, как собака, снял чувяки, сунув их за пазуху, но каждый шаг всё равно давался с большим трудом. Опытный Хайям отправил его в путь на рассвете, когда солнце ещё не вошло в силу и можно было успеть добраться до места, не рискуя изжариться живьём. Для любого жителя Средней Азии трёх-, четырёхчасовая прогулка утречком по прохладному песочку была бы сущим развлечением, но изнеженному городским транспортом москвичу это казалось разновидностью смертной казни. Оболенский не помнил, где упал в первый раз, как потерял мешок с лепёшками (воду он выдул ещё в начале пути)… и, кувыркаясь с очередного бархана, смачно ругался матом. Его лицо и руки мгновенно обгорели на солнце, став красными, словно их долго натирали наждачной бумагой. А обещанный караван спокойненько прошёл бы мимо, ибо спешил в Багдад, но Лев умудрился опоздать даже на опаздывающий караван (если так можно выразиться)… Его спасло только то, что замыкающей верблюдице неожиданно приглянулась одинокая колючка, и, пока она её дожёвывала, наш путешественник на пузе съехал вниз с соседнего бархана. Погонщик уже тянул верблюдицу назад, на караванную тропу, как вдруг узрел молодого человека, поймавшего бедное животное за хвост.

– Вах, вах… ты что делаешь, разбойник?! Сейчас же отпусти мою бедную Гюльсар, или я отважу тебя кизиловой палкой!

Оболенский кое-как поднялся на ноги, но хвост не выпустил. От жажды его горло пересохло, он пытался что-то объяснить, не сумел и в нескольких супервыразительных жестах дал понять азиату, что устал, что хочет пить, что очень торопится в столицу эмирата, что у него плохое настроение и что если погонщик ему не поможет, то…

– Ах ты, шайтан бесстыжий! – ахнул хозяин верблюдицы. – Да как ты посмел мне показывать руками такое?! Эй, правоверные!!! Саид, Ильдар, Абдулла, Бахрам, все сюда, здесь оскорбляют

мусульманина!

Лев раздражённо застонал, он же не мог предполагать, что самый демократичный язык жестов у разных народов может иметь разное значение. Караванщики сбежались на вопли товарища, как на сигнал боевой трубы. Оболенского мигом окружило человек шесть с палками, плётками, а кое-кто и с кривыми ножами за поясом. Лев уже скромненько выпустил верблюжий хвост, а погонщик всё кричал, будто его обозвали плешивым пьяницей, не имеющим рода и не знающим имени отца, да ещё и сожительствующим с собственной косоглазой верблюдицей! Все ахали, возмущённо качали головами, цокали языками и уж совсем было взялись проучить бродягу-наглеца, как в дело вмешался сам караван-баши.

– Уй! Что галдите, как вороны на скотобойне?! А ну, быстро по своим местам, негодные лентяи! – Потрясая камчой, толстый человек на низкорослой лошадке сразу разрешил все проблемы. Поняв по одежде и манере властного хамства, что перед ним начальство, Оболенский отвесил поясной поклон, присел в реверансе, отдал честь и на всякий случай ещё отсалютовал рукой на манер «хайль Гитлер!».

– Ты кто такой? – Караван-баши носил имя Гасан-бея, отличался похотливым нравом, жадностью, подлостью и всеми отрицательными качествами, приличествующими прожжённому восточному купцу. Он мигом оценил рост и сложение виновника остановки, прикинул, сколько могут уплатить за такого раба на невольничьем рынке, и, махнув плетью, приказал дать Льву воды. Оболенский тоже был не дурак и умел худо-бедно разбираться в людях, поэтому, одним глотком осушив предложенную пиалу, он тягуче заныл чем-то безумно знакомую мелодию:

– А-а-а-я, дорогие граждане пассажиры! Просю прощенья, шо потревожили ваш покой. Мы сами люди не местные, сюда приехали случайно, на вокзале у нас покрали билеты и деньги… А-а-а-я, поможите, кто чем может!

– Я спросил, кто ты такой? Отвечай, попрошайка! – Гасан-бей привстал на стременах и угрожающе замахнулся камчой. Если он привык поднимать руку на беззащитных людей, то в этот раз глубоко просчитался. Даже не моргнув глазом, благородный потомок русского дворянства вздёрнул подбородок и ледяным тоном сообщил:

– Я – агент! Специальный шпион ФСБ из тайной службы эмира. Брожу инкогнито по пустыням с секретным заданием и даю отчёт в своих действиях должностным лицам званием никак не ниже генерал-майора!

Раскосые глаза восточного купца невольно забегали под

прокурорским взглядом потрёпанного афериста. Караван-баши мало что понял, но уловил общую концепцию: этот тип слишком самоуверен для простого бродяги. Поэтому он широко улыбнулся и приветливо предложил:

– Наверное, слишком утомился в пути, раз уже не вижу очевидного. Не давай своему гневу разгореться, о храбрый юноша, пойдём со мной, и ты откроешь мне имя твоих благородных родителей.

– Ага, как же, так я тебе всё и открыл… – буркнул Лев, но за всадником пошёл, справедливо полагая, что влияние этого толстого негодяя он сумеет использовать с выгодой для себя. Ну, в самом крайнем случае просто украдёт лошадь и сбежит… Правда, ездить он не умеет, но как именно надо красть лошадей, Оболенский откуда-то знал. Спасибо джинну…

Гасан-бей и вправду принял молодого человека под своё покровительство, угостил мягкими лепёшками, овечьим сыром и даже пообещал дать вина, как только караван остановится на ночь. Лев царственно-небрежно принимал все знаки внимания, о своём «уголовном происхождении» разумно помалкивал и на неприятности не нарывался. Монеты, данные ему на дорогу дедушкой Хайямом, он так и хранил завязанными в поясе, никому ничего особенно оплачивать не собираясь. Старик немного переувлёкся, вбивая в его буйную голову этикет воровской чести. Не знающий разумных пределов, россиянин охотно впадал в крайности и мысленно поклялся себе: впредь ничего не покупать, а только красть, красть и еще раз красть! К тому же караванщики, включая погонщиков и охрану, казались такими наивными, что не обворовать их было бы просто грешно… И, невзирая на предупреждения мудрого Хайяма ибн Омара, Лев твёрдо решил этой же ночью обокрасть весь караван! Вообще-то первоначально он и сам караван намеревался спереть (в смысле, всех вьючных животных с поклажей, а также личные вещи невинных граждан), но вовремя понял, что сбагрить такой товар в пустыне будет непросто, а дорогу на Багдад он в одиночку не найдёт… Путь был долгим. Мерная верблюжья поступь выматывала до тошноты. Дважды Оболенский просто засыпал, уткнувшись носом в пушистый холм верблюжьего горба. Оба раза просыпался оттого, что его страшно кусали какие-то мелкие паразиты, которые разгуливали по кораблям пустыни, как по натёртой палубе. Солнце палило нещадно! Если бы не старая добрая тюбетейка, наш москвич давно свалился бы с тепловым ударом. Пыль летела в нос, пески казались нескончаемыми, а Лев начинал всё сильнее задумываться над одним очень принципиальным вопросом: если он родился и вырос на Востоке, как и все его предки, так отчего

же ему тут так… некомфортно?! Где-то на исходе дня Гасан-бей объявил привал, и Оболенский уже точно знал, за что он не любит свою «малую родину» – за жгучий песок, несусветную жару и блохастых верблюдов!

Глава 6

Напилася я пья-а-ной,
Не дойду я до до-ому.

Песня злостной
нарушительницы Шариата.

…Когда Гасан-бей прилюдно предложил Льву провести ночь в его походном шатре, караванщики лишь криво улыбнулись. Древние традиции восточных народов вполне официально позволяли взрослому мужчине возить с собой мальчиков для «согревания постели». И хотя возраст нашего героя давно перешагнул даже за предельные границы юношества, подобное приглашение со стороны купца не выглядело чем-то противоестественным. В самом деле, за еду, питьё и охрану следовало платить, а раз молодой человек не предлагает денег, значит, он готов расплатиться иначе. Единственной наивной душой, не ведающей, зачем его пригласили в шатёр, был сам Лев Оболенский. Где-то в самых затаённых глубинах его памяти, на уровне тонкого подсознания, отложилась мысль о том, что если тебя зовут в отдельный закуток, намекая на выпивку, – то будет пьянка! Обычная мужская пьянка, на всю ночь, с долгими разговорами о женщинах и политике, короткими тостами, гранёными стаканами, килькой, колбасой и малосольными огурцами. Потом короткий сон, мучительное похмелье, пустые карманы и смутное ощущение полной амнезии… Примерно это и считается в России – «хорошо посидеть». У Гасан-бея были иные планы…

– О мой юный друг, давай вместе откупорим кувшин этого старого вина и, воздав хвалу Аллаху, наполним маленькие, китайского фарфора пиалы, дабы сердца наши возвеселились, а уста возрадовались!

– Хороший тост, – сразу же согласился Лев, удовлетворённо разглядывая накрытый купцом дорожный дастархан. – Только пить из этих пипеток я не буду – это ж срамотища полнейшая! Неужели нельзя достать нормальную посуду?

Караван-баши подумал и освободил двухлитровую миску из-под винограда.

– Годится. И себе что-нибудь поприличней возьми. Я ж не забулдыга какой… Будем пить на равных!

– Конечно, о мой юный друг!… Разумеется, о краса моих очей! Как ты захочешь, о немеркнущий светоч моего счастья! –

радостно подтвердил Гасан-бей. Будучи сорокалетним мужчиной, опытным в делах такого рода, он наверняка надеялся, что после первой же миски молодой человек опьянеет и сдаст все позиции. Ну что ж… видимо, до этого момента он ни разу не пил с россиянином. В течение первого часа из шатра доносились поэтично-витиеватые славословия и громкий голос Оболенского грозно настаивал на том, что тостуемый пьёт до дна! Охрана и караванщики, ещё не успевшие уснуть, с лёгким интересом прислушивались к отдельно долетающим фразам:

– Э… не перебивай меня! Так вот, а Петька и говорит Василию Ивановичу…

– Вай мэ! Твое дыханье мирр и воздух благовонный! Твой стан – как кипарис, тебе подобных нету…

– А вот тебе, браток, лучше дышать в сторону… И насчет стана ты перебрал, но… в целом мне нравится! Давай ещё за добрососедские отношения?

– Твой взгляд как лик реки, рассвету отворённый! И тело – как луна по красоте и свету!

– Гасан, я щас прям краснеть начну…

Примерно спустя ещё минут сорок из шатра пулей вылетел красный караван-баши. Бочком-бочком, просеменив к сложенным тюкам с товаром, он вытащил ещё один кувшин и, честно стараясь держать равновесие, потрюхал назад. Разочарованный вопль Льва разбудил едва ли не пол-лагеря:

– Пошли дурака за бутылкой, он одну и принесёт! Нет, ну ёлы-палы… дай сюда, я сам разолью!

Теперь уже многим оказалось не до сна. Голос Гасан-бея звучал всё визгливее и односложней, с заметным спотыканием и искажением падежей. Мужественный рык Оболенского, в свою очередь, только наполнялся благородной медью, а тосты, потеряв в размере, поражали лаконизмом и значимостью:

– За Аллаха! За его супругу! Как нет супруги?! Тогда за детей! Дети есть, точно тебе говорю… Мы – его дети! За мир во всём мире! Хрен шайтану! Да здравствует товарищ Сухов! За улыбку твою! За Мухаммеда! За… чё, всё кончилось?! Гасан… это несерьёзно! Идём вместе…

На этот раз из-под откинутого полога вышел только Лев, счастливого в зюзю купца он почему-то выволок с другой стороны, приподняв тряпичную стену. Потенциальный насильник и неупоимая жертва в обнимку добрались до тюков и, невзирая на осуждающие взгляды истинных мусульман, уволокли с собой сразу три кувшина. Часом позже на ногах был уже весь лагерь! Проснулись даже невозмутимые верблюды. Хотя животные и утомились долгим переходом, но спать, когда пел Оболенский…

не смог бы никто! Даже сам Лев ни за что не сумел бы вспомнить, откуда он знает тексты таких популярных на Востоке песен, как «Катюша», «Задремал под ольхой есаул молоденький», «Мальчик хочет в Тамбов» и классическую битловскую «Йестудей». Пьяно аккомпанирующего ему на пустом кувшине Гасан-бея это тоже нисколько не волновало… Но самое главное, чуть-чуть подуспокоившись и добив остатки вина, наш нетрезвый герой откровеннейше признался собутыльнику, что он – вор! В ответ на это еле ворочающий языком купец, косея от усердия, шёпотом признал, что он – тоже! Всласть похихикав над этим страшно весёлым совпадением, оба умника дружно порешили сей же час пойти и всех ограбить… В смысле, обокрасть на фиг весь караван! Благо обнадёженные минутным затишьем люди, как убитые, повалились спать… Воспользовавшись этим приятным обстоятельством, алкоголики на четвереньках кое-как выползли из походного шатра и пошли на «дело». Гасан-бей пьяненько хихикал, потроша дамасским ножом тюки со своим же товаром. Лев нашёл где-то большой мешок и пихал в него всё, что плохо лежит. Впрочем, и что хорошо лежало, тоже не миновало мешка – порхающие пальцы «искуснейшего вора» виртуозно освобождали спящих от любых материальных ценностей. Особенно Оболенскому понравилось красть тюбетейки. Почему именно их? Попробуйте спросить пьяного – вот втемяшилось, и всё! Когда мешок был практически полон, к молодому человеку, пританцовывая, дочикилял караван-баши. Судя по всему, он никогда в жизни не был так счастлив… Аллах действительно запрещает мусульманам пить вино, и правильно делает! Ибо по четыре с лишним литра на брата выдержанного креплёного красного уложат кого угодно, а уж эти двое оторвались от души… Гасан-бей напялил поверх дорогого халата чью-то рваную доху и завязал лицо чёрной газовой тканью, имитируя мавра. Ему это казалось очень смешным, и Лев вежливо похохотал вместе с главой каравана. После чего, вспомнив, что в шатре ещё что-то осталось, он опрометью бросился за вином. Кстати, зря… всё кувшины были пусты, и Оболенский, матерно определив несовершенство мира, рухнул, как дуб в грозу, уснув совершенно непробудным сном. Здесь комедия заканчивается и начинается трагедия… А начинается она с того, что хитроумный Гасан-бей, изображающий мавра, тоже поперся в шатёр, но по дороге споткнулся о двух погонщиков, и без того подразбуженных грозовыми раскатами Лёвиного негодования… Узрев с полусонья несуразно одетого незнакомца с рулоном размотанной парчи под мышкой и ножом в руке, караванщики мигом сообразили, что происходит:

– Вай дод! Караул!! Грабят!!! Вставайте, правоверные, держите вора-а-а…

Глава 7

На хорошем воре – чалма не горит.

Профессиональный фокус.

Глава бухарского каравана едва не задохнулся от пьяного смеха, глядя, как вокруг него быстренько группируются невыспавшиеся погонщики верблюдов. Ему-то наверняка казалось, что его сразу узнают и разделят веселье, видя, какую смешную шутку отчебучил их благородный господин… Гасан-бей не учёл скудного ночью освещения, своего маскарадного костюма и, самое главное, огромного мешка, валявшегося у его ног. Да, да, того самого, в который гражданин Оболенский старательно складывал всё, что успел умыкнуть у тех же караванщиков. На голову нарушителя заповедей Аллаха была наброшена драная кошма, а кизиловые и карагачные палки в умелых руках погонщиков споро взялись за работу, выколачивая из кошмы пыль. Ну и попутно вколачивая в «бессовестного вора» уважение к Корану… Бедный Гасан-бей взвыл дурным голосом! Причём, на свою голову, настолько дурным, что народ сразу догадался: в кошме завернут сам шайтан! (Ибо человек так орать не станет, а уж правоверный мусульманин тем более.) Поэтому, дружно призвав на помощь Аллаха, погонщики удвоили усилия. Масло в огонь подлило ещё и отсутствие караван-баши. Двое пареньков помоложе быстренько сбегали к походному шатру, но внутрь заглядывать не решились, так как доносившийся богатырский храп ясно свидетельствовал о том, что спальное место не пустует. А «шайтаноподобного вора» связали, не вынимая из кошмы, и, посовещавшись, отложили до утра, на справедливый суд уважаемого Гасан-бея. Шум утих, украденное имущество кое-как разобрали, и лагерь быстро впал в короткий и сладкий предрассветный сон. А уж что началось утром, когда стонущий с похмелья Лев выпал из шатра, шумно требуя подать сюда его друга Гасана… Когда он собственноручно развязал кошму с побитым собутыльником и караван-баши клялся святой бородой пророка Мухаммеда, что он всех тут поперезарежет… Когда, после массовой экзекуции теми же кизиловыми палками, погонщики, почесывая задницы, гадали, кто же на самом деле воровал тюбетейки… Об этом можно было бы расписывать долго, но зачем? И без того наше повествование напоминает мне длинную дорогу в пустыне, где усталый взгляд путешественника

замечает любую, самую маленькую деталь однообразного пейзажа, а вечера у костра услаждают слух чужеземца дивными сказками Шахерезады… Всё хорошо в меру, и описательность тоже, – для нас главное, что вечером того же дня караван Гасан-бея вышел к славному городу Багдаду. Но заночевать пришлось у его стен… По указу эмира городские ворота запирались на закате. Опохмелённый с утра Оболенский, подумав, счёл, что это ему только на руку, так как снова страшно хотел хоть что-нибудь украсть. Тащить весь караван не имело смысла, но и не спереть совсем ничего – тоже не радовало душу. Истинный вор не имеет права на лень и праздность, однако прежде стоило запастись полезной информацией. И Лев отправился на поиски активно избегавшего его Гасан-бея…

– Что тебе надо, о лукавый искуситель?

– А хорошо ведь вчера посидели, Гасанушка…

– Вай мэ, думай, что говоришь, а?! Да на мне места живого нет!

– Так я и говорю: лучшее лекарство – накатить на грудь по пол-литра и завтра с утречка встанем, как огурчики!

Караван-баши долгим взглядом посмотрел в голубые глаза Оболенского, безуспешно пытаясь отыскать там хоть каплю стыда. Ага… как же! Если ему что и удалось разглядеть, так это только наивно-детское удивление, ибо, как говорят в России, «долог день до вечера, если выпить нечего».

– Нет больше вина.

– Что, совсем нет?!

– Совсем! – отрезал купец. – О Аллах всемилостивейший, ты видишь с небес все мои поступки… Подскажи, чем я оправдаюсь перед начальником городской стражи, благородным господином Шехметом? Он велел привезти ему пять кувшинов дорогого шахдизарского вина. Из уважения к его должности и горячему нраву я закупил сразу шесть…

– Минуточку, – мгновенно подсчитал Лев, – а мы вчера выпили только пять. Гасан, ты зажмотничал от друга ещё один кувшин!

– Нет! Не дам! Ни за что не дам! Совсем меня погубить хочешь?! – взвыл караван-баши, и погонщики с охранниками встали на его сторону. Они вообще смотрели на Оболенского с неприязнью… Во-первых, им дорогого вина не довелось попробовать ни глоточка, а во-вторых, белокожему нахалу не досталось и капли того, что с лихвой получил каждый в злополучном караване, – гибких кизиловых палок!

Лев помрачнел, но сделал ещё одну попытку к примирению:

– Тогда, может быть, зафинтилим куда-нибудь к девочкам?

Где тут у вас ближайший гарем?…

– Во дворце багдадского эмира… – едва не задохнувшись от ужаса, выдал Гасан-бей, а уже через минуту завопил в полный голос: – Разрази тебя шайтан, о коварнейший из агентов! Ты что, прислан вести среди мусульман крамольные речи и тайно докладывать о тех, кто внимал тебе с радостью?! Истинно правоверный даже помыслить не дерзнёт о гареме эмира…

– А он большой? – шёпотом уточнил молодой человек.

– Да как смеешь ты спрашивать о том, куда и весеннему ветру нельзя заглянуть без воли великого Селима ибн Гаруна аль-Рашида?! – охотно завёлся караван-баши, а все, кто присутствовал при разговоре, навострили уши и вытянули шеи. – Гарем повелителя нашего – святое место, ибо отдыхают там дочери Востока и Запада, Севера и Юга. Золотоволосые красавицы румийки, с телом розовым, словно нежная плоть раковины. Чернокудрые индианки, натирающие себя благовониями и красящие ступни ног в красный цвет. Желтокожие прелестницы Китая, коим нет равных в искусстве любви и управления энергией «ни». Крутобёдрые персидские танцовщицы, чей живот сводит мужчин с ума. Чёрные нубийки, известные ненасытной страстью, а также тем, что к ним не выйдешь без плётки. Синеглазые славянки, чья верность известна повсеместно, как и умение пить араку. Стройные девушки Аравии, выжженные солнцем до цвета меди, с тугими грудями и множеством браслетов на руках.

– Ещё! – воодушевлённо зааплодировал Оболенский, пока Гасан-бей переводил дух. На этот раз Льва поддержал одобрительными выкриками весь караван. Бедного купца затрясло, он закусил рукав халата и опрометью бросился в свой шатёр, дабы не рассказать ещё чего лишнего… Поняв, что продолжения не будет, недовольные слушатели разбрелись по своим местам, укладываясь спать. Начинающий вор никуда не пошёл, в шатёр не звали, куда-то ещё – тем более, да и не очень-то хотелось… Лев привалился спиной к тёплому боку верблюдицы Гюльсар и, мечтательно глядя на чистейшие звёзды Востока, строил деловые планы на завтрашний день. Конечно, надо бы в первую очередь найти башмачника Ахмеда и выяснить у него насчёт Ходжи Насреддина. Однако, с другой стороны, после пышных восхвалений достоинств гарема гражданина эмира никого искать уже не хотелось. Оболенский понял, что главной достопримечательностью Багдада является гарем градоначальника. А следовательно, это самое первое, что стоит посетить завтра же. И никак не откладывать в долгий ящик…

Глава 8

Глядя на человека, верблюд
может только плеваться…

«Гринпис».

Честно говоря, мне самому интересно, откуда у простого бухарского купца такие сведения… Оболенский впоследствии уверял, будто бы очень многие коммерсанты того времени имели по несколько жён, причём в разных странах. А ведь кроме того были ещё наложницы, рабыни и просто «дарительницы удовольствий». Так что о качествах женщин Гасан-бей действительно мог знать немало. Ну а то, что в гареме самого эмира собраны красотки со всех концов света, однозначно не подлежало сомнению! Так считали все, ибо это было признаком богатства и знатности. Думаю, что и сам эмир охотно поддерживал такие слухи…

Помечтав примерно до полуночи, Лев взялся за работу. Надо признать, что, будучи по натуре царственным сибаритом, он всё-таки умел трудиться и не ленился приложить руки к достижению собственного блага. Ещё в пути, выяснив, что за проход в город придётся платить страже пошлину, наш герой быстренько прикинул план наиболее экономного проникновения в Багдад. С этой целью он скромно подкатился к костру шестерых охранников. Те, естественно, не спали, а тихо потрошили барашка, дабы скоротать ночь не на голодный желудок. Оболенского они к столу не пригласили, но он нечто подобное и предполагал, а потому, потолкавшись у них на виду, очень громко и несколько раз повторил, что ляжет спать поближе к верблюдам. Никто и не заметил, как, уходя, Лев стащил небольшой кусок сырой бараньей печени. Дальше было совсем просто… Подойдя к стреноженным на ночь животным, Оболенский храбро мазанул трёх-четырёх печенью по носам и, убедившись, что морды верблюдов запачканы кровью, начал снимать с себя одежду.

– Буду я ходить в этом старье, ждите… – бормотал он, стягивая узкий халат. – Вор должен одеваться прилично! В противном случае его и уважать не за что… Думаю, Гасан на меня не очень обидится. К тому же о безвременно усопших страшной смертью от зубов верблюда плохо не думают… Грех! Аллах накажет, как пить дать…

Дедушкины монеты Лев на время сунул за щёку, тюбетейку,

халат, штаны и тапки живописно разбросал по песку и, выжимая из бараньей печёнки последние капли крови, «пометил» ими всё «место преступления». После чего, аккуратно заметая следы, в голом виде допрыгал до шатра караван-баши и, порывшись в его тюках, подобрал себе более сносный костюмчик. А уж переодевшись, профессионально закатался в большой мешок с дешёвыми женскими шароварами из Китая. Да, как вы, наверное, уже догадались, заветный кувшин он благополучно перетащил с собой…

– Мне начинает нравиться это дело! Видимо, гены берут своё… К тому же настоящему профессионалу всегда нужна практика. Держись, Багдад! Я намерен красть со страшной силой! Твоё здоровье, эмир…

Утро встретило пригревшегося героя дикими воплями всего каравана. Оболенский сонно улыбнулся, удовлетворённо причмокивая губами, в то время как бледные азиаты будили друг друга рыданиями и криками…

– Вай дод! Вставайте, правоверные, Аллах отвратил от нас своё лицо… И не мешайте мне плакать!

– Что случилось, Али? Не рви халат, он у тебя последний…

– Верблюды съели мусульманина!!!

– Вай мэ! Не может быть?! Ты слышал, Ильнур-джан? Ильну-у-р…

– Уй-юй, зачем так сразу сказал? У него же больное сердце…

– Но, Саид-ага, разве верблюды кушают правоверных мусульман?

– Вах, вах, вах… Сходи сам посмотри! Ещё как кушают, даже костей не оставили… Чем мы прогневили Аллаха?!

– Зовите Гасан-бея! Всё это происки шайтана… У, бессовестные тигры в шкуре мирных животных, зачем вам понадобилось есть того приблудного юношу? Вас что, плохо кормят, да?!

Подоспевший караван-баши бросился наводить порядок, привычно размахивая камчой направо-налево. Осмотрев место «съедения» и найденные «улики» (драную одежду Льва со следами коричневых капель), а также видя перемазанные подсохшей кровью флегматичные морды двугорбых преступников, Гасан-бей сам впал в перепуганное неистовство. Если пойдут слухи о том, что в его караване кровожадные верблюды живьём сожрали случайного путника, – торговле конец! Никто и никогда не захочет иметь с ним дела, его ткани перестанут покупать, а люди обратятся в суд эмира, требуя наказать виновных. Но ведь не верблюдов же! А кого? Охранники, виновато разводя руками, подлили масла в огонь, подтверждая,

что молодой человек действительно намеревался лечь на ночлег у стреноженных верблюдов. Наверное, из-за боязни укуса скорпиона… Сентиментальные восточные люди били себя в грудь, рвали на груди одежду и посыпали головы пеплом, прося прощения у «бесприютной души усопшего». Оболенскому даже пару раз становилось как-то неудобно лежать в тюке и не присоединиться к общему горю. Хотя вскоре он захотел выйти совсем подругой, более низменной, причине (всё-таки вино – это жидкость, а полтора литра, как ни верти…), но приходилось терпеть. Гасан-бей и двое приближённых помощников где плетью, где угрозами, а где и посулами кое-как угомонили зарёванный караван. Солнце поднималось над барханами, и ворота Багдада вот-вот должны были открыться перед путешественниками. О произошедшем несчастье решили молчать, верблюдов наскоро отмыть, остатки одежд «бедного юноши» закопать, а потом во всех мечетях неустанно молить Аллаха, чтобы он забрал его душу к себе в рай. А если она и без того в раю (вкушает шербет с зефиром среди сладострастных гурий), то просить всемилостивейшего и всемогущего отпустить каравану этот грех… Ну, в смысле, тот факт, что не уберегли. На Востоке вообще отношение к путнику очень уважительное. Того, кто в пути, всегда накормят, обогреют и не откажут в ночлеге. Говорят, многие мусульманские святые (да что там, порой и сам Мухаммед – великий пророк!) ходят по пыльным дорогам в рубище бродяг и дервишей, проверяя готовность истинных правоверных к соблюдению заповедей Аллаха. Горе тому, кто откажет просящему! Поэтому, как вы понимаете, весь караван Гасан-бея пребывал в поникшем настроении…

Едва бледно-розовое солнце окрасило первыми лучами позолоченные полумесяцы на шпилях мечетей, рёв длинных сторожевых труб оповестил об открытии ворот славного города Багдада! Принарядившийся караван-баши на отдохнувшей лошадке первым подъехал к суровым и невыспавшимся стражникам, вручая начальнику караула полотняный мешочек с монетами. Хмурый бородач мрачно кивнул, дважды пересчитывая верблюдов, погонщиков и охрану, дабы никто не проскользнул сверх положенной платы. Гасан-бей был обязан препроводить всех в караван-сарай, где неподкупная таможня щепетильно проверит его людей и товары. Эмир Багдада искоренил воровство везде, где мог. А следовательно, карательные органы не дремали, проверяя и перепроверяя всех, у кого могла заваляться лишняя таньга. Какая-то часть изымаемых денег пополняла казну, всё прочее расходилось по карманам умелых чиновников, старательно покрывающих друг друга. Но тут уж, как говорится, аллах им

судья, нас же интересует совершенно другой герой… который, кстати, только что решил одну свою насущную проблему, удачно найдя применение опустевшему кувшину…

Глава 9

Говорящий правду – теряет дружбу.

Восточная мудрость.

Таможенный осмотр в те времена осуществляла городская стража под началом некоего Шехмета. Судя по всему, он и сам был разбойник не из последних, имел собственные казармы, отряд в сорок душ и творил в Багдаде натуральный рэкет. Однако чем-то глянулся эмиру, и тот благоволил ему, официально позволяя наводить свои порядки. Взамен Шехмет охотно поставлял правосудию всех воров. Или же тех, кого ему было удобно счесть ворами… Короче, лично мне Лев отзывался об этом типе крайне отрицательно. А тогда, в караван-сарае, они встретились в первый раз…

Оболенский вылез из тюка с тряпьём абсолютно никем не замеченный, чуть помятый с недосыпу. Кругом суетились люди Шехмета, выделявшиеся зелёными повязками на рукавах. Двое копались в персидских тканях, совсем рядом, и нашему герою не стоило большого труда аккуратно стырить такую же зелёную ленту и для себя. Теперь он был одним из городских стражников… А их непосредственный начальник снисходительно принимал доклад от издёрганного Гасан-бея.

– Итак, уважаемый, ты утверждаешь, что моё вино выпил бесстыжий чёрный дэв из пустыни?

– Воистину так, о благороднейший господин! Вчерашней ночью, при свете полной луны, когда я, наслаждаясь стихами бессмертного Саади, отдыхал у себя в шатре, странный шум привлёк моё внимание. Казалось, в песках пробился ручей и журчит, услаждая слух правоверных. Но стоило мне откинуть полог, как мой взор был помрачён ужасной картиной: весь караван погружён в волшебный сон, а на тюках с товаром сидит чёрный дэв, уродливей которого не видел свет, и пьёт вино!

– Прямо из кувшина? – не поднимая глаз, уточнил глава городской стражи. Господин Шехмет, казалось, был целиком погружён в созерцание собственных перстней на левой руке, и занимательный рассказ караван-баши слушал вполуха. Хотя для Льва, например, это повествование казалось очень забавным…

– Да, о благополучнейший! – неизвестно чему обрадовался Гасан-бей. – Прямо из горлышка кувшина, даже без пиалы, клянусь аллахом! Я закричал ему: «Не смей! Это прекрасное вино

предназначено высокородному господину Шехмету, а не тебе, шакал паршивый!» Но он лишь рассмеялся, ругая твою светлость словами, непроизносимыми языком мусульманина… Как сказал поэт: «Вино – твой друг, пока тверёз, а если пьян – то враг! Змеиный яд оно, когда напьёшься, как дурак…»

– После чего ты конечно же схватил свою дамасскую саблю и бросился наказать злодея?

– Воистину ты мудр, ибо читаешь тайное, словно открытую книгу! Да будет известно могучему Шехмету, что я владею изогнутым дамасским ятаганом, подобно соколу, карающему собственным клювом! Я…

– Ты не привёз ни одного кувшина? – Начальник стражи даже не повысил голоса, но Оболенскому почему-то показалось, что меж лопаток у него пробежал холодок. Видимо, нечто подобное испытал и Гасан-бей, так как он грузно рухнул на колени, моля о пощаде:

– Был! Был один кувшин, о сиятельный… Я своими руками отбил его у подлейшего дэва, да пожрут его печень вороны! Но… он… этот…

– Дэв?

– Кувшин! – В узких глазах караван-баши блеснули первые слезы. – Был кувшин, о благороднейший! Но увы…

– Ты потерял его?

– Нет, клянусь бородой пророка! Он… он… он сам… пропал!

– Мой кувшин с самым дорогим румийским вином украден?! – страшным голосом взревел глава городской стражи, и все вокруг как-то невольно подпрыгнули. Ястребиное лицо Шехмета вдруг стало каменным, брови сошлись в ломаную линию, а ухоженные усы напряглись, как живые. – Так, значит, в твоем караване есть воры!

– Нет, нет, нет! Что ты, что ты, проницательнейший! Я готов поручиться за каждого из своих людей…

– Ах, так ты ещё покрываешь воров! О безволосый хвост двугорбого шайтана… Что ж, клянусь светлым именем нашего эмира, ты недолго будешь испытывать моё терпение!

Нервные пальцы начальника стражей сомкнулись на узорчатой рукояти кривого кинжала, и Оболенский, неожиданно для самого себя, шагнул из-за тюков вперёд:

– Товарищ генерал! Разрешите доложить?! Я тут, таможенным методом, кувшинчик контрабандный надыбал. Без акцизной марки!

– Ты кто? – Чёрный сверлящий взгляд надменно скользнул по вытянувшемуся во фрунт «внуку старого Хайяма».

– А… новобранец я, ваше благородие! Весеннего призыва,

закончил курс молодого бойца и назначен под ваше командование в отряд особого растаможенного реагирования!

– Хм… клянусь муками Исы, я тебя не помню… Но, быть может, ты Саид, троюродный племянник зятя моей шестой жены Гюргюталь из Алимабада?

– Ну… почему бы и нет… – подумав пару секунд, согласился Лев. – Только не троюродный, а единоутробный, и не племянник, а деверь, и не зятя, а тёте золовки вашей третьей жены, да сохранит Аллах её красоту исключительно для вашей светлости!!

Комплимент удался. Гасан-бей так и стоял на коленях, нюхая пыль, но начальник городской стражи милостиво махнул рукой – караван прошёл осмотр. Оболенский быстренько сбегал к своему бывшему убежищу, доставая из вороха женских шаровар памятный кувшин. Но не успел он поставить его пред ясные очи господина Шехмета, как удача покинула нашего героя.

В том смысле, что его подло и низко предали… Униженно кланявшийся Гасан-бей, пятясь задом, столкнулся со Львом и завопил, словно его укусил каракурт:

– Шайтан! Сюда, правоверные мусульмане! Вот истинный виновник всех наших несчастий!

Ну, естественно, поглазеть на живого шайтана сбежался весь караван-сарай. Бедный Оболенский только рот раскрыл от удивления, как уже был со всех сторон окружён возбуждённо галдящими азиатами.

– Где шайтан? Кто шайтан? Кого шайтан?

– Вот он! Клянусь сиятельной чалмой Мухаммеда, – без устали орал Гасан-бей, закладывая собутыльника с потрохами. – Этого лукавого проходимца мы подобрали в пустыне… Я сотворил ему милость, позволив пойти с нами, и даже предложил ему кров и постель. А он… все свидетели! Он нагло выпил моё вино, жестоко избил меня, украл мои одежды, да ещё обманул всех нас, оклеветав моих верблюдов. Этот белокожий сын снежного иблиса не может быть единоутробным деверем тёти золовки вашей третьей жены, о сиятельный!

– Это правда? – строго спросил грозный Шехмет, и все присутствующие почтительно примолкли. Лев тоже немного помолчал, собираясь с мыслями, потом решительно шагнул к начальнику городской стражи и, аристократично опустившись на одно колено, припал щекой к холёной руке «мудрейшего и проницательнейшего».

– Что я вам скажу, православные мусульмане… Оп, миль пардон… – правоверные! Закозлил меня верный друг в тот самый момент, когда я его паршивую задницу, можно сказать, грудью прикрыл. Нехорошо это… Не по-мусульмански, Аллах не

обрадуется. Но чтоб лишний раз обстановку не накалять, – я тут всем всё прощаю! А в свою очередь попрошу и вас, граждане, во всём покаяться и вернуть дорогому господину Шехмету его перстенёчки.

– Какие такие перстенёчки? – удивились в толпе. Оболенский встал, подмигнул начальнику стражи и торжественно раскрыл ладонь – на ней блестели четыре массивных кольца,

– Но… это же… моё?!

– Разбирай, народ, подешевело-о!

Миг – и все четыре перстня взлетели вверх, играя драгоценными камнями, а караванщики вперемешку со стражей кинулись их ловить. Нет, не подумайте плохого, никому в голову не взбрело забрать себе хоть один. С великим Шехметом шутки плохи, но нашедший золото господина может рассчитывать на вознаграждение. Гасан-бей грязно ругался, высокородный Шехмет кусал губы, старательные караванщики выложили перед ним все четыре перстня, но Льва Оболенского в общей суматохе и след простыл…

– Мои люди быстро отыщут нечестивца, – ровно пообещал начальник городских стражников и неторопливо поманил к себе караван-баши, – а пока налей-ка мне того вина, что не успел выпить этот плут. Да, можешь и себе плеснуть, за компанию…

Услужливый купец быстренько раздобыл фарфоровые пиалы… Надо ли расписывать то, что было дальше?

Глава 10

Дураки – не кунжут, не рис и не просо.
Их не сеют – они сами растут…

Из учебника по мелиорации.

…Знаете, что больше всего интриговало меня в этой истории – ежедневные отчёты медицинских сестер. Оболенский пролежал в коме где-то около месяца. Его милая жена Машенька каждый день моталась сначала в Склифосовского, потом в другую престижную больницу, куда его перевезли впоследствии. Я сам в то время разъезжал по творческим командировкам и в Москве останавливался редко, поэтому Машины воспоминания и оказались такими ценными для составления обшей картины повествования. Итак, подолгу беседуя с младшим медицинским персоналом, она выяснила, что неожиданно кожа больного покраснела, как от ожогов, а потом за двое суток приобрела ровный золотисто-коричневый загар. Учитывая, что в столице стояли крещенские морозы, – явление удивительное! Ну не в солярий же его клали эксперимента ради? Загадочные метаморфозы, происходившие с недвижимым телом нашего друга, заставляли задумываться… Я и сейчас ломаю голову над этой загадкой. В конце концов факт переноса человека из одного мира в другой уже не вызывает активных протестов даже в среде учёных. Как, собственно, и факт перехода души в иное тело где-нибудь в запредельном пространстве. Но Лев-то был здесь! Это известно точно. И одновременно там… Что тоже в общем-то подтверждено определёнными доказательствами. Как человек начитанный, а потому обладающий долей скептицизма, я мог бы предположить, что он меня разыгрывает. Однако в вольных рассказах Оболенского периодически попадались такие тонкие мелочи, специфические словечки, обороты речи… Ведь это уж никак не выдумаешь. И, опять же, загар!

…Запыхавшийся Лев вытирал пот рукавом дорогого атласного халата, привалившись спиной к стене чьей-то лавки на соседней улице. Оказалось, что не только руки его идеально подготовлены для воровства. В тот миг, когда он высоко подбросил над головой шехметовские перстни, ноги словно включились сами собой, рванув с места на третьей скорости. Вор должен уметь бегать! На любые дистанции, петляя и по прямой, с

приличной скоростью, а главное, высоко подпрыгивая. Удирая, Оболенский ухитрился с разбегу перепрыгивать даже мирно лежащих верблюдов, что уже здорово приближено к олимпийским рекордам…

– Интересно, а успел начальник стражи отхлебнуть моего «вина» или сначала всё-таки принюхался? – вслух рассуждал Лев, краем уха прислушиваясь к яростному вою со стороны караван-сарая. Ревел, подобно оскорблённому слону, несомненно, сам господин Шехмет. Но возвращаться и расспрашивать, по какому поводу, было слишком рискованно… Поэтому наш герой резко вспомнил, где ему следовало быть, и отправился на поиски лавки башмачника Ахмеда. Узкая улица вела его по склону вниз, к базару – самое место для того, чтобы узнать нужный адрес, – но Лев на беду споткнулся и больно ушиб левую пятку.

– Яп-понский городовой… Какой кретинистый модельер выдумал эти тапки с загнутыми носами?! – возопил наш герой, прыгая на одной ноге. Из ближайшего проулка раздались голоса и появились два яростно галдящих таджика, тягая за узду разнесчастного серого ослика.

– О! – едва не налетев на Оболенского, воскликнул один, в круглой тюбетейке. – Салам алейкум, уважаемый! Вы, видимо, человек учёный, не поможете ли разрешить наш спор?

– Какой ещё спор, мужики… Ой! Салам, салам, всем салам! Клянусь бабушкой, если здесь не поменяют асфальт, я накатаю такую жалобу мэру, что главу района ни один адвокат не отмажет от пятнадцати суток общественно полезных работ в оранжевой робе!

– Вах… – вздрогнул второй, поправляя тощую чалму. – Как говорит, а? Большой учёный! У нас даже мулла таких слов не знает.

– И бабушку уважает… клянусь аллахом, да? – весомо подтвердил первый… и Лев расслабился. У Оболенского была маленькая слабость – он редко спорил с дураками.

– Ладно, в чём проблема?

– В осле, уважаемый! Мы с братом ведём его на базар и никак не можем решить: продать его погонщикам или живодёрам?

– Жалко… на вид такая лопоухая милашка.

– Что вы, достопочтеннейший?! Да под луной ещё не было осла глупее и нахальнее, чем этот… У него глаза ангела, а душа бесстыжего шайтана. Он обладает злобным нравом, крепкими зубами, твёрдыми копытами и воистину ослиным упрямством! – разошёлся тип в тюбетейке, и Оболенский недоверчиво пожал плечами. Ослик выглядел просто нагло оклеветанным. Ресницы огромных фиолетовых глаз вздрагивали, точёные ножки нервно

постукивали копытцами, а хвост с кисточкой вертелся, как у счастливого щенка, дождавшегося наконец любимого хозяина.

– Так ведь если продать его живодёру, он заплатит нам только за шкуру! А если караванщику или декханину, то они на следующий же день вернут негодного обратно и потребуют назад свои деньги… Да ещё и поколотят в придачу! – активно включился второй брат, поправляя чалму, съезжающую на брови. – Научи нас, о образованный прохожий, что же лучше: взять мало, но не рисковать, или же взять настоящую цену и бояться быть битыми?!

– Хм… хороший вопрос, буквально шекспировский… – Лев поскрёб подбородок, глянув мельком на обсуждаемого непарнокопытного. Ушибленная пятка всё ещё ныла, до базара пилить квартала два, и душа настоятельно требует хоть что-нибудь да украсть. К тому же ослик кивнул, фыркнул и так заговорщицки подмигнул, что все сомнения развеялись разом. Оболенский тоже подмигнул и обернулся к братьям:

– Мальчиши, проблема особых сложностей не представляет и при научном подходе к теме имеет гарантированный шанс положительного разрешения.

Спорщики переглянулись так, словно хоть что-то поняли, и, восхищённые учёностью Льва, старательно закивали.

– Итак, учитывая абсолютную несостоятельность логических доводов (ибо они построены на весьма умозрительных заключениях), я предлагаю оставить выбор решения за Аллахом. В конце концов, он всех нас умнее и в таком простеньком вопросе уж никак не ошибётся. Кто против?

Желающих объявить самого Аллаха некомпетентным не нашлось. Наш аферист мысленно поздравил себя с таким завидным простодушием клиентов и продолжил:

– Тогда сейчас же, неспешным шагом возвращайтесь к себе домой, становитесь спиной к воротам и на одной ножке прыгайте сюда. Если первым доберётся «тюбетейка», то продавайте осла погонщикам, а если «чалма», то, соответственно, живодёрам. Претензии не принимаются. Да, не забывайте хлопать себя руками по бокам и кричать «кукареку!».

У ословладельцев вытянулись лица. Они недоумённо переглянулись, почесали в затылке и в один голос сообщили:

– Какая глупость, вай мэ…

– Что?! – взвился уязвлённый в самое сердце Оболенский. – А ну-ка, объяснитесь, чурки узкоглазые!

– О, прости нашу горячность, почтеннейший, – тут же повинился один, – но не лучше ли вместо «кукареку!» кричать «кирикуку!» – это больше похоже на утренний крик петуха?

– Не подумай, что пренебрегаем твоей учёностью, о мудрейший, – виновато добавил второй, – но, быть может, всё-таки не отдавать осла «чалме» и «тюбетейке», а сделать так: если первым приду я, то – на живодёрню, если он – погонщикам.

Сначала Лев скоропалительно решил, что над ним издеваются… Потом прикрыл ладонью глаза и тяжело выдохнул – братья оказались куда наивнее, чем он даже мог предполагать.

– Уф… что в лоб, что по лбу! Ладно, у меня натура отходчивая. Будь по-вашему! Марш домой, и начинаем соревнования. Ослика я посторожу, чтоб не убежал. Желаю спортивной удачи. При любом исходе – пусть победит дружба! Дерзайте, всё в руках Аллаха…

Как только спорщики скрылись в проулке, Оболенский повернулся к ослу, присел на корточки, глядя ему прямо в глаза, и откровенно предложил:

– Камрад, у тебя тройной выбор… Либо в караван – мешки по пустыне тягать, либо на живодёрне со шкурой расставаться, либо стать персональным транспортным средством ведущего вора этого благословенного города. Твоё окончательное решение? Так я и думал… Прими мои поздравления – ты зачислен штатной единицей. Да, и впредь не вздумай кому-нибудь ляпнуть, будто бы я тебя украл, – ты сам согласился!

Ослик пошевелил ушками, дунул в нос своему новому хозяину и бодро развернулся мордой к базару. Кажется, эти двое нашли друг друга…

Глава 11

Во пустыне саксаул, а в Багдаде тетка.

Сиротская поговорка.

…А ведь вы, видимо, как и я, были уверены, что на осле ездил исключительно Ходжа Насреддин? Увы, господа… Всё это результат чтения непроверенной и зачастую весьма далёкой от первоисточников литературы. На ослах и ишаках в Багдаде ездили очень многие! Выносливое, практичное, нетребовательное, а главное – самое экологичное средство передвижения. Ни ароматов бензина, ни пятен масла, ни смены шин, ни отравляющих воздух выхлопных газов… Хотя, стоп, здесь я, видимо, несколько увлёкся… Ну, в общем, вред окружающей среде – минимальный, а польза существенная (если уж даже переработанные отходы производства в виде навоза и то находили применение). Что же касаемо самого Ходжи Насреддина, так Лев в приватных беседах первоначально вообще отзывался о нём отнюдь не с лучшей стороны. Это незабвенный Соловьёв сделал из него культового героя, а на деле всё было далеко не так просто…

Восточный базар Оболенскому не понравился – слишком много суеты и слишком легко красть. Продавцы так яростно торгуются с покупателями, что и те и другие не замечают вокруг себя ровно ничего. Лев, не слезая с осла, вытянул у толстого богача кошелёк, взял себе на карманные расходы и успел сунуть кошель обратно, а владелец даже не почесался. Скука…

– Не-е… так дело не пойдёт, – вслух размышлял Оболенский, толкая ослика пятками и двигаясь вдоль Фруктовых рядов. – Дедушка Хайям поднял бы меня на смех, если б узнал, что я обворовываю жалких простофиль. Спасибо, не надо. Не надо! Не хочу я персиков! Вот обокрасть самого эмира… Это задачка для настоящего Багдадского вора, а мелочиться на торгашах, работягах да фермерах – несерьёзно… Пацан, ты чё, глухой?! Я тебе два раза сказал – нет! Не хочу я твой сладкий, спелый, розовый, пушистый персик! Эх, не успел я выяснить у гражданина Шехмета в караван-сарае насчёт эмирского дворца. Город большой, леший знает, в каком квартале его искать… А найти надо, ибо там – гарем! Очень возбуждающее слово… Слушай, мальчик, засунь эти персики себе знаешь куда?! Иди отсюда!

Пристал, как банный лист к… Вот-вот, и персики туда же засунь! – Однако, поняв, что от загорелого до черноты мальчишки с корзиной фруктов избавиться не удастся, Лев подумал и нашёл взаимовыгодный компромисс: – Шайтан с тобой, иди сюда… Где это вас, мелких, так менеджменту учат?! Товар покупателю всучивают настойчиво, но вежливо! Вежливо, а не настырно… Дай один!

– Целая таньга?! – не поверил своему счастью мальчишка, но Оболенский мог позволить себе такую неслыханную щедрость.

– Сдачи не надо. Скажи, а где тут лавка башмачника Ахмеда?

– Там! – Юный торговец неопределённо махнул рукой.

– Угу, общее направление понятно, а где это конкретно «там»?

– Дай ещё таньга, скажу!

– Хм… а ты крутой парень, не пропадёшь. На одну.

– Уй, спасибо, благородный господин! Поезжай на осле прямо до конца рядов, потом сверни направо, и а… – Наглец призадумался и сунул палец в рот.

– Направо, а потом?

– Потом, потом… давай ещё таньга!

– Ах ты, вымогатель паршивый! Ты что же, разорить меня хочешь?!

– Дорога длинная, народу много, вы оба не местные, без меня нипочем не найдёте! Ну, всего одну таньга, дай?…

– Одну. Последнюю. Попробуешь надуть, я тебе уши оборву, будешь как Ван Гог по улицам бегать! – делая страшное лицо, пригрозил Лев.

Видимо, мальчишка поверил, потому что, цапнув монету, он отбежал в сторону и уже с безопасного расстояния популярно объяснил:

– Потом вернись обратно и попроси осла быть твоими глазами. Лавка Ахмеда у тебя под носом! – после чего, довольный, развернулся и бодро двинулся вдоль рядов, громко предлагая персики очередному покупателю.

Лев посетовал про себя на «теперешнюю молодежь», а приглядевшись, действительно увидел в двух шагах неброский сарай, возле которого висели куски выделанной кожи. Готовая обувь была разложена прямо на голой земле, башмачник вряд ли был богатым человеком, и предлагаемый ассортимент поражал однообразием и скудностью. Пара сапог, две пары женских туфель без задников, чувяки, штук десять в одной куче, всё разного размера…

– Привет изготовителю качественных кроссовок «Адидас»! – торжественно прокричал Оболенский, эффектно сползая с ослика.

Из сарайчика выглянула небритая физиономия.

– Башмачник Ахмед здесь проживает?

Человек кивнул и вылез наружу полностью. Был он на голову выше немалорослого Льва, страшно худ, обрит наголо и традиционно бос.

– Сапожник без сапог, – понимающе хмыкнул наш герой и протянул ладонь: – Салам алейкум, будем знакомы, я – Лев Оболенский!

– Валейкум ассалам, – чуть заискивающе поклонился башмачник, – что угодно почтеннейшему господину?

– Да брось… Какой я тебе господин? Ещё вчера был нищ как церковная мышка… ну, или, по-вашему, как крыса при мечети. А костюмчик этот я честно экспроприировал у одного купца из солнечной Бухары. Такая скотина оказалась, между прочим…

– Экспро-о… прости, уважаемый, что ты сделал?

– Матерь божья, да украл я его, понимаешь?! – попытался как можно доходчивее объяснить Лев, даже не замечая, как побледнел его тощий собеседник. – Мне-то в принципе вещизмом страдать не приходилось, я за этими Версачи и Пазолини отродясь с высунутым языком не бегал. Но дедушка Хайям чётко обрисовал инструкции – у порядочного вора имидж превыше всего! Пришлось спереть халатик… А что делать, положение обязывает…

– Молчи, безумный! – взвыл наконец перепуганный башмачник, резво прикрывая рот Льва грязной пятернёй.

Из соседних палаток и лавочек уже начали высовываться любопытные носы вездесущих соседей. Ахмед со стоном впихнул говоруна в свой низенький сарай и толкнул задом на кучу кожаных обрезков.

– Ты что, совсем потерял разум?! Даже у стен есть глаза и уши, а ты кричишь на весь базар: «Я – вор! Я – внук дедушки Хайяма!!» Тебе отрубят голову, а меня изобьют палками как укрывателя злодеев!

– Да ладно запугивать… – буркнул Оболенский, но тон понизил. В сарайчике пахло кислым молоком и гарью, на полу валялся нехитрый сапожный инвентарь: ножи, шило, дратва. Сам хозяин, опустившись на корточки, пристально вглядывался в лицо своего необычного гостя.

– Ты не похож на жителя Востока. Твоя кожа белая, лицо нежное, словно никогда не видело солнца, а руки не ведали молота или мотыги. А глаза… Они же голубые, как небо! Где только старый Хайям отыскал такого внука?

– Не дави на дедушку! – строго предупредил Лев. – История моего рождения полна загадок и тайн, а ты хочешь, чтоб я тут вот

так сразу всё и открыл?! Эксьюзми, сэр, только для посвященных и членов профсоюза! А вообще-то закрывай давай свою лавочку и пойдем посидим где-нибудь в кабаке за кувшинчиком румийского. Приличное вино, я пробовал…

– О несчастный, ты что, не знаешь – Аллах запрещает правоверным…

– Ну ни фига себе! Как-то странно он запрещает – выборочно! Мне, значит, нельзя, а горбоносому господину Шехмету можно?! Слушай, не морочь мне голову, а? Я с утра не завтракал…

– Сиди! Никуда не ходи… О Мухаммед, за что мне такое наказание? Я принесу лепёшки, козий сыр и немного молока. – Башмачник решительно встал, всем видом давая понять, что Оболенский причинит ему минимум неудобств, если останется в сарайчике. А вот если выйдет наружу, то – максимум! Лев хмыкнул и полез за деньгами.

– На, прикупи всего и всякого. Чего не хватит, скажи, я наворую. Да, и присмотри, куда там можно ослика привязать, он у меня незарегистрированный и наверняка числится в угоне…

Ахмед пробормотал под нос какую-то короткую молитву, помянул шайтана, сплюнул, сгрёб монеты и вышел вон. Будущая гроза Багдада с наслаждением вытянул ноги и даже слегка придремал, пока башмачник не вернулся…

Глава 12

Без страха перед Аллахом нет стыда перед людьми.

Иранская поговорка.

– Сволочь ты, Ахмед, а кумыс этот дрянь несусветная!

– Он хорошо утоляет жажду и полезен при болезнях печени. Кушай инжир…

– Уф… меня уже от плова мутит, жирный, как не знаю что…

– Жир – это благодеяние Аллаха, служащее для смягчения нрава и блеска кожи у правоверных!

– А кто додумался есть его руками?! В приличных заведениях подают ложки и вилки, на крайняк – китайские палочки…

– Вай мэ! Сам эмир кушает плов руками… Ты что, совсем не обучен вести себя за столом?

– О, блин горелый! Ну чья бы корова мычала… Ладно, давай сюда свою кислятину, всё лучше, чем этот зелёный чай. К вам на базар индийский совсем не завозят? Что, и грузинского с опилками тоже нет? Пресвятая богородица, ну и дыра…

Башмачник Ахмед в прошлом был образованным человеком. Он с детства много путешествовал, ходил с караванами, понимал четыре языка и даже учился грамоте у муллы. Старого Хайяма знал давно, называл его дедушкой, как знал и то, что седобородый пьяница и поэт подворовывал направо-налево. Когда гонения на мелких жуликов достигли апогея и на улицах Багдада хватали едва ли не каждого второго прохожего, именно Ахмед прятал у себя будущего классика персидской литературы. Прятал и кормил, рискуя в любой момент быть изобличённым и подставить свою спину под палки стражников эмира. Поэтому молодого человека, назвавшегося «внуком старого Хайяма», он принял безоговорочно, ибо вслух признать такое родство мог либо отчаянный удалец, либо безнадёжный сумасшедший.

– А зачем тебе Ходжа Насреддин?

– Да, честно говоря, понятия не имею… Дедуля особенно настаивал, чтоб я его нашёл. Вроде бы вместе мы сделаем козью морду вашему эмиру.

– Уй… зачем так громко кричишь?! Неужели о твоей глупости непременно надо оповестить целый свет? Никто во всём Багдаде ни за что не станет помогать безумцу, дерзнувшему грозить великому эмиру! Поверь мне, чужеземец, никто!

– Слушай, Ахмед… Я, может, чего не так сказал, ты извини.

Все эти словечки прикольные – сор, шелуха, не принимай за чистую монету. Но скажи мне – правда, что у вас казнили детей?

– Казнили… воров.

– Даже самых маленьких?

Башмачник не ответил. Власть любого тирана держится на крови, правление эмира Селима ибн Гаруна аль-Рашида было не лучше и не хуже предыдущих. Если Аллах дарует человеку власть, он, несомненно, отдаёт её в достойные руки. Да и кто бы взялся оспаривать мудрость Всевышнего? Любой муфтий, мулла и даже бродячий дервиш в два счёта объяснили бы сомневающемуся глупцу всю глубину его падения в бездну безверия. Раз эмир взялся за искоренение пороков, то уж никак не без поддержки на небесах… Значит, и Аллах, и пророк его Мухаммед, и другие праведники одобряют действия эмира. Ахмед основательно потряс головой, отгоняя от себя почти забытый ужас – детские руки на плахах Багдада…

– Он не будет тебе помогать.

– Кто?

– Ходжа Насреддин.

– Не понял юмора…

– Ходже сейчас около тридцати, это достаточный возраст для умудрённого жизнью мужа. Он очень изменился, совершил паломничество в Мекку, остепенился, потолстел, и люди обращаются к нему – «домулло». Это уважаемый человек, чтящий Коран, наизусть знающий Саади и Хафиза, совсем не тот сорванец, каким знал его твой дед. Ходжа – благочестивый мусульманин, как только ты откроешься ему, он призовёт стражу.

– Не может быть… Слушай, а мы, вообще, говорим об одном и том же человеке? Я думал, Ходжа Насреддин – друг бедных, хитрец и благородный мошенник, разъезжающий повсюду на сером ослике и носящий титул «возмутителя спокойствия». Чёрт, да я же про него целых два кинофильма видел!

– А что это такое – «кинофильм»?

– А… не помню, – потупился Лев.

Башмачник пожал плечами и начал складывать на блюдо остатки пиршества. Оболенский, подперев кулаком щёку, задумчиво изучал щели между грубыми досками сарая. Украденное «транспортное средство» было привязано у заднего входа и от посторонних глаз занавешено полосатой тряпкой.

– Переночуй у меня. А завтра уходи из нашего города искать своё счастье. В Багдаде ты не найдёшь ничего, кроме бесславной гибели под ятаганом эмирского палача…

– Убедил…

– Хвала аллаху! Я постелю тебе в углу.

– Нет, дышать всю ночь этой закисшей кожей… увольте! Стели рядом с дверью, там хоть сквозняком тянет.

– Как скажешь, уважаемый… Вот так подойдёт?

– Ага, спасибо, самое то! Слушай, пока не спим, а так, интересу ради, где же он теперь обретается, наш переменчивый домулло?

– По улице вниз до арыка, там за базаром налево, третий маленький дом, доставшийся от родственников отца. Ходжа сейчас живёт один, он копит деньги на калым и хочет жениться…

– А-а… ну, бракосочетание – это святое дело. Когда-нибудь забегу, поздравлю молодожёнов, как только косулей слагать научусь…

– Газелей.

– Какая разница?!

– Газель – это форма стихосложения.

– А не марка микроавтобуса?

– Спи, о безумец! Ты произносишь слова непонятные, а значит, опасные для ума истинного мусульманина… Что ты сказал?

– Спят усталые игрушки, мишки спят… Ля-ля-ля-ля-ля!

– О Аллах, прояви милость и терпение, он обещал уехать завтра…

Возможно, так бы оно и было, возможно… Проблема не в том, что Оболенскому было некуда ехать. Поверьте, такие мелочи его не смущали. И не то чтобы он так уж слепо спешил исполнить просьбы дедушки Хайяма ибн Омара. Умение держать слово вовсе не означало для него фанатичной преданности клятве.

Сложись обстоятельства чуть-чуть иначе… да что за дела, Лев вполне бы мог и отвалить. Как настоящий аристократ, он даже не допускал мысли, что может выглядеть смешным или может быть понят неправильно… Но, с другой стороны, именно его врождённую гордость и ухитрился невольно задеть битый жизнью башмачник. Сказав, что ему никто не будет помогать, что любой правоверный радостно предаст его в руки закона, что даже известный борец за правду – Ходжа Насреддин и тот готов стать муллой… Ахмед честно и нелицеприятно показал молодому человеку всю безысходность его затеи. Как говорят на Востоке: «Ударом камчи не перебить рукоять мотыги». Любой разумный человек подумал бы и отступился… Проблема в том, что гордость русского дворянина не подвластна зову разума… Скажите Льву: «Этого делать нельзя, потому что сделать это невозможно». Он тряхнет кудрявой головой, высокомерно хмыкнет, улыбаясь: «Всё это чушь, старик! Смотри сюда…» – и сделает всё, как надо. Ну а если это действительно невозможно, он просто затратит чуть

больше времени…

Когда Оболенский убедился, что его гостеприимный хозяин крепко спит, вытянувшись прямо на полу, он бесшумно встал, снял с гвоздика халат, сунул под мышку тюбетейку и вышел из сарая. Стояла глубокая ночь. Над спящим Багдадом дурманно сияли огромные восточные звёзды. Базар давно утих, все лавочки, палатки и сарайчики были закрыты на замки и засовы. В узеньких окнах домов не мелькал ни один огонёк, а голоса ночной стражи, раздававшиеся вдалеке, были едва различимы. Начинающий вор осторожно вывел за собой сонного ослика, обмотав ему копытца какими-то тряпками, и предупреждающе приложил палец к губам:

– Не вздумай орать невовремя, кругом люди спят. Иногда у нас, преступников, рабочий день ненормированный, а график выхода на производство скользящий. Сегодня придётся поработать ночью… Так, давай глянем бегло, где у нас тут в контролируемом районе наиболее богатые лавочки? Правильно, те, на которых висят самые большие замки, тут ты угадал… У нас на всё про всё пара часов, потом надо бодро рвать когти вдоль по улице, вниз до арыка, налево третий дом от угла. Я хочу очень ненавязчиво склонить одного потенциального домулло к вынужденному сотрудничеству в добровольно-принудительной форме! Р-раз пошли на дело я и Рабинови-и-ч…

Ослик понятливо кивнул и постарался пристукивать копытцами в заданном ритме.

Глава 13

Моя юрта с краю, ничего не знаю, почтеннейшие…

Вежливый туркменский отказ.

Предупреждаю сразу – я не намерен спорить ни с одним востоковедом по поводу правдивости описываемых здесь историй! Как не намерен и переделывать заново эпохальный труд «Тысячи и одной ночи», давая собственную трактовку уже давно хрестоматийного произведения. Я лишь последовательно и аккуратно пересказываю хаотические воспоминания моего хорошего друга, убирая из текста наиболее крепкие выражения и придавая ему некую толику художественности. Желающим уличить меня во вранье так или иначе придётся иметь дело и с Оболенским. А связываться одновременно с тринадцатым ландграфом и Багдадским вором я никому не порекомендую. Просто из врождённого человеколюбия. Лев редко вступает в диспуты с самоубийцей, посмевшим обвинить его во лжи.

Я – чуть более терпелив, но всё-таки советую сто раз подумать. А пока спокойно вернемся к нашим баранам… прошу прощения, героям!

В то розовое утро Ходжу Насреддина разбудил настойчивый крик осла. Наглое животное старалось изо всех сил, и звук периодически достигал такого резонанса, что в старом домике сыпалась побелка с потолка. С трудом оторвав голову от подушки и наскоро набросив халат, бедный хозяин выскочил в дверь и буквально замер на месте – в его маленьком дворике стоял совершенно незнакомый осёл и надрывно, без причины орал на одной ноте: «Иа-иа-иа-иа-а!…»

– О аллах, откуда тут это серое несчастье? – буркнул себе под нос Насреддин, ещё раз продрал глаза и медленно шагнул за порог. Ослик никуда не делся, но кричать перестал. Обойдя притихшее животное по кругу, будущий мулла даже ткнул его пальцем в бок и заглянул в глаза – бок был упругим, а в глазах отражался живой укор бессмысленности бытия, то есть осел казался настоящим.

– Калитка на запоре, забор высокий, неужели ты прилетел сюда на крыльях любви, о мой лопоухий друг? – Ходжа присел на корточки и задумчиво обратился к небесам. – А может быть, это

Аллах, всемилостивейший и всемогущий, услышал наконец мои молитвы и ниспослал недостойному рабу своему серое благодеяние с четырьмя копытцами и хвостом? Вах, вах, вах… видимо, мир действительно катится в тартарары, раз уж даже такой грешник, как я, удостаивается подарка свыше. Или я праведник?! Ни за что бы не подумал, но там, на небесах, виднее… Воистину жизнь то шербет, то отстой вина! Что ж, почтеннейший отец моей возможной жены будет счастлив узнать, что имущество его будущего зятя увеличилось на одного осла.

– Угу… – ровно подтвердил незнакомый голос сзади, – ибо теперь в этом доме ослов стало уже двое.

– Изыди, шайтан! – не оборачиваясь, попросил домулло. – Не порть праздник мусульманину…

– Не будем преувеличивать, о мой недогадливый друг, я не шайтан, я только учусь… Но поверь мне на слово, даже с ним у тебя не было бы таких серьёзных проблем, а я в каких-то вопросах гораздо менее сговорчив.

На этот раз Ходжа Насреддин обернулся так резко, что едва не упал, запутавшись в полах своего же халата. В дверном проеме его собственного дома, привалившись плечом к косяку, стоял рослый детина в дорогой, но мятой одежде. Голубые глаза смотрели насмешливо и чуть высокомерно, на тёмно-русых кудрях с трудом удерживалась расшитая тюбетейка, а пальцы незатейливо поигрывали мелкой монеткой: орёл-решка, решка-орёл, аверс-реверс, верх-низ… У слегка озадаченного домовладельца это невинное занятие почему-то вызвало раздражение и даже лёгкую боль в висках.

– Кто ты такой и как посмел незваным переступить порог моего жилища?!

– А где вежливое «салам алейкум, Лёвушка-джан»?!

– Ах ты нахал! Да я сейчас крикну соседей и…

– Кричи! – дружелюбно предложил голубоглазый здоровяк, одним небрежным кошачьим прыжком очутившись рядом. – Дай мне возможность собственноручно свернуть тебе шею, как излишне болтливому курёнку. Люблю превышение самообороны…

Ходжа Насреддин затравленно оглянулся – серый осел злобно прижал уши, заслоняя крупом засов на калитке. Выхода не было, домулло ощутил себя в полной власти двух отпетых негодяев… А Лев, в свою очередь, оценивающе рассматривал низкорослого толстеющего парня лет двадцати семи, с бритой головой и наркомовской бородкой. Халат не из парчи, но вполне новый, белые нижние шаровары с вышивкой, босой, узкие глазки бегают, но что приятно – страха в них нет. Скорее некоторая

растерянность и удивление, но не страх…

– Ладно, слушай сюда, и, возможно, сегодня мы ограничимся одним воспитательным подзатыльником. Меня направил к тебе мой достопочтимый дедушка, да продлит Аллах его годы, аминь…

– А… так ты пришёл учиться?! – прозрел без пяти минут мулла. – Что же ты сразу не сказал, о необразованный? Твой уважаемый дед наверняка наслышан о том, что никто не читает Коран лучше меня, недостойного! Но я приложу все силы, чтобы обучить тебя грамоте, счёту, врачеванию, составлению гороскопов и даже…

– Притормози. Во-первых, у меня такое ощущение, что чистописание я и без тебя знаю, а открывать в Багдаде поликлинику с полисами медстрахования вообще дело гиблое. Видел я, как один умник на базаре лечил от зубной боли какого-то сельского простофилю – всучил ему обычную дорожную пыль под видом импортного порошка и содрал четыре монеты… С таким врачеванием только и жди, когда в тюрьму заметут. Нет, меня прислали совсем по другому делу…

– Какому же?

– Надо, образно выражаясь, насовать мух в плов вашего эмира.

Ходжа схватился за сердце и рухнул навзничь.

– Ну, это несерьёзно… это ты поторопился… это ты зря… – сочувственно прогудел Оболенский, присев и легко приподнимая несчастного за грудки. – Рабинович, подсоби!

Рабинович (а именно так беззаботный Лев окрестил украденного ослика) тут же процокал вперёд и повернулся задом, обмахивая малахольного домулло кисточкой хвоста.

– Напарник, ты уверен, что твой крик слышали соседи? Можешь дать стопроцентную гарантию? Отлично, мы сработаемся… Главное, чтобы любой честный мусульманин в районе двух кварталов в обе стороны подтвердил наличие угнанного осла на частной территории некоего Насреддина. Мешки с товарами я уже разложил в художественном беспорядке, так что осталось вызвать стражу. Или предоставим эту возможность нашему негостеприимному хозяину? Смотри, смотри, сейчас очнётся и будет лаяться…

Ходжа дернулся, открыл глаза и жалобно застонал:

– Изыди с глаз моих, злокозненный сын шайтана! Бесстыжий кафир! Бесхвостый дэв! Белая обезьяна, лишённая не только шерсти, но и мозгов! Я скорее умру, чем помыслю о причинении малейшего вреда нашему достойнейшему правителю…

– М-да… надо же, как меняются люди… – задумчиво

протянул Оболенский, вставая с колен и разжимая руки. Приподнятый Насреддин опрокинулся назад, больно треснувшись затылком об утоптанную землю. – А ведь когда-то был неподкупным голосом народа, другом бедноты, отчаянным пересмешником и борцом с угнетателями. О нём слагались песни и легенды, простой люд в чайхане и на базаре рассказывал друг другу его анекдоты о глупом бае, жадном визире, трусливом султане… Люди ему верили! Возлагали большие надежды и считали честью угостить его лепёшкой, пусть даже последней в доме…

– Что ты от меня хочешь?! Что тебе вообще надо, берущий за душу злодей с лукавым языком змеи… – завизжал бедолага, вскакивая на ноги. Видимо, какая-то совесть у него ещё осталась, и мой друг решил повторить попытку:

– Имею честь представиться – Лев Оболенский! Внук и единственный наследник старого Хайяма ибн Омара. Дедуля с джинном Бабудай-Агой отправился на Канары, а меня слёзно попросил восстановить в этом городишке социальную справедливость. Велел зайти к тебе – дескать, только с твоей помощью я одолею великого эмира… Так что прошу любить и жаловать!

– Ты… ты… О аллах, неужели выживший из ума пьяница действительно это сделал?! – ошарашенно забормотал Ходжа Насреддин, пятясь спиной к забору. – Старый дурак… я же говорил ему, что с прошлым покончено! Я потратил столько сил, заплатил столько денег, перенёс столько мук и страданий, а он… Он всё-таки нашёл себе замену и… подставил мою шею под ятаган палача! Люди! Соседи! Мусульмане! Зовите стражу, я поймал Багдадского вора-а-а!!!

Оболенский скромно потупил глазки. Пока всё шло по его плану…

Глава 14

В одиночку и тонуть скучно.

Леонардо Ди Каприо.

Соседи появились далеко не сразу. То ли было ещё слишком рано, то ли бежать за стражниками никому не улыбалось, то ли общественная активность населения резко упала и народ ни в какую не хотел видеть на плахе очередного несчастного вора… Насреддину пришлось орать довольно долго, взывая к благочестию и законопослушанию сограждан. Лев даже позволил ему взять себя за шиворот, что очень напоминало забавную картинку типа:

«– Батя, я медведя поймал!

– Так тащи сюда.

– А он не пускает!»

В конце концов на вопли уже почти охрипшего домулло из-за забора показались два загорелых юноши с небритыми физиономиями. Наспех оценив обстановку, они оба бросились сообщать властям. Минутой позже из-за калитки высунулся старый дед с лицом, похожим на обветренную курагу. Сочувственно посмотрев на «пойманного» вора, он плюнул в сторону Ходжи, пробормотав что-то вроде: «Креста на тебе нет», но, естественно, в мусульманском контексте. Постепенно подходили и другие любопытные, кто-то злорадствовал, кто-то свистел, кто-то молча сжимал кулаки, так что за какие-то десять – пятнадцать минут забор оказался облеплен свидетелями. Оболенский даже не ожидал такого количества благодарных зрителей, а потому, прикинув, сколько времени может понадобиться страже, спокойненько повернулся к Насреддину:

– По-моему, славные жители Багдада не очень одобряют твой поступок…

– Молчи, неверный! Долг каждого благоразумного мужа, исповедующего ислам, подчиняться законной власти. У меня нет на тебя зла, но если я не предам тебя сейчас, то потом пойду в зиндан как укрыватель.

– Логично… – признал Лев, но как бывший юрист поправил: – Не укрыватель, а соучастник. Подельник, так сказать, член преступной группировки.

– Не морочь мне голову! Скоро сюда придёт стража…

– Очень на это надеюсь. Ты, видимо, уже достаточно повеселился, я тоже развлекусь, не возражаешь?

– Что ты задумал? Хочешь бежать?! Ха, так ведь сказано мудрецами: «Сбежавший от меча да будет задушен собственным страхом!»

– Глубоко и символично… Дружище, ты сегодня просто сыплешь афоризмами. Хочешь одну загадку? Маленькую, пока не пришла стража… Откуда здесь этот осёл?

– Осел? При чём тут осёл?! – раздражённо смутился покрасневший Насреддин. – Он… это… мой он. Его послал мне сам Аллах в награду за праведный образ жизни.

– Уф… надеюсь, стражники тоже любят сказки.

– Что ты хочешь этим сказать, о голубоглазый лис, терзающий мою селезёнку?!

– Ослик ворованный, – участливо пояснил Лев. – Его ищут со вчерашнего дня. Мне безумно интересно, как ты будешь объяснять его появление у себя во дворе вон тем неулыбчивым мордоворотам с копьями наперевес…

У калитки мелькнули медные шишаки городской стражи, чёрный ястреб Шехмета на щитах ясно показывал, кому они служат.

– А… но… тогда это не мой осёл! – в ужасе пролепетал домулло.

– Ну-ну… – ободряюще ухмыльнулся Оболенский и подмигнул Рабиновичу. Понятливый ослик тут же занял выжидательную позицию слева от Ходжи, умильно опустив ресничк и всем видом показывая, кто здесь его любимый хозяин. Бедолага вновь закатил глаза, собираясь в очередной раз уйти в несанкционированный обморок, но не успел…

– Кто звал городскую стражу?

– Он, – честно указал пальцем Лев, спокойный, как слон (это шутка).

Стражников было трое: широкоплечий крепыш с ятаганом на поясе и сединой в бороде да плюс двое парней помоложе с доверчивыми лицами и длиннющими, неповоротливыми копьями.

– Эй, ты! А ну говори, сын шелудивой собаки, зачем ты прервал наш дневной обход?!

– А… э… э… уважа… почтеннейш… – Беспомощный, Насреддин переводил жалобный взгляд с осла на стражника, с зевак на Оболенского и никак не мог совладать с языком. – Но… клянусь аллахом… он – вот! В смысле, вот он… Я и это…

– Он – Аллах?! – недопонял бородач. – Да я сию же минуту велю своим молодцам дать тебе пятьдесят палок за богохульство! Прямо по этой выдолбленной тыкве, что сидит у тебя на плечах…

– Минуточку! – снизошёл Лев. – Давайте не будем опускаться до банального милицейского произвола. Мой друг Ходжа

Насреддин вызвал вас для того, чтобы сдать властям нового Багдадского вора.

– Ва-а-х… – удивились все, а минутой позже в адрес стукача полетели упреки и оскорбления. Перспективный мулла стоял опустив голову, с красными ушами, под градом народного негодования, пока наконец старший стражник не навёл хоть какое-то подобие порядка.

– И где же этот ваш Багдадский вор?

– Это я, – сделал книксен Лев.

Все присутствующие разом заткнулись. Было слышно, как летают мухи, но они, к сожалению, существа неразумные и театральную паузу держать не умеют. Бородач недоверчиво оглядел Оболенского и потрепал его по плечу:

– Да уж… с такими особыми приметами, как у тебя, молодец, глупо становиться вором. Вторых голубых глаз не сыскать во всём Багдаде. Ну, и что ты украл?

– Одежду, ранее находящуюся в собственности некоего купца Гасан-бея из Бухары, несколько монет у незнакомого мне торгаша на базаре и вот этого прекрасного серого осла, ещё вчера принадлежавшего двум братьям.

Один из молодых стражей хлопнул себя по лбу и начал что-то торопливо шептать на ухо старшему. Тот кивал, хмуря брови… Горожане и соседи, облепившие забор, недоумевающе переглядывались, не понимая, зачем этот безумец сам на себя наговаривает. Но хуже всех пришлось Ходже Насреддину… Как бы Лев Оболенский избавил его от необходимости объяснять «скользкое» появление краденого ослика во дворе своего дома. Этот невероятный внук старого поэта-пьяницы взял всю вину на себя. Получается, что он, Ходжа, ни за что ни про что взял и предал хорошего человека, а жестокие муки совести способен перенести не каждый…

– Похоже, ты говоришь правду, – решил наконец бородатый стражник, демонстративно кладя мозолистую ладонь на рукоять кривого ятагана. – Пойдёшь с нами, суд эмира праведен и скор. Украденный тобой осёл будет взят в уплату за труд судьи, писца и палача.

Оболенский притворно склонил голову и сделал первый шаг к калитке, пареньки с копьями неловко выстроились сзади. Народ заохал и заахал, приговор ни у кого не вызывал сомнений, и тут… несчастный Насреддин не выдержал.

– Прости меня! Прости мою подлость, Лёва-джан! И вы… вы все, добрые мусульмане, простите меня, недостойного! – завопил он, падая на колени и пытаясь на ходу поцеловать край халата Оболенского.

– Да простит тебя Господь, как я прощаю, – царственно задержался кудрявый аферист. – Ибо сказано в Писании; «Прощай обидчикам своим и тебе простится на небесах». Я уже почти возлюбил тебя, сын мой!

– Какой сын? – оторопел Ходжа.

– Ну, не сын, брат… – поправился Лев, улыбчиво пояснив для старшего стражника: – Ведь все мы братья во Христе.

– Что?! – побагровел тот. – Так этот неверный баран тебе ещё и брат по вере?

– Почему же только по вере… Вообще-то у нас, реальных братанов, целая система конкретных взаимоотношений. Всё по уму и по понятиям: я ворую, он продаёт. Укрыватель и соучастник…

– Не-е-е-ет!!! – взвыл почти обезумевший домулло, но Оболенский спокойно предложил:

– Не верите? Идите в дом и посмотрите…

В скромный домик Насреддина вломились все, включая наиболее любопытных соседей. Бедный хозяин наконец-то на самом деле потерял сознание – по стенам висели дорогие ковры, по углам валялась парча и шёлк, на полу сгрудилась серебряная чеканная посуда, а на самом видном месте стоял большущий раскрытый мешок дорогого пакистанского опиума. С таким поличным стражники не брали ещё никого…

Глава 15

На чужую кучу неча глаз пучить.

Это о жадности, честное слово.

Сам Оболенский уверял меня, что никакого особенного стресса не испытывал. Не сейчас, а вообще… Тьфу, ну, я имею в виду не когда им обоим вязали руки, намереваясь вести в зиндан, а вообще – в связи с неожиданным перемещением на средневековый, сказочный Восток. Так вот, стресса никакого! Нормальные люди кричат, бьются в истерике, рвутся домой, к маме, – словом, ведут себя как все реальные (невымышленные) перемещенцы во времени. Это только у плохих писателей-фантастов героя перебрасывают черт-те куда, а у него даже нос не почешется. Можно подумать, ему в собственном мире терять было нечего… А как же дом, друзья, учёба, работа, семья и родственники? Им-то каково, когда их сослуживец, друг или законный муж исчезает неизвестно куда?! Тут такое поле для классических мексиканских трагедий, что уже не до фэнтези… Нет, дорогие мои, нормальный человек от перемещения всегда испытывает стресс и страдает всегда – это я вам заявляю вполне авторитетно. Но Лев явление уникальное… Никакого страха, никакой паники, никакой истерики с выжиманием слез и битьём себя коленом в грудь – ни-че-го! Ну, разве что огромное любопытство… Он с наслаждением впитывал в себя саму атмосферу нового и забытого (как ему казалось) мира, искренне считая волшебный Восток своей единственной родиной. Незнакомым словечкам, периодически у него выскальзывающим, мой друг значения не придавал. Он и смысл-то их помнил весьма приблизительно, изо всех сил убеждая самого себя в том, что он непременно должен завоевать законное «место под солнцем». Или, вернее, отвоевать его назад, ибо его род – род Багдадских воров Оболенских – наверняка заслуживал большего, чем тюрьма и плаха…

– Ходжа? Ну, улыбнись, перепетуля, к тебе обращаюсь…

– Чего тебе надо, о погубитель?

– Знаешь, зачем я всё это сделал?

– Чтобы тебе не было скучно сидеть в кандалах в одиночку… Любому шайтану ясно, что вдвоём веселее кормить вшей в эмирском зиндане. Можно даже поспорить, кто из нас больше придётся по вкусу…

– У тебя чёрный юмор, будь оптимистом!

– Не знаю, что ты называешь этим словом, но оно наверняка вредно для печени…

– Всё, не смеши меня больше, а то я забуду, с чего начал. Сейчас стражники малость придут в себя и потащат нас к вашему местному прокурору. А там, как мне помнится, обитается некий злой дядя по кличке Шехмет. Так вот, поверь мне, он себя судебным разбирательством утруждать не будет – повесит нас обоих за милую душу, и всё!

– Да, господин Шехмет – человек горячего нрава… Но вешать никого не станет, он нас обезглавит или четвертует. Говорят, ему нравится запах крови…

– А-а… вот тут-то мы, кажется, начинаем понимать друг друга. Подхожу к сути: если ты настоящий Ходжа Насреддин, то избавь нас обоих от столь дебильной смерти! На всякий случай намекаю – лично меня эти смешные узелки на запястьях не удержат.

– Ты – наглый, лукавый, коварный, хитроумный, бессовестный отпрыск великого змия-искусителя, обладающий в придачу ко всем перечисленным порокам упрямством лопоухого осла!

– Не трогай Рабиновича! Он мой напарник…

– Нет, это мой осёл! Мой, мой, мой…

– Должен ли я понимать это как твоё безоговорочное согласие?!

Ответить Насреддин не успел, так как именно в эту минуту стражники наконец-то определились с примерным планом действий. Один молодой напарник оставался охранять «место преступного сговора» (то есть маленький однокомнатный домик, набитый украденным добром). Старший бородач и второй юноша должны были отконвоировать «злодеев» в зиндан, где их, возможно, пожелает увидеть тот самый грозный начальник, чей суд скоротечен и страшно справедлив. «Страшно» – здесь ключевое слово, а «зиндан» – специальная яма с узкой горловиной, куда задержанных ослушников опускают на веревке. Классических тюрем, как в цивилизованной Европе, в древнем Багдаде не практиковалось.

По счастью, более опытный стражник повёл их в зиндан окольной дорогой. Она, конечно, была более длинной, но зато на пустынных старых улочках исключалось столкновение с другими стражниками, которые могли бы присоединиться к конвою и, соответственно, потребовать свою часть награды (хотя, по правде говоря, у бородача уже лежали за пазухой два серебряных блюда, а под щитом через руку был переброшен изрядный кусок

шёлка…). Позабытый ослик осторожно цокал копытцами сзади.

Как только любопытные слегка отстали, окончательно разнюнившийся Ходжа Насреддин ударился в скорбный плач:

– О, Аллах, прости меня, недостойного! Зачем я крал?! Зачем укрывал вора?! Это всё злобные происки шайтана, попутавшего, сбившего с истинного пути доверчивого мусульманина… О, позор на мою бедную голову! Зачем я перепродавал краденое?! Зачем копил эти бесчестные деньги, нажитые неправедным трудом? О мои бедные родители… они бы восстали из могил, если бы узнали, чем занимается их единственный сын, навеки опозоривший имя отца! Разве принесли счастье мне, ненасытному, эти три тысячи таньга?!

– Сколько-о-о?!! – Стражники дружно споткнулись на ровном месте.

Домулло закатил глаза, тяжело вздохнул и незаметно пихнул Оболенского локтем. Лев удовлетворённо хрюкнул и поддержал комедию:

– Молчи! Ничего им не говори! Это твои… мои… наши таньга!!!

– Вай мэ! Безумец, как ты можешь думать о презренных деньгах, когда наши грешные души вот-вот предстанут перед престолом Аллаха?!

– Точно, точно… – торопливо закивали стражники. – Облегчите своё сердце, и всемилостивейший дарует вам путь к гуриям рая!

– Какие, к чертям, гурии?! – вовсю веселился Лев. – Молчи, Ходжа, они просто хотят забрать наши деньги!

– Как смеешь ты такое говорить?! Эти достойные люди, что служат в городской страже нашего эмира, под благословенной рукой самого Шехмета, – гордость и честь Багдада! Не чета нам, преступникам и негодяям… Я хочу, чтобы моя совесть была чиста! Три тысячи таньга, две сотни дирхемов…

– Ва-а-а-х!!!

– Не перебивайте, уважаемые… – вежливо попросил Насреддин остолбеневших слуг закона, – я ещё ничего не сказал о золоте.

– Ну хоть о золоте-то не говори! – театрально взмолился Оболенский, мгновенно схлопотав древком копья по голове. Это здорово охладило его творческий пыл, и он вынужденно заткнулся, предоставив возможность герою многих сказок и легенд доиграть эту авантюру самому. Чем тот и воспользовался в полной мере…

– О доблестные и отважные герои, я вижу, что сердца ваши так же чисты, как сталь эмирского ятагана. Позвольте же мне,

закоренелому преступнику и презренному обманщику, совершить хоть один праведный поступок перед тем, как закончится мой бесславный жизненный путь! Возьмите все спрятанные деньги – три тысячи таньга, две сотни дирхемов и… я точно могу вам довериться?!

Стражники с выпученными от воодушевления глазами страстно поклялись всем на свете, что только им можно доверять. У обоих от алчности уже тряслись руки, бежала слюна и подкашивались ноги в коленях.

– На другом конце города… – торжественно-замогильным тоном заговорщика начал Ходжа, выдержав долгую паузу, – у старого минарета Гуль-Муллы, под третьей плитой от края тени крепостной стены, в тот миг, когда солнце встанет в зените и…

– Что «и…», уважаемый?!

– Я… О, Аллах, всемилостивейший и всемогущий! Как я мог забыть… Пять шагов на север или восемь на юг?! Нет, нет, нет… Может быть, двенадцать на восток и рыть землю под чинарой? Не помню… Будь ты проклят, шайтан, запутавший мою бедную голову! Как я теперь объясню этим праведным мусульманам, где закопаны три тысячи таньга, двести дирхемов серебром и девяносто пять динаров золотом?!

Сумма решила дело. Бородач, как старший, быстро договорился с зелёным напарником, что-то ему пообещав, и тот, едва не плача, повёл Оболенского куда следовало. А Ходже Насреддину пришлось топать в противоположную сторону, и его крики ещё долго разносились по проулку:

– Заклинаю вас построить на эти деньги мечеть! Самую большую, самую красивую мечеть во всём Багдаде! Чтобы любой мусульманин, от самого эмира до простого базарного башмачника, поминал моё имя добрым словом! Запомните, от эмира и до башмачника…

– Место встречи изменить нельзя, – сентиментально пробормотал Оболенский. Молоденький стражник осторожно подталкивал его тупым концом неудобного копья. Ослик увязался за Насреддином…

Глава 16

Научи дурака Аллаху молиться,
он во время намаза лоб расшибет.

Общая проблема новичков в медресе.

Помню первый шок Маши Оболенской, когда после очередного визита к бессознательно лежавшему в коме мужу её остановили на выходе из больничного отделения. Двое милиционеров и страшно смущающаяся медсестра очень вежливо попросили предъявить сумочку. Ничего не понимающая Маша безропотно сдала вещи и даже позволила работникам органов поверхностно ощупать карманы своего полупальто. Не обнаружив ничего особо интересного (читай: особо ценного, подозрительного, наркотического, огнестрельного или запрещение-валютного), милиционеры принесли соответствующие извинения, и медсестра самолично проводила госпожу Оболенскую к выходу. По дороге она счастливо проболталась (под большим секретом, разумеется), что в их больнице стали обворовывать. Причём не больных, а исключительно медицинский персонал любого ранга! Сначала пропадали какие-то мелочи типа ручек, градусников, блокнотов и брелков. Поначалу никто и не тревожился – ну мало ли куда могла закатиться дешёвая авторучка или затеряться телефонная книжечка? Согласитесь, это ещё не повод бить тревогу… Но вот когда начали исчезать деньги, кошельки, часы и кольца, главврач решился прибегнуть к услугам опытных оперов. Да и решился-то, к слову, только после того, как в один из обходов «оставил» неизвестно где дорогой «роллекс» и фамильную печатку с алмазиком. Последние два дня в здании больницы постоянно дежурил милицейский наряд. Проверяли практически всех. Ничего из пропавшего или украденного обнаружено не было. Зато успешно задержали зав. больничной столовой при попытке вынести за территорию двенадцать килограммов диетического мяса. Это внесло хоть какие-то надежды на справедливость «высшего суда», но таинственный вор так и не был обнаружен…

С храбрым азиатским юношей Оболенский управился минут за пять. Причём без эффектных каратистских ударов ногами в вертикальном прыжке, на полном шпагате, пяткой в ухо. Нет, всё оказалось гораздо проще и практичнее…

– Алло, служивый! Глянь-ка, что-то у меня верёвки на руках развязались…

– О шайтан!

– Вот и я говорю, поправить бы надо, а то сбегу ещё… – Лев повернулся к стражнику спиной и пошевелил сваливающимися с пальцев путами. Парнишка доверчиво прислонил к заборчику долгомерное копьё и взялся за веревки. Что произошло дальше, он, по-видимому, так и не осознал – одно мгновение, и тугие узлы стянули его собственные запястья! Каким образом, стоя спиной и ничего не видя, можно было провернуть такой фокус – остаётся только догадываться… Думаю, что всех чудес воровского таланта, дарованного ему чёрным джинном Бабудай-Агой, не знал даже сам Оболенский.

– Что… что ты наделал, злодей?!

– К незнакомым людям старшего возраста надо обращаться на «вы»! – наставительно поправил Лев и, примериваясь, взялся за копьё.

– Пощадите! – приглушённо пискнул стражничек, от великого испуга падая на колени. – Уважаемый Багдадский вор, не убивайте меня, а? Мама плакать будет…

– Да уж, старушка бы огорчилась… Ладно, позверствую как-нибудь в другой раз, с кем-нибудь ещё и не в этом месте. Так и быть, отпущу тебя живым-здоровым, но за это выполнишь одно моё поручение.

– Всё, что захотите, почтеннейший! Папой своим назову!

– Ну, это лишнее… – великодушно отмахнулся Лев. – Просто передавай от меня привет господину Шехмету, уточни, понравилось ли ему моё вино, и попроси, чтобы он сегодня же сообщил вашему эмиру о том, что я вернулся! Запомнил? Пусть знает: Багдадский вор в городе и имя ему – Лев Оболенский!

– Шехмет… вино… эмир… вор… Оболенский-джан! – торопливо выдал парнишка, боясь, что «злодей» передумает. Но нет, Лев лишь одобрительно кивнул и, чуть оттянув локти стражника назад, просунул меж ними и спиной древко его же копья.

– Молодец! Пересказал всё, как на экзамене, немножко по-своему, но очень близко к тексту. Теперь можешь идти с докладом к начальству. Копьё я тебе прицепил, не потеряешь… Только не спеши, для такого проулочка слишком уж оно длинное – а то ещё споткнешься, нос себе расшибешь. Что я маме твоей скажу?

После чего Лев заботливо поправил стражнику съехавший набок шлем с чалмой и, насвистывая, отправился восвояси. Не успел он отойти и на десять шагов, как сзади раздался

характерный грохот. Юноша попытался встать слишком резко, въехал тупым концом древка в чью-то глинобитную стену и теперь лежал, задрав ноги под оригинальным углом. «Растыкам бог не помогает…» – с чисто русской философией бытия отметил Лев, так же неторопливо продолжая путь.

Где-то после полудня в скромную лавчонку башмачника Ахмеда наведался солидный седобородый муфтий. Белые одежды сияли натуральным шёлком, четки вращались на пальце со скоростью пропеллера, а голубые глаза из-под высокой чалмы играли нахальными искорками. Башмачник сначала вскочил, кланяясь духовному лицу и пытаясь поцеловать край его одежд, потом пригляделся… Некоторое время Ахмед просто стоял соляным столбом, пока степенный аксакал, обогнув его, без приглашения шагнул в сарайчик и, высунув руку, щедро сыпанул за пазуху хозяину горсть серебряных монет. Башмачник вслух помянул безмозглого шайтана, скорбно прикрыл лицо руками, после чего свернул торговлю и отправился в обжорный ряд. Вездесущие соседи поспешно гадали насчёт нежданной удачи своего товарища, вот уже второй день принимающего богатых гостей. «Видимо, в своих путешествиях он научился заводить полезных друзей… – кивали они. – Бухарский купец на осле, почтеннейший муфтий, словно только что пришедший из медресе. Наверняка ему щедро платят за ужин и ночлег. Уж не решил ли башмачник открыть здесь свой постоялый двор?»

…Осторожные поскрёбывания с наружной стороны сарайчика раздались, едва друзья присели к столу. К столу – это, впрочем, громко сказано: большой поясной платок был расстелен прямо на полу, а уж поверх него дымились блюда со свежей бараниной, пирожками в масле, шанхайским рисом и прочими вкусными сытностями.

– Свои! – глянув в щёлку, с ходу определил Оболенский, хотя скребущийся был одет в платье городской стражи. – Ходжа, заходи! Ахмед, будь другом, еще один прибор и пиалу для почтеннейшего гостя.

– Домулло?! – искренне поразился башмачник, впуская стражника.

– Был домулло, да весь вышел! – бегло огрызнулся Насреддин и, не дожидаясь приглашения, бухнулся на пол, скрестив ноги. Левой рукой он ухватил баранью лопатку с ещё тёплым мясом, а правой зачерпнул полную пригоршню плова. Оболенский вытер руки собственной фальшивой бородой и подмигнул Ахмеду. Тот так и стоял в изумлении, не сводя глаз с обжористого визитера.

– А я как раз закончил рассказывать весёленькую историю о юном стражнике, сопровождавшем Багдадского вора в тюрьму.

Надеюсь, парнишке не слишком влетит за бегство такого ценного арестанта? Ей-богу, я бы на месте Шехмета не наказывал новобранца, он ведь не знал, с кем имеет дело… А ты, дорогой товарищ, как управился со своим конвоиром?

Ходжа бросил на Оболенского злобный взгляд, цапнул с блюда половинку курицы и рвал её кусками, почти не прожёвывая. От жира его покрасневшее лицо казалось покрытым лаком…

– Костюмчик мой, бухарский, успел примелькаться, а тут иду мимо приличного коттеджика и вижу, как упитанный такой дедуля омовение совершает. Нет, не во дворе, в домике, но мне при моём росте и через забор видно. Бросил ему монетку медную в тазик – он так и обалдел! Выскочил с тазом на порог, смотрит на небо, вроде ещё ждёт чего-то… Я одежонку праздничную с крючка снял и тем же макаром, через забор, на улицу. Переоделся в уголочке, у чьей-то пегой кобылы на ходу полхвоста отрезал – стал весь из себя такой уважаемый саксаул! А ты где прибарахлился?

Ходжа перестал жевать, долгую минуту смотрел прямо в глаза Оболенского, ничего утешительного не высмотрел и переключился исключительно на плов.

– Здоров жрать, приятель! Ладно, вижу по лицу, что у тебя большое горе… Но не совершай распространённой ошибки – горе надо не заедать, а запивать. То есть топить его в вине, как блудливого котёнка! Ахмед, не жмись! Ну, не жмись, я же давал тебе два кувшина. Посмотри, в каком состоянии человек…

– Аллах не дозволяет мусульманам… – начал было башмачник, но небольшой кувшин достал. Насреддин махом вырвал его из хозяйских рук и, запрокинув голову, не отрываясь, вылакал почти половину. Крякнул, вытер рукавом губы и, обращаясь в никуда, с чувством заявил:

– Ох и сволочь ты, Лёва-джан!

– Как вы… выговариваете… такие слова, домулло?!

– Пусть говорит, – благодушно отмахнулся Лев, делая долгий глоток из того же кувшина. – Мужики, ну чё вы как не родные, ёлы-палы? Все всё понимают, а туда же… Не было у меня иного выбора! И у него не было! И у тебя! А теперь все мы… по самую шею… и хрен бы с ним! Ахмед, поставь назад пиалы, что мы, забулдыги какие – из горла хлебать?!

Глава 17

Что у трезвого на уме, а у пьяного на языке?

Простая персидская загадка.

– Ну… рас-с-с-кжи, ещё раз!

– Не проси! Ты пьяный…

– Сам ты… это слово! Расска-а-жи, а…

– Ходжа, я тебе говорил, чтоб Ахмеду не наливал? Ты глянь, его ж развезло в стельку!

– Ну, дому-му-му…ло! О! Выг-варил… расс-к-жи!…

– Уговорил, отвяжись только… – Ходжа поудобнее привалился спиной к согнутому колену Оболенского и в третий, если даже не в четвертый, раз поведал благородным слушателям свою душещипательную историю. Трое, теперь уже закадычных, друзей возлежали на старом тряпье, заменявшем башмачнику постель, и лениво потягивались после сытного обеда. Ахмеду действительно хватило полторы пиалы местного терпкого вина, чтоб упиться до свинячьего хрюканья. Лев и Насреддин ощущали лишь лёгкую эйфорию, говорившую о хорошей закалке в тяжком деле потребления крепленых жидкостей…

– Начнём с того, что всю дорогу этот внебрачный сын каракумского шакала клялся, что построит на мои деньги самую большую мечеть. А сам выучится на муллу, будет по утрам залезать на минарет и своим козлоподобным голосом славить бессмертное имя Аллаха… Я был терпелив и не разубеждал беднягу, ибо доподлинно известно: «Кто имеет медный щит, тот имеет медный лоб». К старым развалинам Гуль-Муллы дотопали где-то к полудню, по пути я ещё убедил его купить мешок побольше для откопанных денег. Так этот предусмотрительный пасынок безрогой коровы взял такой, что в него можно было запихнуть даже Тадж-Махал!

– Тадж-Мх…мх…мыхал… Ой, не могу! – опять затрясся в пьяном хохоте счастливый башмачник. Оболенский благодушно сунул ему в рот недоделанный чувяк (слишком громкий смех был не в их интересах). Ходжа покачал в своей пиале остатки вина, зачем-то по-собачьему лизнул его и продолжил:

– Мы зашли за минарет, и он битый час обкапывал своим ятаганом чью-то могильную плиту. Это, конечно, очень грозное оружие, но в качестве мотыги никуда не годится. Я, кажется, даже задремал в тенёчке, пока взмыленный бородач окончательно не

стёр себе руки до мозолей. От жары и пота он снял с себя всё, кроме нижних штанов… И всё равно сдвинуть такой кусок камня в одиночку ему было не под силу. Пришлось признаться, что я делал это с помощью ночных дэвов, хранителей развалин, и поэтому заклинание их вызова надо произносить в темноте…

– А… пщему в тем…н… те?!

– Ну они же ночные дэвы… Из тех дэв, что приходят по ночам, по вызову. Их ещё называют путанами, вокзальными феями или вот, как у вас, ласкательно – «дэвушки»… – охотно просветил Лев.

– Клянусь чалмой пророка, от тебя ничего не скроешь, о мой вороватый друг! – восхищённо прищёлкнул языком Насреддин. – Хотя я имел в виду других дэвов, но к твоим «ласкательным» мы тоже вернёмся в своё время… По моему совету, этот недобритый брат башкирского барана полез в мешок, дабы во тьме читать заклинание. Для пущей надежности он освободил мне руки, чтоб я мог затянуть мешок для исключения попадания, даже случайного, солнечного лучика. Конечно, я не мог не уступить страстной просьбе мусульманина… Потом он усердно учил слова (пока я переодевался в его платье) и старательно оглашал окрестности правдолюбивыми рубаи твоего уважаемого дедушки Хайяма: «Мы чалму из тончайшего льна продадим, и корону султана спьяна продадим. Принадлежность святош, драгоценные чётки, не торгуясь, за чашу вина продадим!» О Хызр благословенный, голос у недалёкого громче, чем у нашего Рабиновича…

– Да, кстати, а где мой осёл?

– Мой! – сухо напомнил Ходжа. – Когда ты втравил меня в это дело, то сознательно пожертвовал мне осла. Я давно просил у Аллаха ниспослать мне именно такого. Между прочим, он привязан у задней стены…

– А дальше… ну-у… чё он… с ним… дальше-то?!

– Я говорил, больше ему не наливать?

– Я и не наливал, он втихаря из твоей пиалы перелил.

– Вот пьянь! – ахнул Оболенский. – Нашёл у кого красть…

– Да уж, похоже, башмачник Ахмед – первый человек, ограбивший самого Багдадского вора! Ладно, ляг на место, о нетрезвый отпрыск случайной любви торопливых родителей, я поведаю тебе конец этой истории.

– Ты уже три раза поведывал.

– Вах! Стыдись, Лев! Не тебе же рассказываю… Мне, может быть, самому приятно лишний раз вспомнить?! Так вот, потом я вышел к мечети, остановил двух благопристойных юношей, идущих из медресе, и приказал им посторожить мешок с

богохульником и злодеем. Один обещал вслух читать над ним молитву, а другой – бить по мешку палкой, если раскаяние грешника не будет достаточно искренним. Надеюсь, все трое с пользой проводят время…

Добросовестного рассказчика прервал торопливый стук копытцем в стену. Переглянувшись с Ходжой, Оболенский встал и осторожно выглянул наружу – ослик вовремя поднял тревогу: по базару шли мрачные стражники с чёрным ястребом на щитах. Они переворачивали все лотки, заглядывали в палатки, врывались в лавки, с бульдожьим упрямством кого-то разыскивая. Впрочем, кого именно, нашим героям объяснять не пришлось – на этот счёт у них было только одно предположение, и оно было верным…

– Шухер, братва! Нас ищут!

– О шайтан! Сколько же меднолобых нагнали по наши головы… – только присвистнул Насреддин, лихорадочно нахлобучивая на макушку шлем с чалмой. – Лёва-джан, от меня сильно пахнет вином?

– А ну, дыхни! Вау-у… попроси у Ахмеда сырого лука или «Дирол» ментоловый, а то даже мне от твоего перегара петь хочется.

– Вай мэ! Да на себя бы посмотрел… – в тон отмазался Ходжа. – Бороду поправь, она у тебя почему-то прямо из левого уха растёт, и нос намажь кислым молоком – горит, как…

– …лампочка Ильича! – утвердительно закончил Оболенский, быстренько наводя необходимый макияж. – Берем Ахмедку, грузим плашмя на Рабиновича и делаем ноги. Аллах не выдаст, верблюд не съест! Насчёт верблюда могу поклясться, сам проверял…

– Да, как говорили мудрецы: «Не знающий укуса пчёл не оценит вкуса мёда». Ахмед… Ахмед! О нечестивый внук нетрезвой лягушки, как ты можешь спать в такое время?!

А бедолагу-башмачника, свято соблюдавшего строку Корана и, соответственно, давно не принимавшего «за воротник», развезло в никакую! Благо что пьяных дебошей он пока не учинял, а смирненько храпел себе в уголке, обняв пустой кувшин и сопя носом в холодные «останки» плова.

– Не надо, не буди! – Оболенский перехватил руку замахнувшегося Ходжи. – Грузим его так, меньше брыкаться будет. Я за руки, ты за нога, взя-а-ли… О, какой же ты тяжёлый, худосочный производитель кустарных тапок с загнутыми носами! Рабинович?! Ты хоть не зли, нашёл время для шуток…

Видимо, ослик всё-таки осознал значимость возложенной на него задачи и перестал брыкаться. Но в детских глазах лопоухого

животного затаились огоньки невысказанной обиды, ибо возить на себе пьяниц он явно почитал недостойным! На этот раз Рабинович смолчал и подчинился… Льву не очень понравилась такая подозрительная покорность, но рассуждать было некогда. Перебросив блаженствующего Ахмеда на спину ослика, друзья шагнули навстречу неумолимой судьбе. Почему уже друзья? Да, я помню, что сначала они совершенно не понравились друг другу, но поверьте, в среде настоящих мужчин уважение завоёвывается быстро. Общие враги порой объединяют сильней, чем кровные узы. И Ходжа Насреддин в этой долгой, неравной схватке с честью доказал своё право носить высокое имя «возмутителя спокойствия» в веках! А Лев… что ж, он всегда слишком легкомысленно относился к славе. Думаю, что только из-за этого затерялось у неблагодарных потомков его настоящее имя, оставив нам лишь неотразимый титул – Багдадский вор!

Глава 18

Настоятель храма просто обязан заниматься боксом!

Золотое правило шаолиньских монахов.

Уйти с базара незамеченными они не могли, стражники Шехмета знали своё дело, и все уголочки-проулочки были перекрыты основательными пикетами. Поодиночке нашим героям наверняка бы удалось удрать, но бросить в лавчонке пьяного Ахмеда – означало навлечь на башмачника справедливые подозрения. Не говоря уж о том, что пьянство – большой грех в исламе, несчастный в таком состоянии разом бы выболтал всё. Поэтому авантюристы пошли ва-банк, внаглую двинувшись через весь базар навстречу ожидающим их стражам порядка. Торговцы и покупатели, местные и приезжие, нищие и дервиши, женщины в чадрах и босоногие мальчишки – все возмущённо галдели, толкались, путались друг у друга под ногами, но революций не устраивали, видимо, народу подобные «базарные чистки» были не в новинку.

– Лев!

– Во имя Аллаха… – царственно продолжал Оболенский, почему-то мелко крестя каждого, кто кланялся ему как лицу духовному.

– Лев! Чтоб тебе опупеть раньше времени… Ты хочешь нас погубить?!

– Конкретизируйте ваши инсинуации.

– Какого шайтана ты делаешь?!

– Я их благословляю.

– Крестным знамением?! – на полушёпоте взвыл Ходжа, он шёл чуть сзади, обливаясь потом, и придерживал пьяного Ахмеда, так и норовившего сползти с ослика. – Тут же все вокруг правоверные мусульмане! Один ты… Слушай, а ты, часом, не тайный христианин?!

– Пресвятая богородица, конечно же нет! – искренне возмутился Оболенский, но в душе засомневался. Уж слишком естественным было для него упоминание православных святых и ощущение нехватки серебряного крестика на шее. Но спорить с самим собой в такое отчаянное время казалось непростительной глупостью, а потому первого же вставшего у них на пути стражника Лев уже не перекрестил, а… по-отечески обнял,

троекратно расцеловав в обе щеки! Шестеро боевых товарищей обласканного героя буквально остолбенели на месте… Ну, и в результате Оболенский, естественно, прошёл через караул беспрепятственно. Никому и в голову не взбрело даже задать хоть один невежливый вопрос такому любвеобильному муфтию, не говоря уж о попытке задержать… А вот Ходжу Насреддина, разумеется, остановили…

– Из чьего ты десятка, собрат наш?

– Ха, да разве не видно по моей осанке и горделивому виду?! – храбро ответствовал домулло, бледнея от страха. – Наш десятник человек мужественный и суровый, с сердцем снежного барса и норовом сибирского тура, он не любит, чтобы его имя трепали попусту…

– Тьфу, шайтан! Если ты из людей этого зазнайки Махмуда, так и скажи, а то навертел тут… – сразу «угадали» стражи. Ходжа безропотно кивнул, ему-то уж точно было без разницы. Главное, что приняли за своего, дальше посмотрим…

– Кого это ты тащишь?

– Поймал нарушителя заповедей Аллаха – этот наглец не только посмел пить вино, недозволительное истинным мусульманам, но ещё и упился им до визга презренной свиньи!

– Уй, нехороший сын шакала… – однообразно ругнулись стражники, но допрос не прекратили. – Брось его в арык, нам поручили более важное дело. Разве твой начальник тебе не сказал?

– А… м… ну вы же знаете нашего Махмуда!

– Да уж, знаем… Вся городская стража поднята по приказу грозного Шехмета, да продлит Аллах его годы! В Багдаде появился странный чужеземец, оскверняющий самим своим дыханием благословенный воздух наших улиц. Этот злодей ограбил целый бухарский караван, украл стада ослов у двух братьев, жестоко обманул и избил самого юного стража и в довершение всех преступлений… попытался отравить самого господина Шехмета!

– Ва-а-а-х… – невольно вырвалось у обалдевшего Ходжи. – Так этот гад упёр столько добра и даже не поделился с товарищем?!

– Не болтай лишнего! О том, как, чем и с кем делится Далила-хитрица или Али Каирская ртуть, запрещено даже думать! Что-то плохо вас учит этот тупоголовый Махмуд…

– О благороднорождённые друзья, – отдышавшись и хоть как-то уняв безумно бьющееся сердце, заговорил Ходжа. – Я сейчас же последую вашему совету, сброшу недостойного в арык, отведу его осла в наши казармы и усердно примусь за розыски чужеземца. Молю об одном – скажите, где мой десяток?

– Да вон же, разуй глаза! – сочувственно посоветовал кто-то.

Насреддин повернул голову, глянул, изменился в лице и, не вдаваясь в объяснения, размашистым шагом рванул с базара. Стражники Шехмета чуть удивлённо воззрились ему вослед, пока шестеро других стражей с полуголым человеком не подбежали к ним, возмущённо вопя:

– Зачем вы отпустили злодея?! Это же коварный обманщик Насреддин, фальшивый мулла и бесстыжий плут! Он украл всю одежду бедного Фарида…

Теперь уже все тринадцать городских стражников, таким вот несчастливым числом, развернулись в погоню. И надо признать, догнали бы фальшивого «собрата» достаточно быстро (тот не мог бежать, вынужденно придерживая постоянно сползающего башмачника), но на пути преследователей непоколебимой скалой встал высоченный муфтий в белых одеждах:

– Во имя Аллаха, остановитесь, еретики! Ещё шаг – и я тут же всех от церкви понаотлучаю на фиг!

Стражники невольно замерли, сражённые мощью львиного голоса и опасным русским весельем, заигравшим в голубых глазах представителя мусульманского духовенства. Оболенский, как вы помните, беспрепятственно прошедший мимо оцепления, повернул назад, как только увидел, что его друзьям грозит опасность. Прикрывая широкой спиной отход Ходжи, Ахмеда и Рабиновича, он воздел руки к небесам и постарался возвысить голос так, чтоб его услышало полбазара:

– Именем Господа нашего, принявшего смерть на кресте, и пророка его Мухаммеда, прокляну каждого, кто только вякнет слово против! Это до чего же вы тут дошли без духовного пастыря?! Своим же правоверным морду бьёте… Можно подумать, у вас на роль боксёрской груши других вероисповеданий мало? А преподобные Муны, Шри-Чинмои бритоголовые, гуру Нахабы, Ваджры всякие, я уж молчу о Роне Хаббарде… Вот где разгуляться чешущемуся кулаку истинного мусульманина! Покайтесь, дети мои… Покайтесь в грехах своих публично! Или я за себя не отвечаю…

– Это… он! – почему-то тонюсеньким голоском пропищал тот самый бородач, что арестовывал Льва и «одолжил» свой костюмчик Насреддину. Теперь он белел среди разодетых в шелка и доспехи товарищей нижними шароварами и, дрожа, махал в сторону Оболенского руками. – Это он – Багдадский вор! Я запомнил его по глазам…

Стражники нервно склонили копья, народ со всех сторон окружил их плотной стеной, ожидая развязки. Прочие слуги закона бросили свои посты, освободив все проходы, и также

двинулись к месту развития основных событий. Убедившись, что на него все смотрят и бежать в общем-то некуда, Оболенский поучительно покрутил пальцем у виска:

– Дожили… Нет, граждане багдадцы, вы только гляньте, что тут за произвол творится?! Меня, честного православного муфтия, какая-то шавка полицейская во всех грехах обвиняет…

– Да он же это! Точно – он, клянусь аллахом! – Осмелевший от численного превосходства Фарид бодро прыгнул вперёд, вцепился в белую бороду Льва и… оторвал её напрочь. Народ испуганно ахнул… Но вместо того чтобы упасть, обливаясь кровью, «православный муфтий» почесал гладко выбритый подбородок и, повернувшись к людям, заявил:

– Вот! Видели?! При всём базаре опозорили уважаемого человека – бороду оторвали… И кто?! Извращенец в нижнем белье, горилла с тараканьими мозгами! Ну, чё? Так никто и не заступится за моё духовное лицо? Ладно, тогда я сам…

Никто и моргнуть не успел, как мощный свинг Оболенского отправил раздетого стражника в короткий полёт. Для остальных шехметовцев это послужило сигналом к бою… Нет, как бы то ни было, один против двенадцати Лев бы не выстоял. Он только-только успел всласть дать в ухо самому резвому, как над базаром взлетел истошный крик какого-то фанатичного поборника истинной веры:

– Что же мы стоим, правоверные?! Муфтия бьют!!!

Это было первое всенародное гулянье за многие годы…

Глава 19

Зиндан – театр, а воры в нём – актёры.

Лирика.

Лев рассказывал, что ему в этот день здорово досталось, но и он, как водится, отвёл душу. Вообще, жители Востока гораздо более законопослушные граждане, чем, например, европейцы или, не приведи господи, россияне. Это у нас с вами чуть что не так – народ разом в обиженку, и очередной бунт обеспечен. О крупных исторических восстаниях (типа разинщины, пугачёвщины или, тем более, Октябрьской революции) речь даже не идёт. Если полистаете страницы учебника истории, то поймёте, что мелкие бунты, на уровне губерний, уездов, городков и деревень, в России вспыхивали едва ли не с помесячной периодичностью. Прямо какие-то регулярные «критические дни» для страны, прошу прощения за вульгарность… На Востоке, в Персии или Аравии, всё было гораздо более благопристойно (по крайней мере внешне). Может быть, там законы пожёстче, может, люди умеют учиться на чужих ошибках, но вот то, что произошло на багдадском базаре, было для города из ряда вон выходящим событием. Учинить грандиозную драку, выступив против стражи Шехмета, а значит, и против самого эмира… это круто! Держу пари, разгорячённые багдадцы и сами не поняли, куда влезли… Мусульмане приучены к покорности «властям предержащим» и решились на активное противодействие закону исключительно потому, что усмотрели в поведении стражи явное оскорбление ислама. Факт избиения ни в чём не повинного «муфтия» (то есть лица духовного, облечённого доверием Аллаха) подрывал в глазах народа сами устои истинной веры. На чём, как вы видели, и удалось сыграть беспринципному голубоглазому мошеннику. И о чём Лев, кстати, ни разу не пожалел, хотя размышлять об этом ему пришлось в тюрьме…

Зиндан. Красивое, загадочно-звенящее слово, а на деле – сырая, вонючая яма за конюшней, на задворках глинобитного барака, гордо именовавшегося казармой. Оболенского повязали чисто случайно, кто-то из стражников сломал тяжёлое копьё о его кудрявую голову, и бессознательного святошу, словно пойманного гиппопотама, под шумок уволокли с базара. Его честно тащили на собственных горбах четыре стражника, все прочие так завязли в драке, что явились уже под вечер, хромая и

поддерживая друг друга. Высокородный господин Шехмет тут же приказал посадить Багдадского вора на кол, но был срочно вызван к эмиру и перенёс казнь на утро. Таким образом, Оболенский пришёл в себя спустя довольно долгое время от боли в голове и ломоты в пояснице. Вокруг кромешная тьма… Где-то высоко маленькое, круглое окошечко, прикрытое деревянной решеткой, и сквозь него струится слабенький лунный свет.

– Какого шайтана я здесь делаю? Неужели сам заполз с похмелюги… – К чести нашего героя, стоит признать, что он ни от чего не открещивался и, как попал в столь незавидное положение, вспомнил быстро. – Ах ты, стража шехметовская, мать вашу за ногу да об стенку! Запихнули-таки ясного сокола в камеру одиночную, срок безвинно мотать… Ой, ёшкин кот, а условия-то тут какие свинские!

Кое-как встав на ноги и убедившись, что на первый взгляд ничего не поломано, не откусано и не отрублено, Лев попытался осмотреть место своего заключения. Результаты показались ему не очень утешительными: большая яма без малейших намёков на удобства (нет ни нар, ни туалета, ни питьевой воды), стены гладкие из обожжённой глины (изнутри зиндан заполняли ветками и запаливали огромный костер, укреплявший глину на стенах до крепости стандартного кирпича), выход один – через отверстие сверху, но оно так высоко, что подняться без верёвки или лестницы – задача абсолютно невыполнимая. На холодном полу нашлось немного перепрелой соломы, обрывки тряпок и чьи-то кости. Ну, и воздух… соответственный. От столь ужасающей антисанитарии Лев впал в глубокую депрессию. Он грузно уселся прямо на пол и очень тихим голосом, сдержанно, без истерики, попытался поговорить сам с собой. Обычно это считается первым признаком сумасшествия, но, поверьте, не в нашем случае.

– Тихо, Лёвушка, не плачь, не утонет в речке мяч! Надо мыслить позитивно, так и дедушка Хайям учил, чтоб ему… Отдыхает старый хрен где-нибудь на Карибском побережье, коктейли через трубочку пьёт, девиц в бикини любовными рубаи охмуряет, а я тут сижу по уши в вонизме, как граф Монте-Кристо! Ох, ох, ох… что ж я маленьким не сдох?! Конечно, таланты у меня, как у самого крутого уголовника. Могу украсть… все, что хочешь, могу украсть! Даже эту долбаную тюрьму, но для этого мне надо оказаться вне её, а не внутри. Внутри красть нечего, следовательно, профессиональные данные пропадают всуе… Хотя, с другой стороны, руки-ноги целы, голова… ещё болит, но пока на месте, а значит – жизнь продолжается! Эх, любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить! С вашим атаманом не приходится тужить…

Раздумчивое пение Оболенского прервал мелкий камушек, стукнувший его по макушке. Первоначально он не уделил этому особого внимания. За что соответственно получил по маковке вторично.

– Грех смеяться над больными людьми! – громко объявил Лев, шмыгая носом. Больной не больной, но насморк от такой сырости почти неизбежен… Наверху раздалась приглушённая перепалка. Кто-то с кем-то яростно спорил, и смутные обрывки фраз заставили-таки обиженного узника поднять голову.

– Живой… А ты не верил! Ну, так что, где моя таньга…

– Ты с ума сошел, клянусь аллахом!

– Да никто не узнает…

– Три таньга?! Мы спорили на четыре!

– Господин Шехмет нас убьёт…

– Ва-а-й, ну ты сам посуди, куда ему со двора деваться?! Хорошо, ещё две таньга…

– А я думал, муфтий не может быть вором…

– Ни за что у нас не сажают! Сам решётку поднимай…

– Где лестница?

– На твои таньга, подавись!

– Вах, зачем так ругаешься? Ты мне их честно проспорил… Эй, уважаемый! Эй!

«Уважаемый» – это, видимо, относилось к Оболенскому. Когда он допетрил, то сразу откликнулся, не дожидаясь третьего камушка. Мелочь, а неприятно…

– Что надо, кровососы?

– Ай-яй, почтенный человек, духовное лицо, а говоришь такие невежливые вещи… – Решётка над отверстием наверху исчезла, на фоне фиолетового неба чётко вырисовывалась голова в необычном, конусообразном тюрбане. – Скажи нам правду, о сидящий в зиндане, ты ли на самом деле настоящий Багдадский вор?

– Ну, допустим…

– Что он сказал? Кого допустим? Куда?! – встревоженно вмешались ещё два голоса, но тот, что расспрашивал заключённого, поспешил успокоить неизвестных товарищей:

– Он сказал «да»! Не позволяйте пустым сомнениям отвлечь вас от истинной причины нашего спора. Вспомните, сколько денег поставлено на кон! Эй, достойнейший Багдадский вор, а это правда, что ты можешь украсть всё на свете?

– Ну, в принципе…

– Где?! – теперь впал в лёгкое замешательство даже говоривший, и Лев вынужденно уточнил:

– Я могу украсть всё, что угодно, но для этого мне

необходима некоторая свобода действий.

– А-а… – облегчённо выдохнули все три голоса сразу. Потом голова пропала, решётка опустилась на место, а спорщики, видимо, удалились на совещание. Спустя пару минут всё вернулось на круги своя, а человек в чалме торжественно спросил у Оболенского:

– О великий вор, отмеченный хитростью самого шайтана, можешь ли ты поклясться именем Аллаха, что не причинишь нам вреда, если мы тебя ненадолго выпустим?

– А зачем?! – на всякий случай крикнул Лев.

– Мы с друзьями поспорили и хотим воочию убедиться в твоём непревзойдённом искусстве…

Глава 20

Мал золотарь, да ароматен.

Рекламная распродажа.

В ту судьбоносную минуту наш герой не думал ни о чём, кроме как о возможности покинуть это тёмное, сырое и смрадное место. Он охотно поклялся светлым именем Аллаха, всемилостивейшего и всемогущего (а если бы попросили, то и любым дополнительным божеством в придачу, ибо ничего святее свободы для него в тот момент не было). Впрочем, врождённая московская смекалка и опыт юридических увёрток позволили ему исключить из клятвы слово «вред», а сконцентрировать обещание на стандартных: «не убью, не покалечу, не ударю в спину…» и так далее. Ведь под понятием «вред» можно было бы предположить и логичный побег с шехметовского подворья, а Лев скрытно намеревался воспользоваться для этого любым шансом. Итак, в изукрашенном звёздами круге над головой узника показалось бревно. Или, правильнее сказать, толстая жердь с набитыми поперечными брусьями. На Востоке это сооружение смело именовалось лестницей. По ней Оболенский с замиранием сердца и выкарабкался наверх, к долгожданной свободе. Почему долгожданной? А вот вас бы засунуть в такую яму хотя бы на пару часов, и я охотно послушал бы, какие ласковые и красочные эпитеты вы придумали бы этому месту. Лев ощущал себя узником Бастилии, томившимся в застенках как минимум сорок лет! Лестницу тут же вытянули обратно, зиндан прикрыли деревянной решёткой, а Оболенскому связали ноги. Он не протестовал, просто стоял не шевелясь, жадно, полной грудью вдыхая прохладный воздух ночи. Кто-то тронул его за плечо, и блаженно жмурящийся Лев ощутил легкий запашок… вокзального туалета! Диссонанс с благоуханиями восточной ночи был так велик, что бедного вора аж передёрнуло от омерзения. Он наконец-то спустился с благословенных небес на грешную землю и соизволил оглянуться… Его окружали три человека. Двое в стандартных одеждах городской стражи, без копий и щитов, но с ятаганами за поясом, а третий… странный какой-то. Вроде бы упитанный, хотя одет в рванину, на голове чалма уложена конусом сантиметров на шестьдесят в высоту, левая щека перевязана платком, наверное, флюс, и запах… Запах шёл именно от этого третьего!

– Поклянись именем Аллаха, что ты не приблизишься к нам и не нанесёшь нам обиду! – потребовал вонючий тип.

– С превеликим удовольствием, – честно ответил Лев, отступая в сторону. – Да я к тебе под угрозой расстрела не прикоснусь… Мужики, из какого унитаза вы его выловили?

– Это новый золотарь, – хихикнув, просветили стражники. – Он чистит отхожие места и увозит на своем осле мусор.

– Ясненько… Ну, и чего от меня надо друзьям ассенизатора?

– Видишь ли, уважаемый, – опять вмешался в разговор чистильщик сортиров. – Я имел дерзость поспорить с этими высокородными господами, что истинный Багдадский вор способен за одну ночь обчистить всё подворье великого Шехмета…

– А мы клянёмся, что это не под силу никому!

– Как скажете, благородные воины… но я поставил на этого человека все двенадцать таньга и своего осла в придачу.

– Угу… ты ещё штанишки свои положи сверху, и парни сами откажутся от выигрыша… – душевно посоветовал Лев, но общую суть проблемы уловил. – Итак, если я награблю тут у вас целую гору добра и никто даже не почешется, ты, санперсонал, получаешь?…

– Двадцать четыре таньга, – хором подсказали стражники.

– А если хоть кто-то проснулся или кучка награбленного слишком маленькая, то весь барыш (монетки плюс осёл) идёт доблестным слугам закона?

– Истинно так, – кивнул золотарь.

– Ну а что, собственно, с этого поимею я? – резонно вопросил практичный россиянин. Вопрос поставил спорщиков в тупик, но не надолго.

– Независимо ни от чего ты будешь гулять под луной, счастливо наслаждаясь чистым воздухом этой последней ночи. Но до утренней смены тебе придётся вернуть всё украденное на свои места! Утром ты примешь смерть с лёгким сердцем…

– М-да… должен признать, предложение заманчивое, – поразмыслив, согласился наш герой. – Но при одном условии: этот яйцеголовый тип с больным зубом держится от меня подальше. Иначе чистым воздухом подышать мне никак не удастся!

Активных протестов не было, таким образом, всё четверо пришли к взаимоприемлемому соглашению. Оставалось обсудить рабочие детали типа: у кого что и, главное, в какой очерёдности красть? Золотарь помалкивал, видимо всё-таки обиженный на Лёвину брезгливость, а вот стражники расстарались вовсю. Не будучи знакомы даже с первоосновами воровского ремесла, они поназаказывали такого, что у Оболенского попервоначалу едва не отпала челюсть. Во-первых, следовало выкрасть всех лошадей, во-

вторых – ограбить кухню, в-третьих – извлечь войсковую казну, а в-четвертых – утащить парадную чалму самого Шехмета! Честно говоря, последнее предложение внесли не стражи, – противный ассенизатор почему-то настоял на непременной краже у высшего начальства, хотя вроде бы это было и не в его интересах. Территориально всё подворье представляло собой правильный квадрат, обнесённый высоким забором из камня и глины. Большие деревянные ворота запирались на засов, справа от ворот находился двухэтажный особняк Шехмета, рядом плац для занятий с оружием, слева – казармы, конюшня и кузница. В принципе, всё рядом, и, прикинув общий план действий, Лев решил, что, пожалуй, всё-таки справится. Если, конечно, немного поменяет порядок действий…

– Итак, парни, прошу внимания – я начинаю!

– Давай-давай! Да сохранит тебя Аллах, сын шайтана! – воодушевлённо напутствовали спорщики. Оболенский резво шагнул вперёд и… рухнул носом в пыль – верёвки на ногах позволяли лишь семенить мелкими шажками.

– Не, братва… так дело не пойдет. Я вам не ёжик какой-нибудь и не расписная китайская невеста! Вор должен двигаться быстро, а с такими условиями я отсюда до казармы только к утру доберусь… Развязывайте на фиг!

– Ай, а вдруг ты захочешь нарушить клятву и убежать?!

– Тогда меня покарает безжалостная десница небес. Они о-о-ох как суровы с клятвопреступниками!

– Вай мэ, какой умный нашёлся… – быстренько скумекали стражи. – А господин Шехмет утром накажет нас, не дожидаясь божественного правосудия! Нет уж. Мы, пожалуй, развяжем тебе ноги, но накинем аркан на шею, чтоб… ты не поддался искушению.

Оболенский едва не искусился другим грехом – сквернословием, но как-то сдержался. Ему почему-то показалось, что местные жители не поймут тех грязных и сочных обозначений, вроде бы естественных вещей и деяний, коими так богат русский мат. Получилось почти в рифму, и Лев обрадовался, решив как-нибудь на досуге попробовать себя в сочинительстве классических рубаи. Ведь его дедушка Хайям ибн Омар слыл здесь признанным поэтом…

– Ну, так что, ты согласен, о вороватый предмет нашего спора? – Подоспевший золотарь уже разматывал длиннющую волосяную веревку.

– Шакал багдадский тебе товарищ… – смачно сплюнул наш герой и кивнул стражникам: – Нате, вяжите, душите, водите на поводке, как пекинеса, только уберите подальше этого

ароматизированного труженика. Вам же после него весь двор проветривать придётся…

Чистильщик скрипнул зубом и сжал кулаки. На мгновение щелочки его чёрных глаз блеснули очень знакомым огоньком. Но у Льва, как вы понимаете, не было времени выспрашивать и уточнять…

Глава 21

Небо в алмазах появляется только после качественного удара о землю…

Астрологическая поправка Авиценны.

С кухней особых хлопот не намечалось, на дверях даже не оказалось замка. Видимо, никому и в голову не могло прийти покуситься на остатки вчерашнего ужина. Грязные котлы, закопчённый очаг, чёрные вертела, чан с отбросами и погреб. Вот погреб как раз и оказался запертым, ибо именно там хранилось то единственное, что стоило украсть, – вино! Целых четыре огромных, почти ведёрных, кувшина, каковые Лев и вынес аккуратненько наружу. Верёвка немного давила шею, но в общем позволяла двигаться достаточно свободно. Не сомневайтесь, затарившись среди кухонной утвари двумя вполне сносными ножами, Оболенский легко мог избавиться от унизительного ошейника, но не хотел. Пока не хотел… Когда он выволок наконец четвёртый кувшин и остановился на пороге перевести дух, троица спорщиков уже вовсю помахивала пиалами. Причём, как намётанно определил опытный в таких делах Лёвушка, пили в основном стражники, а золотарь подливал и произносил тосты. Если это и отдавало чем-то слегка подозрительным, то не настолько, чтобы чрезмерно заострять внимание…

– Братва, а мне не плеснёте на помин души?

– Не наглей, уважаемый… – вежливо, но строго ответил разливающий. – У тебя своя работа, у нас своя. Имеют право честные мусульмане празднично отметить победу или проигрыш?

– Да, но ведь Аллах запреща…

– А мы по чуть-чуть!

Оболенскому ничего не оставалось, как захлопнуть варежку и направиться к апартаментам Шехмета. Лично у меня во время всего рассказа чесался язык спросить Льва, почему же нигде (ни у конюшни, ни у казарм, ни при входе в штаб-квартиру начальника городской стражи!) ему не встретилось ни одного часового?! Неужели всё подворье, кроме двух легковерных любителей поспорить, спало беспробудным сном? Оказывается – да! Часовые были, но совершенно бесстыже спали на своих постах в обнимку с копьями, укрываясь круглыми щитами. Двое у входа в казарму, один у конюшни, четверо у главных ворот, а ещё двое на пороге

шехметовского особняка. Почему спали, вопрос отдельный… Но мы ещё к этому вернёмся, а пока наш герой, беспроблемно проникнув в помещение, едва ли не ногтем открыл длинный кованый сундук и вынес шесть тяжёленьких мешочков с денежками. То есть практически всю войсковую казну городской охраны. Четыре мешка он положил перед восторженно икающими стражниками, а два тихонечко припрятал под мышками. Если золотарь что и заподозрил по несколько раздувшейся фигуре Багдадского вора, то возникать с обличениями не стал, а просто предложил за это выпить! По чуть-чуть, по-мусульмански… Льва такое развитие событий даже устраивало, ибо в его душе зрел план. То есть попросту удрать через забор он мог уже раз двадцать, но уйти из шехметовской темницы и ничего не взять на память… это было выше его сил! Причём следовало так взять на память это что-то для себя, чтоб оно на веки вечные врезалось в память не ему, а всем прочим. (Длинное предложение и немного сумбурное выражение мысли, но я стараюсь сохранять стиль рассказчика…) Так вот, делая вид, что он кругами движется к конюшне, Оболенский исподволь усеивал двор серебряными дирхемами. За ним не особенно следили, ходит на верёвочке, и ладно… Когда деньги кончились, даже луна покосилась в удивлении – вся территория городской охраны напоминала теперь звёздное небо! Холодный матовый свет, отражаясь в серебряных монетах, создавал полную иллюзию Млечного Пути и прилегающих созвездий. Оболенский удовлетворённо подмигнул бледной спутнице Земли – его творческой душе нравились подобные параллели… С лошадьми тоже проблем не было, Лев обматывал им копыта тряпками и выпускал по одной, хотя на тряпки пришлось рвать свою же чалму муфтия и халат. Собственно, там и было-то всего десять скакунов. Городская стража ходила по узким улочкам пешком, а десяток всадников использовался крайне редко, как мобильный, вспомогательный отряд быстрого реагирования. Хлопоты доставил только злобный арабский жеребец белой масти, подарок Шехмету от самого эмира. Капризная зверюга попыталась лягнуть Оболенского, а когда дважды промахнулась, то успешно цапнула его зубами за полу уже порядком укороченного халата. Не вступая в диспуты, конокрад просто врезал кулаком по бесстыжей морде, и, мигом присмиревший, озорник пошёл за Львом, как собачонка. Факт разгуливания лошадок по двору «отмечающие» правоверные встретили удовлетворённым гулом. Видимо, понятие «по чуть-чуть» у них немного сместилось в сторону «еще чуть-чуть и…». Краса воров Багдада понял, что пришло его время. Золотарь куда-то исчез, а двое умилённых стражников, повизгивая, уже вовсю

«делили» выигрыш.

– Ты… не справился, да… Не оправдал… мало украл! Совсем мало, ай-яй… у Шехмета ничего не сумел взять…

– Алло, парни! Кончайте пить, а то нахрюкаетесь так, что даже хрюкать не сможете (пардон за каламбур!). Иду я к вашему начальству, иду… Напомните только, что именно я должен там спереть?

– Чалму!

– Шаровары…

– Не-е-т, чалму…

– Да шаровары же, раздери шайтан твою душу! – упёрлись оба стража, но лишний шум абсолютно не входил в сценарий Оболенского:

– Кончайте бузить, наимудрейшие! Будь по-вашему, я принесу и то и другое.

– А мы… будем тянуть тебя за верёвку! – посовещавшись, решили стражники. – Ты… упадёшь и… всех разбудишь, а… а мы заберём осла!

– Не спешите, почтеннейшие, – холодно осадил хитрецов подоспевший чистильщик сортиров. – Вот мой осёл и вот мои деньги, но недостойно таких благородных воинов мешать честному спору. Подумайте, если великий господин Шехмет проснётся и обнаружит в своих покоях Багдадского вора, то на кого обратится его гнев?

– На… наши головы… – покаянно признали оба. – А и… чё же нам делать?

– Идти с ним и держать верёвку крепче, – деловито посоветовал золотарь. – Если кто-то проснётся – вы скажете, что поймали вора, накинув ему аркан на шею!

– Вай мэ-мэ! Ты в-воистину мудр! Хоть одежда твоя… зловонна, но разум… светел, ик!

Лев только пожал плечами, разделяя нетрезвый восторг стражей порядка, и безропотно взял их с собой. Уже подходя к распахнутому окну, он обернулся, краем глаза отметив, как в двух чанах, висящих по бокам у крепенького ослика, быстро исчезли все четыре мешочка с войсковой казной. Больше удивляться было нечему… Оставалась мелочь – проникнуть внутрь и совершить акт кражи. Спальню главы городской стражи Оболенский нашёл быстро, а поднадоевшую петлю с собственной шеи снял заранее, но не выбросил. Господин Шехмет, утомясь от дневных трудов, праведно храпел, утопая в шёлковых подушках, а в это время его бессовестно грабили. Лев взял самый красивый халат, расстелил его на полу и набил всем ценным, что только попалось под руку. Потом аккуратнейшим образом завязал конец

верёвки на голой лодыжке спящего и, закинув узел с вещами за спину, прошёл через весь дом на противоположную сторону. Там отыскал окно, выходящее на улицу, и, высунув нос, увидел ожидающего внизу чистильщика.

– Лови! – Тюк с краденым плюхнулся в сильные руки Насреддина. – А ты думал, я тебя не узнаю?

– Там, на базаре, ты спас мою жизнь, а сейчас я спасаю – твою. Клянусь аллахом, на этом мы в расчёте! Может быть, разбежимся, пока не поздно, Лёва-джан?

– Поздно, Ходжа…

Глава 22

Юность, увы, быстротечна.
Старость, впрочем, тоже не навсегда…

Бытовое наблюдение.

О том, что произошло во дворе городской стражи, наутро знал весь Багдад. Шум был такой, что скрыть произошедшее не оказалось ни малейшей возможности. Сам эмир потребовал немедля вызвать к нему высокородного Шехмета для получения полного отчёта о бегстве закоренелого преступника и страшном переполохе, взбудоражившем весь квартал. Благородный начальник городской стражи заявился по приказу, отчаянно хромая на левую ногу. Что он мог рассказать? Где-то под утро, ещё до пения петухов и муэдзинов, неведомая сила сдёрнула его спящего с постели и, проволочив за ногу по всему дому, буквально вышвырнула во двор! От его диких воплей из казармы высыпали заспанные стражники. По двору бегали возбуждённые криками кони, а вся земля была усыпана серебряными дирхемами. Может быть, поэтому причину тревоги было трудно установить… Вроде бы за верёвку, на которой выудили командира из его же дома, держались двое страшно удивлённых охранников. Впрочем, оба тут же сумели затеряться в толпе, подбирающей монеты. Навести порядок сразу не удалось, ибо воплями мученик сорвал себе голос, а ногу так вообще едва ли не вывихнул. (К слову сказать, определённую роль сыграл и тот факт, что в нижнем белье господин Шехмет уже не производил такого грозного впечатления…) Встревоженные соседи прибежали кто в чём, с палками в руках, думая, что началась война. Когда общая толкотня кое-как угомонилась, было проведено тщательное расследование первопричин. Оно привело к печальным результатам: из погреба в кухне вытащены все кувшины с вином (в одном – едва на донышке, три прочих – в целости), похищена вся войсковая казна (за исключением того, что осело за пазухой у стражи); из конюшни выпущены кони (впрочем, все на месте, во дворе), а из покоев самого Шехмета пропало: шесть халатов парчовых, шесть кальянов серебряных, шесть сабель, усыпанных бриллиантами, шесть пар дорогих сапог, украшенных жемчугами, и шесть ночных горшков из чистого золота. (Общий список был представлен пострадавшим лично эмиру, который тут же приказал выплатить компенсацию за счёт казны.) Также нашли

девятерых часовых, опоенных банджем (сильнодействующим наркотиком, вызывающим глубокий сон). Кроме того, обнаружилось бегство того самого Багдадского вора. Не иначе как ему помогли бежать безбожные дэвы или иблисы, ведь зиндан был прикрыт решеткой и заперт на засов. Виновных – традиционно нет… Это самое главное, остальное – детали… Согласитесь, что если в дело замешаны «нечистые силы», то говорить действительно не о чем, ибо их к ответу не призовёшь?! Говорят, в тот день эмир Багдада, величественный и осенённый благодатью Селим ибн Гарун аль-Рашид, впервые познал некоторое беспокойство и даже слегка поёрзал на своем троне из слоновой кости…

Оболенский и Ходжа Насреддин отсыпались в дешёвом караван-сарае, среди грузчиков и погонщиков верблюдов. От пережитых волнений прошлой ночи они оба повалились как убитые, привязав Рабиновича в уголке у забора. Осёл золотаря не являлся завидным объектом для угона, и краденые деньги в его чанах находились в полной сохранности. Шехметовские вещи, завязанные в помятый халат Оболенского, использовались как общая подушка. Двух друзей теперь уже вряд ли что могло рассорить, но даже во сне Лев всё-таки поворачивался к Ходже спиной. Оно и правильно, на этот раз «домулло» явно переусердствовал с маскировкой, и хозяин караван-сарая даже поначалу вообще не хотел его пускать. Зловонный запах пришлось компенсировать тремя таньга вместо обычной одной.

…Встали уже после обеда. Их разбудил башмачник Ахмед, он принёс новую одежду для Оболенского, ибо вновь появляться на улицах в изорванном платье муфтия было рискованно. Вкратце пересказав базарные сплетни, «изготовитель качественной обуви» поспешил обратно, захватив с собой тюк с краденым добром. Пока его «явочная квартира» была ещё довольно «чистой», все порешили на время переселиться туда и «залечь на дно».

– Слушай, Ходжа, когда ты мне сказал «новая одежда», ты пошутил? Это у тебя юмор такой специфический, да?! – не переставая ворчал Лев, плетясь в хвосте у Рабиновича. На его широких плечах косо сидела грязная кожаная безрукавка, а бёдра были попросту обёрнуты дряхлой козьей шкурой. Единственно достойным предметом являлся длинный, в десять метров, пояс из грубой красной ткани, обмотавший крепенькое пузо Багдадского вора раз восемь.

– Ты – нищий грузчик, – терпеливо напоминал Насреддин, по-прежнему изображающий золотаря. – Опусти голову, согни спину и ссутуль плечи – у тебя походка визиря!

– Но я и есть потомок древнего дворянского рода! – огрызнулся Оболенский, взбивая босыми белыми ногами пыль.

– Ай, клянусь Мухаммедом, я впервые слышу о ворах-аристократах! Да не выпячивай грудь и не задирай подбородок – люди твоего сословия не должны высовываться…

– Ха, вот ты бы видел, как одевают грузчиков в престижных инофирмах, я вот… где-то видел… Но не помню: где?!

– Тогда заткнись и улыбайся с покорностью, о сын греха… – елейным полушёпотом пропел «золотарь». – Не видишь, к тебе идёт наниматель!

И вправду, к ним навстречу чинно шествовал старичок, худой, как кочерга, но, судя по одежде, человек состоятельный. Его лицо напоминало переспелую коричневую грушу, узкий лоб был изрезан морщинами, а костлявый подбородок украшен длинной профессорской бородкой. Вкупе с неприятно сверлящими глазками и жёлтым зубом, торчащим напоказ, дедуля откровенно напоминал находящегося на задании пожилого и траченного молью демона. Такие вот и шастают по азиатским базарам, предлагая доверчивым мусульманам весь мир, если только те отступятся от ислама и продадут свою бессмертную душу…

– Так вот они какие – саксаулы… – понимающе протянул Лев.

– Аксакалы! – сквозь зубы выдохнул Ходжа. – Когда же я тебя выучу самым простым понятиям?!

– Джинн – учил, дед – учил, башмачник – учил, теперь ещё и всякий ассенизатор учить будет… – скорбно буркнул наш вор и сделал ангельское лицо – потенциальный наниматель вперился в него узкими, колючими глазками.

– Ты пойдешь со мной! – Богатый старик удовлетворённо оценил рост и руки мнимого грузчика. Оболенский кинул косой взгляд на друга, тот опустил ресницы – соглашайся.

– А что, собственно, надо делать?

– То, для чего тебя предназначила природа, глупое животное…

– Не может быть… – едва не взвыл от счастья воодушевлённый Оболенский. – Поправь меня, о благословенный пророк пенсионного возраста, – мы идём в гарем?!

У старца от удивления чуть не воспарила чалма. Ходжа понял, что пора брать дело в свои руки, не дожидаясь, пока аксакал призовёт на голову оскорбителя городскую стражу.

– Не волнуйтесь, почтеннейший, этот несчастный идиот – мой младший брат. Аллах наградил его недюжинной силой, но злобный шайтан отобрал последний ум, и бедолага с детства заговаривается. Склады и сараи он называет гаремами, мешки с

товаром – прекрасными пэри, меня, недостойного…

– Ах ты, пенёк, собаками помеченный! – обомлел Лев.

– Вот, слышали? – страдальчески всплеснул руками Насреддин. – Я денно и нощно молю небеса возвратить ему разум, но, увы, они безмолвствуют…

– А он не опасен?

– Что вы, уважаемый! Во всём остальном мой брат даже мухи не обидит! Да и труженик он, каких поискать… Большой, сильный, послушный! Только не слушайте его болтовню…

– Хорошо, – важно кивнул подозрительный старик, – пусть он идёт за мной. До вечера я найду ему работу в доме…

Как только «золотарь» обсудил все условия оплаты и получил за каторжный труд «младшего брата» две таньга вперёд, он напустился на Оболенского:

– Иди и трудись! А греховные помыслы о чужом гареме гони из головы в шею!

– Я не могу трудиться, это нарушение воровской этики… – хмуро отбивался «потомок дворянского рода». – И что я такого сказал? С гамадрила седобородого уже песок сыпется, а мне хоть поглядеть на этих… ваших… гурий!

– Зачем, о несносный зуд в моей пояснице?!

– Гормон пришёл… – Но, видя, что Ходжа не разделяет его страданий, Оболенский шмыгнул носом и покорился судьбе. Их ищут, а значит, действительно имеет смысл разделиться. Лавку башмачника Ахмеда на базаре он теперь и сам отыщет без труда…

Глава 23

На чужой гарем – штаны не разевай.

Табличка при входе.

Помню, как я звонил Маше в Москву, и она радостно поведала, что «больничного вора», видимо, скоро поймают. Доблестные работники милиции совершенно случайно получили очень важные улики… Не угадали? Да было сразу найдено все краденое! И где?! Под матрасом у безнадёжно лежащего в коме Оболенского! Медперсонал наконец-то решил поменять постельное бельё, а в результате под несчастным был найден целый склад. Разумеется, все вещи были опознаны и возвращены законным владельцам. Общественное мнение негодовало: это ж насколько надо быть законченным мерзавцем, чтобы прятать ворованное в постели обездвиженного больного, который не то что слова сказать – и глаз-то открыть не может. Теперь вся клиника с надеждой ждала поимки бесчеловечного злодея. Увы, радость была преждевременной… На какое-то время кражи действительно прекратились, но спустя недельку всё началось вновь… Повторяю, что лично я сам знаю о тех событиях исключительно понаслышке. Всё происходившее было описано мною со слов Маши Оболенской, и у меня нет причин ей не доверять. Но вернёмся к главному герою, да извинит меня его почтеннейшая супруга, и да продлят небеса годы её благоденствия… Чёрт побери, ещё десяток глав этого романа – и я даже в троллейбусе буду обращаться к кондуктору преувеличенно-вежливым слогом восточного рубай! Это всё из-за Льва… Я пытался понять, каким именно способом он намеревался опозорить эмира? Ну, не опозорить, а вообще хоть что-то ему сделать… Мне, стороннику традиционных взглядов на историю, казалось, что вход в эмирский дворец должен охраняться не хуже Московского Кремля. Сам властитель Багдада наверняка окружён не одним десятком телохранителей, а по всему зданию взад-вперёд снуют слуги, стражи, рабы и царедворцы. Готов принять обвинения в грубом скептицизме, но неужели нельзя было сочинить более правдоподобную историю, ограничившись противостоянием менее величественному противнику? Ну, не верю я, что эти двое ходили по городу, как у себя в ванной, и никто их не задерживал! И то, что они учинили с бедняжкой Селимом ибн Гаруном аль-Рашидом, тоже выглядит чрезмерно

фантастичным… Сам Оболенский объяснял происходящее весьма убедительно и логично, но об этом позднее. На данный момент мы вроде бы оставили его на базаре со странным старичком. О, это оказался ещё тот старик… По этому случаю я возьму на себя смелость озаглавить эту историю, как ***«Сказ о Багдадском воре, страшном пустынном гуле и одной бедной, но храброй девушке»…***

Всю дорогу Оболенский то в шутку, то всерьёз уточнял насчёт гарема. Его наниматель оказался человеком крайне несловоохотливым и отвечал жёстко, в одно предложение, так клацая зубами, словно откусывал точку в конце каждой фразы. В результате выяснить удалось немногое… Конечным пунктом похода является богатый дом на отшибе самой окраины Багдада. Конечной целью найма грузчика – перенос скопившихся мешков с костями мелкого рогатого скота и зарытие их в землю за крепостной стеной. Там находилось печально известное кладбище неверных, где хоронили бродяг, путешественников, прокажённых, а также всех представителей немусульманских религий, застигнутых неразборчивой смертью в стенах благословенного Аллахом города. Как понял Оболенский, Багдад имел не только парадные ворота, кое-где можно было выйти и через незаметную калиточку (заплатив за это кое-кому и кое-что, разумеется). В идеале тяжёлая работа по переноске мешков и маханию совковой лопатой должна была закончиться к вечерней молитве. Льва обещали накормить и выдать на руки ещё две таньга, если управится к сроку. Не будем врать, что его это обрадовало, но одна случайная фраза старичка вселяла робкую надежду – «не вздумай заглядываться на моих жён, когда будешь носить мешки из дому!». Жён, по словам старика, раньше было шестеро, седьмая, самая молоденькая, перешла в жилище мужа буквально три дня назад. Оболенский воспрянул духом и почувствовал знакомый огонёк в жилах, широта его шага выдавала степень желания так, что дедок даже завистливо покосился. Впрочем, ничего не сказал. А где-то через полчасика показались окраинные трущобы. Двухэтажный белый дом на отшибе выделялся, как небоскреб. Ноги сами несли нашего героя навстречу одному из самых кошмарных приключений в его жизни…

– Что-то тихий у тебя домик, хозяин… – Оболенскому с первого взгляда не понравились высокий забор, узенькая калитка, более напоминавшая крышку гроба, и совершенно пустой двор. – У других людей куры бегают, собаки лают, детишки чумазые туда-сюда с визгом носятся. Ты что ж, при семи жёнах и всё без детей?!

– Замолчи!

– Не, дедуль… Я ж как лучше хочу, посодействовать от всей души! В твои-то годы, понятно, храни аллах, до туалета вовремя добежать – какая, на фиг, любовь?! Так я к тому, что, может, мне тут переночевать? Дело быстрое, Аллаху угодное, оплата по факту, фамилию крошкам дашь свою – я не в претензии…

– Хорошо, – неожиданно согласился старик, и его узкие глаза на мгновение блеснули отточенно-красным. Он поманил «грузчика» за собой, открывая медным ключом тяжёлую дверь дома. – Зови меня Ай-Гуль-ага!

– Айгуль?! – простодушно удивился Лев. – А разве это не женское имя?

– Как посмотреть, глупец…

Если бы мой друг, имеющий за плечами весьма достойное университетское образование, чуть больше интересовался мифами и легендами Востока – он бросился бы бежать, едва услышав это имя. Или, правильнее сказать, аббревиатуру, но общий смысл от этого не меняется. Если старику удалось навскидку обмануть даже Ходжу Насреддина, выросшего на страшных сказках караванщиков и бродячих дервишей, что уж говорить о современном россиянине? К стыду моему, даже я не сразу догадался, в чей дом попал наш Багдадский вор. Хозяин сразу повёл его по коридору направо, в кухню. Там щедро предложил пресные лепёшки, козий сыр и немного фруктов. На вопрос Льва насчёт мясного только таинственно улыбнулся, демонстрируя неровные, но крепкие зубы. Оболенскому пришлось мрачно набивать желудок предложенным. Общую атмосферу на кухне портил огромный казан, впечатляющая выставка вывешенных на стене ножей и топоров да лениво летающие толпы безобразно раскормленных мух. Поэтому он был даже рад, когда старик быстренько вернулся и призвал его к делу. Они прошли ещё в одну комнату, где всё было украшено пышными персидскими коврами и, откинув один из них с пола, открыли потайной люк. По-русски поплевав на ладони, Оболенский бодро спустился вниз и по одному выволок четыре тяжеленьких мешка, явно набитых костями.

– Слуг не было. Пришлось копить, – скупо пояснил Ай-Гуль-ага. – Съел крупного барашка – кости в мешок.

– Ну ты и жрать, прости господи… – только крякнул Лев, взваливая трещащий мешок себе на спину.

– Свадьба была. Много ели, много пили, гостей мно-о-го было…

Дальше пошла работа, и времени на болтовню, естественно, не оставалось. Сначала Оболенский таскал все мешки из дома во двор, потом тягал их же со двора за забор, а там уж, метров сто

вдоль крепостной стены, к заранее предупрежденному стражнику. Поняв, что ещё и за стенами Багдада всё это надо переть на себе с добрый километр до кладбища иноверцев, он едва не пал духом. Но выстоял и только шумно ругал Насреддина за то, что тот коварно свёл его осла. Помощь Рабиновича в деле транспортировки тяжёлых грузов могла оказаться неоценимой. Увы, длинноухий друг отсутствовал, а значит, приходилось волочь все это на собственном горбу… А ведь пришлось ещё и копать яму, да не лопатой, а мотыгой! Вот уж воистину садовый инвентарь, о котором выросший в центре Москвы Лев не имел ни малейшего понятия. Короче, когда всё было закончено, его аристократические руки покрылись кровавыми мозолями, поясница ныла, как проклятая, а от особо насыщенных выражений покойные христиане восторженно переворачивались в гробах. Когда солнце уже садилось за багдадские стены, а с далёких минаретов муэдзины стали призывать правоверных к вечерней молитве, Лев Оболенский, еле волоча ноги, шатаясь, протискивался в узкую калиточку дома Ай-Гуль-аги. О гуриях он в ту минуту совершенно не думал. Гормон ушёл далеко, но, как оказалось, не безвозвратно… И ненадолго, кстати…

Глава 24

Тушканчиков бояться – в пустыню не ходить!

Узбекская охотничья мудрость.

– Загонял ты меня, хозяин…

– Будешь крепче спать. Хочешь лепёшку?

– Ох, я бы лучше щей тарелочку, со сметанкой… или блинчиков!

– Это пища неверных…

– Не заводи, саксаул, я сейчас грубить начну… Ладно, давай сюда свою лепёшку! Вегетарианцы, чтоб вас…

Поверьте, даже шевеление челюстями казалось бедному «грузчику» непосильным трудом. Заботливый хозяин предложил ему кислое молоко, чем заработал тяжёлый взгляд и пожелание доживать последние годы на одном кефире. А вот Ай-Гуль-ага нисколько на него не обиделся и, более того, весь лучился желанием посытнее напотчевать ценного работника. Он даже намекнул пару раз, что готов устроить Льва на ночлег в свободной комнате второго этажа, прямо напротив гарема. Как истинный мусульманин, он, конечно, обязан следить за своими жёнами, но сегодня тяжёлый день, его клонит в сон, а юная Джамиля так своенравна и шаловлива, ей вечно не спится… Если бы Оболенский не был так измотан, то, несомненно, обратил бы внимание на явно завлекающую болтливость неразговорчивого старца. Но, увы… Стоп, я тоже больше не буду запугивать вас раньше времени, иначе станет неинтересно. Хотя лично мне было страшно…

– Иди наверх. Ложись. Спи, – напутствовал старик, нетерпеливо подталкивая Оболенского в спину. Медная аладдинистая лампа чадила и шипела, но освещала тёмные коридоры дома.

– Полегче там… Ой-ё, ноги, как ватные…

– Джамиля не спит. Ждёт.

– А-а… так ты бы шёл баиньки, дедуля?! – разом выпрямился Лев, чьё воображение мгновенно нарисовало ему бесцельно нежащуюся на подушках юную одалиску в прозрачных шароварах. – Я уж сам разберусь, ты только покажи, где моя постелька, а где – Джамили. Ну, чтоб я во тьме не перепутал, а то ещё попаду не туда…

– Туда попадёшь, – уверенно хмыкнул хозяин.

– Угу… вообще-то всегда попадал – женщины не жаловались, – раздумчиво припомнил Лев. – Вот было иду я как-то по проспекту, а на улице холод, снег под ногами хрустит, светофоры мигают, от метро до общаги метров двести будет. У меня шампанское в пакете, конфетки-трюфели всякие – к нам в университет по обмену опытом эфиопская делегация приехала. И была там одна кучеряшечка – фигурка, как из чёрного дерева! Короче, мечта мартовского мурзика, выдающаяся во всех местах и, главное, без моральных устоев. А какой облом получился?! Я ж до сих пор заикаюсь, как вспомню… но в последнее время реже… не помню потому что.

– Пришли. – Старик дрожащей рукой постучал в простую деревянную дверь. – Джамиля-а-а! Не спишь?

– Нет, мой господин… – еле слышно донеслось в ответ.

Оболенский привстал на цыпочки и вытянул шею, его ноздри раздувались, как у сибирского изюбра во время гона. Ай-Гуль-ага откинул засов и сильно толкнул его внутрь:

– Джамиля, к тебе гость!

– Э… здрасте, – вежливо сказал Лев в дурманную темноту. Дверь за спиной захлопнулась, запор лязгнул, а глаза, привыкшие к свету лампы, не различали ни зги. Он осторожно сделал шаг вперёд, на что-то налетел, едва не растянувшись на полу, извинился по-английски и ощупью добрался до маленького, узенького окошка, забранного решёткой. Именно сквозь него проливался хоть какой-то свет…

– Кто ты, бедный человек? – совершенно бесцветным голосом спросили из самого тёмного угла.

– Я? А… позвольте представиться, милая девушка, меня зовут Лев Оболенский. И должен признать, я – человек не бедный. Этот костюмчик вшивенький… он вроде маскировки, а так я уже… думаю, довольно богатый!

Всматриваясь изо всех сил, он наконец-то сумел смутно разглядеть вжавшуюся в угол девичью фигурку. Она сидела прямо на полу, в рубашке и шароварах, подняв колени к подбородку так, что были видны только настороженно блестящие глаза.

– А вы, как я понимаю, Джамиля? Вот и салам алейкум! Будем друзьями… – Лев открыто протянул ей руку, но девушка только вздрогнула, отшатнувшись. – А может, и так… просто знакомыми. Тут ваш супруг, в смысле, муж ваш, он…

– Он страшный человек…

– Да ну? – как можно обаятельней улыбнулся Оболенский, его «нереализованный пыл» незаметно пропал, уступив место жалости и пониманию. Девушка казалась такой безнадёжно

обречённой, что наш герой тактично постарался разрядить тревожную напряжённость. – На вид вполне безобидный старичок! Благообразный, как пасхальный кулич. Не болтливый опять же…

– Он плохо говорит, – подтвердила Джамиля, – ему зубы мешают, слишком острые…

– Как у волка в «Красной Шапочке»?

– Зачем ты здесь? – Девушка порывисто вскочила и шагнула к окну, пристально вглядываясь в открытое лицо ночного гостя. Она действительно была очень хорошенькой. – Ты сильный, у тебя большое сердце, и ты зовёшь себя Львом! Почему ты не убежал? Ты мог спрятаться в пустыне, а теперь… Он придёт за тобой…

– Кто? Дедуля давно спит, крошка! Он сам просил меня, чтобы…

– О нет! Нет, мой храбрый юноша, гуль заманил тебя! Я видела в окно, как ты носил эти страшные мешки, и молила Аллаха, чтоб он помог тебе бежать… увы!

– М-м-р, но разве так уж плохо, что я тут несколько задержался? – чуть шаловливо мурлыкнул Лев, незаметно обнимая скуластую красотку за талию и ненавязчиво тоже намереваясь перейти на «ты».

– Ты не понял меня… У гуля кончилось мясо! – отстранилась девушка.

– Видимо, не понял, объятия отложим на послезавтра… Но мясо точно кончилось, этот седобородый скупердяй пичкал меня пересохшими лепёшками, прелыми овощами и прокисшим молоком! Нет, представляешь?! И это после того, как я на него полдня вкалывал, не разгибаясь…

– Теперь он съест тебя…

– Кто?!

– Гуль.

– Твой престарелый муженёк Ай-Гуль-ага, что ли?! – не понял вконец запутавшийся Оболенский. Его не стоит ругать, скорее он достоин сочувствия. Всего слишком много и сразу, к тому же во всех сказках мира герой-спаситель, как правило, отличается не умом, а шириной плеч и тяжестью кулаков. Это имелось в наличии, поэтому Джамиля чисто по-женски взяла проблему в свои руки и быстренько понарасставила все нужные акценты:

– Хозяин этого дома – ужасный гуль. Гули – это страшные исчадия ада, вышедшие на свет из смрадного чрева самого шайтана! Они живут в норах или пещерах, а по ночам нападают на одиноких путников, отставших от каравана. Пьют кровь правоверных мусульман и оставляют от тела только обглоданные

косточки.

– И… что, этот наш… ваш… муж, он тоже гуль?!

– Он самый старый, самый опытный гуль среди всех кровососов семи аравийских пустынь! Потому и живет в Багдаде… Его не пугает солнечный свет, он мудр и хитёр, а остальные почтительно зовут его Ай-Гуль-ага. Что означает: «Ай-яй, наш уважаемый дедушка гуль!»

– А у тебя-то откуда такие сведения? – чуть отстранился не на шутку встревоженный Оболенский.

Девушка глубоко вздохнула и посмотрела на него долгим взглядом печальных карих глаз:

– Я давно здесь живу. Гуль заплатил большой калым моему бедному отцу и уже пять лет держит меня как приманку для заезжих гостей. Он заманивает их в эту комнату, а потом убивает… Иногда приглашает на кровавый той гулей со всех окрестностей.

– Мать моя женщина, так этих тварей здесь много?!!

– Семь или восемь, живут за кладбищем неверных… Конечно, бывает, что попадается отважный джигит или принц с заколдованным ятаганом, гуль боится только дамасского клинка с гравированной молитвой из Корана, прошлым летом люди убили двух…

– А как насчёт чеснока, карманного распятия, святой воды и серебряной пули? – быстренько припомнил Лев, но Джамиля покачала головой:

– Говорят, эти средства хороши против кошмарных вампиров Запада, но мы на Востоке. Гуль очень силён, и в ярости способен разорвать мусульманина пополам. Нам остаётся только взывать к помощи и защите Аллаха…

– А как же другие жёны?

– Больше никого нет, тебя обманули.

Багдадский вор страшно обиделся, шагнул к узенькому окну, высунул нос наружу, несколько раз страстно втянув ноздрями свежий ночной воздух. Потом его лицо неожиданно побагровело, брови грозно сошлись на переносице, подбородок нервно задрожал, и над спящими окраинами Багдада, громыхая, раскатился львиный рёв:

– Ну-у, Насреддин, карданный вал тебе в заднюю дверцу! Удру-ужил! Я тебе всё припомню-ю-ю… (Далее непереводимая колоннада тонко подобранных друг к другу чисто московских ругательств, не имеющих дословного аналога в древнеаравийском и повседневного употребления в интеллигентских кругах, к каковым я и причисляю вас, уважаемые читатели. На пару минут заткните уши…)

Глава 25

Хорошая драка всегда найдёт благодарного зрителя…

От посетителей пивных баров.

Когда Джамиля поняла, что этот здоровенный детина с царственным именем намерен драться, – её удивлению не было предела! Любой житель Востока знает, что в одиночку одолеть гуля абсолютно невозможно. Как уже упоминалось, это делается специально обработанным оружием, да и то является редкостью, достойной упоминания в легендах. Мой друг в такие тонкости не вдавался. Когда Оболенских обижали – они давали сдачи! Так повелось исстари, из поколения в поколение, и никто на свете не сумел бы внятно объяснить Льву необходимость покорно опуститься на колени, сложить ручки и вознести мысли к престолу Аллаха, всемилостивейшего и всемогущего… Первый вор Багдада профессионально перерыл всю комнатку, но, к сожалению, ничего пригодного для нанесения увечий не обнаружил. Ковёр, матрас, четыре подушки, стёганое одеяльце, медный таз для омовения и маленький шестиугольный столик-дастархан. Мелкая утварь типа тарелок, пиалы и тапочек вообще в расчёт не шла… Поэтому, когда за дверью раздались уверенные шаги ужасного старца, Оболенский смущённо признал, что может рассчитывать лишь на собственные кулаки. Джамиля не знала, смеяться ей или плакать, глядя, как «новая жертва» разминается в боксёрской стойке. Стукнул засов, и дверь отворилась…

– Я пришёл. – На этот раз Ай-Гуль-ага заявился без лампы, его узкие, маслянистые глаза так и горели под кустистыми бровями, что придавало старичку вид резинового манекена из стандартного набора «комнаты ужасов» в Луна-парке. Что, кстати, и ввело в заблуждение Оболенского – уж слишком кукольно выглядел восточный кровосос.

– Вообще-то ты не вовремя, дедуля. Мы ведь только-только знакомиться начали – улыбочки застенчивые, первые стыдливые объятия, так сказать… А тут ты в двери ломишься! Иди спать, пожалуйста…

– Нет. Я голоден.

– Тогда лепёшку какую-нибудь перед сном съешь или персик укуси. Иди спать, по-хорошему прошу…

– О наивный глупец! Ты так и не понял, кто я?! –

торжественно осклабился старик, а Джамиля, прячась за спиной Льва, прикрыла лицо руками. – Я – злонравный и устрашающий Ай-Гуль-ага! Глава всех гулей, пьющих кровь и пожирающих мертвечину! Гордость Шайтана, печаль Аллаха и ужас правоверных!

– Ну, знаешь… Я, между прочим, тоже кое-чего гордость и ужас! – невольно завёлся Лев.

– Ты хочешь бороться?! Со мной? – Видимо, длина предыдущей речи полностью исчерпала все мыслимые резервы старца, и он вновь перешёл на простые предложения. – Я – сильный!

– Армрестлинг?! – мгновенно отреагировал Оболенский, подняв к носу гуля раскрытую ладонь. Тот, не задумываясь, принял вызов. Несколько секунд они дружно пыхтели над маленьким дастарханом, пытаясь честно положить руку соперника, пока нечеловеческая сила азиатского вампира не взяла верх.

– Я победил!

– Подумаешь… просто у меня запястье растянуто из-за этой проклятой мотыги!

– Теперь очень хочу есть! – Ай-Гуль-ага оскалил клыки и резко нацелился на горло спортивного соперника. Багдадский вор без колебаний врезал ему по зубам. Долгую минуту старик сидел на корточках, с идиотским выражением лица держась за челюсть. Видимо, такого отпора он не ожидал, на культурном Востоке не принято бить морду аксакалам…

– Ты ударил меня, сын греха!

– Да на себя посмотри, дитя порока! Не знаю, уж чего ты себе навоображал, но я не забитый погонщик верблюдов и не запуганная дочь нуждающихся родителей. Ещё раз так мне улыбнёшься – удалю всю челюсть без помощи стоматолога!

На этом конструктивный диалог закончился, началась драка. Лично я полагаю, что в её описании мой друг, мягко говоря, погрешил против истины. Его послушать, так от старого гуля даже обгорелых тапок не должно было остаться… Ибо что, собственно, мог дедушка? Ну, укусить как следует – это да… Грязную безрукавку грузчика гуль действительно изгрыз в клочки. Что ещё? Да, физически он был гораздо сильнее Оболенского, но… ростом ниже, весом меньше, а в знании практических приёмов боевых единоборств вообще оказался сущим котёнком. Мы только в газетах пишем о том, что являемся самой миролюбивой нацией, а вот попробуйте-ка найти хоть одного россиянина, не умеющего показать парочку приёмов… Лев вырос на широких московских улицах, посещал спортивные

секции, служил в тогда ещё Советской Армии и мог постоять за себя! Он кидал пожилого Ай-Гуль-агу «броском через бедро» об стену, он бил его в живот ногой ударом «ёка-гери», валил, поймав тощую шею во «французский ключ», наносил апперкот за апперкотом и даже произвёл ущемление икроножной мышцы в партерной борьбе. Джамиля только восхищённо попискивала, глядя на геройские подвиги своего защитника. Злобный гуль был поколочен, исщипан, заломан, оплёван, но по-прежнему голоден и бодр! А вот Оболенский в конце концов, естественно, выдохся… Тут-то старый негодяй и повалил его на пол, поудобнее завернул «сыну греха» руки, глазом опытного кровопийцы примериваясь к его белой шее:

– Всего не съем. Позову гостей, мяса много.

– Чтоб я тебе поперёк глотки встал, каннибал австралийский! – с чувством прохрипел Лев, всё ещё силясь встать. – Чтоб ты моей печенью поперхнулся! Чтоб у тебя от моих окорочков уровень холестерина прогрессировать начал безоглядно! Чтоб…

– Ва-а-х… зачем так говоришь? Старших уважать надо-о-о-о-у!

Конец нравоучительной фразы потонул в грохоте медного таза. Расхрабрившаяся Джамиля изо всех сил ахнула законного мужа по лысой голове (чалму дедуля успешно потерял в драке). На медном днище осталась глубокая вмятина, и он, дребезжа, откатился в угол. Туда же на четвереньках уползла и перепуганная содеянным девушка. Главный гуль только почесал макушку – зримого сотрясения мозгов не последовало.

– Грязная девчонка! Его съем – тобой займусь.

– Только тронь её – загрызу, как мамонта!

– Не грози. Что ты можешь?

Багдадский вор извернулся из последних сил, и… острые клыки, не дотянувшись до шеи, сомкнулись на его плече. Бедный Лев едва не взвыл от дикой боли! Старик удовлетворённо облизал перемазанные кровью губы и противно захихикал:

– Ты ничего не можешь. Шайтан научил меня. Я живу кровью правоверных мусульман. А ты на вкус… ик! ик! ик! ой… ай… ва-а-а-й!

Ай-Гуль-ага неожиданно вытаращил глаза и скатился с Оболенского. Похоже, что дедушку-вампира не вовремя хватил удар или глоток крови пошёл не в то горло. Гуль натуженно хрипел, его словно тошнило, выворачивая наизнанку! Злобное порождение тьмы билось в конвульсиях, царапая ногтями пол, стуча пятками и скуля, как будто неугасимый огонь обжигал его внутренности. Оболенский кое-как, не без помощи девушки, отбуксировался задом в угол, с недоумением наблюдая за происходящим. Ай-Гуль-ага умирал недолго, но мучительно… Его

старческое тело, перестав извиваться, вдруг начало прямо на глазах у перепуганных жертв распадаться на куски. Он просто превращался в пепел… Причём ни с того ни с сего, без всякой видимой причины! Когда спустя минуты три на смятом ковре осталась лишь пересыпанная пеплом одежда хозяина дома, Лев и Джамиля позволили себе переглянуться.

– Он умер?

– Судя по всему, да. Я, конечно, не медэксперт, и надо бы посоветоваться со специалистами, но в целом…

– Хвала Аллаху! – Девушка вне себя от радости бросилась покрывать ноги Оболенского поцелуями…

– Джамиля! Ты с ума сошла! Ну… не надо!

– О! – Счастливая вдова страшно смутилась и, дурачась, прикрыла ладошками глаза. – Да ведь ты совсем голый!

– Вай дод… – Лев тоже позабыл, как в пылу борьбы потерял свою набедренную одежонку из козьей шкуры. – Вот видишь, мне и прикрыться нечем, какие уж тут поцелуи… Джамиля! Ты чего это? Джамиля, я не… я… Ой-е! И как у тебя это так получается… Но почему же все время ты… Ну-ка, что у нас там за пуговки? И вот тут еще… ага… и здесь… Джамиля, ты – чудо! Оу-у-у!… Солнышко мое, пожалуй, я всё-таки прощу этого гада Насреддина…

Глава 26

Ну, все. Целую ниже…
Подпись – твой Сережа.

Популярная песенка.

Не ждите от меня сладострастных описаний этой ночи! Мой друг женат, его супруга – милейшая женщина, зачем усложнять жизнь двум хорошим людям?! Тем более что происходило всё где-то в мифическом сказочном пространстве, в неизвестном измерении, когда и сам Лев себя толком не осознавал и не помнил. Он пребывал в коме и лежал в московской клинике, как говорится – взятки гладки. А уж чем занимался в это время его двойник (тень? дух? альтер эго?), думаю, никого не касается… Сам Оболенский рассказывал о Джамиле с оттенком романтической ностальгии в голосе. Она была игрива, умна, изумительно сложена и… (долгий вздох мужской сентиментальности!) имела такие маленькие розовые ушки, которые хотелось целовать и целовать ежеминутно. По тогдашним законам ислама молодая вдова не могла наследовать имущество мужа, не имея от него детей. В крайнем случае нужно было заплатить и доказать муфтию непреложный факт беременности… Ей это удалось. Девушка умела постоять за себя, а в доме оказалось достаточно золота, чтобы вопрос о странной смерти мужа отпал сам собой. Не буду врать, чем и где посодействовал Багдадский вор – Лев Оболенский, но о Джамиле он всегда отзывался уважительно и нежно, как о самом преданном друге. Она же неустанно молила Аллаха, чтобы тот уберёг её тайного возлюбленного от стражников эмира. Впрочем, всё это уже детали, насколько лишние, настолько же и нескромные. Думаю, гораздо больше вас волнует факт неожиданной гибели Ай-Гуль-аги. Да, не всё так просто… Мне тоже не один день пришлось поломать голову, перерыть массу книг и даже посоветоваться с умными людьми. Толком никто ничего не объяснил, но предположение одного православного священника показалось мне очень интересным… Ведь азиатский гуль, как и европейский вампир, живёт, питаясь человеческой кровью. По идее, с чисто медицинской точки зрения, разница в составе крови у людей минимальна. Ну, по крайней мере, она не должна зависеть от вероисповедания человека, так? А если предположить обратное… Если кровь мусульманина и кровь христианина всё-таки существенно различаются между собой?

Ведь истинная вера затрагивает не только нашу душу, но и тело… Восточный гуль, вспоенный кровью правоверных мусульман, вполне мог отравиться даже капелькой крови православного христианина, каким на деле и является наш герой! Быть может, у вас другие рассуждения по этому поводу, но я пока буду держаться этой версии… По крайней мере до тех пор, пока кто-нибудь не представит мне более убедительную. Дерзайте…

На рассвете, только-только после утренней распевки муэдзинов, вдоль узких багдадских улочек танцующей походкой шёл молодой человек. Для жителя Востока он был слишком белокож и голубоглаз, а для скромной профессии грузчика чересчур беззаботен.

Впрочем, принадлежность к «таскалям» угадывалась лишь благодаря широкому красному поясу, обмотанному вокруг талии несколько раз, да благодаря козьей шкуре, заменяющей набедренную повязку. Плечи молодца укрывал дорогой парчовый халат, а на голове красовалась богатая шёлковая чалма на манер индусской. Он шёл, явно красуясь, чуть-чуть навеселе и, отщёлкивая пальцами ритм, неспешно напевал:

– А девушка созрела-а и… ага!

Скажи Оболенскому, что он смешал в одно Земфиру и «Любэ», он бы, наверное, удивился. Просто потому, что толком не помнил ни то, ни другое… Уже на подходе к базару Лев играючи «увёл» с проезжавшей мимо арбы половину бараньей туши. Вино по дороге не попалось, а красть на самом базаре он не мог себе позволить, памятуя первую воровскую заповедь: «Не воруй там, где живёшь!» Ещё за добрый десяток шагов до лавки башмачника Ахмеда наш герой углядел две суетящиеся у входа фигуры. Ходжу Насреддина, в простом платье декханина, Лев узнал не сразу, а вот собственного ослика – в одну минуту. Рабинович, нетерпеливо перебирая мохнатыми ножками, сновал туда-сюда, кого-то пристально высматривая в толпе. Домулло так же нервно прохаживался у порога, привставал на цыпочки и прикрывал глаза от солнца. Оболенский с щемящей болью понял, что за него всё-таки волновались…

– Всем общий привет! Картина Репина «Не ждали»?

Ослик рванулся к хозяину, восторженно подняв хвост, и запрыгал вокруг Льва, как истосковавшаяся собачонка. Ходжа ойкнул, обозвал Оболенского «шайтаном бессовестным» и, протянув руки, обнял друга за плечи.

– Ой-ёй-ёй… больно! Ты полегче давай, у меня серьёзная рана в дельтовидной мышце.

– О аллах! Какой злодей посмел тебя ударить?

– А вот тот самый дедуленька, которому ты запродал меня на подневольные работы… И не ударил, а укусил!

– Не может быть…

– С меня – рассказ, с тебя – завтрак? – справедливо предложил Лев. Ходжа Насреддин согласно кивнул, подхватил украденное товарищем мясо и с поклоном пропустил его в лавку башмачника. Самого Ахмеда внутри не оказалось (он тайно сбывал всё наворованное добро, а если учесть, кому оно принадлежало, то дело было крайне рискованным). Хитромудрый Ходжа тоже с бараниной возиться не стал, а попросту обменял её в обжорных рядах на две больших миски плова, четыре сдобных лепёшки и переспелый гранат. Для начала Багдадский вор распахнул халат и продемонстрировал другу правое плечо, аккуратно перевязанное заботливой Джамилёй. В сущности, рана-то была пустяковая, но Ходжа смотрел на Оболенского как на человека, живым выбравшегося из бездонного желудка шайтана! Лев говорил долго и красочно, не упуская ни одной детали и придумывая десятки новых по ходу повествования. Он разыгрывал всю драму в лицах, то весьма реалистично изображая перепуганную девушку, то демонстрируя хук слева – хук справа, а уж кошмарную смерть старого гуля показал так, что хоть сейчас мог бы выступать с моноспектаклем на театральных подмостках Нью-Йорка и Парижа. Плов Ходжи Насреддина остыл и покрылся салом, он ни на мгновение не мог оторваться от захватывающего сюжета и только охал через каждую минуту: «Вай дод! Вай дод!! Вай дод!!!» Сам Оболенский о еде не забывал никогда и, отодвинув миску, смачно дожёвывал третью лепёшку, запивая её подслащённым зелёным чаем.

– Это самая чудесная история из всех, что я когда-либо слышал, а слышал я немало… Завтра же расскажу о ней караванщикам – пусть все семь пустынь дивятся твоей храбрости и силе!

– Не надо, не люблю дешевой популярности… – царственно отмахнулся Лев. – Знаем мы этих летописцев – такой отсебятины в текст насуют, мне потом хоть на улицу не выходи!

– Ладно, не буду.

– Нет, ну почему же?! Если ты в этих людях уверен, если наш престиж не пострадает, а число поклонников только увеличится – тогда действуй! Надо же и о положительном имидже думать хоть иногда… Как ты считаешь, а не наладить ли выпуск парадных тюбетеек с надписью по кругу: «Лев Оболенский – гроза вампиров!» арабской вязью с вышивкой?

– Нет, – подумав, решил Ходжа, – у нас такое не носят. И, поверь умному человеку, ни один правоверный в Багдаде не

признается даже в малейшей симпатии к разыскиваемому преступнику. Твои тюбетейки просто не будут покупать.

– А если развернуть солидную рекламную кампанию: детям и военнослужащим скидка в десять процентов, оптовикам – до пятнадцати? – с надеждой протянул Оболенский, но под неумолимым взглядом друга сдался. – Ну и леший с ними, ограничимся караванщиками. Да, ты про плов забыл! Смотри, он уже весь инеем покрылся…

– Как сказал великий Хааддин:

Холодный плов – безвкусный плов,
Но не хули его!
Быть может, завтра в твой казан
Не бросят ничего.

– Что есть, то и будем кушать. А лепёшку положи, уважаемый, ты уже целых три сожрал и не лопнул!

– А ты у меня каждый кусок во рту считаешь, да? Чего экономить, мы же обеспеченные люди!

– Хм… – потупился домулло. – Я бы так не сказал…

– Не понял… Я собственными руками упёр почти всю казну городской стражи, полный мешок шехметовского добра, а ты намекаешь, что у нас нет денег?!

– Ва-а-х, зачем так обижаешь, а?! Есть у нас деньги! Вот, целых две… Нет, даже три таньга осталось!

На мгновение Оболенский ощутил лёгкое головокружение и почувствовал, что косеет. Беззаботный Ходжа нагло доедал холодный плов…

Глава 27

Наличие всего одной таньга приятнее отсутствия тысячи динаров.

Арабская политэкономия.

– Ты вор!

– Я – вор?!

– Вор и растратчик! Где мои деньги, мафиози?!

– Какие деньги? Клянусь аллахом…

– Ты за одну ночь промотал всё моё состояние?!

– Наше состояние, почтеннейший…

– Ты за одну ночь промотал всё наше состояние?! Шайтан с ней, с твоей половиной, но как ты посмел покуситься на мою долю! Ты играл в карты, ходил в казино, поставил ва-банк на рулетку или спустил всё у игральных автоматов? А может, ты здесь оргию закатил на весь Багдад? Пригласил на мои законные таньга Таркана с балетом «Тодес», толпу гейш, путан и гурий (все в бикини и с коктейлями) и, всю ночь посасывая кальян, наслаждался танцем живота? Говори, проглот несчастный! – едва не задыхаясь от неуправляемой ярости, вопил Лев, сидя верхом на опрокинутом на гору починенной обуви Насреддине.

– Слушай, дорогой… а повтори, пожалуйста, как это я устроил себе такой праздник? Клянусь чалмой святого пророка Мухаммеда, это надо записать и обязательно повторить на днях!

– Ты будешь говорить или нет, транжира тюбетеистая?!

– Вах, я что, по-твоему, делаю? – утомлённо уточнил Ходжа, порываясь встать. Видимо, ему было неудобно лежать на старых чувяках прижатым в грудь коленом грозного Льва.

– Ты увиливаешь от ответа! – прорычал Оболенский. – Отвечать вопросом на вопрос – привилегия евреев, и ты меня на этом не купишь!

– О шайтан привередливый… Ну чего ты хочешь от сытого мусульманина?

– Полный и подробный отчёт о моих дивидендах, от вчерашнего вечера и до последнего таньга!

– Тогда слезь с меня, ради аллаха! И прекрати орать, сейчас соседи сбегутся…

– А пусть! Пусть весь базар знает, какой ты вор!

– Вай дод, кто бы говорил… – сдержанно пробурчал Насреддин, но всё-таки вылез и встал напротив друга, готовясь к

недолгому, но кровопролитному разговору. Не в физическом смысле, конечно. Это я так, фигурально выражаюсь… Домулло усадил разгорячённого «прокурора», скрестил руки на груди и неторопливо пустился объяснять несведущему такие простые понятия, о которых на Востоке с малолетства знает любой ребёнок:

– Слушай внимательно, Лёва-джан, и не перебивай! Прибереги свой гнев до конца моего рассказа, иначе печень твоя увеличится в размерах, а кровь загустеет от горя, что очень вредно для здоровья. Мы взяли из шехметовской казны ровно пятьдесят шесть золотых динаров, по четырнадцать монет в каждом мешочке. Из них – тридцать роздано по нашим ближайшим соседям. Вай мэ, что ты делаешь такое удивлённое лицо?! Думаешь, люди вокруг совсем глупы и не знают, кто поселился у башмачника Ахмеда? Высокородный господин Шехмет пообещал сто таньга за твою голову… Да, возможно, нас и так бы не выдали, но шайтан не дремлет, зачем вводить мусульман в искушение?

– А я-то по простоте душевной думал, что ты, как народный герой, раздаёшь деньги даром…

– Конечно, даром, клянусь аллахом! Это ведь они стали богаче на тридцать золотых, а не я. Ещё десять монет пришлось отдать стражникам… Да, да, тем самым, с которыми я спорил! Негодяи узнали меня по ослу и с ножом у горла требовали свою долю.

– Так ты заплатил шантажистам?! – вновь вскинулся Оболенский.

– Нет, нет, стражникам! – терпеливо пояснил Ходжа. – Они, конечно, грабители и разбойники, но не стоит клеймить людей словом, даже не упоминающимся в Коране… Будь к ним снисходителен.

– А если они придут снова?

– О, непременно придут, мой мудрый друг, и нам надо сделать всё, чтобы отбить у них охоту тянуть наши кровные таньга!

– Динары, – мрачно поправил Лев. – Из-за десяти таньга я бы и в затылке не почесал. Что дальше? Где остаток и каков наш дебет-кредит?…

– М-м… знаешь, честно говоря, остальные деньги я раздал.

– Это как?!

– Не знаю… – впервые потупился Насреддин. – Просто отдал, и всё. Там, за базаром, живёт вдова, у неё казнили сыновей… И ещё двое молодых ребят с отрубленными по локоть руками… Тут я виноват, Лёва-джан. Я отработаю, клянусь бородой пророка…

Какое-то время оба молчали, сдвинув брови и опустив глаза. Потом Оболенский чертыхнулся, снова налил себе холодного чаю и равнодушно бросил:

– Да ну их на фиг, эти деньги! Будем изображать кассу взаимопомощи для членов закрытого профсоюза «Жертвы репрессий и тирании». Сегодня же закажу у плотника резную вывеску и прибью над входом.

– Ахмед выручит за краденое не меньше десяти динаров, – виновато предположил Ходжа. – Если его не поймают, конечно…

– Храни аллах! – перекрестился Лев.

– Храни аллах, – автоматически поддержал домулло, едва не повторив тот же жест. – Но… я давно хотел тебя спросить… Лёвушка, только не сердись на меня, ладно?… Так вот, позволь узнать мне, недостойному, а чего ты вообще добиваешься?

– Давай поконкретнее, – буркнул наш герой, хотя прекрасно понял суть вопроса. Просто до этого он не пытался ответить на него даже самому себе.

– Ты хочешь украсть у богачей всё золото и самому стать богатым? Когда у тебя будет большой дом, много красивых вещей, четыре жены, своя лавка или даже свои караваны – разве ты не бросишь воровство? И разве тебя как законопослушного мусульманина не будут возмущать другие воры, дерзнувшие посягнуть на твою собственность?… Неужели ты не будешь требовать для них наказания по законам Шариата?

– Ходжа, погоди, дай хоть слово вставить…

– Э нет, дорогой Багдадский вор! Раньше ты задавал мне вопросы, а теперь я хочу понять помыслы твоего сердца. – Голос Ходжи Насреддина становился всё твёрже, и каждая фраза била без промаха, как удар эмирского ятагана. – Ты говоришь, что закажешь надпись и будешь помогать всем, кто пострадал от неправедного суда… Ты будешь красть и раздавать другим… Но к чему это приведёт? У людей вновь отнимут их деньги, или же они обленятся и будут пировать на твоей шее!

– Минуточку, это я прекрасно понимаю, но…

– Но кто сказал, что все наказанные пострадали безвинно?! Они украли! Пусть немного, пусть случайно, пусть один раз – но совершили грех! Суд эмира Багдада, несомненно, слишком жесток и кровав, но ведь он совершил благое дело, искоренив воровство! Разве не угодно это Аллаху?!

– Черт меня раздери, да я ещё никого всерьёз не тронул…

– Тогда что плохого тебе сделал наш эмир?! – заключительно красивым поворотом темы добил Ходжа. – Быть может, он всего лишь не угодил старому, выжившему из ума пьянице… Зло не искореняется Злом! Хайям ибн Омар наверняка великий поэт, но

он абсолютно ничего не смыслит в борьбе с властями. А ведь ты поднимаешь руку на человека, облечённого высшей властью! Что будет, если на его трон сядет другой эмир – ещё больший деспот, тиран и убийца?! Что, если твоя дурацкая игра в Багдадского вора ввергнет весь город в кровавую междуусобицу… Об этом ты хоть когда-нибудь думал?

Лев молчал, выдохшийся Насреддин тоже. Однозначных ответов не было, ни тогда, ни сейчас…

Прости меня, мама, хорошего сына,
Твой сын не такой, как был вчера-а… –

медленно пробормотал Оболенский, с совершенно пустым взглядом, отсутствующе барабаня пальцами по донышку перевёрнутой миски.

Домулло вздохнул и подвинулся поближе. Со второго раза он, уже почти не сбиваясь, тихо поддерживал Льва хорошим баритоном:

Ме-е-ня засосала опасная трясина,
И жизнь моя-я вечная игра!

Повторюсь ещё раз – однозначных ответов не было. Просто на каком-то этапе в них отпала необходимость. Двум, таким разным, героям расхотелось задавать вопросы. Настала пора действовать…

Глава 28

Я тебя во сне увидел –
Больше спать я не могу.

Восточная лирика.

Я уже говорил, что в клинике снова стали пропадать вещи? Прошу прощения за столь резкие переходы от темы к теме, но всё это звенья одной цепи и лично мне представляются вполне заслуживающими внимания. Итак, первой бессознательно лежащего Оболенского обвинила нянечка. Поправляя сползающую подушку, она наткнулась на что-то твёрдое под наволочкой и выудила видеокассету (при просмотре в кабинете главврача признанную порнографической!). С какого бодуна замерший в коме человек прячет себе под голову порнофильмы – никто объяснить не мог. Как никто и не признался в том, что данная кассета является чьей-то собственностью… А ретивая старушка, захватившая еще хрущёво-андроповские времена, махом объявила гражданина больного шпионом! По её версии, он лишь прикидывается «комиком» (это дословно, видимо, производное от слова «кома»), а на деле – как есть шпион! Ночью встаёт тайком, крадет всё, что плохо лежит, а на видеокассету небось записал оргию зав. хирургическим отделением и двух молоденьких медсестёр. Она сама их, конечно, на этом не ловила, но больше некому! Само собой разумеется, что весь этот бред всерьёз никто не воспринял. Однако сам факт столь подозрительного совпадения (имеется в виду повторное нахождение посторонних предметов в постели больного) заставил многих взглянуть на эту историю иными глазами. Кровать вновь проверили – и вновь обнаружили недавно похищенную мелочь. Так как сам факт комы являлся абсолютно бесспорным, Лев вроде бы имел предельно твёрдое алиби. Тем не менее руководство клиники приняло нестандартное решение: потратить бешеные деньги, но установить в палате камеру круглосуточного наблюдения. Вопрос медицинской этики отпал сам собой, всем было слишком интересно…

Ахмед заявился только к вечеру. Когда он, стонущий и бледный как смерть, протиснулся в лавку, оба друга едва не вздрогнули – бедный башмачник был практически гол, избит до синяков, а также лишён двух передних зубов сразу, в верхней и нижней челюсти. Говорить что-либо отказался напрочь, рухнул на

обрезки кож и рыдал не переставая аж два часа подряд! Естественно, все предположили самое худшее… Хотя, видимо, всё-таки «самое худшее» башмачника миновало, ибо обе руки у него были на месте, а голова твёрдо сидела на жилистой шее. Пока Насреддин как-то успокаивал неудачливого торговца краденым, Оболенский, не сумев вытрясти из Ходжи последние деньги, вскочил на Рабиновича и пустился вскачь через базар. Вернулся вскоре с целым мешком всякого добра за плечами. Не размениваясь на мелочи, он по ходу верхового маршрута украл: кувшин вина, две пиалы, новый пояс, тюбетейку узбекскую, чёрную папаху, две горсти урюка, железный шкворень, половину сдобной лепёшки и не очень новый халат. Всё это Лев от души выложил перед настрадавшимся башмачником, и тот, после принятия наполненной до краев пиалы, сбивчиво и плача кое-как поведал сочувствующим свою печальную историю…

– Клянусь аллахом, я был жестоко наказан за свою гордыню, и лукавый шайтан послал мне навстречу самое страшное испытание, коему только подвергается мужчина, – искушение вожделением.

– Женщина. Все беды от них… – чуть слышно прокомментировал Ходжа.

– Соболезную, – так же тихо кивнул Лев, – сам горел на бабах.

– Мне удалось найти не особо щепетильных караванщиков из кочевых арабских племен. Они охотно купили почти всё и дали хорошую цену. У меня на руках было целых двенадцать динаров… – всхлипывая, продолжал Ахмед. – Но я… о проклятая глупость и жадность! Я возжелал оставить себе парчовый пояс благородного господина Шехмета! Он так шёл к моему старому халату. Я только подумал, что вы не будете против, а тут мимо меня вдоль улицы проходит она…

– Она? – переспросил Оболенский.

– Ну не он же! Вах, ведь речь шла о женщине… – раздражённо напомнил домулло.

– Она была чудом из чудес, друзья мои! Её лицо, как и положено достойной мусульманке, чтящей законы ислама, было скрыто чадрой. Но стан, схожий с кипарисом!… Но руки, нежнее озёрных лилий!… Но маленькая ножка в парчовом узорчатом башмачке!… Но индийский аромат её благовоний…

– И ты был к ней так близок, что уловил аромат? – не поверил Насреддин.

– Видимо, это были те ещё благовония! – сделав акцент на второй букве «о», подковырнул Лёвушка.

Ахмед укоризненно взглянул на одного и второго, дождался, пока им станет стыдно, и вновь вернулся к печальному рассказу:

– Наверняка прекрасная госпожа, пленившая моё сердце, шла с базара, где делала необходимые покупки. Я бы и не дерзнул преследовать её своим вниманием, но шедшая позади старуха приблизилась ко мне и шёпотом сказала: «Благовоспитанный муж, судя по твоему богатому поясу, ты человек, имеющий средства. Если тебе понравилась моя госпожа – смело следуй за нами, но держись поодаль. Я буду поручительницей твоего счастья, если ты будешь щедр к старой женщине». Мы долго шли, и вот наконец моя высокородная пэри вошла в один дом, а старуха поманила меня пальцем: «Есть ли у тебя золотой динар, чтобы я подкупила раба, сторожащего дверь? Не будь скуп, моя госпожа – богатая вдова, и если ты понравишься ей в постели, то всё вернешь сторицей…»

– И ты дал ей монету?! О неразумное дитя…

– Ни фига себе дитя?! – искренне возмутился Лев. – Да он меня лет на восемь старше, лох великовозрастный!

– Я… я… решил, что из двенадцати динаров четыре уж точно мои, и отдал один. А эта старая карга, чтоб шайтан изъязвил её лживый язык чирьями, увидела все деньги и ласково повела меня внутрь дома. Мы прошли в богато убранную комнату, где старуха оставила меня, а вскоре туда пришла та, о ком «вздыхают в зависти цветы – им не дано подобной красоты…». Её лицо всё ещё было сокрыто от моих глаз, и села она напротив, и говорила со мной нежно, и угощала фруктами, и вскоре ушла, ибо не в силах была сдерживать страсть, пронзившую её, подобно дамасскому кинжалу!

– Ёлы-палы, вот так сама и сказала? Я фигею…

– Лёва-джан, не перебивай, очень поучительная история… – заступился за башмачника Насреддин, хотя оба уже отлично понимали, к чему идёт дело. Далее расписывать смысла нет, всё сводилось к банальному охмурению клиента. Старуха с девицей явно работали в паре. Убедив «вожделеющего мужа» в том, что цель близка, из него выудили ещё два динара на вино и покрывала, после чего отправили на омовение перед актом. Пока парень наскоро обливался ледяной водой из медного кумгана, бабуля успешно стырила все его вещи, включая завязанные в платочек динары. Ахмед узрел удирающих сообщниц через окошечко – они были уже на улице, благополучно скрываясь в толпе. Покуда бедняга искал, чем прикрыться, покуда выбежал из дому… Короче, ту девицу он так и не нашёл, но был жестоко поколочен купцом, чью жену он принял за беглянку и пытался заглянуть ей под чадру. Избитый, ограбленный, униженный башмачник в конце концов сдался и побрёл домой, но у небольшой лавки цирюльника вдруг нос к носу столкнулся с той

самой старухой! Первоначально он её едва не задушил… потом всё же овладел собой, дал старой ведьме возможность высказаться, и она не стала отпираться. Наоборот, призналась во всём и «честно» сказала, что её госпожа с деньгами прячется у цирюльника, и если «великодушный муж» пощадит их и не станет устраивать скандала, то она сию же минуту всё ему вынесет. Так как из лавки был всего один выход, лопоухий Ахмед позволил обманщице войти к цирюльнику. Через минуту оттуда выскочил главный мастер с двумя рослыми учениками, башмачника сгребли в охапку, занесли внутрь и, невзирая на вопли протеста, клещами удалили два совершенно здоровых зуба! Старушка исчезла бесследно… Как оказалось, она заплатила «за избавление своего безумного племянника от дикой зубной боли», а цирюльники в те времена осуществляли и функции стоматолога. Теперь представьте себе, в каком состоянии несчастный Ахмед добрался до своего дома… Не надо хихикать, это не смешно. На самом деле это был вызов! Вызов великому и неповторимому Багдадскому вору! Лев постарался сделать серьёзное лицо…

Глава 29

Две обиженные мыши – бьют баки слону!

Хитовый аттракцион индийского цирка.

Когда кое-как отпоенный вином, отревевшийся и выговорившийся башмачник наконец-то уснул, друзья сели за обсуждение планов военных действий. Или попросту – святого возмездия двум профессиональным преступницам неприкасаемо-слабого пола. Как оказалось, Ходжа Насреддин даже знал обеих. Конечно, не имел чести быть знакомым лично, но, так сказать, премного наслышан…

– Эту старую обманщицу зовут Далила-хитрица. Она известна всему Багдаду своими проделками, но мало кто знает её в лицо. У неё сотни обличий и тысячи уловок, она не стыдится надевать мужское платье и лжёт так же легко, как мы дышим. Её покойный муж разводил почтовых голубей для эмира, после его смерти старуха возжелала получить его должность и жалованье. Но закон запрещает женщине самой добиваться встречи с эмиром, и она решила привлечь внимание всех, облеченных властью, обманывая самых уважаемых людей. Злобная ведьма сладкими речами околдовывала простодушных мусульман, и те отдавали ей свои одежды, золотые украшения, деньги, скот, даже дома!

– Бодрая бабулька… – уважительно признал Оболенский, в свете сегодняшних событий он не был расположен к шуткам и слушал очень внимательно, жалея лишь о невозможности законспектировать сведения о потенциальном противнике. – Слушай, а вот та, вторая, за которой, собственно, и побежал наш простофиля, она кто?

– Она её дочь.

– Значит, работают на семейном подряде…

– Это младшая дочь, её зовут Зейнаб-мошенница. Старшая давно замужем за уважаемым купцом и ведёт достойный образ жизни. А вот Зейнаб никто не хотел сватать, и она вбила себе в голову заполучить в мужья двоюродного племянника самого Шехмета. Юноша ещё молод, но уже имеет собственные казармы и отряд в двадцать молодцов, его имя Али Каирская ртуть.

– Хм, не уверен, но вроде бы я слышал что-то подобное от дедушки Хайяма… Так что, этих аферисток никак не могут взять с поличным?

– О, избави тебя аллах от такой наивности… Они обе уже добились своего: старуха получает жалованье в тысячу динаров от самого эмира, а её дочь на следующей неделе входит третьей женой в дом шехметовского племянника.

– Не улавливаю железной логики, а зачем же тогда они так нагрели нашего Ахмеда?

– Да от скуки… – пожал плечами Насреддин. – Для них эти жалкие двенадцать динаров ничего не стоят, но зло и обман настолько завладели их сердцами, что они и дня не проживут, не обидев кого-нибудь в Багдаде. Люди жалуются, но, увы…

– Блин, а куда же смотрит городская стража?

– Они не пойдут против будущих родственников племянника их начальства.

– А сам Шехмет?

– Он имеет свою долю с любой проделки бесстыдниц.

– А эмир?!

– За порядок в городе отвечает Шехмет, если он докладывает, что всё хорошо, – эмира это устраивает.

– Да-а, до чего, сволочи, страну довели… – привычно заворчал Лев, но призадумался. Как высококлассный вор, он не имел себе равных, но воровство и мошенничество – вещи несколько разные. Он уже слегка «боднул» высокородного господина Шехмета, а значит, даже при полном изобличении мамы и дочки рассчитывать на передачу обеих в руки закона не приходится. Любой суд пристрастно оправдает преступниц, а на скамью подсудимых посадят именно Льва с Ходжой. Но и оставлять безнаказанным такой наезд на их общего друга было бы просто не по-товарищески… Вывод напрашивался один – надо так насолить Далиле-хитрице, чтоб она на пару с Зейнаб-мошенницей с позором, раз и навсегда покинула Багдад! Как это сделать? Толковых предложений не было, но Оболенскому почему-то казалось, что нечто подходящее по сюжету он уже где-то видел, читал, слышал… А вот где, не помнил абсолютно. Хотя оно и к лучшему – импровизация куда безопаснее, чем тысячу раз выверенный план!

Думаю, что данное повествование тоже стоит как-то озаглавить. Для моего друга это было первое, по-настоящему серьёзное, испытание, и впоследствии он всегда говорил, что его воровской талант получил признание именно с этой истории. Итак, попробуем, к примеру, вот такое название: ***«Сказ о Багдадском воре – Льве Оболенском, Далиле-хитрице, её дочери Зейнаб-мошеннице и женихе её Али Каирской ртути».***

Меня, кстати, сразу заинтересовало столь оригинальное прозвище. Оказалось, что сам Али родом из Каира, где за свою,

ещё подростковую, жизнь прославился грязными хулиганскими выходками. Однако, несмотря на многочисленные улики, успешно ускользал от наказания, подобно ртути. Отсюда и образовалась столь своеобразная кликуха… Я, собственно, упомянул о нём лишь потому, что в то памятное для Багдада утро именно он и послужил нашим героям первым козлом отпущения.

…Говорят, что племянник благородного главы городской стражи вставал поздно. Где-то часам к двенадцати дня он соизволил распахнуть сонные вежды и выглянуть в окно. Видите ли, шум, доносившийся с улицы, его и разбудил, а причина шума отнюдь не казалась тривиальной. Толпа народа плотно окружала двух потрёпанных судьбой дервишей, бродячих монахов, отдавших свои тела и души всемилостивейшему Аллаху. Один, высокий, как сосна, и грязный, как уличный кот, молча делал руками непонятные пассы. Второй, пониже ростом и с заметным брюшком, растолковывал эти жесты правоверным. Горожане то почтительно замолкали, слушая, то возбуждённо галдели на все голоса, яростно обсуждая услышанное.

– Кто эти уроды? – высокомерно поинтересовался Али Каирская ртуть. Чернокожий раб, подающий хозяину халат, склонился в подобострастном поклоне:

– Это святые люди из земель далекого Магриба. Аллах одарил их пророческим даром, и они предсказывают судьбу.

– В нашем городе хватает лжецов и глупцов. Прикажи им убираться, я не потерплю, чтобы под моими окнами торговали дешёвыми выдумками!

– Как будет угодно моему господину! – Раб давно знал, что с хозяином не стоит спорить даже в мелочах, но на этот раз почему-то позволил ма-а-ленькую вольность. – Только дервиши ни с кого не берут никакой платы. Они исполняют обет и несут в мир волю Аллаха.

– Неужели?

– Да отсохнет мой язык! Я смотрю на них уже больше часа, и за всё это время они не взяли даже самой мелкой монетки. И никому не отказали в ответе на самое сокровенное…

– Ах, вот как? – Господин Али изобразил лёгкую заинтересованность, позволил рабу одеть себя и, жестом отпуская несчастного, повелел: – Спустись вниз и приведи этих святых людей сюда, я изволю говорить с ними. А потом иди в мои казармы и скажи, что я велел дать тебе двадцать пять палок по пяткам – за слишком болтливый язык.

– Да продлит Аллах годы моего мягкосердечного повелителя! – Раб постарался ретироваться поскорее, дабы не нарваться на

лишние неприятности. Своё дело он сделал, честно заработав два динара. Теперь наступала очередь дервишей…

Глава 30

Курсы актёрского мастерства для профессиональных дервишей. С последующим трудоустройством.

Тот, что высокий, вёл себя высокомерно и нагло. Казалось, благодать Аллаха, с лихвой осенившая его высокое чело, ничуть не добавила смирения и приличествующей истинному мусульманину кротости по отношению к тем, кого судьба поставила выше. Голубоглазый дервиш пренебрежительно оглядел покои молодого господина, бесцеремонно сгреб горсть урюка прямо с блюда на столике и царственно расхаживал туда-сюда по комнате, неторопливо бросая в рот одну урючину за другой. В его упругой походке чувствовалось врождённое величие, и опытный в таких делах Али решил, что раньше этот монах был знатным визирем. А вот второй, тот, что пониже, с проникновенным лицом и неподражаемо-честными глазами, знал этикет, поэтому говорил много, но по существу и с требуемым подобострастием…

– Да будет Аллах, всемилостивейший и всемогущий, благосклонен к твоему дому и наполнит его золотом так же, как душу твою радостью и весельем! Чем могут бедные дервиши служить тому, чьё имя гремит от Каира до Багдада?

– Кто вы?

Голубоглазый удивлённо вскинул брови, вопросительно глянул на товарища, кивнул в сторону юноши и покрутил пальцем у виска. Говорливый дервиш укоризненно поцокал языком и поспешил объясниться:

– Мы два сводных брата. Всю жизнь провели в пустыне, направив бренные помыслы к величию Аллаха, и он снизошёл до нас. После семнадцати лет бессонных молитв нам был ниспослан дар предвидения. Мой бедный брат нем от рождения, но Аллах даровал ему свои милости. Теперь он показывает, какие беды ожидают того или иного человека на его жизненном пути, а я, недостойный, облекаю его жесты в слова, понятные слуху правоверных.

– Если это окажется ложью, вы оба будете сварены в котле с кипящим маслом! – на всякий случай поугрожал шехметовский племянник, от любопытства пощипывая себя за первые усики над верхней губой. Дервиши незаметно переглянулись: молодой господин заглотил наживку, оставалось красиво подсечь, и он на

крючке!

– Всё в руках Аллаха, да не оставит он нас, презренных, и не бросит души наши в пасть иблиса… Чтоб его задница дала поперечную трещину! – значимо заключил второй бродяга, почти дословно истолковывая выразительную жестикуляцию первого.

– Аллах велик, – признал Али Каирский. – Итак, что он говорит устами твоего немого брата о моей скромной персоне?

Первый дервиш, тот, что с царственной осанкой, понял намёк и начал своё выступление с традиционного русского поклона в пояс. Далее пошла пантомима или, если хотите, театр одного актёра. Синхронный перевод второго монотонно прокручивался в ушах молодого эгоиста, который во все глаза смотрел на разыгрывавшееся перед ним представление. Ей-богу, стоило посмотреть уже на то, какими жестами немой иллюстрировал классическую фразу: «Велик Аллах на небесах, и чудесны деяния его!» Описывать всё шоу не имеет смысла, поэтому коснёмся только наиболее значимых моментов.

– …И тогда я сказал себе: не может быть! Избранница такого благородного юноши не может так низко пасть… (От звука рухнувшего плашмя тела задрожали фарфоровые пиалы!) Она чиста, как первый снег, и неприступна, как вершина минарета! Но Аллах, всемилостивейший и… и… (демонстрация бицепсов в двух положениях!) и всемогущий, видит насквозь любое семя греха, свившее гнездо в печени правоверного мусульманина. Он говорит: не верь! Не верь невинным глазкам, пухлым губкам, мясистым тить… уп! В общем, женская красота коварна-а-а… Эй, я уже сказал, что коварна! (Почти двухминутная демонстрация самых ярко выдающихся женских достоинств, причём на самом себе и до того выразительно, что зритель заелозил на коврике.) Ты думаешь найти в ней радость сердцу и утешение телу? Увы… да отсохнет мой язык за то, что говорю вслух такие вещи! Ибо не каждая жемчужина падает к нам несверлёной, кобылица – неезженой, верблюдица – других не знавшей! (Эти жесты лучше просто представить, описывать, как их изображал дервиш, – не поднимается рука.) А потому не суди нас строго, не дай твоему гневу совершить необузданный поступок. Прими из первых рук волю Аллаха и поставь вопрос на… на… на что? На голо-сование?!! Тьфу, шайтан тебя раздери, мой неприличный брат!… Будь сдержанней в высказывании божественных откровений, это уж слишком откровенно…

Вот где-то на этом моменте мини-спектакль и закончился. Али поначалу ничего не понял, даже поаплодировал, слегка… Потом до него постепенно, не без помощи второго дервиша, стала доходить важность и своевременность полученной информации.

– Так вы, дети шакалов, хотите сказать, что моя невеста… не верна?! Да я своей рукой обрежу ваши…

– Мы лишь открываем правоверным то, что сокрыто завесой времени, – безропотно поклонились оба, но говорил, естественно, один. – Для нас не важна награда или похвала, милость или наказание, хлеб или плеть. Аллах говорит нашими устами, и лишь перед ним мы несём ответ за свои грехи…

– Но… если вы… – Пальцы молодого господина сомкнулись на дорогом кривом кинжальчике, а в глазах сверкнула такая угроза, что дервиши невольно попятились. Затем первый толкнул второго, покорчил рожи, и тот послушно пояснил:

– Чего орать-то? Возьми да и проверь, японская мама!

– Что-о? – От удивления племянник Шехмета замер степным сусликом, а говорливый брат, убедившись, что правильно понял немого, продолжил уже спокойно и не торопясь:

– Не терзай свою душу сомнениями, ибо они дурно влияют на кровь, сгущая её в жилах. Небеса говорят, что сегодняшней же ночью твоя избранница откроет лицо всему Багдаду и не будет мужчины, не отвернувшегося от бесстыжей. Если же в наших словах есть хоть капля лжи – покарай нас своим самым большим ятаганом. Мы в твоей власти и не уйдём из города. Аллах да защитит души бедных дервишей!

Это был очень эффектный разворот темы. Теперь Али Каирский не мог даже пальцем тронуть «наглецов», не покрыв своё имя позором. Поскрипев зубами и поскрежетав кинжалом в ножнах, он принял единственно возможное в данной ситуации решение, абсолютно устраивающее всех:

– Я соберу моих людей и буду ждать вас сегодняшней ночью у ворот мошенницы Зейнаб. Если она или её мать, Далила-хитрица, строят за моей спиной плутни – их смертный час близок! Если же вы ошиблись в толковании воли того, кто ошибаться не может, – вас погонят в ад палками мои рабы! Вы слышали волю Али Каирского…

– Слушаем и повинуемся. – Дервиши, кланяясь, попятились к дверям. – Мы остановимся у мечети Гуль-Муллы и там будем ждать суда молодого господина, да не оставит его Аллах своими милостями и благодеяниями!

…Толпа, ожидавшая за воротами, провожала бродяг почти два квартала, потом они проявили поразительную прыть и успешно скрылись в лабиринте перепутанных улочек. Где-то далеко на окраине города дервиши наконец-то смогли расслабиться.

– Уф… интересно, у высокородного Шехмета все племянники такие тугодумные или через одного?

– Тьфу на тебя, Лёва-джан! Кто тебя учил такие неприличные вещи руками показывать?! Ты заставил мой язык говорить мерзости, о которых я и не подозревал!

– В следующий раз ты будешь изображать немого, – преспокойно откликнулся Оболенский. – Лучше скажи, куда мы двинемся теперь?

– Прямиком в пещеру голодного тигра, – образно ответил Ходжа, – это значит, во двор главы городской стражи.

– Ха, вот Шехмет-то обрадуется…

– Избави меня аллах от его радости!

– Да ладно тебе, не канючь… Пойдем купим пару гамбургеров по дороге.

– А разве у нас есть деньги? – Домулло даже не спросил, что такое «гамбургер».

– Денег нет, но есть вот это… – Лев вытянул из-за пазухи усыпанный каменьями кинжальчик Али Каирского в разукрашенных ножнах. Ходжа поцокал языком, повздыхал, потом махнул рукой, и они пошли к ближайшему ростовщику…

Глава 31

Вор берет, что может.
Власть – что хочет!

Уголовная этика.

…Мы тогда сидели у Оболенского на кухне. Время позднее. Маша с ребёнком давно спали, а он, разогретый даже не алкогольными парами, а яркими воспоминаниями, всё пытался мне объяснить:

– Я ведь не вор! Ну, не настоящий вор по природе! Это там, в Багдаде, всё так невнятно закрутилось… Но по сути, по натуре своей – мне чужого добра не надо, не этим живу. Просто в то время и в тех жизненных обстоятельствах это была единственная возможность хоть какого-то протеста! Нет, ну не Октябрьскую же революцию у них под минаретом устраивать?! Я ведь не против законной власти. Любому козлу ясно, что власть должна быть сильной, надёжной, пусть даже где-то в чём-то жёсткой (не жестокой, подчеркиваю!). Исполнение законов обязательно для всех, в этом реальная сила государства. И то, что верховная власть в лице эмира опирается на чиновничий аппарат судопроизводства и регулирующие порядок органы вроде шехметовской стражи, – это нормально! Анархия – мать погрома! Поверь мне на слово, я сам там такого насмотрелся… Короче, я был вором! Я – воровал, да… Но ради чего?! Ради борьбы с властью? Да любая власть от Бога, или от Аллаха, или от Кришны какого-нибудь, или «созданный волей народной единый, могучий…». Всё одна хренотень! Я боролся с коррупцией! А это есть самая страшная узурпация власти как таковой! Ты телевизор смотришь? Газеты читаешь? С людьми в поездах разговариваешь? Господи, ну что я тебе рассказываю – ты же сам знаешь, ничего у них там не переменилось! Посмотри на свободную Калмыкию… а на демократический Узбекистан?! Да у них законно избранные президенты прижизненно получают статус бога! И это в современном мире, а в тех дремучих временах… Ой, как я после возвращения писателей уважать перестал… ты не поверишь! «Тысяча и одна ночь» – это ж такая бессовестная лажа-а… Враньё и бред на каждом шагу! Нищих – ни одного (а тех, что есть, постоянно осыпают милостями), декхане богатые, эмиры мудрые, визири умные, воины храбрые, женщины – прекрасные, хоть застрелись… Болезней нет, мусора нет, помоев нет, социальных проблем тоже нет! А если где и мелькнёт особо босоногий бедняк,

так в конце сказки страшно разбогатеет и женится на дочери падишаха… Не перебивай, я там жил! Это же не просто страшно, там порою с людьми обращаются как с последним быдлом… И до эмира не доорёшься, всё решают его приближённые, родственники, друзья, знакомые, соседи и так далее по нисходящей. Я – воровал, а что мне оставалось? Но самые страшные воры – это те, что довели народ до такого состояния, когда простые люди благословляли Аллаха за то, что он направил в их город Багдадского вора как кару небесную!

Мне действительно было трудно с ним спорить. Традиции романтического жанра стараются избегать чрезмерного соприкосновения с действительностью и, пожалуй, писатели вроде Гауфа и Жуковского изрядно приукрашивали реальный Восток. С другой стороны, что ж, всегда только об одной грязи и писать? Антисанитарии там по самые уши хватало, но… Ладно, в конце концов, осуждение или восхваление социального устройства Багдада лучше оставить Оболенскому. Он там был, мы – нет, значит, ему и карты в руки. Моя задача лишь как можно точнее и без наворотов дорассказать читателям эту историю, а уж кто и какие выводы из этого сделает… все претензии к моему другу, меня можно критиковать только за злонамеренное искажение его слов. А этого не было, Лёва щепетильно проверял…

Кинжал они сбагрили быстро. Оболенский «увёл» с чьего-то двора длиннющую чадру, и обряженный «бедной вдовой» Насреддин легко убедил ростовщика «купить фамильный кинжал давно и безвременно умершего мужа, правда, увы, без ножен»… Ушлый перекупщик поохал, поахал, повыражал сочувствие и… предложил четыре таньга. Ходжа едва не перешёл на личности, испытав страшное искушение зарезать барыгу тем же кинжалом, но овладел собой и выразил готовность сойтись на двадцати динарах (что, по совести, составляло примерно пятую часть стоимости предмета торга!). Ростовщик, естественно, завопил о грабеже средь бела дня. На шум спора вбежал высоченный дервиш с нахальными голубыми глазами и честно предупредил «вдову», чтоб она здесь «ваньку не валяла, а двигалась в темпе, ибо сделка безналоговая и не фиг выкорячиваться, Аллах не одобрит»… Короче, на продаже дамасского кинжала Али Каирского, с золотой рукоятью, украшенной чеканкой и самоцветами, друзья выручили ровненько двенадцать полновесных монет. Сумма скромная, но при любом раскладе – чистая прибыль, так как Лев попутно стащил у скупердяя изящный кумганчик с розовым маслом, почти новые туфли и

большой перстень с иранской бирюзой.

– Знаешь, мне начинает нравиться работать с тобой в паре. Оказывается, от воровства есть свой прок. Плов купим, люля-кебаб купим, шаверму тоже купим, сытые будем, как блохи на эмирской псарне!

– Не будем.

– Почему?

– Воровство – это грех и уголовно наказуемое деяние, – доступно пояснил Оболенский, засовывая все деньги поглубже за пазуху.

– Из чьих уст я это слышу? Воистину, «если ты в обществе друга – сердцем гляди в его сердце»! Ты испытываешь раскаяние, решил совершить паломничество в Мекку и стать муллой?!

– Угу, просто ужас как смешно…

– И я о том же! – остановил друга Насреддин. – Лёва-джан, какая муха тебя укусила?

– Ох, Ходжуня, если б я знал… Но ведь, наверное, дело не во мне. Ты вот можешь мне сейчас сказать ясно, честно и без балды – на фига тебе это?

– «Благородство и подлость, отвага и страх – все с рожденья заложено в наших телах. Мы до смерти не станем ни лучше, ни хуже – мы такие, какими нас создал Аллах!»

– М-м… хорошие стишки, кто автор?

– Твой дед, – меланхолично ответил домулло, привалившись спиной к глинобитному забору. Его узкие проницательные глаза на мгновение замерли двумя строгими щёлочками. – Не торопи меня, я сам всё понимаю, просто… Хочешь сказать, что ведь я мог давно уйти? С деньгами или без денег, взять осла, переодеться и с ближайшим караваном удрать из Багдада… Стран много, где-нибудь да нашёл бы себе пристанище, я ведь уже почти стал законопослушным мусульманином. Что-то сломалось у меня в груди, Лёвушка, оборвалось что-то… Когда свои же динары отдавал той женщине, у которой сыновей казнили, а она смотрела так… Ты вот слово говорил мудрое – «коррупция власти»! Я не знаю, что это… Но я не могу… не хочу, чтобы и впредь наши матери такими глазами смотрели! Я все тебе понятно объяснил, почтеннейший?

– Без базара, – так же ровно ответил Оболенский.

Последний лёд в их отношениях был сломан.

– Тогда пошли?

– Пошли… слушай, а что ты молчишь всю дорогу, анекдот бы какой рассказал, что ли?

– Вах, какой анекдот? Коран не знает такого диковинного слова…

– Ха, да будет врать! Я сам читал, что Ходжа Насреддин – национальный герой народных сказаний и анекдотов.

– О пророк Мухаммед, да мало ли чего злые языки наговорят о бедном любителе проказ и шуток… Не верь, Лёва-джан, они все врут!

– Кто врёт?

– Ослятник с соседней улицы, которому я продал семена для выращивания ослов из уличной грязи… врёт! Мулла, что выкупил у меня музыкальный слух… врёт! Толстая жена мясника, от которой вечно пахло навозом, а теперь пахнет смесью благовонного мускуса и… навоза… тоже врёт! Стражник, купивший у меня чудодейственную мазь, отгоняющую комаров, но почему-то покрывающую все тело мелкими прыщами…

– И он врёт?! – едва не заходясь от хохота, подхватил Оболенский.

– Врёт! – серьёзно подтвердил Насреддин. – И нечего так ржать, я изо всех сил старался угодить людям… Аллах высоко, он всё видит и уж конечно воздаст по заслугам злодеям, гонявшимся за мной по всему Багдаду с палками и словами неудобоваримыми для целомудренного слуха правоверного…

Глава 32

Бесцензурная ложь – сестра отредактированной правды.

Главная заповедь журналиста.

Вторично прокатить ту же комедию и перед высокородным господином Шехметом не было никакой возможности – глава городской стражи ни в грош не ставил бесноватые предсказания уличных дервишей. Будучи по природе своей разбойником и негодяем, он тем не менее слыл человеком образованным, начитанным и обладающим несомненными организаторскими способностями. Чтобы вот так выбиться из среднего сословия, имея за плечами лишь железную волю… Да-да, на самом-то деле слухи о «высокородное» господина Шехмета распускались в первую очередь им самим. Принадлежа к известному роду кузнецов Шираза, молодой Шехмет рано ушёл из дому, прибился к караванщикам, потом бежал в банду «коршунов пустыни», а впоследствии, победив на конных скачках «байга», был отмечен эмиром, после чего и пошёл в гору. Так что к такому неординарному человеку требовался свой подход, и Ходжа Насреддин понимал это лучше всех. Собственно, поэтому он благоразумно и попридержал ножны от кинжала Али…

– О мой господин! Вас хотят видеть два соглядатая из казарм благородного Али Каирского, – доложил дежурный охранник.

– Пусть войдут. – Начальник городской стражи недолюбливал фискалов, доносчиков и осведомителей, хотя пользоваться их услугами не брезговал, ибо польза от них была очевидной.

Они вошли… О аллах, как они вошли, это надо было видеть! Соглядатаи шехметовского племянника протиснулись в узкие двери одновременно, плечом к плечу, и промаршировали к развалившемуся на оттоманке начальству отработанным строевым шагом, едва ли не до уровня груди поднимая ноги в узконосых туфлях без задников. Причём тон задавал высокий широкоплечий молодец, который, ко всему, был ещё и слепым – его глаза прикрывала грязная тряпочка. Щёки второго казались туго набитыми, как у хомяка, а глаза старательно косили во все стороны. (Лично я дома тайком пытался провернуть подобный трюк перед зеркалом – бесполезно! Глаза во все стороны не косят, а у домулло как-то получалось…) Говорил высокий, тот, что

пониже, пока молчал.

– Здравия желаем, ваше высокоблагородие! Шлём улыбки и цветы, чтоб сбылись ваши мечты, как говорится. Вот, прибыли с секретным донесением, прямиком от Алика.

– От кого?! – Грозный Шехмет оказался захваченным врасплох нестандартной цветистостью приветствия и даже чуточку покраснел. А широкоплечий дылда, широко улыбнувшись, ласково пояснил:

– Ну, от родственника вашего, младшенького, по материнской линии. С его высочайшего соизволения мы ихнюю юную светлость за глаза только Аликом величаем. Исключительно в целях конспирации и маскировки…

– И что же хотел донести до меня мой племянник Али, по прозванию Каирская ртуть?

– А вот это товарищ мой верный по службе сию минутку нам и поведает. Только вы, вашблагородие, не извольте прогневаться – у него в речи дефект. Да и сам… в целом… не то чтоб совсем дефективный, но… с претензиями. Он видит – я слушаю, он – говорит, я – перевожу, вот так и трудимся, ночей недосыпая, на благо партии и народа… Виноват! Оговорился! Какой, к иблису, народ, какая партия?! Мы тут исключительно за ради нашего драгоценного эмира, чтоб ему в раю не чихалось и гурии вниманием не обходили!

– Что ты говоришь, несчастный?! – Разом опавший с высокомерного лица господин Шехмет подпрыгнул так, что оттоманка перевернулась. – Неужели великий Селим ибн Гарун аль-Рашид умер?!!

– С чего бы? – недоумённо переглянулись дервиши. – Увы, такой офигительной радости он нам не доставил… Вы уж не перебивайте нас, ваше благородие, а то мы как есть собьемся. Друган мой и так через пень-колоду шпрехает, давайте уж лучше его послушаем… И молча!

Низенький косач (или косой низун?) пал ниц, потом встал на четвереньки и, не дожидаясь, пока глава городской стражи разберётся, что к чему, начал громко нести совершенно несуразную белиберду:

– Мыдерьга ходидерьга к Алидерьга, чтобьдерьга емудерьга мозгидерьга выправидерьга. Но гдедерьга в егодерьга башкедерьга мозгидерьга? Хранидерьга Аллахдерьга такойдерьга родствадерьга…

Честно говоря, на слух какой-то общий смысл улавливался, но зачем ломать себе голову, если рядом стоит слепой переводчик, который быстро и деловито внёс все необходимые объяснения:

– Имею честь доложить, господин штурмбаннфюрер, что ваш родственник имел короткое рандеву с двумя представителями альтернативной контрразведки, подчиняющимися непосредственно Верховной ставке. – Голос говорящего был неприятно сух и как-то чрезмерно официален, напоминая скорбные сводки времен Второй мировой войны. Шехмет, разумеется, её не застал, Лев Оболенский тоже, но он изо всех сил старался удержать то впечатление, которое они с Ходжой произвели на всесильное начальство. А потому оба лепили правду-матку, не давая грозному главе городской стражи даже рта раскрыть. Это был уже не моноспектакль, а полноценное действо, достаточно зрелищное и эстетствующе-аскетическое, вполне достойное как уровня игры актёров, так и ранга зрителя…

– Уж мыдерьга емудерьга талдыдерьга-талдыдерьга, а ондерьга, шайтандерьга, неверьдерьга! Упрямдерьга, как барандерьга… Ножомдерьга грозилдерьга!

– Ваш племянник повёл себя некорректно, хотя важность полученной информации и меняла весь ход стратегических размышлений, но пренебрегать выкладками специалистов из Генштаба – есть недопустимая оплошность!

– Егодерьга невестдерьга ханумдерьга Зейнабдерьга опятьдерьга плутитдерьга. А ондерьга – ишакдерьга, ушидерьга висятдерьга в лапшедерьга! Я самдерьга виделдерьга, мне другдерьга сказалдерьга, совратьдерьга не дастдерьга, клянусьдерьга чалмойдерьга пророкадерьга…

– Увы, факты неопровержимы – в группе Алика завёлся «крот», и он передаёт самые секретные сведения международной аферистке, известной в Багдаде под кличкой Зейнаб-мошенница. Она хочет завербовать Алика, используя для этого подкуп, шантаж и неуловимое шпионское обаяние. Наш друг может не выдержать…

– Но вотдерьга и ондерьга решилдерьга своимдерьга умомдерьга павлиньдерьга, пойтидерьга в засаддерьга. Чтоб тамдерьга Зейнабдерьга и взятьдерьга с поличдерьга! Аллахдерьга великдерьга! Алидерьга покадерьга так юндерьга, что самдерьга не справдерьга с такойдерьга стервоздерьга… Но ондерьга вас ждетдерьга…

– Кодовое название спецоперации, проводимой группой Алика с поддержкой по флангам вверенных вам корпусов, от двадцати четырёх ноль-ноль сегодняшнего дня утверждено как: «Зейнабку – в охапку!» Алик надеется, что родственные отношения, а также годы совместной службы в Австрии и Сайгоне подтолкнут вас к принятию единственно верного решения. Фюрер верит в вас!

Примерно на этом месте Оболенский окончательно выдохся и едва не выдал себя, порываясь снять с глаз повязку и вытереть ею пот. Насреддин вовремя повис на руке друга, прошипев ему в ухо:

– Кудадерьга, дуракдерьга?! Ва-а-ах, далдерьга Аллахдерьга дружкадерьга, шайтандерьга…

– Короче, – раздражённо закончил Лев, вспомнив о роли слепого, – ваш племянник намерен еще раз проверить честность и добропорядочность своей будущей супруги и очень просит вас со всеми войсками принять участие в этом мероприятии.

– Какое участие? – кое-как выдавил вконец запутавшийся в «обстановке жесточайшей секретности» начальник городской стражи.

– Самое оживленное! – охотно пояснили «спецагенты».

Шехмет кинул на них ястребиный взгляд, убедился, что не проняло, и призадумался. По правде говоря, он и сам был не особенно ярым сторонником этого брака. Старуха Далила со своей бесстыжей дочерью в своё время покуражилась и над ним. Но племянник Али был молод, горяч, эгоистичен… так что в конце концов дядя уступил. Однако вот он, неожиданный поворот судьбы! Идея ещё раз напомнить двум зарвавшимся женщинам, кто истинный хозяин улиц Багдада, показалась господину Шехмету очень привлекательной…

– Клянусь бородой святого Хызра, вы принесли мне добрую весть! Передайте Али Каирскому, что я приму участие в его охоте… Мои молодцы будут только рады поразмять кости, в последнее время в городе очень уж тихо… Подобная благопристойность настораживает, ведь шайтан не дремлет! Итак, что должно сделать мне и моим людям?

– Сущие пустяки-и… – разулыбавшись, пропели Оболенский с Ходжой. Последний, впрочем, тут же поправился и добавил таинственное «дерьга»…

Глава 33

…С наркозом как-то скучно…

Из разговора двух хирургов.

Госпожа Далила с дочерью проживали в роскошном двухэтажном особнячке в западном квартале Багдада, у крепостных ворот. Весь второй этаж дома был отдан под голубятню: почтовая служба слыла опасной и ненадёжной, поэтому птицам было больше доверия, чем замыленным гонцам и скороходам. К тому же восточные традиции требовали немедленного умерщвления человека, принесшего дурные известия, что здорово снижало престиж профессии, а свернуть шею голубю казалось и более правильным, и в меру гуманным. Оговорюсь – не мне! Лично я отношусь к «братьям меньшим» с большим уважением, но если придётся выбирать между птичкой и человеком… боюсь, я тоже сделаю выбор в пользу своего вида… В тот день бабушка Далила на службу не пошла. Она мирно вкушала послеобеденную дрёму, когда шум у ворот проник в её полусонное сознание. Слуги кого-то активно гнали прочь, но эти кто-то (слышались два очень разных голоса) яростно требовали впустить их в дом, иначе «…всему Багдаду наступит полнейшая хана!». Возможно, старуха и не стала бы дёргаться, если б не прозвучавшие в пылу спора благородные имена господина Шехмета и его племянника. Приподнявшись на локте, Далила-хитрица попыталась позвать дочь, дабы та спустилась и выяснила «суть да дело», но из комнаты мошенницы Зейнаб долетал такой янычарский храп, что волей-неволей пришлось переться самой…

– Кто вы такие?! И по какому праву ломитесь в дом честной вдовы и её сироты-дочери? Помните, о невежественные грубияны, что мой кров находится под охраной эмира!

Слуги и рабы послушно отошли в сторону, явив бабульке истинных виновников скандала. Их действительно было двое. Один, высокий молодец с седой бородой и русыми кудрями, выбивающимися из-под высоченной чалмы. Он был одет, как уличный лекарь, но взгляд голубых глаз казался настолько величественным, что хотелось согнуть спину. Второй, низенький крепыш с необъятным пузом, явно напоминал индуса-астролога, глаза горели узкими щёлочками, кожа лица и рук напоминала сырую глину, а главное, прямо на лбу был нарисован таинственный знак в виде сердца, пробитого стрелой. Несмотря на грозный тон хозяйки дома, ни врач, ни астролог нимало не

смутились, а, дружно шагнув вперёд, буквально втолкнули хитрицу в её же двор.

– За воротами болтать непрестижно. У нас тут дело серьёзное, эпидемия по стране гуляет, а вы специалиста-дерматолога у дверей маринуете…

– Дермо… кого я мариную?! – опешила бабка, и Оболенский понял, что счёт открылся один-ноль в его пользу. Однако всё равно постарался сделать серьёзное лицо и сурово подтвердил:

– Меня! И вот его тоже! А он, промежду прочим, крупный авторитет в астрологии, экстрасенсорике и чистке кармы на дому.

Индус поклонился, приложив обе ладони ко лбу, и так пристально упёрся взглядом в подол старушкиного одеяния, что та невольно засмущалась и отступила ещё на одну позицию.

– Что угодно от бедной женщины двум почтеннейшим старцам?

Астролог одним жестом заткнул пасть лекарю, явно собиравшемуся ляпнуть нечто скабрезное, и вежливо пояснил:

– О почтеннейшая и хранимая Аллахом Далила по прозвищу Хитрица. Да будет тебе известно, что мы прибыли сюда из самого Кашмира…

– И даже не запылив туфли? – хмыкнула хозяйка.

– Наше путешествие пролегало по воздуху, – обезоруживающе улыбнулся индус, – ибо йоги и звездочёты не нуждаются в путях простых смертных, воля небес открывает им иные дороги. Но положение светил ныне таково, что в твой дом может войти чёрная беда, и это будет иметь роковые последствия для всего мусульманского мира.

– Судьба одной женщины?!

– И соломинки бывает довольно для того, чтобы сломать хребет перегруженному верблюду! – наставительно поднял палец астролог. – Звезда магов, Бетельгейзе, говорит нам, что время не терпит, и потому мы здесь. Но я вижу в глазах твоих тень справедливых сомнений – призови нас в дом и испытай нас!

– Да соблаговолят благородные мужи войти под сень моего скромного крова, – подумав, согласилась старуха. Третий раунд можно тоже смело записывать за нашими героями. Кто кого испытывал, надо было ещё посмотреть…

Поскольку дальнейшее шоу было делом затянувшимся, а литературное произведение затягивать как раз не рекомендуется, то и мы возьмём из сценария только сухие диалоги. Тон, выражение лиц, театральные паузы, глубокомысленное молчание, закатывание глаз и заламывание рук читателю предполагается домыслить самостоятельно.

– Венера, дарующая плотскую любовь и управляющая

способностью к деторождению…

– Вай мэ! Что ты говоришь, охальник, в мои-то годы…

– Н-да, животик выпуклый, но вялый. Тэк-с, тэк-с, тэк-с, это кто же такой у нас тут ножкой толкается? Ах, это вы абрикосов перекушали…

– Луна, являющаяся для истинных мусульман духом просвещения, отражает недуг и управляет природными силами…

– Ага, вот тут болит? А тут?! А вот так? А так?!

– А-а-а-а-а-а-а-а!!!

– Спасибо, я так и думал… Не надо смотреть на меня, как на садиста! Больше не буду туда тыкать… Продолжайте, коллега!

– Призовем силы Меркурия, который, как известно, оживляет мозг, возбуждает его функции и… и… Ва-а-х, что ты делаешь?

– Возбуждаю.

– О мой бородатенький шайтанчик, пожалей бедную вдову – нажми там ещё раз… Как это у тебя получалось?

– Бабуля, я лекарь! Не надо хватать меня руками!

– Сатурн, наполняющий селезёнку живительной силой, дабы во время намаза никто не посмел…

– Слушай, я забыл – селезёнка с этой стороны?

– Нет, с этой стороны печень. А печень, как известно, является одним из важнейших органов, дарованных человеку Аллахом, и управляется господствующим духом Юпитера…

– Не щекочите меня, дети иблиса! Ваши матери ничего не рассказывали вам о стыде и целомудрии?

– Пациентка, не подпрыгивайте! Я же просто страсть как люблю лечить печень! У меня от неё ещё ни один больной не умирал. Ну разве что исключая лошадь… Курила, как зараза! Цирроз печени в чистом виде…

– Настал черед Марса! Ибо кто, как не он, распоряжается желчью…

– Бабушка, закройте рот, вы сейчас ею поперхнётесь.

– О аллах! О Мухаммед! О Мекка! О Ак-мечеть!

– Поздняк метаться – бобик сдох! Это я вам авторитетно, как врач, заявляю. Хотя при должном лечении… возможно, месяц-другой… а при амбулаторном уходе до полугода, может, ещё и протянете.

– Но дух Махариши учит нас, что ни в чём так не проявляется воля Аллаха, как в установлении чёткого срока жизненного пути для каждого правоверного. Истинный долг любого мусульманина – безропотно принять эту волю и…

– Чего ты так на меня уставился? Я вообще-то в отпуске! Сам же видишь, какой запущенный случай. Это ж клиника! Она помрёт на операционном столе!

– Зей-на-а-а-аб! Доченька-а-а, уми-ра-а-а-ю!…

Здесь наступает время второго акта. Занавес, аплодисменты, антракт. Встретимся через пятнадцать минут.

Глава 34

Мне бабы нравятся с фигурою Венеры…

Сандро Боттичелли.

Если вы думаете, что на крики «Доченька, умираю!» покорная дочь примчалась, как электропоезд, то вы глубоко заблуждаетесь. Далиле-хитрице пришлось звать свою «мошенницу» долго и упорно. Либо она была очень занята, либо её послеобеденный сон был воистину недобудимым. Лев и Ходжа, перемигиваясь, отошли в угол, бегло уточнили детали, пока поднятые на уши слуги не разыскали наконец заботливую дочь и не привели её в вертикальное положение. Зейнаб заявилась заспанная, мрачная, с всклокоченными волосами и без косметики на лице. Скажем честно – лукообразных бровей, стрел-ресниц, глубоких очей, подобных озёрам, персиковых ланит и розово-лепестковых губ не наблюдалось. Взорам наших героев явилась здоровенная бабища в рубахе до колен и шароварах, с лепёшкообразным личиком, плоским носом и донельзя узкими глазками. Чадрой или вуалью она себя не прикрывала… Оно и логично, ведь врачи и астрологи, равно как парикмахеры или торговцы помадой «Мэри Кей», полноценными мужчинами не считаются. Бодрая мамаша упала дочке в ноги с причитаниями, рассказывая, что всемилостивейший Аллах привёл к ним в дом великих целителей Востока, которые с одного раза угадали все её старческие недуги. Естественно, следовало срочно осмотреть и молодую хозяйку, но, увы, на все старания вспотевшего от натуги астролога девица не реагировала даже лёгким шевелением уха. Поднять-то её подняли, но вот разбудить традиционно забыли. Она впервые проявила интерес, лишь когда Оболенский важно заявил, что подобная сонливость является первым признаком недоедания и как врач рекомендовал побольше мучного и жареного. Через десять минут дочурка была «готова»… Оставалось лишь объяснить, что и как они с мамашей должны сделать сегодняшней ночью. Для «полного выздоровления», разумеется… Как впоследствии припоминал мой друг, он один такую аферу ни за что на свете не провернул бы. Да, собственно, и не придумал бы даже. Весь план «посрамления» был рождён творческой натурой Ходжи Насреддина, который впервые развернулся во всю мощь своего легендарного и полукриминального таланта. Лев лишь предположил, каким образом компенсировать затраты на

операцию и покрытие морального ущерба бедного башмачника Ахмеда (не думайте, что мы о нём забыли!). Дабы не распалять ваше законное любопытство мелкими деталями, будем вести речь жёстко и по существу. Итак, сразу из ворот Далилы-хитрицы оба наглеца отправились к тому же Али Каирскому, дабы окончательно утрясти все спорные моменты. Из казарм Али тем же размеренным шагом дунули на шехметовское подворье, доложив главе городской стражи общую обстановку, а также лишний раз заручившись всеми возможными гарантиями на сегодняшнюю ночь. К вечеру парни буквально рухнули в чайхане без задних ног! С самого утра везде пешком, ни минуты отдыха, всё время на жаре, да ещё и постоянно переодеваясь на ходу… Пока они, едва ли не в лёжку от усталости, подкрепляли свои силы шаурмой и холодным шербетом, я сам попытаюсь примерно рассказать, в чём намечалась соль затеи. Короче, Али Каирская ртуть со своими людьми должен был сесть в засаду на востоке, где белёные крыши соседей нависали над двором его невесты. Дядя Шехмет, в свою очередь, планировал разместиться с запада, на близстоящих заборах. Одним было велено смазать лица дёгтем и надеть тёмное платье, другим рекомендовано одеться во всё белое, извазюкавшись мелом, дабы ничем не сорвать маскировку. А вот сама Зейнаб-мошенница активно готовилась к лечению своей «безнадёжно больной» матушки, которое почему-то должно было происходить непременно ночью, не в доме, а во дворе, и в таком неглиже, что правоверному мусульманину просто провалиться со стыда на месте… Кроме всего прочего, доченька должна поспособствовать изгнанию из маминого разума злобных чёрных демонов. Если вы хоть что-то где-то поняли, то в нехватке демонов точно проблемы не будет… Забегая вперёд, даже подскажу, что недовольных памятной ночью тоже не было – каждый получил, что хотел, честное слово! Ну а насчёт потерь… Так это, как всегда, легло на плечи эмирской казны, и Селим ибн Гарун аль-Рашид всерьёз и надолго заинтересовался личностью нового Багдадского вора.

– Пора, Лёва-джан.

– Пора, Ходжа. – Лев пружинисто встал, потянулся до хруста в костях и треска в халате, бросил два дирхема чайханщику с круглыми плечами и уточнил: – Ты к кому пойдешь, к мужчинам или к женщинам?

– Это даже не вопрос, ибо тебя к женщинам подпускать нельзя. Возьмёшь на себя дядю с племянником. Что ты на меня так смотришь?

– Хочу увидеть в твоих глазах стыд, после того как ты

оскорбил меня, честного, скромного и очень порядочного человека…

– Я видел, как ты крутился вокруг мошенницы Зейнаб, – отрезал Ходжа.

– Ну и где твоё чувство юмора? По-моему, вместе мы смотрелись в ритме супер! Нет?! О, да ты ревнуешь!

– Избави аллах! – едва не перекрестился домулло и тут же шлёпнул себя по рукам, дабы впредь не перенимать жесты друга. – Пойдём, уважаемый, до полпути нам по дороге.

Вдвоём они вышли на улицу, где голубоглазый бородач фамильярно подцепил низенького «индуса» под локоток. Ходжа почему-то покраснел, но сбросить хватку Оболенского было очень непросто. Как и большинство истинно русских людей, после сытного обеда нашего героя тянуло на философию. А философия, как известно, это вино и женщины…

– Ходжа, вот тебе какие женщины нравятся?

– Стройные, с высокой грудью и широкими бёдрами, – напряженно ответил Насреддин, окинув подозрительным взглядом мужественную фигуру Оболенского. – Ты не подходишь, и не надо так ко мне прижиматься…

– Балда, я ж сугубо ради конспирации! – искренне удивился псевдолекарь. – Но я ведь не в смысле внешности интересуюсь, а относительно поведения в постели.

– Лёва-джан, ты… как это… охренел, да?! – Ходжа наконец-таки вырвался. – Какого шайтана ты лезешь в личную жизнь мусульманина?

– Ой, ну не нуди, моралист медресированный… О чём ещё говорить двум таким красивым мужикам, как не о подлых бабах?

– О Коране, о шахматах, о товарах, о минаретах, о звёздах, об урожае, о плове, о поэзии, о… – начал загибать пальцы домулло, но Лев аристократически небрежно прикрыл ему рот и пустился в сладостные воспоминания:

– А вот у меня как-то была одна плейбоистая подружка… так она любила тоже поговорить. Причём именно в постели. Представляешь, да? Ну, короче, я там тружусь вовсю, культурно, с обстановкой: вино мускатное, шоколад самарский, чулочно-резиновые изделия из Китая, а она… Ну ни на минутку не затыкается! Ей-богу, даже когда целуется и то что-то щебечет! И самое главное…

Насреддин страдальчески закатил глаза, вздохнул, попытавшись ускоренно передвигать ноги. Но, даже когда он почти бежал, размашистый шаг Оболенского легко нагонял несчастного, и радостно рокочущий бас упоённо разглагольствовал на всю улицу:

– И самое главное – ей всё нравилось! Всё-всё, чем ни занимались, в какой позе там, в каком ритме… комментировала всё! Голосина – вторая Бабкина! Ты как относишься к… ну, когда они там стонут, извиваются, повизгивают, лепечут что-то ласково-поощрительное? Стой, не убегай! Дай дорасскажу…

Ходжа вырывался изо всех сил, так, словно от этого зависела не только его отдельно взятая жизнь, а нравственность и честь всего Багдада. На каком-то этапе ему удалось высвободиться, он ловко нырнул под мышку высоченного друга и крайне удачно скрылся в пересечении узких переулочков. Оболенский плюнул, расхохотался, отказавшись от погони, но вслед домулло ещё долгое время долетали издевательские обрывки фраз:

– …орала прямо в ухо: «Да! Да! Ещё! Йес!!! Дас ист фантастиш! Какой кайф!» А когда я часик спустя вышел на улицу, так эта дура в чём мама родила вопила мне с балкона на весь квартал: «Это было здорово! Не уходи, я ещё так хочу! Прямо здесь, как там, на люстре!» Вот те крест, мне тогда – хоть сквозь землю провались!… А сейчас скучаю… Так вот, к чему я всё речь-то вёл, а ваши гурии в гаремах так могут? Не слышу?! А? Ну правильно, где им…

Глава 35

Опытный астролог подскажет критические дни…

Реклама в женском еженедельнике.

Та памятная ночь надолго запомнилась жителям Багдада. Впоследствии не один год среди простого народа и даже купечества бытовало новое летосчисление – как говорили на базарах: «Это было спустя две недели после Ночи Похабных Шайтанов…» или «Всё произошло ровно за месяц до Ночи Бесстыжих Иблисов». Что и говорить, в те времена было не так много праздников, почему люди и радовались любому маломальски значимому событию, а уж тем более такому яркому… Давайте мы оставим на будущее, что там и как наплели наши герои своим «подопечным», но главное – дело было сделано, ситуация не выходила из-под контроля и в целом всё шло как по маслу. После вечерней распевки муэдзинов в район западного квартала к ухоженному двухэтажному особнячку начали постепенно стекаться очень подозрительные люди. Причём все были подозрительны по-разному: в частности, необычным внешним видом, гробовым молчанием и тщательно скрываемыми под одеждой странными предметами. А если быть ещё более точным, то делёжка шла лишь на две категории – люди в белом и люди в чёрном. Те, что были закутаны во всё белое, пугали окружающих тщательно вымазанными мелом лицами и… большими белыми подушками в руках. Наблюдательный глаз сразу отметил бы их успешные попытки разместиться на белёной крыше соседнего дома, чуть нависающей над забором двора госпожи Далилы. Группа людей в чёрном чёрными лицами не пугала – попросту ужасала! Многие почему-то забыли изваксить себе дёгтем шею, уши и руки, что приводило случайных прохожих буквально в шоковое состояние. Под длинными плащами чёрные незнакомцы прятали гибкие ивовые прутья. Хотя и незнакомцами-то они, пожалуй, тоже не были: хорошенько приглядевшись, можно было легко узнать загримированных стражников высокородного господина Шехмета. Они, старательно избегая косых взглядов, разместились над северным, небелёным, забором заднего двора всё той же Далилы-хитрицы. Обе группы, ведомые странными дервишами в специфическом рванье, заняли свои места «согласно купленным билетам» настолько

отрепетированно, что «чёрные» и не подозревали о присутствии «белых». Как, впрочем, и наоборот. Оставалось ждать, но недолго. На Востоке ночь вообще опускается удивительно быстро, словно набрасывая на сонную землю фиолетово-чёрный персидский бархат, усыпанный яркими фианитами звёзд. Луна светила, как начищенный дирхем в руках знающего ростовщика, и даровала театру боевых действий самое лучшее из своих романтических освещений. Где-то после двенадцати на пустынный квадрат Далилиного подворья вышли две разнокалиберные фигуры – одна низенькая и плотная, другая высокая и плечистая. Низенький, судя по облику явный индус, мелкой рысью обежал весь двор по периметру и всё смотрел куда-то вверх в карманную подзорную трубу, словно надеялся чего-то там разглядеть в серпантинных гроздьях звёзд. Потом вернулся к высокому, пошептал ему на ухо и неожиданно громко оповестил едва ли не весь квартал:

– Луна в Раке! И пока Дева располагается под Водолеем, от их чудесного союза произойдут удивительные для мусульман вещи! Тринадцатый градус зодиакального дома Рыб находится под прямым углом к оси наклона Урана, что дает невероятную мощь энергетическому потоку направленного течения астрологической нумерологии, и если всё это умножить на четырнадцатый куб в квадрате Пифагора, то, с точки зрения Авиценны, уровень излечения болезней Венеры будет не просто велик, а ошеломляюще эффективен!

Люди Шехмета и Али Каирской ртути слышали всё. Но, по-моему, не поняли ни слова! В особенности «эффективен»… Ходжа упёр оригинальное словечко из лексикона соучастника и в общем-то попользовался им абсолютно правильно, поставив и вовремя и к месту. После чего раскланялся, удалившись в дом, чисто по-брахмански пятясь задом. Стражи порядка, перемазанные в основные шахматные цвета, вытянув шеи, ожидали развязки. Тогда высокий, очень смахивающий на лекаря-шарлатана с ближайшего базара, неожиданно подпрыгнул на месте и плавно пошёл по кругу одному ему известном танце. До слуха присутствующих долетали лишь обрывки совершенно незнакомых слов: «Не нарушу клятвы Гиппократа, как бы мне ни стало хреновато…» Потом он встал в центре двора и, обернувшись к дому, распростёр руки к небу, зычно заявив:

– Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Зрители ахнули… Нет, никакой таинственной Сивки-бурки не появилось, но прямо во двор дома собственной персоной вышла Далила-хитрица. Пока она стояла ко всем боком, вопросов не было, но вот когда она, повинуясь жестам лекаря, трижды

повернулась на месте… Длинное, глухое, от горла до пят, чёрное одеяние вдовы имело широкий треугольный вырез на спине! Для женщины Востока такой шаг был равносилен революции. Лев с удовольствием послушал скрежетание зубов, долетавшее со стороны забора и близлежащих крыш. Если Ходжа уже успел переодеться, через несколько минут во дворе начнется багдадский вариант игры в «казаки-разбойники», значит, нужно поторапливаться…

– Итак, пациентка, гражданка Далила Казбековна Хитрицина, не первый год активно страдающая склерозом, анемией, ишемией, гриппом, гайморитом, циррозом печени, параличом мозга, геморроем, псориазом, а также по старости лет и вирусом иммунного дефицита, наконец-то может приступить к последней фазе окончательного и бесповоротного лечения. Во время оного пациентке надлежит сохранять спокойствие и ровное, неторопливое дыхание. В противном случае могут появиться массовые галлюцинации в виде крупных, подпрыгивающих демонов белого и чёрного цвета, обычно появляющихся после четвёртого литра. Пардон, у вас, в Азии, уже после второго… Медсестра! Прошу вынести во двор необходимое медицинское оборудование!

Из Далилиного дома, волнообразно покачивая бедрами, вышла законная дочь хозяйки, девица Зейнаб по прозвищу Мошенница. Хотя, собственно, сразу её никто не узнал… Если бы вы знали, сколько времени Лев и Ходжа уговаривали эту высокомерную дуру, по двадцать раз вдалбливая ей нехитрые детали наипростейшего плана, – вы бы им только посочувствовали. Ведь если разобраться, то чем дочурка заработала себе столь уважительную воровскую кликуху? Всего лишь пару раз заманивала в заранее приготовленный дом недалеких лохов, опаивала банджем, потом грабила подчистую и смывалась. Всё! За такое непыльное дело багдадцы дружно восславили её как Мошенницу, да ещё удостоили отдельных глав в «Тысяче и одной ночи»… О аллах, загляните в милицейские сводки первой попавшейся газеты! Вы поймёте, что в сравнении с аферистками современности Зейнаб была просто шаловливым ангелом. Но и с ней пришлось повозиться… Я к чему клоню – когда во двор прошагала вызываемая «медсестра», над крышей соседнего дома, как и над соседним забором, разом возник ряд контрастных по цвету голов с одинаково отвисшими челюстями… Не спорю, причина была достойнейшей! Лицо девушки было преступно открыто, но если бы только оно… На голове Зейнаб красовалась белая шапочка с красным крестом, а налитое тело было облачено в немыслимо короткий халатик с распирающимся

декольте и закатанными рукавами. Классические туфли с загнутыми носами чуть портили общее впечатление, но в целом медсестричка получилась в лучших традициях Голливуда. В руках добрая дочь несла поднос с шестью маленькими горшочками, а также плошку с плавающим в масле горящим фитилем. Высокий врач, бормоча про себя то ли специфические термины, то ли ругательства (хламидиоз, ёшкин пуп, гонорейка, растудрить твою в качало и т.п.), брал горшочки по одному, пару секунд держал над желтоватым языком пламени и ловко цеплял на открытую спину старухи. Честно говоря, сам Оболенский проводил подобную процедуру впервые, но хорошо помнил, как в детстве ему ставила банки бабушка. Правда, где и когда конкретно это было… не помнил, ну и не важно. А важно то, что внезапно через весь двор пролетела золотистая рогулька, угодив прямо в чёрную чалму слишком высунувшегося господина Шехмета. Красная пыль взвилась в воздухе, мгновенно запорошив ему глаза и нос… Перец! От дикой боли глава городской стражи взвыл и свалился во двор. Следом за ним на всю улицу раздался радостный вопль:

– Наших бьют!!!

Люди Али Каирского и стражники славного Багдада в едином порыве спрыгнули вниз. Вот тут-то всё и началось… Самое веселье, можно сказать, потому что безучастных не было! О том, что же произошло на самом деле, народ задумался гораздо позднее…

Глава 36

Человеческой глупости надо ставить памятник!

Зураб Церетели.

Я вновь вернусь к бессознательно лежащему больному, в одну из московских клиник. Ненадолго, рассказывать о том, что произошло во дворе Далилы-хитрицы, мне и самому гораздо интереснее. Однако в любом повествовании есть свои правила. Кроме того, описываемый мною случай был по-своему ярким и красноречивым. Как вы помните (хотя как вы умудряетесь всё помнить?!), в одиночной палате Льва была установлена видеокамера на штативе для непрерывного круглосуточного наблюдения. Первые три дня даже велась постоянная видеозапись. Потом, как это вечно бывает в России, неожиданно кончились средства. Сначала приняли решение старые записи стирать, а кассету использовать заново. Потом почему-то непонятно куда стали исчезать и сами кассеты. Короче, в результате на столе у ночной сестры появился маленький монитор, в котором она, по идее, могла постоянно наблюдать передвижения больного. Стоп, больной-то пребывал в коме, а значит, наблюдение велось скорее с целью засечь того самого сумасшедшего вора, прячущего краденое под матрас несчастного! Всё так, всё по уму и всё-таки… Понятное дело, что пялиться в экран на самое однообразное в мире кино, да ещё всю ночь, ни один человек не выдержит. Под утро сорокапятилетняя сестричка уже вовсю клевала носом, а когда, встряхнувшись, вдруг подняла глаза, то сначала просто ахнула… А уж потом подняла визг, разбудила дежурного врача, ещё двух медбратьев, сторожа, кого-то из практикующих студентов и даже выздоравливающих больных – в палате царил разгром! Ну, на первый взгляд… так ничего особенного – кровать валяется на боку, а больной на полу. Кстати, по-прежнему в коме, без малейших признаков прояснённого сознания. Ну, естественно, всей толпой навели порядок, проверили камеру (вещь дорогостоящая!), на всякий пожарный прощупали постельное бельё (всё чисто, никаких посторонних предметов!) и, шумно обсуждая произошедшее, отправились восвояси. По общему убеждению, некто проник в палату Оболенского, наверняка собираясь засунуть ему что-нибудь под матрас, но, заметив видеоаппаратуру, сбежал. Да так резко, что впопыхах свалил кровать с бедняжкой. Льву

сочувствовали, медсестру втихую поругивали, догадываясь, что проспала… А на бесследное исчезновение двух зажигалок, авторучки и брелка с ключами от «Лады» никто особенного внимания не обратил. Тем более что хватились-то всерьёз уже на следующий день. И то только ключей. Но камеру и монитор все же пока оставили…

Господа, я предлагаю коротенько, без детальной описательности, посмотреть на происходящие во дворе вдовы Далилы события глазами очевидцев. Их было много, поэтому и точек зрения у нас окажется немало.

Начнём с основных действующих лиц, например, с городских стражников. Льву и Ходже ничего не стоило убедить их пойти на «ночное дело» сплошь в чёрном. Ивовые прутья успешно заменили оружие – всё-таки наши герои планировали мирную аферу, а не массовое смертоубийство. Что должны делать подчиненные, когда их боевой командир падает и кто-то орёт: «Наших бьют!»? Правильно – всем прыгать вниз и мстить врагу со страшной силой! А кто, собственно, враг?! Конечно же тот, кто не как они. То есть не в чёрном, а…

Переходим ко второй группе – сторонники Али Каирской ртути. Уговорить их пойти в белом на слежку за неверной невестой не стоило ни малейшего труда. Племянник высокородного Шехмета легко купился на то, что в таком виде его люди будут совершенно незаметны на фоне белённых известью крыш, а белые подушки дадут возможность комфортно возлежать на жёсткой поверхности. Каким образом Али Каирский, с выпученными глазами пожиравший бесстыжую Зейнаб в коротком халатике, ухитрился сверзиться вниз к беспрестанно верещащему дяде – не знал никто! Возможно, его подтолкнули… Хотя кто бы это мог быть? Однако видя, как к их господину бросились люди в чёрном, герои в белом тоже посыпались во двор, яростно размахивая своим единственным оружием – пуховыми подушками. Грянула грандиозная баталия! Суматоха усиливалась дикими воплями обалдевшей Далилы-хитрицы, носившейся по двору взад-вперёд с банками на спине. Старуха справедливо решила, что воочию видит борьбу чёрных и белых демонов за её немощное тело. Здоровенная дура-дочь ничего не поняла, но страшно испугалась, а потому встала на месте, однообразно воя на манер пароходной сирены. Именно это надрывное, наполняющее душу тоской вытьё и разбудило полгорода. Народ логично предположил, что в соседнем дворе происходит нечто ужасное, скорее всего – пожар! В те времена даже нашествие врагов не казалось таким уж бедствием в

сравнении с мгновенно выгорающими кварталами бедных домишек. Так что первоначально на драчунов были выплеснуты десятки кумганов воды. Это уж гораздо позже, когда люди хоть чуть-чуть разобрались, что к чему, поле боя превратилось в подобие стадиона. Багдадцы, со всех сторон облепив Данилин двор, кричали, подбадривали, свистели, делали ставки… Выражаясь современным языком – отрывались по полной программе! Из дворца эмира спешили войска, город гудел, правосудие началось где-то утром… Законный вопрос: а чем в это весёлое времечко занимался Лев Оболенский? Он – крал! То есть выполнял свои прямые обязанности как самый законопослушный Багдадский вор…

– Андрюшка, ты не представляешь, какой это был кайф! Когда Ходжа запустил ножнами с перцем прямо в надменный лоб этого недоделанного Шехмета, я стоял в максимальной близости к дверям и слинял прежде, чем их благородие шмякнулось во дворик. Оттуда сначала – в дом, через заднее окно – на крышу, ну и истеричного племянника, как ты понимаешь, мы турнули уже в четыре руки. Всем по фигу! Все на Зейнаб смотрят! А она, доложу я тебе, хоть и толстая, но гармоничная такая… с талией, кормой впечатляющей и грудь… во! Бюстдатая женщина! Не совсем в моём вкусе, но впечатление производила. Так вот, когда они всей толпенью устроили массовую охоту на демонов и старушка Далила наматывала круги, как молодая козочка, я понял, что нашёл для всех её болезней единственно верный рецепт. Слушай, может, мне здесь, в Москве, свой реабилитационный центр для шизующих пенсионерок открыть?

– Здесь это не прокатит, – устало покачал головой я, у меня в тот вечер вообще было скептическое настроение. Во-первых, сама авантюра представлялась почему-то слишком уж простоватой, а во-вторых, Лёва часто переувлекается и насыщает рассказ несуществующими деталями, делая из мухи слона.

Оболенский вздохнул, вылил в свой бокал остатки пива, мельком глянув на непочатый мой, и продолжил:

– Так там через десять минут полгорода слетелось посмотреть, кого бьют, и послушать, как матюкаются! Кстати, матюкаются паршиво… «Шайтан тебя раздери!» – самое страшное проклятие. Темнота, одним словом… Чему их только в медресе учат? Ну, значит, мы с напарником ноги в руки и на шехметовский двор. Подняли всех, кто остался, и послали на выручку типа: «Там наших внаглую пинают!» Ходжа всех проводил, помахал платочком, потом уже только мешки с незаконно нажитым имуществом на лошадей грузить помогал. Он

же герой легенд и анекдотов, ему красть нельзя, а мне вот буквально сам Аллах велел! Шехмета грабили быстро, я взял что поприличнее, надо же было и к Али Каирскому заглянуть… Знаешь, а там ещё проще вышло – напели страже, что в городе война (шум и вой за километр слышно!), велели грузить в арбу самое ценное, так они нас ещё и до базара проводили… Ночка была – самая та! Нет, простых граждан я не обворовывал, я ж не уголовник какой… Но вот уже на рассвете, когда стража эмирская всех зрителей по домам разогнала, брошенную квартиру маменьки Далилы навестить не преминул.

– Хм… а она где отсыпалась? – не сразу уловил я.

– В эмирской тюрьме, где же ещё! – радостно пояснил Оболенский, незаметно подменяя мой почти полный бокал своим пустым. – Туда же всех подряд замели; кто в чём виноват, разобрали уже к обеду. Хорошо, что у Ходжи были старые связи с контрабандистами и товар мы сбыли в то же утро. На вырученную сумму могли купить пару лавок и открыть своё дело. Так что чисто в финансовом смысле наш друг Ахмед был полностью отомщён!

– А что же мошенница Зейнаб? Ведь всем было ясно, что её просто подставили… Неужели Али расторг помолвку?

– Братишка, Восток – дело тонкое… Женщине там мало что позволяется, а уж ошибки не прощаются вовсе. По-моему, и Али, и Шехмет, и даже сам эмир были тайно счастливы уже оттого, что таких подлых баб обманул простой мужчина. Ну, двое мужчин, если быть точными… Погоди, я расскажу по порядку. Минуточку, а что, пиво совсем кончилось? Кто идёт за «Клинским»?!!

Глава 37

Мертвого классика легко похлопывать по плечу.

Из личного опыта.

Этот разговор, свидетелями которого вы были в предыдущей главе, происходил где-то через полтора года после выписки моего друга из больницы. Я тогда почти на неделю застрял в Москве по издательским делам, соответственно, имел массу свободного времени по вечерам. Тогда-то Оболенский и напал на меня со своей историей. Как уже говорилось, публиковать свои мемуары он не собирался, но был от души счастлив, найдя в моем лице благодарного и терпеливого слушателя. Я же поначалу внимал ему очень рассеянно… Знаете, когда пишешь фантастические романы, вокруг неожиданно начинают появляться всякие разные люди, так и норовящие «совершенно безвозмездно» подсунуть тебе очередную «гениальную идею» для будущего романа. Они бы и сами с удовольствием написали, да всё как-то не с руки, а так… пусть хоть знакомый писатель попользуется. В девяноста девяти случаях из ста – это скучнейший бред, почерпнутый из дешёвенькой фэнтези и нетребовательного кинематографа. Отвечаешь вежливой улыбкой, обещанием обязательно подумать, и соискатель уходит счастливый, в полной уверенности, что он облагодетельствовал и меня, и человечество. Но вот в данном конкретном случае… С каждым днем я убеждался, что сумбурный рассказ Льва нравится мне всё больше и больше, буквально не выходит из головы. В порыве какой-то безумной эйфории я даже почти взялся за тетрадь, но быстро одёрнул себя… «Что ты делаешь? – укоризненно обратился мой трезвый разум к расшалившемуся вдохновению. – Тебе нельзя об этом писать! Мало того что ты не был личным свидетелем указанных событий, мало того что на эту тему уже существует ряд книг и кинофильмов, так ты ещё и пытаешься составить конкуренцию бессмертному Леониду Соловьёву! Не отпирайся! Что бы и как бы ты ни написал – всё равно это будут сравнивать именно с Соловьёвым, ибо его роман заслуженно признан классикой. Пытаться сказать что-то новое о Багдадском воре и Ходже Насреддине – не только глупо и смешно, но безнравственно и преступно! Придумай своих героев, о них и пиши. Зачем же красть чужое?!» Всё справедливо, мне нечем было крыть… Моё вдохновение выкинуло белый флаг и почти месяц честно

молчало, исправно соблюдая условия обоюдного перемирия. Я не воюю с Соловьёвым, не спорю с ним и уж тем более (упаси аллах!) не конкурирую! Ничего такого… просто через месяц вдохновение подло, по-партизански, сунуло мне карандаш в руку и пододвинуло стопку бумаги. Неделю или две мы с ним трудились втайне ото всех… Потом мой трезвый разум, полистав наши заметки, плюнул и махнул рукой: «Шайтан с вами! Делайте что хотите. Быть может, из всей этой белиберды что-то и получится. Но помните – я вас предупреждал!»

…Высший суд эмира вызвал всех четырёх пострадавших. Палач с удавкой, палицей и ятаганом уже стоял у «коврика крови». Эмир Багдада во что бы то ни стало намеревался выяснить правду. Следствие проводилось рано, примерно в девять утра, через день после Ночи Бесчинствующих Демонов (как я предупреждал, названий у этой ночи было множество!). Думаю, настала пора остановиться на личности эмира поподробнее. А то мы уже неоднократно упоминали об этом человеке, зачастую рисуя его самыми чёрными красками, хотя на самом деле вряд ли всё было так уж однозначно. Селим ибн Гарун аль-Рашид сел на трон, будучи вполне зрелым сорокалетним мужем, опытным в политике, дипломатии и воинском искусстве. Его приход во власть был абсолютно законным: отец умер своей смертью, иных претендентов на престол не оказалось, так что всё обошлось без интриг, заговоров и дворцовых переворотов. Новый эмир не задушил город налогами, не проявлял излишнего самодурства и наверняка являлся не худшим правителем, если бы не один пунктик – педантичность! Очень редкое качество для восточного человека, я вас уверяю… Так вот, ещё мальчиком Селим доводил до слез всю прислугу требованиями чётко и неукоснительно исполнять все его капризы. Дальше – больше… Во времена его правления самым большим преступлением считалось нарушить букву закона! Даже не сам закон, а его скрупулезное, дословное толкование. Организовав первый в истории исламского мира «крестовый поход» против порока, он начал с искоренения воровства. Везде, во всём, вплоть до мелочей, независимо ни от чего, никаких прощений или смягчающих обстоятельств, за всё и всегда одна кара – казнь! Следующим пунктом намечалась борьба за нравственность. Полное уничтожение гулящих женщин, мгновенная смерть за любую измену мужу (формально требовалось лишь заявление супруга!); никакого кокетства, танцев живота; хождение по улицам только в чадре, полная покорность и безмолвие, иначе – обезглавливание! Представляю, что началось бы в славном городе Багдаде, если бы внимание

эмира не было отвлечено досадной «заминкой в пути следования битвы с грехом воровства». Этой помехой и был наш общий знакомец, Багдадский вор – Лев Оболенский…

Селим ибн Гарун аль-Рашид на этот раз позволил себе надеть маску всемилостивейшего и добрейшего государя. Поскольку в городе начались неконтролируемые беспорядки, то разумней было не размахивать как попало разящим мечом правосудия, а с похвальным терпением выяснить обстановку, понять, где прячется корень всех зол, дабы пресечь его одним рубящим ударом. Прямо перед троном распростёрлись ниц: глава городской стражи достославный господин Шехмет, его удалой племянник Али Каирская ртуть, почтеннейшая госпожа Далила-хитрица и её достойная дочь Зейнаб по прозвищу Мошенница. Эмир отдавал себе отчёт в том, что разговор будет долгим, а потому начал с небольшого вступления:

– Мои верные слуги доложили мне об удивительной ночи, когда двор Далилы-хитрицы превратился в позорище всего Багдада. Никто не спал, и все сбежались посмотреть на чудесное сражение белых и чёрных демонов, избивавших друг друга прутьями и подушками так, что перья взлетали выше минаретов. В Багдаде говорят, будто бы белых демонов породила целомудренная Зейнаб, показавшаяся всем в совершенно голом виде с христианским крестом во лбу. А чёрных произвела из своего чрева благопристойная вдова Данила, чей траурный наряд был исполнен исключительного бесстыдства. Предводителем белых почему-то оказался молодой батыр Али, напавший на своего же дядю Шехмета, принявшего сторону чёрных. Мои стражи взяли всех без разбору, не дожидаясь, пока война одного двора захлестнёт весь город. Остаток ночи вы провели в тюрьме и были выпущены лишь наутро. За следующий день и ночь все успели подумать о своем положении, которое подобно опасному хождению по зыбучим пескам. Одна роковая ошибка, и… – Повелитель выразительно указал мизинчиком на щербато-улыбчивого палача. – Я очень хочу знать, что же произошло на самом деле?

Четверо конкурсантов, перемигиваясь и перетыкиваясь локтями, решали, кто же начнет первым. Желающих почему-то не было, хотя у каждого по-своему накипело. Тем паче что всех четверых на деле объединяла одна беда, в существовании которой они ни за что не хотели бы признаваться.

– Пускай начнет высокородный господин Шехмет, глава городской стражи, отвечающей за спокойствие и порядок в моём, доселе спокойном, Багдаде!

– О светоч разума, вместилище справедливости и сосуд

закона! Великий эмир, ниспосланный благословенным Аллахом (да продлит он дни твои бесконечно!) для устрашения врагов и наполнения радостью сердец всех истинных мусульман, – с несвойственной ему суетливостью пустился перечислять начальник багдадской стражи, но, вовремя уловив дрожание кончика носка левой туфли великого эмира, быстро прервал славословия и перешёл к делу. По мере его повествования лицо верховного правителя медленно, но верно вытягивалось книзу…

Глава 38

Аллах кретину не советчик.

Аналог данного заявления встречается практически во всех религиях мира.

С вашего позволения, я не буду дословно цитировать весь рассказ одного из второстепенных героев нашего романа. С одной стороны, потому что сам не люблю дотошно длинных повествований, а с другой – потому что впереди есть гораздо более интересные истории. Да и, самое главное, ведь ни я, ни Лев свидетелями этих разборок не были. О них поведал один очень известный благодаря той же «Тысяче и одной ночи» дворцовый цирюльник. Помните такого? Нет? Ну и не принципиально, продолжим… Итак, в основном горестная повесть главы городской стражи вышла целостной, но маловразумительной. Якобы к нему в дом заявились два посланца от его же племянника, назвавших себя «спецагентами». Один высокий и деловой, другой низкий и как-то по-особенному коверкающий язык. Они объяснили, что Али Каирский просит у дяди помощи и защиты от коварной хитрицы Далилы, известной своими кознями всему Багдаду. Естественно, он не мог им отказать! А так как дело должно было произойти ночью, то переодеть своих людей в чёрное казалось совершенно логичным. Как и приказать всем вымазать лица дёгтем, по совету тех же «агентов». Кстати, взять ивовые прутья вместо служебных ятаганов посоветовали тоже они, «дабы примерно наказать злодейку Далилу при первой же попытке плутовства»… Сначала вроде бы всё шло по плану: стражники засели на заборе и воочию убедились в непотребстве старухи и бесстыдстве её дочери. И тут ни с того ни с сего ему бьют в лоб чем-то тяжелым, из чего (о ужас!) сыплется перец. Правый глаз сильно распух и плохо видит до сих пор… Но, упав во двор, почти сходя с ума от дикой боли и чихая, как простуженный барс, он успел заметить, что это «нечто» валяется рядом и имеет вид парадных ножен кинжала его же родного племянника! То есть тут начинается настоящая путаница… Люди Шехмета, ринувшиеся поднимать своего господина, видели, как к нему кубарем бросился стройный юноша в белом и кто-то крикнул: «Наших бьют!» Значит, во всём виноват Али Каирская ртуть! С него и следует спрашивать…

– О благородный юноша… – печально покачал головой Селим

ибн Гарун аль-Рашид, – скажи нам, за что ты так невзлюбил родного дядю? Ведь, как нам известно, он относится к тебе с заботой и вниманием… Для чего же ты вступил в преступный сговор с Далилой и Зейнаб? Почему напал на благородного Шехмета? Зачем подослал к нему своих «спецагентов»? Вах, вах, вах…

Бедный племянничек от страха и возмущения едва не задохнулся в длительном плаче. Его пришлось встряхнуть и надавать по ушам, прежде чем удалец понял, что эмиру надо отвечать коротко и внятно. Хотя его рассказ получился менее лаконичным, но в целом вполне убедительным. Правда, сам правитель сидел уже с выпученными глазами, поджав губки и чуть елозя на троне. Думаю, и эту эпопею не имеет смысла описывать до запятой. Впереди ещё два свидетеля… Сами понимаете, авторский пересказ в данном случае куда более выгоден.

Если из стенаний, нытья и битья себя пяткой в грудь вычленить минимум полезной информации, то молодой Али Каирская ртуть сообщил примерно следующее… В его дом поутру заявились два просветлённых Аллахом дервиша. Один большой, с глазами, подобными небу, но немой. Другой маленький и шустрый, к тому же болтлив до крайности. Оба назвались родственниками, так что маленький служил переводчиком большому брату. И вот этот великан, размахивая руками, словно калиф-аист, дал понять, что на него снизошло божественное откровение. (Причём как именно снизошло, Али повторил супервыразительным жестом Оболенского, в результате чего даже многоопытный Шехмет залился краской.) Дервиши потребовали, чтобы юноша не спешил, а лишний раз удостоверился в благонадёжности и целомудрии своей невесты. А потому вечером того же дня все двадцать джигитов из подчинённых ему казарм надели белые одежды, взяли удобные подушки и… вымазали лица мелом. Маленький дервиш очень настаивал, поясняя, что только так они смогут пристыдить мамашу с дочкой, а в случае разоблачения легко сойдут за нетребовательных ночных духов. Дальше – всё по прежней схеме: выдвинулись, заняли позицию, наблюдали, фиксировали, убедились, но тут… Кто-то толкнул бедного мальчика в спину, и он, едва не свернув шейку, вылетел во двор, прямо на человека в чёрном. Дядю он в тот момент просто не узнал, разумеется, по причине отчаянной храбрости и врождённого хладнокровия. Никаких ножен с перцем не кидал, «Наших бьют!» – не кричал, а то, что его люди разом спрыгнули во двор, так это для его же спасения и защиты. Лично он ни в чём не виноват! Его даже вон как отходили прутьями! А тот

распроклятый кинжал вместе с ножнами куда-то завалился после визита мудрых дервишей… Ну а если уж эмиру непременно нужны виновные, то всё дело наверняка в хитрице Далиле и её мошейнистой дочери. Ведь из-за них всё так некрасиво получилось…

– Встань, вероломная вдова! – с трудом прокашлялся эмир, которому уже почти всё было ясно. В том смысле, что виновных он сегодня никак не найдёт. – Если тебе есть в чём покаяться перед смертью – говори! Ибо даже петля и кол будут великой милостью для той, что своими кознями пыталась изжить со свету племянника и дядю, достойнейших мужей Багдада! Говори же, но пусть твоя речь будет краткой…

Старушка Далила бодро вскочила на ноги и, не тратя времени на пышнословную мишуру, чётко, по-солдатски выложила правителю свою версию произошедших событий. Выходило, что её дом был осчастливлен визитом двух непохожих друг на друга мужчин. Высокий бородач – обаятельно подмигивающий лекарь и низенький пузан – астролог из далёкой Индии.

Убедительно обозначив на хозяйке дома три тысячи признаков самых страшных заболеваний, они немедленно приступили к лечению. Декольте на спине вырезал индус самыми большими ножницами, подробно пояснив, как именно через треугольный вырез на платье избавляются от кармических недомоганий. Сам лекарь готовил волшебные снадобья и растолковывал застенчивой Зейнаб, почему на ней должно быть так мало одежды. Исключительно для пристыжения чёрных демонов и увеселения белых! И пусть хоть кто-нибудь скажет, что в пиковый момент демоны не появились?! Ещё как! Они толпами сыпались со всех заборов и крыш, их битва была ужасной, а вопли несносными. Уже потом набежала стража и всех забрала… Но ведь кто же знал, что двум честным мусульманкам нельзя даже выйти на собственный двор, чтобы за ними не подсматривали бессовестные, истекающие сладострастием мужчины? Где справедливость?! И кстати, все болезни таки прошли, до одной… Госпожа Далила чувствует себя как нельзя лучше, готовая и впредь служить великому эмиру душой и телом!

От допроса мошенницы Зейнаб подуставший правитель разумно отказался. Весь интеллект этой девицы был написан у неё на лице, то есть его отсутствие не скрывала даже непроницаемая чадра.

– Довольно! Я выслушал вас и вижу, что все вы стали жертвами наглого, недостойного обмана. Двое дервишей, двое «спецагентов» и двое базарных шарлатанов обвели вас вокруг

пальца. Значит, всего их было шестеро, а это уже целая разбойничья шайка… Хвала аллаху, они оставили нам столько примет, что завтра же негодяи будут опознаны и казнены! Эй, глашатаи, объявите награду в тысячу таньга тому, кто укажет, где скрываются: высокий лекарь и толстый астролог-индус; голубоглазый немой дервиш и его маленький переводчик; рослый бородач с карликом, коверкающим слова.

– Велик и мудр наш эмир! Да продлит Аллах его правление, защищающее бедных мусульман от происков шайтана! – все четверо прочувствованно распростёрлись ниц, причём Зейнаб только после того, как её дважды дернула за рукав мама.

– Теперь вы вольны идти, я не увидел среди вас виноватых, – милостиво качнул ухоженной бородкой премудрый Селим ибн Гарун аль-Рашид. – Но одно не дает мне покоя – зачем злодеи так обошлись с вами? Какую же выгоду, кроме посрамления моих верных слуг, они с вас поимели?

– Нас ограбили… – неуверенно переглядываясь, протянули все пострадавшие. Лицо эмира потемнело. Зато на лица Шехмета, Далилы и Али снизошло озарение…

Глава 39

Аллах – не Минздрав, двадцать раз предупреждать не будет.

Неожиданное прозрение.

…А в маленькой лавочке башмачника Ахмеда второй день шла повальная гульба. Дым стоял коромыслом, вино текло рекой, друзья и соседи вповалку валялись на полу мордами в плове. Лев, чисто по-русски, требовал подать ему для этой же цели салат, но увы… Салатами на восточном базаре не баловали, пришлось с перепою падать мордой туда, куда и все, – в плов! Бедный ослик показал себя единственным трезвенником, не то чтоб ему не наливали – он сам не пил, хотя вино было хорошее. Вообще, в свете последних событий ушастый Рабинович оказался не у дел. Ходжа пояснял, что дервишам иметь осла не положено, два «суперагента» верхом на одном ослике выглядят подозрительно, а лекари и астрологи – тем паче не должны перегружать бедное животное. Короче, серый друг остался утешать побитого изготовителя традиционных тапок. Вернувшись, Оболенский от души расцеловал ослика в лоб и одарил новёхонькой попоной (ещё пару часов назад служившей господину Шехмету молитвенным ковриком!). Как водится, Лёвушка требовал недельного загула, ибо чем же должен заниматься вор, как не красть и гулять?! Более потрёпанный жизнью Насреддин с товарищем не спорил, но сам пьянствовал очень осторожно, памятуя о том, что далеко не все правоверные способны долго удерживать страшную тайну – брудершафт с самим Багдадским вором! Посему он щедро угощал всех, заглянувших к ним на огонёк, исподволь примечая: нет ли среди гостей переодетых стражников или тайных соглядатаев? Вроде бы обнаружил целых двух, потому на всякий случай упоил подозрительных типов вусмерть. По идее, уже вполне назрела необходимость «сменить хазу и залечь на дно». В сущности, башмачник от любых обвинений может отпереться, явных улик против него нет, пусть отдохнёт от дел. Тихо, без лишней спешки, домулло собрал всё необходимое, увязал в хурджины, возложил на спину ослику и… В этот момент в дверь лавки башмачника постучали. Открыть мог лишь Ходжа, все прочие были, мягко говоря, нетранспортабельны.

– Салам алейкум, уважаемый. – У входа скромно стояла стройная девушка в хорошем платье, её лицо, как и положено, скрывала чадра. – Не здесь ли находится лавка башмачника

Ахмеда?

– Аллах направил ваши стопы в нужную сторону, – изысканно поклонился Насреддин, – но увы, моя госпожа, сейчас он не сможет починить ваши башмачки. Он… как бы это… ну, не совсем, что ли…

– Мне вовсе не нужно ничего чинить! Я пришла сюда в поисках своего друга и заступника Льва Оболенского. Он такой высокий, с грозными голубыми глазами….

– Какой друг? Какой заступник? Почему Лев? Зачем Оболенский?! Ничего о нём не слышал и знать не знаю… – мгновенно насторожился Ходжа, нутром почуявший в гостье источник новых неприятностей.

Девушка всплеснула руками, опустила голову и… заплакала. Насреддин воровато огляделся, прокашлялся и, слегка приобняв её за плечи, стал ненавязчиво разворачивать к выходу:

– Идите домой, уважаемая… Конечно, я не знаю никакого Льва Оболенского, но если вдруг, каким-то чудом или очередным происком шайтана, мне доведётся встретить человека с таким чудным именем – непременно сообщу, что вы его ищете! Он сам к вам придет, клянусь бородой пророка…

– Но я не могу! Не могу возвращаться домой… – срывающимся от слез голосом прокричала девушка. – Они сказали… Они же убьют меня, если я не приготовлю им той!

– Наймите повара, – бесцеремонно ответствовал домулло, но, видимо, шум у дверей всё же разбудил его нетрезвого друга.

– Джамиля?! – В дверном проёме, качаясь, возникла массивная фигура Лёвушки. – Ходжа… блин! Пропусти сейчас же… Тоже мне швейцар тут… нашёлся!

– Ах, та самая Джамиля-а… – понимающе протянул Насреддин, и счастливая девушка мгновенно проскользнула мимо него, прижавшись к груди Оболенского, как котёнок. Сначала она только благодарно всхлипывала, потом откинула чадру и, подняв мокрые ресницы, ещё раз попыталась пожаловаться на своё горе:

– Я бы не пришла, я гордая… Ни за что не стала бы бегать за тобой по всему Багдаду, но там… О Лёва-джан! Спаси меня, пожалуйста-а… Они опять придут ночью!

– Пусть только рискнут своим чахлым здоровьем… – громогласно пообещал наш герой. Благородная натура рыцаря и дворянина не задумываясь взяла верх над алкогольными парами. В одну минуту Лев стал трезв, как богемское стекло, а потому поинтересовался задним числом: – А собственно, кто – они?

– Гули!

Дальнейший разговор Ходжа Насреддин участливо предложил перенести на улицу. В самом деле, в лавке полно

пьяно икающего народа, стоять в дверях глупо, и планы смены места жительства требуют решительной реализации. Прибежавшая с памятной окраины Багдада Джамиля сумбурно, то смеясь, то плача, рассказывала товарищам по оружию горькую историю своей вдовьей судьбы. Хотя вру, не совсем так… В самой вдовьей судьбе ничего страшного как раз и не было – девушка каталась как халва в мёде, наслаждаясь всеми прелестями жизни без старого мужа-людоеда. Попривыкнув кушать исключительно мусульман, злобный пенсионер махом отравился всего парой капель православной крови Оболенского. Таким образом, Лев автоматически спас девушку, обеспечил ей безбедное будущее и в общем-то избавил от главного ночного кошмара целый квартал древнего Багдада. Проблема заключалась в том, что раз в полгода, а иногда и чаще, в доме достопочтеннейшего Ай-Гуль-аги собирались на праздничный той гули со всех близлежащих пустынь. Их было не так много, семь или восемь, но для несчастной девушки визит даже восьми голодных монстров вполне мог показаться поводом для нервного волнения. Нет, в дом они не вошли, просто поскреблись у дверей, пообещав вернуться на пир следующей ночью. Ну а наутро Джамиля бросилась на поиски того единственного человека, который не побоялся схватиться с самым ужасным кровопийцей Аравии и Персии, а значит, уж наверняка спасет её и от остальных… Точного адреса Оболенский, естественно, не оставил, но вот о лавке башмачника Ахмеда, видимо, как-то обмолвился…

Время было примерно предобеденное, то есть между одиннадцатью утра и часом дня. Поскольку всё необходимое для «перемены климата» уже лежало в крепких полосатых мешках, то сборы не заняли слишком много времени. Ведущий вор Багдада наскоро опохмелился, предложил Джамиле, предложил Ходже, получил в обоих случаях отказ и на всякий случай бегло ограбил тех подозрительных «гостей», которых приметил опытный глаз Насреддина. Нет, с собой ничего не забрал, просто переложил кошельки, ножи, чётки и прочую мелочь из карманов одних соглядатаев другим. Пусть теперь подозревают друг друга. У башмачника остаётся самое железное алиби – он беспросветно дрых вместе со всеми и, разумеется, ни в чём предосудительном не участвовал. Гостью усадили на ослика, тот чуточку пофыркал насчёт двойной ноши, но быстро смирился и пошёл. Наверное, ему понравился запах иранских благовоний. О аллах, какая девушка выйдет из дому, не припудрив носик или не сбрызнувшись дезодорантом?! Тем более если ночью её навещали очень сердитые восточные вампиры… Лев и Ходжа неторопливо шли чуть сзади. Базарный люд толкался, шумел, торговал, жил по

своим извечным законам общечеловеческого бытия. Солнце светило в небе большое и жёлтое, как Ленин. Эмирский глашатай орал во всю глотку о награде в тысячу таньга тому, кто укажет притон пёстрой банды грабителей из шести человек. Запах кебаба, поднимаясь над мангалами, коричневым драконьим хвостом щекотал носы прохожим. Спешно пронеслись четыре городских стражника, одному даже можно было подставить ногу, но ведь лень… Жара брала своё. Заниматься делами не было ни малейшего желания. Хотелось клубничного мороженого, пива «Хольстен», астраханской воблы и тихого пикника где-нибудь в верховьях Оки или на озёрцах Серебряного бора. За всю дорогу до одинокого домика Ай-Гуля Оболенский даже рта не раскрыл, истекая слюной от воспоминаний о таких вещах, которые коренной житель Багдада и во сне не видел. Чем, собственно, ввёл в немалое удивление Ходжу, так же молча купившего мучающемуся другу лепёшку. Видимо, в благодарность за возможность побыть в тишине, один на один со своими мыслями. А мысли мыслились… м-м… нерадостные…

Глава 40

Хорошенькие девушки ВСЕГДА нуждаются в спасении.

МЧС Багдада.

В доме был наведён порядок. То есть, как помнилось Льву, там и раньше всё сверкало чистотой, но сейчас ощущалась какая-то особенная… отмытость, что ли! Казалось, жилище покойного людоеда навсегда избавилось от жестоко-кровавой ауры. Джамиля, твёрдым хозяйственным взглядом окинув владения, уверенной рукой взялась за управление домом. Она наняла двух служанок, заставив их вымести буквально каждую пылинку. Распродала все вещи супруга, накупила новых ковров, кушеток и подушек, сменила посуду, развесила на стенах выдержки из Корана и щедро нараздавала милостыни страждущим. Оболенский только языком прищёлкивал, глядя, какие роскошные интерьеры обустроила во всех комнатах юная девушка, не получившая никакого дизайнерского образования. Даже Ходжа Насреддин, привыкший к восточной роскоши и традиции красочно устраивать быт, был сражен её вкусом и чувством меры. Вот в это-то уютное гнездышко намеревались вломиться кровососущие монстры пустыни… Как же можно такое допустить?! Никак-с нельзя-с, господа!

…Военный совет в большой комнате у накрытого дастархана держали все трое. Рабинович не был приглашён, но своё веское слово в защиту девушки сказал, навалив солидную кучку навоза прямо под окнами, именно там, где стояли приходившие ночью гули. Ну а то, что женщин на Востоке в грош не ставят и к их советам не прислушиваются, – чушь полнейшая! Для сравнения вспомните хотя бы уже навязшую в зубах Шахерезаду… Ушлая тётка тысячу и одну ночь (примерно три года!) морочила голову недалёкому падишаху с садистскими наклонностями. И он слушал её, развесив ослиные ушки, так старательно, что всё время забывал казнить, а потом вообще плюнул, сдался и сочетался с народной сказительницей законным браком. Видимо, так она его уболтала, что это был единственный способ заткнуть ей рот и наконец-то спокойно выспаться за всё это время…

– Лёва-джан, ты мне друг, – горячился Ходжа, действительно здорово раздосадованный совершенно фантастическими прожектами Оболенского, – но за один день мы не успеем вырыть окопы, установить противотанковые ежи, обмотать всё колючей

проволокой, перекрыть подходы минными полями, поставить вышки с прожекторами и пулемётами, а уж про электронно-сенсорную сигнализацию… я вообще молчу! Шайтан её побери, с таким немусульманским именем…

– Ой-ой-ой, какие мы впечатлительные… По крайней мере я вношу разнообразные стратегические и тактические предложения, неоднократно оправдавшие себя в рамках военного времени. А ты только критикуешь, причём неконструктивно!

Ходжа мельком взглянул на Джамилю – девушка, раскрыв ротик, смотрела на своего героя с немым обожанием, как на пророка, изрекающего святые истины. Пришлось махнуть рукой и начинать сначала:

– О кладезь мудрости и полководческой дальновидности…

– Уже лучше!

– Позволь недостойному ученику, всего лишь недавно вступившему в сень глубины твоих заоблачных познаний, выразить робкие сомнения, основанные лишь на том малом отрезке времени, которое Аллах отпустил нам до вечера, ибо план твой незыблемо хорош, но требует таких денег и сил, что без привлечения тысячи рабов и трёхсот тысяч динаров мне ни за что не успеть…

– Всё! – сдался Оболенский, понимая, что Насреддин действительно прав. – Ради всего святого, будь попроще, и широко протоптанная народная тропа к твоему нерукотворному памятнику вовек не зарастёт. Короче, кончаем трепотню – что делать будем?

– Давайте плов кушать, – впервые подала голос молодая вдова. – Я сама готовила, очень-очень старалась…

– Малышка, ты просто читаешь мои мысли! – покровительственно улыбнулся Лев, подмигнув ей два раза столь многозначительно, что девушка покраснела, и повернулся к домулло: – Хорошенькая, правда?

– Хвала Аллаху, – суховато откликнулся тот. – Но ведь ты, кажется, не намерен на ней жениться?

– Не хочу портить девчонке жизнь… Какое у неё будущее замужем за таким крутым багдадским уголовником?

– Самое безрадостное… В лучшем случае изгнание в пустыню, а в худшем – отход имущества в казну эмира и казнь через побивание камнями. Жён воров приравнивают к обманщицам и блудницам.

– Нет уж, пусть поживёт… Но пока я здесь, ни одна сволота не посмеет невежливо посмотреть ей вслед – придушу, как таракана!

– Ва-а-х… – Насреддин разулыбался и с удовольствием

потянул носом душистый аромат принесённого хайназарского плова из мяса трёх сортов, урюка и длинного коричневого риса. Джамиля за стол не села, а обняла руками колени и участливо глядела, как мужчины аккуратно скатывают её стряпню в шарики, отправляя их в рот. Впрочем, Оболенский, несколько попривыкший к отсутствию ложек и вилок, быстро предпочёл аристократическое загребание плова ладонью, действуя ею, словно совковой лопатой. В промежутках между чавканьем сильная половина человечества обсуждала планы на вечер.

– Так отчего всё-таки… умер почтеннейший Ай-Гуль-ага?

– Да чёрт его разберёт! Я ж говорю… Лепёшку передай! Он меня вот тут укусил, затрясся весь и помер на фиг! Джамиля, ты ему… предварительно… крысиный мор в овсяную кашу не подсыпала?

– Нет! Клянусь аллахом! – вскинулась перепуганная девушка, но тут же поняла, что её защитник просто так мило шутит.

– Слушай, Ходжа…

– Опять лепёшку? Ну ты и… кушаешь, почтеннейший!

– Не, не надо, лопну… Я просто хотел поинтересоваться, а отчего эти ваши гули вообще копыта отбрасывают?

– Такие же наши, как и ваши, – напомнил Насреддин, отодвинулся от дастархана и вытер жирные руки о голенища мягких сапог. – Нечистая сила боится светлого имени Аллаха, деяний его пророков и благозвучного пения муэдзинов с высот минаретов и мечетей. Увы, мы мало о них знаем… Говорят, будто сила гулей втрое превосходит человеческую, что они питаются кровью и мясом правоверных мусульман, и только вовремя совершённый намаз да клинок дамасской стали способны повергнуть это злобное порождение шайтана!

– Ну, насчёт силы ты загнул… – Оболенский царственно икнул, с сожалением откидываясь на подушки, а молодая хозяйка быстро унесла жалкие остатки трапезы на кухню. – Катались мы с ним по ковру где-то два раунда. В партерной борьбе дедку бы меня вовек не одолеть… На предмет намаза – ничего обещать не могу, в последнее время я в нём как-то путаюсь… А вот дамасский клинок готов спереть хоть сегодня. Только скажи, где?

– Вай мэ, настоящий ятаган из Дамаска, с гравировкой керамических текстов, – вещь редкая и стоящая больших динаров. На весь Багдад таких сабель штук шесть-семь, не больше… Но дело не в этом, разве ты или я умеем владеть таким оружием? Ты – вор, я – законопослушный гражданин…

– Угу, которого уже разыскивает вся городская стража за ряд крупных афер и махинаций с частной и муниципальной собственностью! – нарочито прокурорским тоном поддел

Оболенский, но согласился – изрубить в капусту сразу восьмерых пустынных кровососов под силу только сказочному герою. – Кстати, а это мысль! Как у вас тут с вольнонаёмными богатырями?

– Батырами, – поправил домулло, уловив основную концепцию. – С батырами во все времена трудно. Они или где-то бьются с медноголовыми дэвами, или спят в объятиях спасённых дочерей султанов и эмиров. А чтобы вот так, запросто…

– Ой! – звонко хлопнула в ладоши Джамиля. – А я слышала, в караван-сарае как раз остановился один очень знатный батыр.

– Конан-варвар? – опять съехидничал Лев, хотя кто это, не припомнил бы, хоть режься.

– Нет, настоящий принц! Девятый сын князя заснеженной Армении… Храбрый, сильный, красиви-й…

Оболенский скорчил равнодушную мину, показал хихикающей девушке кулак и обернулся к Насреддину:

– Ну что… Берём?

Глава 41

В каждой женщине дремлет и Пенелопа, и Юдифь. Вопрос в том, кого вы разбудите…

Размышления на досуге.

Я, кажется, как-то упоминал Леонида Соловьёва? Давайте закончим эту тему и больше не будем к ней возвращаться. Итак, все книги нашего уважаемого писателя совершенно заслуженно считаются классикой среди такого рода произведений. Я безумно горд, что столь ярко, сочно, жизненно и красочно передать общую суть всех легенд о Ходже Насреддине сумел именно русский человек! Не араб, не перс, не казах и не татарин, даже не мусульманин вовсе… Чтобы так написать, надо жить на Востоке, проникнуться его сладостью, пропитаться его ядом, владеть его певучим языком настолько легко и возвышенно, что у читателя не возникнет и тени сомнения в правдивости каждого слова автора. Леонид Соловьёв жил в Ташкенте и Алма-Ате, он знал всё это из первых рук. Мне же досталось совсем другое… Лев Оболенский – москвич, наш с вами современник, и, в отличие от романов Соловьёва, в Лёвиных россказнях я дотошно проверял каждое слово! Суть проблемы в том, что и я вырос не совсем на Востоке, хотя и на стыке культур Европы и Азии. Многое казалось непонятным, многое – надуманным и накрученным, а по кое-каким скользким вопросам и вовсе приходилось беспокоить специалистов. Но что меня действительно поразило – так это то, как убийственно мало знают теперешние востоковеды о Багдаде и Бухаре, о человеческих взаимоотношениях, о гибкости восточных обычаев и предрассудках религий… А ведь реальное существование нечистой силы они вообще отрицают напрочь! В результате я снова и снова возвращался к обрывочным записям моих бесед с Оболенским и понимал, что именно он, а не кто другой способен дать более-менее чёткое описание тогдашней действительности. Беда лишь в том, что ему всё происходящее представлялось совершенно естественным и многие вопросы, крайне любопытные с точки зрения этнографа и фольклориста, он попросту опускал. Видите ли, Лёвушке не было это интересно… Какая-то там никому не известная Джамиля занимала гораздо больше места в его голове, чем, например, идея завести путевой дневник и пунктуально фиксировать в нём всё необычное для образованного человека двадцать первого века. Увы, дневника он

так и не завёл… А вот девушку спас. Об этом и будет наша следующая история. Для краткости назовём её ***«Сказ о Багдадском воре, молодой вдове Джамиле и сразу восьми злобных гулях».*** О, забыли Ходжу Насреддина, а справедливости ради надо напомнить, что основная идея нария[ЩИТО?] принадлежала именно ему…

– Домулло, ну почему его до сих пор нет?!

– Успокойтесь, ханум… Не прошло ещё и часа, он едва успел добраться до караван-сарая, – как можно спокойнее отвечал Ходжа, хотя был предельно близок к тому, чтобы сорваться на грубость – нежная вдова задавала один и тот же вопрос уже в четвёртый раз.

– Что же вы такое говорите, почтеннейший! – страстно возмущалась Джамиля, и её смуглые щеки полыхали румянцем гнева. – Да вы бы видели, как лихо он вскочил на этого маленького ослика, как свистнул, как понёсся по улице, вздымая клубами пыль, – джигит, да и только! Рабинович давно бы доставил Лёву-джан до караван-сарая и обратно. А их всё нет и нет! О аллах, как же я волнуюсь…

– Уважаемая, наш Лёва-джан, может быть, и великий наездник, но ведь ему надо ещё и найти принца, уговорить его прийти сюда, убедить сразиться с гулями и тем самым совершить великий подвиг в деле посрамления слуг шайтана. Причём всё это совершенно бесплатно…

– Вай? – не поверила девушка, но сразу заинтересовалась. – А разве героям и принцам не достаточно славы и хвалебных песен седобородых акынов?!

– О женщины!… Судьбы всего мира вечно трепещут от ваших маленьких пальчиков, которыми вы дёргаете за ниточки, заставляя эмиров и султанов плясать под ваш бубен! – философски заключил Насреддин, поудобнее подпихнул под себя пару подушек и лениво потянулся за чёрным изюмом. – Ну почему же в самых простых вещах вы так удивительно недальновидны?

– Почему?

– Что «почему»?!

– Ну… почему? – вежливо отодвигая изюм, продолжала допытываться Джамиля.

Насреддин прикрыл глаза рукой и несколько раз глубоко вздохнул, как бы выравнивая ритм дыхания и успокаивая пошатнувшиеся нервы:

– Потому, что все герои: принцы, джигиты, воины, дети купцов или даже простые декхане – всегда нуждаются в награде!

Без награды подвиг никому не интересен. Ради чего его совершать? Слава призрачна, людская благодарность недолговечна, память слепа, а потомки равнодушны. Героям положено платить. Обычно это бывает половина ханства или эмирата, да ещё целый гарем невест с дочерью самого султана в придачу.

– Вай мэ-э… Вот уж не думала, что подвиг стоит так дорого! Но у нас нет половины ханства…

– Вот именно, – ровно подтвердил Ходжа, вновь нацелясь на блюдо. – Но у нас есть вы.

– Мы?! – не поняла честная девушка.

– Вы! – конкретно указал пальцем домулло. – Если этот армянский принц согласится взять вас в качестве награды за избавление от восьми гулей сразу – можно считать нашу сделку обоюдовыгодной. Да и ваше личное будущее вполне благоустроенным… Пусть даже он на вас не женится, но звание наложницы принца тоже не менее почетно. Говорят, что армяне очень женолюбивая нация…

Вместо ответа Джамиля подняла блюдо с изюмом и обсыпала доброжелательного советчика с головы до ног. Глянув в её матовые глаза, Насреддин разумно решил, что возмущаться таким вопиющим оскорблением мужского достоинства пока не стоит. В противном случае он действительно может не дождаться Льва. В смысле, не дожить до его возвращения… К счастью, именно в этот момент, как никогда вовремя, на улице раздался звонкий перестук подковок Рабиновича и тяжёлые удары в ворота. Судя по звуку, в них били головой…

– Ой-ё-ё… – только и выдавил домулло, на пару с Джамилей открывая старые, скрипучие ворота. Подходящих слов у него почему-то не находилось, зато юная вдова, едва не бросившись на шею Оболенскому, счастливо прыгала вокруг и без устали щебетала:

– Хвала Аллаху, ты вернулся, мой гость и господин! А мы с твоим почтеннейшим другом уже просто места не находили от беспокойства. Он так за тебя пережи-ва-а-л… Я силой сажала его за дастархан и кормила изюмом! А что ты нам привёз?! Что это? Такое длинное, в мешке и… пятки по земле волочатся?

– Все в дом! – коротко приказал Насреддин, не дожидаясь появления любопытных соседей. Лев Оболенский, совсем было готовый посреди улицы болтать о том, что же всё-таки лежит в мешке, запнулся, подмигнул и шагнул во двор, подталкивая впереди себя чем-то недовольного ослика. Впрочем, тут-то особенно гадать не приходилось – никому не приятно, когда на тебе галопом скачут в один конец, а возвращаясь обратно, ещё и

грузят поклажей.

– Это он? – скорее утвердительно, чем вопросительно уточнил Ходжа.

– Он самый. Мумарбек Кумган-Заде, действительный девятый сын князя из популярного армянского рода Петросянов. Остановился в Багдаде проездом, посмотреть достопримечательности и прикупить в дорогу всякой мелочи вроде халвы и туалетной бумаги. Направлялся в Стамбул, к падишаху турецкому, выклянчивать торговые льготы для деда и собственного коньячного производства! – исчерпывающе отчитался Лев.

– Вай дод… и что же ты с ним сделал?

– Украл.

– Лучше не серди меня, Лёва-джан… – Ходжа осёкся лишь под мрачным взглядом Джамили и продолжил уже чуть ровнее: – У нас на Востоке крадут овец, верблюдов, иногда лошадей или даже невест… но не армянских принцев! Ты соображаешь, что делаешь?! Как можно живого мужчину красть? О аллах, а он вообще ещё живой?!

– Будь спок, жив-здоров, ничего с ним не сделается, – снисходительно успокоил наш герой, похлопывая жертву по пояснице. – Я всё понимаю, старик! Но иного выхода не было: разговаривать со мной он не захотел, а все эти слуги, невольники, телохранители и повара… Какая альтернатива? Вас подводить не хотелось – пришлось красть!

Человек в мешке слабо застонал и пошевелил конечностями.

– Заносите! – пожал плечами Насреддин. А в сущности, что же ему ещё оставалось?

Глава 42

Не тот герой, у кого штаны горой!

Горький опыт.

Каким именно образом начинающему завоевывать всенародную известность Багдадскому вору удалось посреди белого дня выкрасть из караван-сарая, на глазах у десятка свидетелей, настоящего армянского аристократа – задачка почище египетских пирамид! Даже куда как почище, ибо, благодаря беллетристу Хэноку и современным ученым, о пирамидах в Гизе мы знаем теперь гораздо больше. О Багдадском воре известно немногое: личность эпическая, внешность размытая, подвиги сомнительные, имя окончательно засыпано неумолимыми песками времени…

Когда с принца сняли стандартную упаковку и торопливо придали ему товарный вид, перед троицей предстал очень длинный юноша лет девятнадцати, с печальными глазами спаниеля и далеко выдающимся носом, изогнутым на манер краснодарского баклажана. Их высочество красовалось в красной черкеске с газырями, штанах в обтяжку и мягких чувяках на шерстяные носки. Похлопав себя по бокам, Лев выудил из-за пазухи каракулевую папаху и честно водрузил на кучерявую голову владельца. Тот уже почти пришёл в себя, но явно не осознавал, где находится, а потому начал с очень глупых вопросов:

– Кито ты такой?

– Багдадский вор – Лев Оболенский, честь имею!

– Нэ понял… – выпятил кадык принц.

– Ба, да он прям с каким-то братковским акцентом шпарит! – сентиментально восхитился Лев. – Разве что пальцы веером не расфуфыривает, а так – вылитый хачик из казино «Метелица». Только, ради аллаха, не спрашивайте меня, где это… Все равно не вспомню, шайтан побери!

– Тогда отойди в сторону, грубиян… – с самой слащавой улыбкой прошипел Ходжа, задвигая друга в угол. – О царственный отпрыск! Я прошу прощения за этого недостойного нахала, трижды выгнанного из медресе и не умеющего разговаривать с благородными людьми.

– А ты кито такой? – послушно переключился принц.

– Скромный книжный червь, извечно дерзающий увидеть в

Коране всю мудрость Аллаха, дабы донести его слово людям, и ваш верный раб, мой господин!

– Тьфу, даже слушать противно… Ходжа, хочешь, я тебя «Интернационал» петь научу?

– Отвали, Лёва-джан. Не мешай мне окучивать мотыгой мудрости этот юный дуб. Джамиля, а не покормишь ли ты нашего усталого героя? Там вроде ещё плов оставался и хурмы немного…

Как только молодые люди вышли, он вновь обратился к принцу, ожидающему его с самым высокомерным выражением лица. Домулло чуть повёл плечами, словно бы сбрасывая последние сожаления о неизменности человеческой глупости и чванства, а потом неторопливо заговорил. И речь его текла так певуче, что благородный Мумарбек Кумган-Заде развесил оттопыренные уши, боясь даже вздохом помешать столь дивному рассказу.

– Преклони свой слух, о юный повелитель моей души, и выслушай самую горькую и чудесную песню из всех, что когда-либо произносили уста правоверного. Пусть же сердце твоё наполнится храбростью, ум вооружится терпением, а уста сомкнутся, дабы ни одним вздохом сочувствия или возгласом гнева не прервать нить моего повествования. Узнай же, что дом, в котором ты находишься, вовсе не дом, а волшебный дворец! Что доставлен ты сюда не грязным, недостойным наглецом на хребте беспородного осла, а могучим дэвом на благородной спине крылатого коня Ак-Магарака! Что девушка в платье простолюдинки – величественнейшая и прекраснейшая пэри Востока, принцесса Самрагадд эй-Зуль-Зуль, чей славный отец является вдовствующим падишахом многих земель на Юге и Западе! Я же, его скромный визирь и советник, посредством злых чар превращённый в тихого уличного мудреца… О, не верь глазам своим! Ибо обманчива вуаль Зла, накинутая врагом мусульман на всё, что дорого Аллаху! Ты же есть единственный избранник судьбы, истинный принц великой Армении, достойный сын своего рода, воин, отмеченный благосклонностью Всевышнего, и карающий меч в его деснице! На твоём челе – печать мудрости мудрейших, твоя рука тверда подобно граниту, твоё сердце пылает огнём и не ведает страха, а твоя душа переполнена милостью к страждущим, рабам твоим, ищущим спасения в твоей благословенной тени. Всё ли ты понял, о светоч моих мыслей?

– Кито, я?! – опомнившись, закашлялся юноша, постучал себя кулаком в узкую грудь и яростно закивал. Ходжа торопливо остановил парня, всерьёз опасаясь, что его цыплячья шея не перенесёт столь активных упражнений.

– Готов ли ты взойти на престол зятем падишаха? Жениться на прекрасной принцессе и сотне её рабынь? Поселиться в золотом дворце с серебряными фонтанами? Иметь у себя в услужении могущественного дэва и волшебного скакуна?

– Да, да, да! – От нетерпения у молодого Петросяна едва не бежала слюна. – Всё давай, всё минэ, всё бэру…

– Но хватит ли тебе духу сразить своим дамасским клинком восьмерых худосочных демонов пустыни, под чьей властью мы вынуждены пребывать в этих гнусных личинах?

– Восэмь?! – поджав губки, призадумался принц. Его миндалевидные глаза подернулись матовой пеленой, губы шевелились, а левая рука, что-то пересчитывая, загибала пальцы на правой. – Нэт… Восэмь – это нэт. Многа…

– Ну, может быть, не сразу восемь…

– Дыва! – предложил княжеский отпрыск, видимо, гены неумолимо брали своё. Домулло трижды помянул шайтана и внёс контрпредложение:

– Пусть их будет хотя бы шесть, иначе твоя слава великого воина и храбреца пошатнётся в глазах всего мира.

– Тры! – ещё раз подумав, решил юноша. – Нэ надо славы, пусть – тры… Я – сказал!

Ходжа посмотрел на него, как сытый эскимос на варёный ананас, примерно с той же степенью недоумения и сострадания. Кажется, разговор грозил затянуться, плавно переходя в банальный торгашеский спор.

Покупатель требовал скидок и гарантий, продавец почти готов наплести всё, только бы получить деньги вперёд. Оба гнули своё, у каждого были свои интересы, прийти к разумному соглашению становилось всё труднее и труднее. Если бы Ходжа Насреддин (как, впрочем, и почти каждый босяк Багдада!) не вырос на шумном восточном базаре – конструктивный диалог накрылся бы жирным крестиком. А так, после долгой торговли, криков, воплей, слез, взаимных оскорблений, оба спорщика в конце концов ударили по рукам. Всеобщая удовлетворённость сделкой заключалась в следующем: Мумарбек Кумган-Заде обязался избавить заколдованных мусульман от пяти злых гулей за соответствующую плату: дворец золотой – 1 шт., волшебный конь, летающий над облаками, – 1 шт., вакантный трон падишаха Юга и Запада – 1 шт., прекрасные румийские рабыни – 100 шт. оптом. Принцесса и дэв в общий список не вошли. Как именно можно было претендовать на трон, не женившись на принцессе? Очень просто – фиктивный брак! Идею подбросил закормленный Оболенский, на пару минуток вырвавшийся из-под опеки признательной Джамили. Хотя доныне на Востоке фиктивные

браки не практиковались, да и по сей день не практикуются, но в тот момент всё прошло как по курдючному жиру.

Хозяйственному принцу очень уж хотелось заполучить всё и сразу, поэтому он предпочёл поверить. Что, впрочем, не помешало ему потребовать составления двустороннего договора и принесения клятвы на Коране. Насреддин подобную клятву дал охотно – в случае превращения их всех в кого следовало герой непременно получит своё. Или схлопочет… или огребёт… кому как нравится.

Время уже двигалось к мягкому, тёплому вечеру… А вечер на Востоке короткий, как первый поцелуй застенчивой девушки, томный, словно её дыхание, и нежный, как тонкая, пульсирующая жилка на её девственной шее… (Это не руководство для начинающих вампиров, это эротика!) Гули обещались зайти после полуночи. Полчаса у наших друзей ушло на координацию планов действий, а потом работа закипела…

Глава 43

Как надену паранджу, так с мужчинами хожу!
А когда её сниму – где мужчины?
Не пойму…

Жалостливая песня.

Багдад гудел, как растревоженный улей! Впрочем, нет… Это банально, так уже каждый второй пишет. Багдад гудел, словно Литинститут при вступительных экзаменах на самой коммерческой основе… О, гораздо лучше! И главное, куда точнее обрисовывает действительность. Если уж каждый начинающий прозаик или поэт втихую мнит себя гением, то что же бывает, когда эти гении скапливаются в ограниченном пространстве, по пятьдесят человек на место?! Нечто подобное творилось и на центральном багдадском базаре. Только и разговоров, что о неуловимом Ходже Насреддине и его спутнике, отчаянном Льве Оболенском. Правда, настоящее имя знали немногие, большинство предпочитало называть его просто, по-домашнему – наш Багдадский вор. После достопамятной ночи Бесстыжих Шайтанов (чуть не написал Длинных Ножей!) весь народ высыпал на улицы, во всех переулках, в любой чайхане, на каждом углу люди шумно обменивались последними новостями. Те, в свою очередь, быстро приобретали статус слухов и сплетен, грозя в самое ближайшее время стать анекдотами и даже легендами… Навеки осмеянные Далила-хитрица и её дочь, мошенница Зейнаб, были вынуждены экстренно переехать в далёкий горный кишлак к знакомым. Там ещё можно было как-то укрыться от позора, а здесь им в лицо хохотал любой уличный босяк. (Хотя лично мне, как современному человеку, не совсем понятно, где тут конкретное осмеяние и ради чего съезжать? Впрочем, готов согласиться и с тем, что в средние века чувство юмора на Востоке здорово отличалось от теперешнего. Например, вид хромого человека вызывал у прохожих сдержанные смешки, а встреча на площади лилипута или карлика – взрыв неуправляемого хохота! Любое уродство, болезнь, вынужденная травма были смешны уже по своей сути. Но, простите, отвлёкся…) Короче, багдадцам страшно понравилось, что в их среде нашлись шустрые ребята, нащёлкавшие по носу двум заносчивым бабам. То, что попутно по тюбетейкам досталось и благородному Шехмету с племянником, вызывало не смех, а скорее уважение. Оба были ещё вполне в

силе, оба обладали достаточной властью, чтобы эту силу применить, и особо подшучивать над «хозяевами» города не рисковал никто. Втихомолку гоготали, но явно – нет… Больше всего скользких шуточек досталось, кстати, самому эмиру, великому и справедливому Селиму ибн Гаруну аль-Рашиду. Так как именно он ввёл в городе жесточайшие законы против воровства, методично претворяя их в жизнь посредством отрубания рук и смертной казни. То есть тот факт, что, несмотря ни на какие репрессии, в столице появился настоящий Багдадский вор, немыслимый и вездесущий, било по эмирскому престижу сильнее македонского тарана. Многие усматривали в этом перст самого Аллаха, но и многие, скептически качая головами, говорили, что в дворцовую тюрьму уже вовсю волокут пойманных индусов, лекарей, астрологов, дервишей и всех подозрительных лиц, под чьё описание подходит титул «спецагент». Стражники лютуют вовсю! Как бы ни был ловок этот голубоглазый Багдадский вор, его всё равно непременно поймают и казнят. Оболенский правильно делал, что почти не выходил из дома. Ну, почти не выходил… Разве что пару раз, по особой нужде. Нет, не подумайте ничего такого, просто было необходимо кое-что подукрасть. Причём Ходжа настаивал на минимуме, потому как грабить приходилось простых горожан. Лев не стал спорить, но на базаре, не удержавшись, посетил-таки лавку богатого торговца овощами, где затарился на полную катушку. В смысле, оторвался от души… Встречные восточные мужчины только восторженно цокали языками, глядя на то, как широкоплечая ханум почти двухметрового роста, отфыркиваясь из-под паранджи, легко несёт в мускулистых руках два здоровенных баула! Босоногие мальчишки, вереща, неслись следом, седобородые аксакалы бормотали под нос что-то о «женщинах, берущих слишком большую волю», а круторогие тягловые волы смотрели ей вслед с явным одобрением. Ворота Оболенскому открывал неизменно улыбчивый Ходжа Насреддин:

– Вай мэ! Куда ты прёшь, почтеннейшая бесстыдница?

– К себе домой, – басом ответствовала ханум.

– Нет тут твоего дома, его спалили янычары.

– А вот и неправильно. Ты должен был ответить: «Враги сожгли родную хату»! – строго упрекнул Лев, проходя внутрь. – Какого лешего, Ходжа?! Простейшего пароля выучить не можешь! Помоги-ка лучше мне снять это сооружение. Не паранджа, а прям какая-то переносная беседка с дореволюционной системой вентиляции.

– У нас всё такие носят, до тебя никто не жаловался.

– Слушай, ну вы тут в Багдаде хоть иногда о женщинах

думаете или нет?! Я б вашему главному модельеру все ноги пообрывал!

– Думаем, Лёва-джан, ещё как думаем… – успокоил домулло, помогая другу выбраться на свободу. – По установлению Корана только самая бесстыжая и падшая женщина выйдет на улицу, не прикрыв лицо и руки от нескромных взглядов праздношатающихся мужчин. Достойной девушке пристало являть свою красоту только близким родственникам и мужу. В крайнем случае тем, кому позволит муж!

– Сколько живу на Востоке, а всё не могу к этой шизе привыкнуть… – сокрушённо пробурчал Оболенский, вытирая пот со взмокшего чела. – Знаешь, по правде говоря, паранджа, наверно, действительно полезная штука – если прятать под нее такие личики, от которых грузовики шарахаются…

– Кто такие грузовики?

– М-м… нечто помощней верблюда и помассивнее быка, но на колёсах, – подумав, припомнил Лев. Впрочем, и ему самому данное объяснение показалось слишком размытым, поэтому он отвернулся, тут же во дворе взявшись за распаковку узлов. – Вот твоя паранджа. Можешь мерить, если не подойдет, у меня ещё есть, поменьше.

– Подойдет, – без примерки прикинул Насреддин, – но зачем ты украл сразу три?

– Рядом лежали. И потом, мало ли… Размер не подошёл, фасон не устроил, покрой не тот, пришлось бы бегать, обменивать. Вот еще скатерть новая, «маде ин Шина».

– Шина? маде? ин?! А на вид обычная скатерть, прости её аллах…

– Я ещё тапки захватил, всем, – продолжал выкладывать свои трофеи неуловимый вор Багдада. – Тебе, мне, Джамиле, даже принцу вашему, барыге… Только не разобрал – это мужской фасон или женский?

– Женский, – уверенно кивнул домулло. – Самое то, спасибо большое. Что ещё?

– Да всего по мелочи… – На свет божий появились полосатые женские шаровары, пара нижних рубашек, три платья, кое-какие украшения и зачем-то большой бубен.

– А бубен зачем? – Как видите, и Ходже это показалось интересным, но Лев виновато вздохнул:

– Просто так… Музыки душе захотелось, всё ведь в тишине сидим, как неживые! Думаю, дай хоть в бубен постучу, магнитофона-то всё равно нет.

– Нет, – снова согласился Насреддин, уже привыкший к тому, что его друг периодически запускает в мир какие-то

шайтаноподобные словечки. – Ладно, взял так взял. А во втором мешке что?

– Так, гастрономия всякая. Нам сегодня стол накрывать, зачем же заставлять девушку переводить собственные продукты на этих кровососов? Вот рис, морковка, инжир сушёный, мяса тоже прихватил, листиков лавровых…

– Вай дод! А это что такое, негодник?! – возмущённо завёлся домулло, выуживая стеклянный сосуд с мутновато-жёлтой жидкостью. – Это же арака! Трижды перегнанная!

– Обычная кукурузная самогонка… – поднял бровь Оболенский. – И не тряси, прольёшь.

– Да ты просто ненасытный пьяница! Весь в старого Хайяма…

– Не трогай дедушку! И вообще, я это не для себя. Ты про коктейль «Кровавая Мэри» что-нибудь слышал? Ну да откуда тебе, с высшим-то образованием… Вот смотри, я и помидорчиков свежих взял…

Получив исчерпывающие объяснения, Ходжа немного остыл, признал свою неправоту, но сосуд с аракой всё-таки забрал и держал при себе. Так, на всякий случай, от греха подальше, ибо алкоголь есть великое искушение для правоверных! Хотя, как писали некоторые мудрецы:

Я снова молод. Алое вино,
Дай радости душе. А заодно
Дай горечи – и терпкой и душистой.
Жизнь – горькое и пьяное вино!

Глава 44

Непьющих мужчин мало… и те не мужчины!

Женский взгляд

Собственно, у нас в России вся эта витиеватая восточная премудрость выражается ещё короче, одной фразой: «Был бы повод!» А некоторые, особо продвинутые интеллектуалы уточняли: «Было бы что выпить, а уж повод…» Да, повод находится легко, и даже его отсутствие отнюдь не считается фатальным, но вернёмся к действительности… Я имел в виду к нашей истории. Итак, на волшебном Востоке уже ночь, по спящим улицам разгуливают лишь случайные стражники да одинокие сторожа, стучащие в колотушки, традиционно гнусавя: «Спите, жители Багдада, всё спокойно!» Под необычайно густой синью неба дома в квартале кажутся не белыми, а скорее голубыми или фиолетовыми. Зелень чинар превращается в чистый краплак, так что величественные деревья напоминают свёрнутые полотнища переходящих знамён бывшего Советского Союза. Тишина совершенно удивительная – живая… Звуков на самом деле множество, но под покровом ночи они своеобразно приглушены и даже чуточку изменены. Стук колотушки – убаюкивает, пение цикад – кажется удивительно мелодичным, шелест листьев – более похож на лирический шёпот влюблённых, а пушистые звёзды висят над минаретами так низко, что их хочется взять в руки… И вот посреди всей этой экзотической идиллии идут себе вдоль сакманного забора восемь тощих силуэтов. Тощие – это единственный общий признак для всех, а так они разные – кто выше, кто ниже, кто хромает, кто подпрыгивает, кто одет с иголочки, кто – с помойки. В общем, всё как у людей. Только при ближайшем рассмотрении оказывается, что это вовсе не люди. Глаза отсвечивают то ли красным, то ли оранжевым, ногти на руках скорее следует называть когтями, зубы оскалены, как у амазонских пираний, а уж запах… Чем пахнут немытые восточные гули – говорить не хочется…

Культурный европейский кровосос, граф Дракула, пил исключительно кровь, но принимал ванны, чистил зубы и всегда следил за собой. Вампир вампиру рознь! Но гули не только кровопийцы и каннибалы, они в неудачные дни ещё и банальные трупоеды. Причём чем дольше труп пролежал в земле, тем, по их мнению, он вкуснее… Бр-р-р! С меня довольно, я уже всё себе

представил и с моим богатым воображением наверняка откажусь от ужина. А вот гули-то как раз на ужин и шли. Для этих пустынных уродов, промышляющих в барханах и на караванных тропах, не было особой разницы, кто их кормит. Раз Ай-Гуль-ага приглашал в гости, то, значит, в условленную ночь следует быть. Опаздывать невежливо! Тот факт, что старый вампир давно скопытился, его пепел развеян по ветру, а его вдова не горит ни малейшим желанием продолжать заведенные супругом традиции, – решающего значения не имел. Да пожалуй, что не имел и вообще никакого! Джамиля даже не подозревала, как невероятно ей повезло – гули, из уважения к покойному, не съели её в первую же ночь, а дали возможность накрыть на стол к следующей. Но сегодня уже никаких поблажек не было бы, ни за что! Вот и сейчас, глотая голодные слюни, все восемь злодеев гуськом выстроились перед знакомыми воротами, старательно принюхиваясь: а не пахнет ли из-за забора вожделенной кровушкой? Честно говоря, не пахло… Зато других запахов оказалось в изобилии – запах плова, женских духов, мужского пота, кулинарных специй, жгучей араки и… разумеется, адреналина. Все четверо участников новой авантюры знали, на что идут, и конечно же страшно волновались. В принципе, вроде бы всё шло по плану, герой у них был, за его саблей Лев ещё раз сбегал, но… кто знает, как повернется ситуация?

При первом же стуке в ворота из полутёмного окна высунулась чуть взлохмаченная Джамиля, нехотя отпихнула кого-то в сторону и гостеприимно предложила:

– Заходите, о путники и друзья моего покойного мужа! Печальный стол поминовения ждёт вас.

Гули удовлетворённо кивнули, сам кивок сопровождался одновременным хрустом сухих шейных позвонков. Во дворе их встретила пожилая толстеющая ханум в традиционной чадре, с паклей седых волос, торчащих сквозь сетку чёрного конского волоса.

– Салам алейкюм! – не переставая, кланялась она. – Проходите в дом, все готово, только вас и ждали, да сохранит Аллах ваши зубы в остроте, а рёбра в крепости! – Но, видя, что от упоминания святого имени гули болезненно морщатся, тут же поправилась: – Благослови вас шайтан, почтеннейшие! И вас шайтан… и вас… и вас тоже, туда же, тем же…

Нелюди успокаивались и самодовольно шагали через порог. Во всём доме огни не зажигались, да и незачем – гости отлично видели в темноте. Но в самой большой комнате, там, где был расстелен огромный ковёр, на котором был накрыт ужин на восемь персон, горели три медные лампы. Свет они давали

зыбкий, что придавало будущему пиршеству оттенок некоего интима. В ожидании крови гули быстренько рассаживались по местам. Размещением руководила другая ханум, гренадерского роста и телосложения, с такой объёмистой грудью, что даже у давно всё подзабывших упырей маслено поблескивали глазки. Судя по чёрному платью, она была вдовой великого полководца и раздавала приказы из-под чадры хорошо поставленным командирским голосом:

– Так, ты сюда! А ты вон туда! Вон туда, на подушку, мать твою… Совсем русских слов не понимает, вагон Москва – Душанбе! Вы двое, вот здесь сядете. Здесь, я сказал! сказала… Тут, короче. Да, да… и все вы здесь уважаемые, драгоценнейшие, благоприятствующие душе и полезно влияющие на печень. Всем – сиде-е-е-ть!!! Вот умнички… Терпим полторы минуты, и моя подруга начнёт разносить первые стопарики. Насреддинушка-а! Насреджа! Насредя моя, ты где? Ау-у?!

Гули, приглушённо ворча, всё же расположились на узорчатых подушечках и недоумённо уставились на предложенное угощение. Плов, шурпа, шербет, лепёшки, фрукты, печёная тыква, орехи в меду и курага. На первый взгляд человечины нигде не заметно…

– Мы это не едим, – наконец проскрипел один, самый высокий. – Пусть подадут настоящее мясо.

– Второе – с бараниной, первое – с говядиной, чем тебе не мясо? – резонно парировала распорядительница, но, видимо, прекрасно поняла, чем, а потому позвала ещё раз: – Насредка-а! Какого фига ты там застряла, как кот в почтовом ящике?!

– Несу, несу-у! – На полном скаку со стороны кухни появилась первая женщина, встречавшая гулей у ворот. В её руках чуть подрагивал медный поднос с восемью пиалами. – Вот напиток, достойный ваших избалованных желудков, – «Кровавая Мэриам»! Она согреет ваше тело, пробудит сердце, взбодрит селезёнку и наполнит шумной радостью жилы! Угощайтесь…

– Кровавая?! – сразу повеселели гости. – Это хорошо. Это нас достойно. Мы будем пить.

– Махом… и до дна! – грозно рявкнула вторая. – Первый тост за покойного хозяина дома, кто не выпьет – тот козёл!

К чести нечисти, надо признать, что козлов не оказалось. Выпили все, дружно, разом и до последней капли. Потом долгую минуту все сидели с вытаращенными шариками глаз, схватившись за горло и не дыша. Нет, собственно, они и так раньше не дышали, но в этот миг их недыхание стало особенно выразительным. Трижды перегнанная степная водка из кукурузы и полыни, крепостью в сорок пять оборотов, произвела на

иссохшее нутро нелюдей неизгладимое впечатление. Это вам не безвинная, солоноватая кровь, это – арака! Некоторые вампиры медленно задымились, кто-то порозовел, кто-то побледнел, кто-то сразу рухнул навзничь, но чувствовалось, что все оценили…

– А теперь послушайте нас, уважаемые… Второй тост – за то, чтоб мы тут больше такой толпой не собирались, хозяйке нервы не мурыжили, а сидели пикничком на барханчике, вблизи оазиса, финики кушали, о вдохновенном разговаривали! Мясо будет потом, а пока – ещё по стаканчику, без закуски! Кто там протянул блудливые пальчики за горбушкой?! Плюнь, плюнь, тебе говорят! Ну, так что, мужички, вздрогнем?!

Глава 45

Задержка… какое-то неприятное, женское слово.

Запоздалое подозрение.

Беззаветно храбрый сын армянского народа всё это время тоже вздрагивал в соседней комнатке, но совсем по другой причине. Поняв, кто пирует на закате или, правильнее, после полуночи, Мумарбек Кумган-Заде отчаянно клацал зубами и всё время пробовал ногтем остроту дамасского клинка. В результате состриг себе все ногти начисто и на руках, и на ногах, а вдобавок ещё и здорово порезался. Чем дольше он прислушивался к хрипловатым голосам уже пьянеющих гулей, тем яснее ему становилось, как он продешевил. За такую опасную работу следовало добавить не только могущественного дэва, но ещё и заколдованную принцессу в придачу. Уж слишком она соблазнительна, даже в образе простолюдинки… А Лев с Ходжой, вовсю верховодя праздничным столом, как-то одновременно поняли, что их план трещит по всем швам. Они наивно надеялись споить вампиров аракой, а уж потом из коридора выскочит бесстрашный принц и посрубает нечисти безмозглые башки! В принципе, проблема была одна – им просто не хватило водки. Даже в виде коктейля уворованная Оболенским склянка дала благословенной жидкости всего на двадцать бокалов. Гулям даже не досталось по три, третья порция вынужденно сократилась на полстакана. Для живого человека две с половиной ёмкости «Кровавой Мэри» на ночь – более чем достаточно для того, чтобы слететь с катушек вплоть до самого утра. Но, к сожалению, нечисть оказалась куда менее восприимчивой к алкоголю. Да, они расслабились, вошли во вкус, даже немножко оживились, разговорились о своём, но не упали в дым пьяные под стол, на что рассчитывали наши стратеги.

– Что делать будем, Лёвушка? – тихо пропел домулло, обливаясь холодным потом под чадрой. – Арака кончилась.

– Могу сбегать, ещё украсть…

– Ночью?! Вах, если через пару минут мы не подадим им на стол человеческое мясо – они съедят нас. Клянусь аллахом, меня уже один за ляжку ущипнул!

– Может, ты ему понравился как привлекательная женщина? – однообразно отшутился Лев: проблема действительно вставала в полный рост, и ситуация склизко выходила из-под контроля. –

Ну, хочешь, давай прямо сейчас принца запускать!

– Он не пойдет… – Из кухни показалась запыхавшаяся Джамиля с небольшим свёртком в руках. – Ему дурно, наш герой жалуется на боли в животе от застарелой раны. Говорит, что ему надо полежать часик-другой…

– Через часик мы уже не сможем его разбудить, нас съедят эти грязные дети гиен!

– Не трави душу, Ходжа! – возмутился Оболенский, откидывая чадру на затылок. – С нами дама, а ты впадаешь в истерику. Вношу в меру разумное контрпредложение – раз уж так всё вышло, давайте отдадим им принца. Пусть его кушают!

– Стыдись, Лёва-джан…

– А что? И волки сыты, и нам на рынке коньячных изделий одним конкурентом меньше!

– Тогда я пошла его будить, – тут же откликнулась Джамиля.

Оболенский вздохнул и сдал на попятный:

– Обожди, солнышко, не надо… Это у меня сегодня такие плоскостно-чернушные шуточки получаются, обычно я куда добрее и обаятельней.

– О Лёвушка… как ты меня назвал? – мгновенно разомлела девушка, выделив для себя главное и с чисто женской непринуждённостью отметая всё остальное.

– Солнышко! – певуче подтвердил Лев, крылато обнимая её за талию, но домулло бесцеремонно прервал их томную идиллию:

– Я готов трижды преклонить колени и целовать землю, по которой ступают ноги влюбленных, но там, в соседней комнате, сидят восемь пустынных гулей, и если мы не придумаем, что подать им на стол, – ваши нежные чувства пребудут с вами и на небесах!

– Ладно, всё! Не поминайте лихом – щас я им сам все маковки с минаретов понаотвинчиваю!

– Что ж, Аллах тебе в помощь… – задумчиво прикинул Ходжа. – Одного же ты как-то убил, опыт есть… В любом случае ты достаточно крупный, чтобы гули не попросили добавки.

– Нет, не надо! – взмолилась Джамиля, накрепко прижавшись к плечу Оболенского. – Я никогда себе не прощу, если ты погибнешь из-за меня. Может быть, нам удастся их усыпить? Я нашла в вещах мужа вот это…

Она развернула тряпочку, извлекла плотный шёлковый мешочек и, развязав узел, ткнула под нос Насреддину. В мешочке оказался желтовато-белый порошок, копнув его пальцем и принюхавшись, Ходжа упоённо сплюнул:

– Опиум!

– Чего? – поразился Лев. – Джамиля, девочка моя, а ты

знаешь, сколько дают за хранение такого количества наркоты?!

– Настоящий афганский опиум! – продолжал приплясывать домулло. – Джамиля-джан, ты просто умница! Неси сюда скорее жаровню с горящими углями, – не пройдёт и минуты, как эти пожиратели падали начнут видеть сладкие опиумные сны! А ты надевай чадру, о недоверчивый неуч…

– Я не неуч! – даже обиделся гроза Багдада, но по примеру товарища вновь опустил на лицо чёрную сетку. – У меня, между прочим, законченное высшее, я такую практику при ФСБ проходил – тебе и не снилось! Что, как и почём бывает за покупку, хранение и распространение наркотических веществ, мне очень хорошо известно. Дедуля подвёл юную супругу под монастырь, а ты тут малайские пляски устраиваешь…

– Друг мой, – весело откликнулся Насреддин, – умерь свой праведный пыл и заткнись, ради аллаха! Иногда ты бываешь таким нудным, что я спрашиваю себя: чем этот вечно недовольный ворчун так зацепил моё сердце? Но, быть может, ты просто не знаешь всех свойств опиума? Ты сам его пробовал хоть когда-нибудь?

– Ну да! Естественно! Ещё бы! Вот вчера буквально покуривал…

– Плохо врёшь, раньше лучше получалось… Отойди от дверей, я один пойду.

Подоспевшая вдовушка сунула в руки Ходжи большое медное блюдо с двумя ручками по бокам. На середине оранжевой горкой горел древесный уголь. Сунув мешочек с порошком себе под мышку, домулло пнул дверь ногой, ловко нырнув внутрь. Сквозь щель меж дверью и косяком доносилось удовлетворённое бормотание гулей, слова Насреддина глушились скрежетом их зубов.

– Да, да!… Сию же минуту, как будет угодно моим повелителям! – Насреддин выперся из страшной комнаты задом, низко кланяясь и глуповато хихикая. Потом, прислонясь спиной к стене, он повернулся, тяжело дыша: – Всё успел.

– Что успел? – Оболенский заботливо поддержал друга, стянул с него мокрую чадру, зашвырнув её в угол. – Я говорю – что успел? Объясни толком.

– Всё. Остальное в руках Аллаха.

– Ты прекратишь издеваться?!

– Ты же сам всё на свете знаешь, – язвительно ответил домулло. – У тебя и образование выше высшего, и слова учёные про грузовики, и девушки тебя вон какие любят…

– Три – два в твою пользу, – вынужденно согласился Лев. – Давай колись, раскрывай карты.

– Лёвушка, он всего лишь высыпал опиум на угли! – охотно пояснила Джамиля. – Сейчас сонный аромат убаюкает гулей, а когда они уснут под властью чар «белой смерти», мы разбудим принца и он обезглавит всех.

– Хм, неужели? Вообще-то действительно чем-то таким сладковатым уже потянуло…

– Плотней закройте дверь! – спохватился Насреддин. – Это всё происки шайтана! Если мы хотя бы пару минут будем вдыхать дым опиума, то уснём вместе с ними. Я хорошо знаю, что эта вещь делает с людьми…

– А… как же тогда туда войдет наш будённовец с саблей? – уточнил Лев, но Ходжа легко ответил на несложный вопрос:

– Мы прикроем ему нос и рот мокрым шёлком. Сначала он зальёт водой угли, а потом отрубит головы всем восьмерым убийцам.

– Дельно… – признал Лев. – А долго ждать?

– Теперь уже нет – прислушайтесь…

Из-за закрытой двери не доносилось ни одного звука. Бормотание гулей стихло, выкриков, чавканья и всех сопутствующих застолью шумовых эффектов слышно не было. Заговорщики многозначительно перемигнулись, покивали и направили отдельную делегацию – будить армянского героя. Время буквально жаждало подвига!

Глава 46

Если совести мало – экономь её!

Бесплатная юридическая консультация.

– Я туда нэ пойду! Кылянус папой!

– А я клянусь мамой, что пойдёшь! Мать твою так через эдак в три прихлопа, с подсвистыванием и метрономом! Кто договор подписывал, коммерсант бакинский?!

– Кито, я? Нычего нэ знаю… Нэ толкай мынэ в спыну – я кынязь!

– Ах ты… хвост собачий! Джамиля, отойди, я при дамах от души выражаться себе не позволяю, а хочется… Так вот, ты, аппендицит в черкеске! А ну, смотри сюда – это чья подпись? Это кто подрядился нашинковать соломкой шестерых пустынных гулей? Это кому должны быть уплачены: трон, дворец и невольницы (сто штук, по каталогу!)?!

– Нэ пойду! Минэ мало… Я – кынязь! Аванс давай…

– Щас дам… Ой как щас авансирую под левый глаз!

– Нэ нада, понял! Вот её хочу, пусть ана аванс даст…

Под рукой у Джамили не оказалось ничего тяжелого, и она вынужденно побежала на кухню. Видимо, принц каким-то шестым чувством уловил, что произойдёт по её возвращении. Мумарбек быстро свел кредит с дебетом, понял, что на заступничество могущественнейшего дэва полагаться не приходится, и разумно выбрал меньшее зло. То есть комнату с восемью голодными, подвыпившими, да ещё и окуренными гулями. Оболенский уважительно пропустил героя вперёд, добавив ему коленом для скорости. Гордый армянский юноша наградил его испепеляющим взглядом, но спорить не стал – со стороны кухни уже доносились быстрые девичьи шажки.

Домулло так и стоял, припирая спиной дверь. На его лице бродила бессмысленная улыбка.

– Где вы так долго-о ходите, о-о-о, несносные дети снежных иблисов? – ласково, с растяжкой, полюбопытствовал он.

– Та-а-к… – принюхался Лев. – А запашок-то всё же просачивается. Марш на улицу, отдышись, придёшь в мокрой маске.

– А зачем? Мне и тут хорошо-о…

– Балной, да?! – уверенно констатировал принц, и Оболенский вынужденно кивнул. Выбора не было, приходилось

подменять Ходжу и брать на себя командование. Успешное окончание операции зависело теперь не от великого хитреца, а от неопытного в этом деле Багдадского вора. Хотя… ведь как сказать, неопытного… В критической ситуации русские люди удивительно быстро всему учатся…

– Взвод! Ра-авняйсь, смирна! Джамиля, что это у тебя? Серп? И что ты им собралась делать?! Не надо, мы оба догадались… Спрячь, мстить принцу будешь после. А сейчас быстро два мокрых шёлковых полотенца для нашего героя и его прибалдевшего советчика. – Когда девушка пулей унеслась за требуемым, настал черед наёмного работника. – Живот втяни! Грудь колесом! И побольше пламени в глазах, так, чтоб искры прыгали, как по кошке статическое электричество… Вот, совсем другое дело! Молодец! Орёл, горный, ширококлювый, с перьями… Саблю вынимай. Да осторожнее же, бестолочь, – сам себя без наследства оставишь… крепче её держи, двумя руками. Джамиля, вяжи ему нос! Ага, вот так, чтоб только щёлочка для осмотра оставалась… Ну, ничё, ничё – вылитый спецназовец из столичного ОМОНа. Ходжа, пропусти смертника, кумган ему в заде!

Издав на прощание грозный горловой писк: «Всэх зарэжу-у!», молодой принц, пригнувшись, нырнул в быстро распахнутую дверь, которую, разумеется, сразу же и прикрыли. Долгую минуту из комнаты доносились звуки великого сражения: хруст растаптываемых фруктов, прощальный звон разбиваемой посуды, хищный свист сабли и хлёсткие звуки ударов.

– Ва-ай мэ-э-э… – умилённо заблеял Насреддин, съезжая по стене на пол. – Как мне тут… о мои – и возлюбленные друзья по-о-о преступной стезе порока-а-а… Ка-а-кие вы тут все красивые…

– Может, на него водой поплескать? – засомневался Лев, ему ещё никогда не приходилось видеть человека, находящегося под наркотическим воздействием.

– Не поможет, увы… Твоему другу станет лучше на свежем воздухе, – знающе пояснила девушка. – Вынеси его во двор, а я посторожу тут…

– Не хочу оставлять тебя одну, солнышко… но ты права. – Оболенский присел на корточки и с величайшим трудом взвалил размякшее тело домулло себе на плечи. – Чёрт… ну ты и… тяжелый же, как кабан!

– Ка-а-кие вы умные-е… и красивые-е… и добрые-е… всё четверо-о-о… клянусь аллахом…

– Понёс, – пошатываясь, встал Лев, – у братана уже в глазах двоится…

Он сгрузил безвольного Насреддина у забора, усадил

поудобнее, похлопал по щекам и, отдышавшись, поспешил назад. Первое шоковое впечатление – дверь в комнату гулей полуприкрыта, а Джамили у входа нет! Первая шальная мысль о том, что деловой армянский принц попросту её украл в качестве аванса. Рёв, который испустил благородный потомок князей Оболенских, посрамил бы любого ревнивого бизона и наверняка побеспокоил сон многих жителей близлежащих кварталов. Резко бросившись в погоню, яростно сопя от предвкушения возмездия, он тем не менее догадался, выскочив во двор, поинтересоваться у трезвеющего Ходжи: а не проходил ли тут горбоносый герой с перекинутой через плечо заложницей? Домулло долго не мог ответить внятно. Не потому, что не знал, а по причине активного взбалтывания – Лев, требуя ответа, тряс друга, как Мичурин грушу. В конце концов, дважды едва не прикусив себе язык, Насреддин кое-как объяснил, что никого тут не видел. Недоверчиво обмозговав данный факт, Оболенский наказал соратнику бдить вовсю, никого не пропускать и кинулся обратно в дом. Из той самой комнаты, где пировали гули, доносились поощрительные выкрики и ритмичные удары в бубен. Разгорячённый Лев рванул дверь так, что несчастная едва удержалась на петлях. Опиумный угар ударил в лицо Багдадского вора… В относительно небольшом помещении можно было смело вешать широкий русский топор! В клубах сизо-желтого дыма задумчиво балдели восточные вампиры. Убитых, зарезанных или порубанных не было ни одного! Двое постукивали ладошками в днища медных подносов, остальные хлопали или отщёлкивали ритм плошками. Горячий армянский принц возлежал в обнимку со всеми, и лицо его светилось таким неземным счастьем, что все вопросы отпадали разом. Парень приторчал в «стране ароматов». Но самое невероятное было то, что в центре комнатки, прямо на дастархане, полураздетая Джамиля с бубном старательно демонстрировала танец живота! Оболенский глубоко вздохнул, ахнул и прислонился к косяку… На девушке оставался лишь расшитый бисером жилетик да пёстрые индийские шаровары. Её глаза были полуприкрыты, движения замедленны, а пухлые губки нежно пытались произнести что-то вроде: «Лёвушка-а…» Она наверняка приоткрыла дверь на какой-нибудь подозрительный шум и… почти мгновенно попала во власть белого афганского опия. Как, впрочем, и принц… хотя это уже не важно. Всё уже не важно… Ни гули, ни Джамиля, ни отпрыск армянского княжества… Всё это пыль, тщета, суматоха и бренность. Истинны лишь вот эти невероятно соразмеренные и упругие удары в медные подносы. Ах, как они звучат… Как они возвышают, зовут, притягивают, манят куда-то высоко, к чистоте, первозданности,

упоению высотой! Неужели никто этого не слышит и не понимает?! О, смешные, нелепые люди… Распахните сердца, откройте души, идите вслед за мной, к единому свету божественного откровения, и вы не пожалеете! Смотрите же, я открыл Истину! Все за мной… туда… высоко в небо… и вы не пожалеете! Никогда… ни за что… нет… не… Идёмте!

Глава 47

Вы у меня еще и не так полетите.

Чайка по имени Джонатан Ливингстон.

У этой истории мог бы быть очень печальный конец. Нет, если бы совсем уж фатальный, так и рассказа бы вообще не было. Лев Оболенский не вернулся бы с Востока, не поведал бы свою эпопею мне, а я, как вы знаете, никогда ничего не выдумываю. Неблагодарное это дело. Ещё в Библии сказано, что «правду говорить легко и приятно». Вот этим я и занимаюсь, а выдумки оставим другим, тем, у кого это лучше получается. Мы с Оболенским, до его отправки в больницу, имели довольно поверхностное знакомство. Ну, он заезжал пару раз к нам в Астрахань, решал какие-то дела в верхах. Я, периодически бывая в Москве, сталкивался с ним у общих знакомых, в «Дюнах» или знаменитом «Петровиче». Это уж после Востока его так припекло, что он сам стал искать помощи профессионального писателя. А до всей багдадской одиссеи он не производил лично на меня впечатления такого уж ярого правдолюбца. В смысле, непримиримого борца за свободу личности и права каждого человека, без всяких расовых, территориальных и религиозных ограничений. Нет… Лев был совершенно нормальным парнем, с реальным взглядом на жизнь; чуточку сноб, чуточку хвастун, но добрейшее сердце и шумная душа любой компании. Багдад как-то очень заметно его изменил… Оболенский стал более внимателен и терпим к людям, особенно к старикам. Он резко заинтересовался поэзией, постоянно цитируя иранско-персидскую лирику, причём всегда значимо и к месту. Когда Маша родила, он таскал своего первенца едва ли не в зубах, был самым трогательным и заботливым отцом, искренне считая, что именно в детях продолжается наша жизнь. Вот только игры с малышом у него были немного странные… Например, поманит ребенка погремушкой, положит её на пол, а сам отвернется. Малыш, гугукая, тянется за игрушкой, она гремит – папа оборачивается и грозит пальцем. Потом снова и снова, до тех пор, пока кроха не возьмет погремушку так, чтоб она и не дзинькнула. Вот тут Лев счастлив! Шум, смех, визг, веселье на всю квартиру! Лёвину жену это поначалу тоже удивляло, потом привыкла – да мало ли…

Багдадский вор проснулся от жары. Что-то обволакивающе тёплое давно припекало ему бок, но оборачиваться не хотелось. Тем паче что слева кто-то ласково сопел в ухо. С трудом разлепив ресницы, Оболенский бегло отметил, что лежит во дворе дома вдовы, что солнце давно в зените и палит немилосердно, а сама хозяйка территории безмятежно вкушает сон на сгибе его руки. Первая мысль: а с чего это мы на голой земле развалились? Никаких, даже обрывочных, воспоминаний о том, что и где, с кем и почём происходило, даже близко нет. Голова восхитительно пуста и легка так, что вертеть ею одно удовольствие. Чуть скосив глаза на скрип двери, Лев узрел сумрачного Ходжу с медным кумганом в руках. По лицу было видно – идёт поливать. И даже не надо спрашивать кого… Слишком уж выразительно поджаты губы, и руки дрожат, то ли от предвкушения, то ли от… От чего конкретно, установить не удалось, так как домулло, встав над беззащитными друзьями, начал демонстративно лить из носика кумгана противную тёплую воду. Совершенно обалдевший от такой наглости Оболенский с вытаращенными зенками терпеливо лежал, так и не проснувшаяся Джамиля счастливо морщилась, словно её щекочут, а Насреддин с каменным лицом продолжал своё чёрное дело. Когда на нос Багдадского вора упала последняя капля, он осторожно высвободил руку, поудобнее уложил свою подружку в тёплой луже и встал. Сильные руки сгребли Ходжу за грудки, приподняли и пару раз внушительно встряхнули. Соучастники пристально, без злобы, смотрели друг другу в глаза…

– Какого хрена? – медленно начал Лев.

– О аллах… – торжественно пояснил Ходжа.

– Ну, и фигли?! – заключил Оболенский.

– Шайтан с тобой… – охотно согласился Насреддин.

– Что вы делаете, эфенди?! – Джамиля, открыв очи, увидела страшную картину и бросилась их разнимать, но, поскользнувшись, вновь шлёпнулась в лужу, окатив брызгами грязи обоих.

– Ладно, пошли в дом, там побеседуем.

– На этот раз твой язык говорит умные вещи, но прояви благоразумие и сначала поставь меня на эту землю греха и праха.

– Так вы не будете драться, почтеннейшие? – с абсолютно нелогичной смесью радости и разочарования уточнила девушка, бодро вскочила на ножки и первая шмыгнула в дверь.

Ходжа оттирал рукавом грязные капельки со лба. Лев неторопливо оглядел двор, к нему постепенно возвращалась память, но следов вчерашних событий он почему-то не заметил. Хотя, если разобраться, они непременно должны были бы быть…

Остановившись на этой мысли, Лёва сел на порог, прижав широкой спиной дверь дома:

– Ходжа, без обид?

– Без обид, Лёва-джан… – Всё ещё напряженный Насреддин присел рядом. – Ты совсем ничего не помнишь?

– До определенного момента… Ты оставался у дверей, мы с Джамилёй приволокли принца, запустили его внутрь, а тебя я вытащил на свежий воздух.

– Ты спас мне жизнь, – буднично откликнулся домулло. – Хвала Аллаху, сподобившему тебя на этот шаг, ибо твоя предусмотрительность и забота избавила всех нас от необходимости стоять сейчас перед престолом Всевышнего.

– Потом я вернулся, – совершенно игнорируя факт благодарности друга, продолжил наш герой, – но Джамилю не застал. Она сдуру полезла в комнату к гулям и, видимо, круто наглоталась дыма опиума. А на девчонок наркотики действуют гораздо быстрее… Короче, когда я туда вломился, она уже вовсю наяривала танец живота с одновременным стриптизом. Ей-богу, у неё хорошо получалось! Гули прихлопывали, принц армянский балдел так откровенно, что грех будить, а я вроде встал, как дурак, и не знаю, с чего начать… Ну, конечно, позже… Хм, вот честно говоря, что было потом, я и не помню. Но что-то было, да?

– О да! Клянусь святыми мощами старого Хызра и следами от колесницы пророка Мухаммеда, ещё как было!

– Ой-ё… – разом понурился Лев. – Слушай, я что, под этим делом наговорил чего не надо? Частушки матерные пел, анекдоты похабные рассказывал, девушек щупал, приставал ко всем, да?

– Не-е-т, ничего подобного, – ласково успокоил Ходжа, и от его тёплой улыбки Оболенскому окончательно стало не по себе. – Я лежал вот здесь, у забора, почти отдышавшийся от белого дыма опиума, и видел всё. Ты вышел в обнимку с гулями, убеждая их, что только сейчас преподобный Ричард Бах открыл тебе тайну Дара Крыльев! Кстати, что это за пророк? Не помнишь… Ну так вот, потом вы все, кроме девушки, пошли и поднялись на вон тот минарет, дабы познать небо и сладость безграничного полёта. Джамиля не дошла до ворот, сон сморил её прямо здесь… Я кое-как встал, укрыл её своим халатом и, держась за забор, поковылял за вами. Я кричал тебе, но увы… Твой слух был подчинён исключительно твоему же голосу. Кроме себя ты не слышал никого!

Лев изо всех сил напрягал мозговые извилины, в надежде хоть что-то вспомнить, но память, плотно укутавшись в чадру тумана, категорически отказывалась показать своё личико.

– Дверь, ведущую на верх минарета, гули для тебя просто

выломали. Я сам видел, стоя внизу, как сверху спланировал первый кровосос… Он рухнул на камни, расшибаясь в брызги, под твой ободряющий крик: «Лети, Икар, сын мой!» Второго ты почему-то назвал Гастелло, третьего АН-124, остальные тоже получали какие-то немусульманские имена. Но как они падали, разрази меня аллах! Шумно, ярко, с выдумкой и фантазией, разбиваясь на тысячи лоскутков и горсти серой пыли! После четвёртого я собрал волю в кулак и пополз по ступенькам наверх… Пока добрался до самой высокой площадки, ты уже сбрасывал вниз довольно хихикающего принца.

– Что?! – ахнул Лев. – И он… насмерть?!

– Увы, – покривился Ходжа. – Он зацепился воротником за какую-то железяку и повис. Высота не более чем в два локтя, думаю, его уже сняли.

– Он, наверное, кричал?

– Зачем кричал? Как повис, так сразу и уснул. Что ты так на меня смотришь, не веришь? Ты тоже там уснул, и я едва успел тебя подхватить, прежде чем ты развернулся бы на другой бок. Лёва, ты крупный мужчина… Один поворот во сне – и тебе пришлось бы рассказывать о нём самым прекрасным гуриям рая.

– Как же ты меня допёр? – с уважением протянул Оболенский.

– Пришлось бежать за Рабиновичем, – пояснил домулло. – Он честно привёз тебя домой, сгрузил здесь, и мы с ним от усталости так и уснули оба в обнимку за сараем.

– Тэк-с… Ну, что бог ни делает – всё к лучшему, а на… в смысле, какого… короче, поливать-то нас зачем было?

– Знаешь… от зависти! – подумав, решительно признал Насреддин. – Уж больно хорошо вы там лежали с этой луноликой вдовой бесстыжего злодея. А я там, как… не знаю кто, в обнимку с ослом… прости аллах меня грешного!

Глава 48

Не умница, не красавица, а кому что нравится…

Парадоксы любви.

Они ушли от Джамили после обеда. Не спрашивайте почему. Лев мог назвать тысячу причин, и все они были чрезвычайно весомыми в той же степени, как и ровно ничего не значащими. Официальная версия их возвращения в лавку башмачника Ахмеда такова: в домике вдовы никак нельзя больше оставаться, не подвергая хозяйку риску ареста за укрывательство опаснейших преступников. Возмутителей спокойствия искали повсюду, а не в меру любопытные соседи вполне могли, прельстившись наградой, заложить друзей со всеми потрохами. Наскоро переловив всех индусов, дервишей, лекарей и астрологов, глава городской стражи пообещал награду в двести золотых динаров только за указание убежища Багдадского вора и его напарника. Рисковать жизнью приютившей их девушки Оболенский не смог бы никогда… На самом деле всё было гораздо тоньше и глубже, но вряд ли сейчас имеет смысл копаться в душевных метаниях молоденькой персиянки и голубоглазого россиянина. Я не лез к моему другу с дотошными расспросами, а он сам не хотел об этом говорить. К тому же это всё равно была не последняя их встреча…

По базару наши герои ехали молча. Вернее, ехал-то как раз Ходжа Насреддин, а Лёва шествовал чуть позади хвоста Рабиновича, держа под мышками по большой узбекской дыне и мысленно проклиная всё того же модельера, придумавшего для восточных женщин чадру! Любой другой в его положении шёл бы себе тихонечко и радовался, что по сей день находится на свободе. Однако же Оболенский, чересчур всерьёз относящийся к своей карьере профессионального вора, почему-то был убеждён, что просто обязан каждый раз нарываться на неприятности. «Вор должен сидеть в тюрьме!» – как говаривал незабвенный Глеб Жеглов, и это правильно. Всё прочее время ему (вору!) следовало вести разгульный образ жизни, сорить деньгами, менять женщин, ибо век короток, а эмирская плаха всегда голодна… Исходя из этих взглядов Лев, не выпуская дынь, обворовывал прохожих, чисто для профилактики. Не всех подряд, а вполне респектабельных на вид, так что к середине пути его «бюст» увеличился аж на пять кошельков с деньгами. Правда, из-за нечетного числа и разницы в количестве монет левая грудь

казалась гораздо больше и тяжелее правой, но… По большому счету, всё это такие мелочи! Кстати, Ходжа, восседающий на осле и периодически оглядывающийся, так ни разу и не заметил, чем именно развлекается его друг. Домулло старательно вертел головой, подобно морской губке впитывая все базарные разговоры, слухи и сплетни. А слухов в Багдаде в тот день витало видимо-невидимо… Из уст в уста передавали волшебную сказку о неуловимом Багдадском воре, о цене, назначенной за его голову, о его бесстрашных проделках и о полном бессилии власть имущих остановить отчаянного наглеца. Разумеется, всех «задержанных по делу об оскорблении высокородного господина Шехмета и его благопристойного племянника Али Каирского» отпустили без разговоров. После очной ставки с грозным начальником городской охраны несчастным давали десять палок по пяткам (так, на всякий случай) и выкидывали из зиндана вон. Забивать тюрьму впустую – бессмысленно, и Шехмет прекрасно понимал всю сложность поставленной перед ним задачи. В идеале он вообще мог рассчитывать исключительно на силу денег – поймать двух ловких аферистов в многолюдном и шумном Багдаде было делом совершенно запредельным… А народ вовсю веселился! Оно и понятно, разве можно удержаться от улыбки, если кто, мнящий себя царём и богом, надменно взирающим свысока на простых людей, поскальзывается и садится в лужу? Да не один раз, а с завидным постоянством… Всё правильно, так и должно это быть – везде, всегда, во все времена и в любую эпоху! Я не пытаюсь критиковать тогдашнюю власть Багдада: во-первых, это слишком легко (с высоты нашего с вами опыта!), а во-вторых, надо было видеть ситуацию их глазами. А с их точки зрения, город подвергался настоящему террору со стороны потерявших всякий стыд криминальных элементов. То есть совершенно очевидно, что надо приложить все силы для ликвидации негодяев, пока общественный порядок не захлебнулся в хаосе безвластия и беззакония. По совести говоря, я даже в чём-то на стороне эмира, хотя Лев всё-таки мой друг…

Ахмед, отдохнувший и подлечившийся, встретил наших героев не очень ласково. Нет, не то чтобы попытался выгнать из дома или как-то на это намекнуть, но… Некая суетливость в нём присутствовала. Рабинович первый уловил завуалированные нотки неискренности и категорически отказался встать за лавкой, предпочитая занять пост у входа, как бдительный часовой.

– Вах, как я рад, как я рад! Какое счастье, что вы наконец вернулись целыми и невредимыми! Какая жалость, что у меня сегодня столько дел… сплошные заказы! И все такие срочные! Я

сейчас буду раскладывать подошвы от чувяков по всему полу…

– Салам алейкум! – непринуждённо поздоровался Лев, крепко пожимая руку башмачника. – А уж как мы рады тебя видеть в здравом уме и трезвой памяти… Давай, сворачивай своё ателье и сгоняй, по дружбе, в ближайший ресторанчик – у меня Ходжа некормленый,

– А… э… у… уважаемый и почтеннейший Лёва-джан, ты же знаешь – на всём базаре у тебя нет более преданного и верного друга! – Владелец лавочки начал ходить вокруг Оболенского кругами, старательно поджимая хвост. – Увы, я не знал, что именно сегодня вы осчастливите мой дом своим приходом… Горе мне! Видите, как тут неприбрано, пыльно, пахнет мокрой кожей, а вот вон в той чайхане – совсем другое дело… Как они готовят плов! А шурпу повар варит по специальному монгольскому рецепту, и говорят, что странники со всех земель спешат туда, дабы вкусить…

– Минуточку, – дошло до Льва. – Ходжа, чего он хочет?

– Если мы осчастливили его дом своим приходом, то своим уходом – просто вознесём его в райские кущи, – сурово подсказал Насреддин, пристально глядя в пристыженные глазки башмачника.

– Ахмед, ты непрозрачно намекаешь, что мы должны отвалить?

– Кто? Я?! Да разрази меня шайтан огромным чирием на поясницу! Да отсохни мой язык, как осенний лист чинары! Да поглотят мою печень муравьи, растаскивая её по кусочку! Да ниспошлет Аллах паршу на мою бритую голову! Да иссякнет животворящий сок в моих… Просто я сегодня такой больной, такой усталый – где уж мне принимать дорогих гостей? Может, всё-таки в чайхану, а, ребята? И без меня… желательно.

Друзья переглянулись. Ослик, сунув морду, обозрел диспозицию и коротко всхрапнул, как бы говоря: «Мочите его, братаны. На улице никого нет, ежели чё – я посемафорю». Видимо, и сам башмачник прочёл приговор в обоюдном молчании Льва и Ходжи. Он невольно попятился, запнулся о брошенные тапки, опрокинувшись на старый коврик:

– А-а-а-а! Ну, бейте меня! Убивайте меня! Режьте меня живьём, раз так вам всем хочется-а-а!!!

– Пойдём, Лёва-джан… – тихо повернулся Насреддин. – Если прямое дерево изогнуло под лёгким ветром свой ствол, представь, как оно будет гнуться под настоящей бурей? Нам лучше уйти до урагана…

– Эх, Ахмед, Ахмед… – Оболенский горько вздохнул, сплюнув себе под ноги. – Был мужиком, а сейчас орёшь, как стыдливая

старуха на приёме у рентгенолога. Деньги-то наши ещё не все в расход пустил? И не верещи… Аллах тебе судья, мы рук марать не будем…

– Какие деньги?! – взвился уязвлённый в самое сердце башмачник. – Кому нужны ваши деньги?! Вон они, в углу, в мешочке, забирайте к иблису!

– Тогда какого ты тут…

– Не выражайся в доме мусульманина! Пришёл, нашумел, нагрубил… Я вам не подряжался всю жизнь за кебабом на палочках бегать! У меня, может… дела свои. Я, может… ко мне тут… прийти должна… должны… а тут вы со своей пьянкой! У, злостные нарушители законов Шариата…

– Ба-а… – ошалело вытаращился Оболенский, – так у тебя тут вовсю кипит личная жизнь?! Что ж ты сразу не сказал, харя твоя немытая… Ходжа, но это же в корне меняет дело! За это надо выпить!

Домулло солидно кивнул, башмачник уронил лицо в ладони и глухо зарычал, но в эту минуту в лавку кубарем влетел перепуганный Рабинович, и раскатистый женский бас оповестил:

– Тьфу, зараза, понаставили тут… Ахмед, ты уже дома?

Глава 49

Лучше прогневить Аллаха, чем женщину.

Из стенаний вынужденных евнухов.

То, что вошло в лавку следом, – трудно назвать одним словом. Одной фразой? Попробуем… Тогда это примерно звучало бы так: «В дом вошла Женщина с Большой Буквы!» Причём с самой большой. В Оболенском было под два метра, да с метр в плечах. Так вот, вошедшая красавица вряд ли была намного ниже и уж никак не уже в груди. Даже наоборот, за счет впечатляющего бюста, более напоминающего два четырёхлитровых кувшина, девушка казалась куда крупнее Багдадского вора. Лицо округлое, нос крупный, губы пухлые, щёки румяные, брови чернёные; одета в свободное зелёное платье, синие шаровары и ярко-красные туфли без задников. Но самое удивительное, что на ней не было чадры! Так, лёгкая серебристая вуаль на расшитой тюбетейке, и всё…

– Салам алейкум, уважаемые! Ахмед, тебя что здесь, обижают?!

– Нет, нет! – поспешил встать с пола влюблённый башмачник. – Ты… я… о! Позволь представить тебе двух моих, самых любимых, друзей!

– Не поняла-а… – В голосе девушки зазвучала явная смесь ревности и недоверия. – Ты не говорил, что у тебя есть другие любимые друзья… кроме меня!

– О свет моих очей! Как ты могла подумать?! Они… любимые, но не в этом смысле… Ты для меня – единственная и неизменная любовь, вот уже второй день сжигающая пожаром страсти моё бедное сердце!

Оболенский и Ходжа молчали как рыбы, прижавшись к стене и не делая ничего, что могло бы быть истолковано как непредумышленная угроза. Впечатляющий объём бицепсов у девицы читался даже через свободного покроя одежду. Пока она не проявляла особой агрессии, но возражать ей почему-то не хотелось. Как, собственно, и вообще раскрывать рот без разрешения…

– О мой нежный персик!

– О моя спелая дынька!

Вслед за этим последовали бурные восхищения друг другом,

тихие поцелуи и довольно откровенные объятия. Пользуясь тем, что влюблённые несколько отвлеклись, Лев подпихнул в зад распластанного на полу Рабиновича, делая ему знак сваливать побыстрее. Ослик кивнул и уполз по-пластунски, прижав уши к спине и заметая след кисточкой хвоста.

– О хрустальная звезда моих снов! Обними меня-я-а-а-а…

– О бесценный алмаз моей души! Я не сильно тебя прижала?

– Лёва-джан… Т-с-с! Тебе не кажется, что мы лишние… – одними губами прошелестел Насреддин.

– Линяем… – не разжимая зубов, подтвердил Лев. – Тут сейчас такая эротика начнется – сам шайтан покраснеет! Уходим, пока она и нас не включила в список…

Оба свидетеля постарались не дышать и стать предельно плоскими, надеясь незамеченными выскользнуть за дверь, но не успели… Рослая девушка на миг оторвалась от расцеловывания своего щуплого любимого и обратила к ним огненный взгляд:

– Не убегайте, почтеннейшие! – В одном этом предложении было всё – и просьба, и угроза, и уговоры, и наезд.

Лев с Ходжой сделали удивлённые глаза, изо всех сил демонстрируя, что просто чешут спины о косяк. Измученный любовью башмачник рухнул в угол, на прикупленные подушки, а его подруга увалилась следом. Она расположилась легко и вольготно, подмяв под себя счастливого Ахмеда так, чтобы её спине было удобно…

– Ваши имена, аксакалы!

– М-м… Аллах не сподобил нас столь высоким званием… – начал было домулло. – Аксакалы – это многомудрые старцы, а мы с другом ещё даже не шагнули на путь постижения Истины, ибо…

– Имена! – ещё раз, без нажима, повторила гостья. Ахмед за её спиной улыбался так, словно ему вырезают аппендикс. Или, вернее, выдавливают, без наркоза…

– Лев Оболенский!

– Ходжа Насреддин!

– Ой… не может быть… Врёте, почтеннейшие?!

– Мы похожи на самоубийц? – глухо буркнул Оболенский.

– Нет, правда… Вы – те самые нарушителя порядка, злодеи, воры, обманщики и ослушники Шариата, которых днём с огнём ищет весь город?!

– Вай мэ… Вот уж не думал, что буду знаменит превыше самых учёных мужей Багдада… – скорбно покачал головой Насреддин, сегодня его вело на философский лад.

– Ахмед!

– Уп… оу-у!… Да, дорогая?

– Не будь неженкой, я и не собиралась делать тебе больно… –

богатырствующая девица пару раз «щекотнула» возлюбленного локотком по рёбрам. – Но не могу же я сама представляться малознакомым мужчинам…

– Так, может, и не стоит? – с надеждой вскинулся Лев.

– Стоит! – обрубила подруга владельца лавки. – Во-первых, вы ведь уже видели моё лицо…

– Мы забудем это! – вдохновенно поддержал Ходжа, но все усилия были тщетны.

– А во-вторых, я давно хотела познакомиться с отчаянными хитрецами, покрывшими вечным позором саму старую Далилу с её уродиной дочерью. Ахмед, представь меня!

– Благороднейшая и достойнейшая, скромнейшая и учтивейшая, мудрейшая и утончённейшая госпожа Ирида аль-Дюбина! – дрожащим от страсти и вожделения тенором пропел сияющий башмачник. Увы, ни Ходжа, ни Оболенский никак не разделяли его восторга, но безоговорочно предпочитали оставаться очень вежливыми. То есть – первый низко поклонился, приложив ладонь ко лбу, а второй почувствовал странное желание присесть в реверансе.

– Ну?! – новопредставленная (упаси аллах сказать – преставившаяся!) требовательно взглянула на друзей, так лихо изогнув правую бровь, что та приобрела форму разящего ятагана.

– М-м… мы это… Щас…счастливы лицезреть, так сказать! – постучав себя кулаком в грудь, выдавил Оболенский.

– А также, если не оскорбим вас излишним любопытством, очень хотели бы знать, а чем это мы, собственно, обязаны счастью лицезрения?! – осторожно уточнил Ходжа.

Аль-Дюбина утробно расхохоталась, встала и, шагнув вперёд, ласково приобняла друзей за плечи:

– Да просто так… Зашла в гости к своему любимому, тут – вы, грех было бы не свести знакомство с самым великим вором Багдада и самым ловким хитрецом Востока!

На секунду Льву показалось, что над ними издеваются, но в волооких глазах девушки горело такое неподдельное восхищение, что он… улыбнулся. Насреддин хмыкнул. Рабинович вновь сунул морду в дверь и примиряюще фыркнул, обнажив в ухмылке неровные жёлтые зубы; возревновавший было башмачник радостно захихикал, присвистывая сквозь недавние дырки… Мгновением позже все буквально плюхнулись на пол от невыносимого хохота! Абсолютно беспричинного, пустопорожнего, но такого искреннего и счастливого… Мосты взаимопонимания порой очень труднонаводимы, а смех является самой короткой дорогой от сердца к сердцу. Ну и что из того, что новая любовь Ахмеда кардинально отличалась от всех девушек

Багдада? Да и только Багдада ли?! Ходить по улицам без чадры, на равных разговаривать с мужчинами, гоготать во весь голос, не опускать глаз, и вообще вести себя так, словно весь мир должен отвернуться, если его что-то не устраивает, – способен не каждый… Ирида аль-Дюбина – внебрачная дочь самого визиря и скромной декханки из высокогорного улуса – могла позволить себе многое…

– А отец никогда и не отказывался от меня, – непринуждённо развалившись на подушках и частично (пардон!) на дорогом башмачнике, первая феминистка Востока вкушала краденое вино и купленные персики, продолжая светскую беседу. – Когда может, помогает мне и маме. Но женщины в наших краях совсем не похожи на ваших. Мы – свободны, сильны и уверены в завтрашнем дне!

– Поэтому в нарушение Шариата не носите паранджу? – подковырнул домулло.

– А ты сам пробовал ходить в этой душегубке?!

– О, если, конечно, мой мужской опыт может хоть что-нибудь значить в вопросах законов, данных свыше всем истинно верующим мусульманам, то я бы…

– Вот и молчи! – добросердечно посоветовала девица. – Под этой сеткой на жаре все румяна, белила и сурьма сплавляются в такую маску, что, сняв паранджу, я могу шайтанов распугивать одной улыбкой. Нет уж! Носила пару раз, избави аллах от такой прелести…

– Но разве взгляды мужчин, бесстыже пялящихся на ваше лицо, не наводят достойную дочь правоверного на грешные мысли? – продолжал домогаться Ходжа. Оболенский лишь молча прихлёбывал вино, явно наслаждаясь их спором. Ахмед, тот вообще молчал, изредка восхищённо похрипывая, когда возлюбленная слишком сильно вжимала его плечиком в стену.

– Меня? Грешные мысли?! Отродясь не посещали! – уверенно парировала могучая Ирида. – Да и мужчин, таращащихся на меня, – тоже! Они, скорее, в стороны шарахаются, а если и успевают о чем-либо подумать, так только о бегстве. Словно я – слон… или кого-то задела нарочно!

– А… вы случайно?

– О аллах, конечно, случайно! Сбила двух стражников на базаре, стукнулась бедром о некрепкую лавку пряностей, смахнула локтем какие-то тюки с тканями, да мало ли… – В небрежном жесте рассказчицы сквозила такая простодушная нега, что уточнять количество разрушений не хотелось.

– Да, было бы из-за чего шум поднимать, – раздумчиво согласился Насреддин. – Тем более что ваш высокопоставленный

отец наверняка сумел успокоить пустых злопыхателей…

– Папа?! Вот уж нет! Он за меня никогда не заступается, хочет, чтоб я училась самостоятельности. Приличной девушке трудно пробить себе дорогу, но мы с сестрой не сдаемся!

– Упс… – На этот раз Оболенский от удивления едва не поперхнулся вином. Представить на багдадском базаре двух таких богатырш – было выше его сил! – Прошу прощения, так у вас ещё и сестричка есть?

– Есть, хвала аллаху! – довольно потянулась аль-Дюбина. – Сводная, не родная… Но я её очень люблю! Если кто только попробует обидеть – в порошок сотру! И кое-кого уже стёрла, между прочим… О! А вот, кажется, и она, моя милая Епифенди…

В стену лавки легонько постучали. Лев и Ходжа махом отпрянули в угол, понимая, что если сейчас сюда войдет сводный дубликат… Увы, их надежды жестоко обманулись. Что их, кстати, несказанно обрадовало! Такой вот житейский парадокс…

Глава 50

Бога любить легко, религию – трудно.

Крамольная мысль.

Вы спрашиваете себя, а почему, собственно, этому русскому парню всё так легко удавалось? Ну, хорошо – не вы спрашиваете, вам это, возможно, до фени, я сам неоднократно задавал себе подобные вопросы. Лев был (и есть!) белокож, голубоглаз и лицом, и телосложением явный представитель славянского типа. Каким образом черноволосые и узкоглазые азиаты принимали его за своего?! Почему он сам, в конце концов, не чувствовал себя «белой вороной» на фоне коренных жителей Востока? Ведь против него было всё: религия, культура, речь, общественное устройство, даже сама генетика! Или, правильнее, генотип? Короче, он ведь был слишком не как все! Слишком. И всё-таки… Думаю, основная причина в том, что сам Лев об этом попросту не задумывался. В зеркала себя не разглядывал, на палящем солнце загорел быстро, голубыми глазами его пока никто всерьёз не попрекал – чего ж было пузыриться раньше времени? То, как конкретно выглядели окружающие (то есть их массовая принадлежность к монголоидной расе), лично Оболенского нисколько не волновало. Как и большинство русских, он отличался необъяснимой широтой души, понятий и взглядов. Главное, внутренняя сущность человека, а не его внешняя оболочка. Нет, ну внешность тоже большое дело, просто если бы вы в то время попытались доказать Льву, что все окружающие люди не такие, как он… Полагаю, для вас бы это плохо кончилось. Багдадский вор – Лев Оболенский не признавал никаких различий (расовых, религиозных, политических и т.д.), исключение – разве что различие полов. Вот тут уж он был болезненно традиционен, и, как окажется в дальнейшем, не зря! А посему ощущал себя в атмосфере бурлящего Багдада как рыба в воде или слон в посудной лавке. Одной – всё по кайфу, другому – по барабану…

Что же касается местных, то первым подозревать нашего героя начал всё тот же Ходжа Насреддин. Он случайно обратил внимание на то, что Лёва не творит каждодневные намазы, не знает, как надо вести себя в мечети, и говорит порой такое и таким цветистым восточным языком… Намаз, между прочим, совершается минимум дважды в день. А особо праведные мусульмане вообще молятся по пять раз, ибо так установлено

Кораном. Оболенский и в самом деле даже близко не представлял себе, что и как он должен делать. Подсмотрев пару раз, как совершал вечернюю и утреннюю молитвы старый дедушка Хайям, он запомнил примерный порядок действий. Но вот повторить тот же текст, да ещё на древнеарабском, увы… Поэтому слова он добавлял свои, и мусульманский намаз по Оболенскому звучал примерно так: «Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя Твое, да приидёт царствие Твое…» Насреддина по первому разу едва кондрашка не хватил! А как насчёт ритуального омовения? Да нигде на свете «тахарат» не делают с фырканьем, хрюканьем и мытьём себя под мышками… Потом, молодой Багдадский вор никак не мог уловить всех тонкостей религиозного этикета. Ну, например, что встреченному на пути мулле или муфтию надо низко кланяться, пытаясь поцеловать край его одежд, а не панибратски жать руку. И оборванных дервишей гнать в шею не положено, они святые люди, просят – дай, а не то Аллах накажет. (Оболенский давал… редко, когда уж очень доставали, но как давал! Многие дервиши уходили потом в горы практиковаться в боевых искусствах, чтобы когда-нибудь встретиться и отомстить…)

И в жестокий восточный ритуал шахсей-вахсей вмешиваться не надо. А то вот прямо сегодня, когда крал на базаре вино для аль-Дюбины, увидал человека, хлещущего себя плетью по обнаженной спине. Глаза безумные, камча уже мокрая от крови, сам шатается и всё бормочет что-то религиозное… Добрая душа, Оболенский подхватил мужичка, плеть отобрал и выбросил, а на исхлестанную спину вылил полбанки розового масла, стыренного тут же поблизости. Что началось!… Когда подоспели прочие самоистязающиеся, первый мазохист, рыдая от обиды, тыкал пальцем в сторону «избавителя» – Лёву едва не прибили! Он-то потом рассказывал друзьям об этом со смехом, но сомнения Ходжи только крепли – его друг какой-то не такой, не сплошь мусульманский…

Однако вернёмся к описываемым нами событиям. Мы остановились на том, что в дом-лавку-хибару-сарай-палатку башмачника Ахмеда вошла сводная сестра его возлюбленной – Ирида Епифенди.

– Есть Бог на свете, – глубокомысленно порешили соучастники, церемонно пожимая друг другу руки, а в их глазах вспыхнул здоровый охотничий азарт истинного мужчины. Стоящая перед ними девчушка лет восемнадцати была изумительно хороша: ярко-рыжие от хны волосы, изумрудно-зелёные глаза, точёный носик с горбинкой, чуть жеманные губки и стройная спортивная фигурка в ярком костюме уличной

танцовщицы.

– Моя возлюбленная сестричка. – Аль-Дюбина встала с башмачника, покровительственно приобняв родственницу за плечи. – Подрабатывает на жизнь танцами и показывает фокусы, а я иногда слежу, чтоб её не обижали.

– Неужели бывали прецеденты? – деланно удивился Лев. Девушка была настолько мила, что её хотелось защищать здесь же и сейчас, причём не важно от чего.

– Претенденты?! – не поняла могучая Ирида, а её тезка, покраснев, опустила глазки. – Да какие там претенденты… О законном браке по Шариату никто и думать не хочет, а вот затащить к себе в шатёр уличную танцовщицу многие считают единственно правильным… Скоты!

– Невежи! – поддержал Ходжа.

– Хамьё! – уверенно добавил Оболенский, и все обернулись в сторону Ахмеда, ожидая его реакции.

Вопреки всеобщим чаяниям, башмачник вдруг предложил нужное и своевременное решение:

– Давайте лучше выпьем за двух самых прекрасных звёзд Востока, двух самых добродетельных и замечательных девиц из всех, когда-либо носивших гордое имя Ириды!

В результате весь вечер прошёл в непринужденной, праздничной обстановке. Аль-Дюбина целенаправленно целовала своего возлюбленного, а тот страшно ревновал её к Ходже. Сам Насреддин старательно крутился вокруг гораздо более скромной сестрицы, составляя постоянную конкуренцию ретивому Оболенскому. Рыженькая Ирида говорила мало, тихо, но охотно смеялась шуткам обоих друзей, а те просто блистали остроумием. Где-то после третьей пиалы внебрачная дочь визиря упросила сестру станцевать, и та, аккомпанируя себе маленьким бубном, шагнула в центр ковра. Удар босой пяткой об пол, звон монист и ножных браслетов, плавные изгибы бёдер, забившихся мелкой дрожью, и… яркое покрывало слетает с золотистых плеч, газовым облаком опустившись между Оболенским и Насреддином. Ах, что такое танец живота на Востоке…

Это поэзия в её высшей духовной ипостаси! Это живой пламень всепоглощающей страсти, идущий из самых неизведанных глубин сокровенного таинства женщины! Это вода жизни, пробуждающая старцев, опьяняющая зрелых мужей и наполняющая упоённым светом души неопытных юношей… Каждое движение выверено веками и потому неповторимо! Каждый жест словно плавится от невыносимой любви и потому непереносим для взгляда! Каждый изгиб пахнущего мускусом тела поднимает вас к заоблачным высям и оттуда швыряет в

пыль, потому что нет на свете таких слов, и таких чувств, и такой сладостной боли… Только блеск глаз, только звон бус, только оглушающий стук сердца! Сводные сестры ушли уже затемно. Поглощённый своей любовью Ахмед заторможенно прибирал лавку, вынося мусор и разбирая посуду. Лев и Ходжа неподвижно сидели всё в тех же позах, в каких их застал искрящийся танец, и не могли пошевелиться. В остекленевших глазах Багдадского вора отражались разноцветные танцовщицы, а вялые губы домулло бессвязно шевелились, пытаясь вслух произнести имя рыжеволосой пэри из недоступных райских кущ ближайшего базара. Они и уснули так же сидя, попросту прикрыв глаза и отдавшись сладострастным грёзам. Но самое удивительное вы отметили бы, заглянув в это время на задворки лавки башмачника. Там стоял совершенно остолбеневший осёл с переплетенными меж собой ушами, высунутым языком и блаженно окосевшим взглядом. Видимо, любопытный Рабинович имел глупость подсматривать за танцем в щёлочку… Утром все встали мрачные. Нет, не все: восхищённый влюблённый носился взад-вперед, как солнечный зайчик, приставая к товарищам с дурацкими вопросами типа: «Правда, она прелесть? А как вы думаете, она меня любит? Ну разве я достоин такого счастья?!» Лев, не разжимая зубов, послал счастливчика так далеко, что тот обратился за разъяснениями к домулло. Тот тоже добавил, для корректировки курса, и Ахмед, махнув рукой, начал взахлёб изливать душу флегматичному ослику. Потом они оба отправились на базар, а наши герои получили возможность наконец-то высказаться. Поначалу всё было пристойно и вежливо…

– Лёва-джан, прошу тебя как самого доброго друга – не надо стоять на пути нашего счастья.

– Вообще-то, братан, я и сам хотел тебя попросить примерно о том же самом…

– Увы, как мудрый муж, ты не мог не заметить тех многозначительных и многообещающих взглядов, которыми меня одарила прекрасная Ирида Епифенди!

– Вот и я говорю, если у тебя есть глаза, так ты их разуй и вспомни, как она на меня смотрела и на что намекала!

Обстановка чуть накалилась, и в тоне каждого деликатно посверкивали электрические разряды.

– Но, брат мой, разве бурная жизнь человека вне закона позволяет тебе калечить жизнь бедной девушки?! Поверь, она достойна лучшей доли!

– Хм, а разве быть замужем за тем, кто активно дурачит пол-Багдада, намного лучше? Жена мошенника! Звучит не очень…

– Вай мэ! Жена вора – звучит ещё хуже!

…Электрические разряды копятся, собираются в длинные ломаные молнии, глаза наливаются кровью, а голоса наполняются громокипящей медью.

– Но ты же вор! Просто грязный вор, что ты можешь ей дать?!

– Да ты на себя посмотри, мелкий уличный аферист! Только и умеешь, что лохов кидать… Брехло и бабник!

– От такого же и слышу! Безносый сын одногорбого аравийского верблюда с плешью на голове, кривыми ногами и мозгом, умещающимся в скорлупе ореха…

Когда парни, вскочив, взяли друг друга за грудки, полог заднего входа откинулся – и что-то грузное рухнуло на пол. Минутой позже оно было опознано как потерявшая сознание могучая Ирида аль-Дюбина. Под правым глазом бедной девушки красовался впечатляющий синяк…

Глава 51

Аллаха надо просить, а шайтану
– только намекни…

Шутка с долей истины.

– Тащи её… ага, за ноги, за ноги бери-и…

– О аллах, ты смерти моей хочешь?! Я же и одну её ногу не подниму, чтоб не на-до-рва-а-ться!

– Скажите, какие мы нежные… А ну, бери обе сразу! Тащи!

– Лёва-а-а… я не могу! Она слишком крупная…

– Ну, знаешь… не можем же мы переть её по частям?! Хотя…

– Что ты задумал, убийца женщин? Не надо, я уже тащу-у…

– Брось, я всего лишь хотел припрячь к этому делу осла.

Увы, Рабинович разгуливал где-то в компании хозяина лавки, а потому двум спорщикам пришлось на своём горбу волочить бессознательную девицу с порога комнаты на ковёр. Задача была непростой, и спустя какое-то время они просто рухнули рядом без сил, пытаясь отдышаться. В эту роковую минуту через парадный вход вошёл насвистывающий Ахмед с бодреньким Рабиновичем. Дальше – как в кино… У ослика отпала нижняя челюсть, а впечатлительный башмачник, увидев свою пассию с побитой физой, в рваной одежде, ногами вверх (а что делать, так тащили), в окружении двух отдыхающих по бокам проходимцев, – взвыл дурным голосом! Откуда ни возьмись в его руках оказалась тяжёлая палка:

– Развратники! Насильники! Смерть вам, оскорбившим грязными домогательствами мою единственную, хрупкую любовь!

Прежде чем Лев или Ходжа успели сказать хоть слово в свою защиту, взбешённый Ахмед скоропалительно приступил к претворению угроз в жизнь. Бедолаги метались по лавке, как степные сайгаки, истошно вопя и прикрывая руками голову. В щуплого башмачника словно вселилась сила девяти пустынных дэвов – палка с визгом носилась взад-вперед, с каждым ударом достигая цели! Рабинович демоническим хохотом только поддавал жару. Об организованной обороне не было и речи, пылкий влюбленный просто не давал на это времени. Насреддин безуспешно пытался забиться под обрезки кож для чувяков, а Оболенский, подвывая и матерясь, уже готовился к переходу в лучший мир, когда голос аль-Дюбины привел всех в чувство:

– Ахмед, перестань их бить.

– А… что?! Ты жива, о бесценный алмаз моего

истосковавшегося сердца?! Подожди ещё немного, я совсем убью этих злодеев и припаду к твоим ногам.

– Дурак. – Госпожа Ирида говорила тихо, но твёрдо. – Оставь их в покое, они ни в чём не виноваты. У меня… большое горе…

– Но… они же… кто же тогда… – не вовремя упёрся переувлёкшийся башмачник. – Давай я всё-таки сначала их прибью! Аллах не осудит…

– Дурак, – ещё раз подтвердила девушка и села, держась обеими руками за подбородок. Встревоженный Ахмед бросился к ней, на ходу роняя палку. Побитые соучастники, морщась и почесываясь, пристроились рядом.

– Что же всё-таки случилось?

Вместо ответа могучая Ирида аль-Дюбина разразилась бурным детским плачем! Слезы текли в три ручья, а рёв стоял такой, словно Сырдарья по весне, без предупреждения, вышла из берегов. Ни одного слова добиться было совершенно невозможно, хотя все трое мужчин утешали и успокаивали несчастную, как могли…

– Надо дать ей воды!

– Лучше вина.

– Воды! Много воды! Целый таз, и прямо на голову…

– Молчи, низкий растлитель и сын шайтана!

– А ещё можно её по щекам похлопать, женщинам это помогает.

– Э-э, а вдруг она сдачи даст?!

– Так надо быстро нахлестать, и по углам!

– Молчи, сын шайтана и низкий растлитель!

К сожалению, мужчины в действительности очень мало чего смыслят в деликатных вопросах приведения в норму особ слабого пола. Да и где она, эта норма, хотелось бы знать?! Женщины способны впасть в неуправляемую истерику по тысяче, зачастую абсолютно противоречащих друг другу, поводов и выбраться из этого состояния исключительно самостоятельно. Мы же, мужики, или опускаем руки перед бурными рыданиями, или сдаемся сразу, предлагая истекающей слезами возлюбленной всё, что угодно, – от мытья посуды до законной регистрации неформальных отношений! Хвала аллаху, в данном случае этого не потребовалось… Отревев своё, выпив две пиалы воды и полкумгана вина из горлышка (плюс осторожные похлопывания по щечкам), внебрачная дочь визиря изложила наконец суть проблемы. Оказывается, у неё всего лишь похитили сестру. Причём не кто-нибудь, а личная стража самого эмира. И не забавы ради, а для уплотнения гарема. Было бы, как говорится, ради чего огород городить! Рыженькой танцовщице несказанно

повезло – её красоту отметили в самых верхах, а спорить с властью, установленной Шариатом, не только глупо, но и безнравственно. Маленькая Епифенди просто не сразу осознала глубину собственного счастья, как последняя дура зачем-то кричала и вырывалась. Свято блюдущая её безопасность старшая сестра немедленно полезла заступаться, за что и получила своё, хотя дралась как львица. Но… дело житейское, всё устроится, успокоится, и вообще есть вещи, против которых по жизни не попрёшь, а значит… Вот где-то тут сладкие речи Ахмеда, мягко утешающего побитую воительницу, резко обрываются. Он вклинился в рассказ подруги ближе к финалу и не сумел донести до неё свою концепцию «невмешательства» в любовные дела эмира. Аль-Дюбина молча хряпнула его ладонью по макушке, и возлюбленный на время затих. Гневные глаза, словно пылающие угли, уставились на Оболенского…

– Помоги мне!

– В каком смысле? – Лев прекрасно понимал, чего от него ждут, но добровольно записываться в герои-смертники всё-таки не особенно жаждал. – Я не танкист и не командир ракетной установки. Дворец эмира нельзя взять штурмом… Честно говоря, я его сам-то толком не видел, но почему-то уверен, что нельзя.

– И не надо. Укради её!

– Украсть?! Пардон, мадам, я не чеченский террорист и не ворую женщин. Тем более из гарема… – На этом волшебном слове Оболенский споткнулся. Гарем! Столько образов, мечтаний, полётов безудержной фантазии и вдохновения… Гарем! Необременительно одетые одалиски, скучающие без мужской ласки девушки, легко подкупающиеся евнухи и – аромат любви… Гарем! Пальмы в кадках, мраморные фонтаны, золотые рыбки, сладкое вино, шербет и дурманные восточные ночи…

– Гарем? Это существенно меняет дело. Думаю, мы договоримся, только давайте поподробнее.

– Лёва-джан…

– Не надо, Ходжа, не вмешивайся.

– Вай мэ, Лёвушка, если я тебя невольно обидел – прости, ради аллаха! Но хоть на минуту внемли голосу мудрости и шёпоту осторожности…

– Я уплачу вам обоим! – торжественно заявила успокаивающаяся девица, и в её голосе было столько силы и мольбы, что домулло дрогнул. – У меня есть серьги и ожерелья, а из даурских гор мне привезли кольцо с огромным камнем. Вам дадут за него не меньше тысячи динаров – но верните назад мою возлюбленную сестру!

Лев Оболенский, Ахмед-башмачник, страдающая Ирида аль-

Дюбина и даже вездесущий ослик смотрели на Ходжу, как на лицо, облеченное правом высшего решения. Как он скажет – так и будет! О, достопочтеннейшему Насреддину, конечно, было что сказать… Он раза три или четыре открывал рот, твёрдо вознамерившись обрушить на безумцев монументальную плиту неумолимой логики. Ибо поставленная задача была совершенно нереальна при взгляде на неё с любой точки зрения, и даже его зарождающиеся чувства к рыженькой танцовщице мгновенно охладевали, едва домулло вспоминал, из чьих рук её надо вытащить. А если ещё точнее, то из чьей постели… У эмира можно попытаться украсть многое, но это чревато, так как обворованный эмир страшен в гневе. А если кража оскорбляет собственнические инстинкты человека, то что же будет, если владыку Багдада оскорбят ещё и как мужчину?! Одни мысли на эту тему вызывали спазм горла и холодный застой крови… Особо суицидного желания закончить жизнь молодым и красивым Насреддин никогда не испытывал. Более того, он всерьёз намеревался дожить до ста лет, понастроив домов, понавыращивав сыновей и понарассаживав деревья. Таким образом, вся его разносторонняя натура категорически противилась любым рискованным мероприятиям, но одна маленькая, робкая и всё-таки настырная мыслишка билась где-то в подсознании, заставляя болезненно щурить глаза. Мысль о том, что он всё равно пойдёт и поможет этому ненормальному Багдадскому вору (порази шайтан его в поясницу!) украсть у великого эмира его новую наложницу. Теперь Ходжа понимал это кристально ясно…

– Будь по-вашему, о преступные умы, разрушающие в душах правоверных само понятие Закона и Правопорядка! Никому не дозволено безнаказанно нарушать установления Шариата! Ибо за такой великий грех нам нечем будет оправдаться перед Создателем, когда Азраил представит нас на суровый суд небес. Ради чего правоверный может пойти против воли эмира? Ну, разве что… ради денег. Ради горсти презренных золотых динаров, ради пропитания бренного тела и укрывания его от зноя, пыли и ветра – я готов пойти на столь ужасающий проступок, противный сердцу истинного мусульманина! Аллах всё равно не простит, но хотя бы поймёт… И не благодарите меня, ибо меньшим злом я искупаю зло большее! Я иду на поводу у вас, забывших честь и стыд, только из-за…

Проникновенная до колик, самозабвенная речь Ходжи оборвалась, когда он наконец пошире раскрыл глаза. Оказалось, что весь ораторский дар пропал впустую – его никто не слушал. Даже Рабинович! Все участники описываемых событий давно

сгрудились в противоположном углу, тихо, по-деловому обсуждая детали предстоящей операции. Домулло почувствовал себя идиотом… К тому же – лишним. После секундного размышления он решительно шагнул вперед и, растолкав всех, потребовал полного введения его во все нюансы плана. Как равноправного соучастника, разумеется…

Глава 52

Аллах любит храбрых! Но не при всех…

Непроверенный хадис.

Дворец эмира Багдада поражал двумя особенностями архитектуры: во-первых, филигранным изяществом и богатством отделки, а во-вторых, надежнейшими фортификационными свойствами. Внешне это напоминало расписанное под хохлому пушечное ядро – так же красиво и фиг чем расковыряешь. Ворота одни, из окованного железом привозного дуба; стены высотой под пять метров, гладкие и белые, как яичная скорлупа, никаких калиточек, форточек, дыр в заборе, а самое главное – везде стоит обученная, надменная в своей грубой массе стража. Как проникнуть внутрь – неизвестно… А самое неприятное, что никто из мятежников ни разу не был в самом дворце. Ну, Ахмед и Ходжа – понятно, а вот внебрачную дочь визиря туда тоже почему-то не пускали. Визирь был человеком пожилым, опытным и в чём-то даже порядочным: от ребёнка не отказался, деньгами помогал, но ввести в аристократические круги… увы, он тоже имел ограниченные возможности. Хотя обычно во всех восточных сказках визирей представляют хитрыми и коварными, эдакими управителями из-за спины султана, эмира или падишаха. Не будем спорить, наверное, почти везде так и было – только не здесь и не сейчас. Отец аль-Дюбины наверняка нашел бы причину наказать слишком ретивых драчунов из эмирской стражи, но отобрать у властителя Багдада какую-то сводную сестру своей дочери… С его точки зрения – это было глупой затеей. И, глядя на неприступную твердыню дворца, домулло вновь полностью разделил это мнение. Поэтому он ещё раз помянул «голубоглазого шайтана», громко цокнул языком и поторопил лошадей. Арба, гружённая шестью здоровенными кувшинами с маслом, споро пошла вперёд. Маленький ослик, привязанный недоуздком позади, зыркал по сторонам самыми воровскими глазами. Операция под кодовым названием «Ни дна ни покрышки» началась! Мы же с вами обозначим эту историю как: ***«Сказ о Багдадском воре, храброй девице аль-Дюбине, её возлюбленном Ахмеде, предусмотрительном Ходже Насреддине и похищении рыжеволосой танцовщицы!»*** Видите, на этот раз мы и домулло упомянуть не забыли…

Но вернёмся к делу. Две крепенькие лошадки, телега,

кувшины, масло и прочее были куплены час назад. Учитывая, что всю бухгалтерию компании вёл именно Насреддин, траты были минимальными, но качественными. Метод «троянского коня» предложил Лев Оболенский, остальные дружно проголосовали «за». И вот теперь к узорчатым воротам эмирского дворца, покачиваясь, приближалась добротная крестьянская арба с простоватым возницей в круглой тюбетейке и двумя диверсантами на борту.

– Куда прёшь, репоголовый?!

– На кухню великого эмира, о почтеннейший страж! – елейным голоском пропел Насреддин, мысленно вознося молитву за надёжность приклеенной бороды.

– Я что-то не видел тебя раньше… – Начальник караула попристальней всмотрелся в простодушное до туповатости лицо «честного декханина».

– А я масло привёз! Два кувшина подсолнечного, два гречишного и два кунжутного, – пустился перечислять Ходжа, по ходу дела сдвигая тяжёлые крышки. – Вот! Хорошее, свежее, вку-у-сное! Отведайте, уважаемый!

– Не надо. – Стражник брезгливо отодвинулся от сунутого ему прямо под нос черпака с тёплым маслом. – Проверьте телегу и обыщите этого глупца.

– Во всех кувшинах налито настоящее масло, только кунжутное не в двух, а в трёх, – спустя пару минут доложили охранники. – У возницы ничего нет, кроме засапожного ножа и трёх монеток.

– Поезжай. Свой нож заберёшь на обратном пути.

– А… э… почтен… уваж… благороднейший господин, а как же мои таньга?! – тоскливо взвыл Насреддин, с трудом удерживаясь от того, чтобы не запеть.

– Сказано же, получишь на выходе! С процентами… – хохотнули стражники, делая знак кому-то наверху. Ворота открывались долго и торжественно. – Поторапливайся, чёрная кость!

Ходжа не стал дожидаться повторного приглашения, прикрикнул на лошадок и махнул внутрь. За крепостной стеной оказался довольно обширный двор, мощённый белым кирпичом. Двое рослых нубийцев, с кольцами в носу, в бело-красных одеяниях, жестами показали, как свернуть на эмирскую кухню. Домулло попытался припрячь обоих к разгрузке, но они только угрожающе оскалили зубы и отвернулись. В народе поговаривают, что гарем владыки охраняется такими вот молчаливыми евнухами, не носящими никакого оружия, но голыми руками ломающими шею быку. Успешно делая вид, будто бы он здесь в

первый раз (а ведь, по сути, так оно и было), предусмотрительный Насреддин позволил себе объехать весь дворец вокруг, по периметру стены. Пару раз его сурово окликали, он униженно кланялся, тыча черпаком в кувшины с маслом, его вновь направляли на кухню, а он тихохонько делал своё дело. Насчитал около шестнадцати разных дверей, калиточек, чёрных ходов и четыре парадных подъезда в самом дворце. Это давало хорошую возможность ускользнуть, хотя вопрос выхода со двора за стену по-прежнему оставался весьма проблематичным… В целом здание имело два этажа, третий был уже выходом на крышу, где среди фонтанов и пышных оранжерей многочисленные жёны эмира совершали вечерний моцион. Понятия о численности гарема на Востоке всегда являлись предметом сложных этических споров. Одни утверждали, что мусульманину не подобает иметь больше четырёх жён, но охотно допускали разных наложниц, фавориток и даже просто «девочек, приятных глазу». Другие резонно возражали, что чётких указаний по этому щекотливому вопросу Коран не даёт, а значит, правоверный может брать столько жён, сколько в состоянии удержать. Удержать – это, видимо, в смысле – управиться. То есть не ублажать всех сразу в постели, а как-то по-хозяйски управляться со всем этим бабьим царством. Сколько конкретно жён, любовниц и прочих имел великий Селим ибн Гарун аль-Рашид – никто доподлинно не знал. Однако, раз уж верные нукеры периодически доставляли ему ту или иную красавицу, вакантные места всё ещё были…

Когда Ходжу обругали уже в шестой раз, он понял, что продолжать и впредь разыгрывать кретина становится несколько чревато. Поэтому, остановившись у кухонных дверей, привязал лошадок и долго препирался с главным поваром, требуя помощи квалифицированных грузчиков. В самом деле, объёмные кувшины вполне могли вместить взрослого человека и для их снятия с телеги потребовались усилия сразу шестерых невольников. Убедившись, что всё аккуратно составлено под специальный навес во дворе и посторонних наблюдателей поблизости нет, домулло три раза быстро стукнул в бок одного кувшина. Послышалась возня, плеск чего-то жирного, а потом на свет божий высунулась бритая голова заспанного Ахмеда. Похоже, бедного башмачника слегка разморило в тепле и тряске, но он быстро взял себя в руки. Осторожно покинув глиняное убежище, возлюбленный аль-Дюбины с достойной упоминания скоростью поменялся одеждой с домулло. Как и когда отвязался Рабинович, никто не заметил, и правильно. Сам Ходжа скрылся в том же кувшине (это было непросто, мешало упитанное брюшко), а расхрабрившийся башмачник приклеил себе всё ту же косоватую

бороду и взялся за вожжи. Благо народу на эмирской кухне было чем заняться, так что процесс смены «возницы» в целом прошёл незамеченным. А если кто, что, каким-то образом и углядел, то особого значения не придал… Муэдзин на вершине ближайшего минарета готовился огласить призыв мусульман к вечерней молитве. Пора бы и поторапливаться домой, ибо в лавке Ахмеда ждала страдающая от побоев, потери сестры и буквально раздираемая от любопытства Ирида аль-Дюбина. Её время вступить в игру еще не настало, хотя настырная девица уже морально готовила себя к очередному марш-броску. Ей действительно довелось отличиться, но об этом потом…

Не буду утомлять вас описанием выезда Ахмеда с территории эмирской резиденции, там, пожалуй, была пара прикольных моментов, но главное, что башмачник в конце концов всё-таки выехал. Отклеившуюся не вовремя бороду пришлось оставить в качестве военного трофея стражникам у ворот. Парень ловко выкрутился тем, что его дразнят «лысобородый», якобы поэтому он таскает с собой этот вечно сползающий «парик». Объясненьице весьма слабёхонькое, но здесь неожиданно прокатило. Правда, телегу лишний раз обыскали и деньги не вернули, но это мелочь, этого, в принципе, и ждали. Сколько времени пришлось сидеть в кувшинах Оболенскому и Ходже, тоже не существенно. Где-то часа четыре… Как и в любом приличном дворце, у багдадского эмира был свой ночной сторож, объявлявший каждый час стуком надоедливой колотушки. По ней и ориентировались скрюченные в три погибели аферисты. Если кто ещё не догадался, как именно они сидели, я охотно объясню. Кувшин большой, горлышко широкое, если поджать ноги и втянуть голову в плечи, то вполне уместишься. На макушку ставим пустую миску, плотно прижав её края к горловине, сверху льём масло. При беглом осмотре – эффект «полного» кувшина, ну а детально и скрупулёзно ребят, хвала аллаху, не обыскивали. Метод, в сущности, не новый, если помните, примерно так же сорок разбойников пытались проникнуть в дом славного Али-Бабы. Хотя лично мне кажется, что сидеть, поджав ноги, в полусогнутом состоянии, придерживая руками скользкую от масла миску на голове, – удовольствие ниже среднего. Это уж, простите, скорее для каких-нибудь терпеливых японских ниндзя, чем для русского вора из шумного Багдада. Ходже было полегче, он и в кувшине просидел меньше, и миску на башке не держал, всё и так обошлось. Когда ночной сторож объявил девятый час, то есть самое начало сумерек, под навесом у кухни стали происходить странные вещи…

Глава 53

Сквернословие – грех,
развивающий воображение.

Почти библейское
определение.

Крышка одного из кувшинов дрогнула, двинулась из стороны в сторону, потом вертикально приподнялась на месте – в проёме меж ней и горловиной сверкнули внимательные чёрные глаза. Жизнь на кухне к этому часу начинала стихать, что и работало на руку бессовестным нарушителям законов Шариата. Ибо в Коране сказано, что никто не может войти в жилище мусульманина, не испросив согласия хозяина. Ни Ходжа, ни тем более Оболенский этого делать не собирались. Наоборот, они оба намеревались навестить это самое жилище так, чтобы хозяин оставался в блаженном неведении относительно данного визита…

Выскользнув наружу, домулло долгое время приводил в порядок затекшие мышцы и оттирал кунжутное масло с сапог (башмачник Ахмед, вылезая, оставил миску в том же кувшине). Кое-как справившись с собственными проблемами, Ходжа обошёл все кувшины с условным стуком. Не отозвался ни один… Дежурно обругав всех шайтанов с белой кожей, голубыми глазами и русыми волосами, Насреддин уже предметно взялся за дело и мгновенно вычислил тот, внутри которого была некоторая пустота. Теперь уже он стучал посильнее…

– Кто там? – глухо ответил кувшин.

– Твоя четвёртая жена, о недогадливый внук прозорливого поэта! – раздражённо представился домулло и потребовал: – Вылезай!

– Ага… разбежался.

– Не понял?!

– Я говорю, фигу тебе, дражайшая жена номер четыре. Если хочешь, чтоб я честно выполнил свой супружеский долг, – сама сюда лезь!

– Лёва-джан, ты чего?! Не пугай меня, вылезай, ради аллаха!

– Да не могу же, чтоб тебя… – Далее длинная цитата непереводимых на арабский эпитетов и глаголов, относящихся скорее к тем позам Камасутры, которые, как правило, описываются на заборах и стенах общественных туалетов. Не поняв ни слова, но уловив общий эмоциональный накал, Ходжа сделал вывод, что у Оболенского какие-то проблемы. Торопливо

сняв деревянную крышку, он сунул голову в кувшин, но обнаружил лишь плотно прижатую к краям миску, в которую он собственноручно наливал подсолнечное масло.

– Левушка, вылезай, умоляю – вылезай, гад!

– Ох, блин горелый с саксофоном, да чтоб я… (Очередная цитата, по прослушивании которой Ходжа засомневался в добропорядочности собственной мамы.) Говорю же идиоту русским языком, что у меня… (Еще одна цитата, из которой Насреддин узнал о себе много такого, о чём и не подозревал даже в страшных снах.) Так нет чтобы помочь, он же ещё и издевается! Плюс ещё эта миска дебильная протекает, как… (Последнее, что понял домулло: впредь он никогда не будет покупать подсолнечное масло, ибо теперь точно знает, из чего и для чего его изготавливают…)

– Лёва-джан?

– Ну?

– Ты только не ругайся, ради аллаха, да?! Я думаю, у тебя просто всё затекло и ты даже пошевелиться не можешь. Ничего, такое бывает… Ты, пожалуйста, сиди тихо, я сейчас. – С этими умиротворяющими словами герой народных легенд огляделся по сторонам, подобрал близ кухни приличный чурбачок и что есть силы шарахнул в лоснящийся бок кувшина. Мелкие осколки так и брызнули во все стороны! А в окружении крупных кусков сидел скрюченный, наподобие Гудини, красный как рак Лев Оболенский. Багдадский вор с головы до ног был облит золотистым подсолнечным маслом, – видимо, от удара миска на его голове треснула окончательно.

– Вот приду в норму и дам тебе в глаз, – убеждая скорее самого себя, неуверенно пообещал Лев, но домулло не обратил на его угрозы ни малейшего внимания.

– Я своё дело сделал. Ты во дворце эмира, – сухо ответил он, скрестив руки на груди. – Теперь твоя очередь, иди и кради!

Оболенский, конечно, и в этом случае намеревался высказаться откровенно, со всеми вытекающими последствиями, но не успел… Мимо, едва не вписавшись в них, пронёсся на кухню молоденький поварёнок с пустым грязным блюдом в руках. Ходжа незамедлительно прикрыл ладонью рот друга, и оба изобразили некое подобие фонтанного ансамбля на тему: «Воспитанность затыкает пасть Сквернословию». Зрелище было весьма поучительным, но паренёк резво бросился обратно, не обращая на героев никакого внимания. Под мышкой у него был чистый поднос…

– Ну, так что, о мой гневный брат, будешь ты красть или нет?

– Буду, – хрипло признал Лев, со скрипом и скрежетом

разминая затёкшие суставы.

– Тогда пошевеливайся, пожалуйста! Ближе к полуночи эмир может возжелать мою прекрасную Ириду Епифенди.

– А почему это, собственно, твою?

– А потому, что у тебя уже есть луноликая Джамиля, вдова вампиров! – победно припечатал Насреддин, и Оболенский смолчал. При воспоминании о жарких ручках Джамили образ рыжеволосой танцовщицы показался уже несколько размытым.

– Леший с тобой… – подумав, объявил Лев. – Надо делиться.

– Кто со мной?!

– Э… ну, такой немытый степной дэв, только живёт в лесу и всем грибникам фиги из-за кустов показывает.

– А-а-а… понятно. Ты опять хотел меня оскорбить, да?

– Что-то вроде того… Ладно, я пойду, пожалуй, а ты жди здесь. Если что – кинь камушком в окошко. – Лев похлопал друга масленой рукой по плечу и, воровато оглядываясь, двинулся к ближайшей двери.

– Лёва-джан…

– Чего тебе?

– Прости, ради аллаха, что отвлекаю, но это вход на кухню. Гарем – вон в том крыле.

Оболенский обернулся, пристально поглядел Ходже в глаза, сарказма или иронии не обнаружил и, сочтя сказанное дружеским советом, развернулся на сто восемьдесят градусов.

– Если до рассвета не вернусь – не жди. Бросай меня и уходи согласно оговоренного плана.

– Как скажешь, друг. Не жду, бросаю, ухожу…

Лев с трудом подавил искушение обернуться вторично. Он шёл вдоль здания дворца, неспешно укрываясь в темных уголках от случайных взглядов ночной стражи. Знаете, я, например, верил ему безоговорочно.

Не из-за того, что мой друг такой уж наичестнейший человек (нет, он охотно прихвастнёт ради красивого словца), а лишь из соображений железной логики. У великого эмира хватало охраны, но будь вы на его месте – разве бы пришло вам на ум беспокоиться и проверять замки в гареме, когда вокруг вас сотни верных слуг? Дворец стоит в центре Багдада, улицы патрулируются гвардией Шехмета, на дворцовой стене разгуливают неусыпные стражи, внутри бодрствуют верные нукеры, да за спиной как тени маячат молчаливые телохранители. Конечно, была одна маленькая причинка – в городе якобы объявился Багдадский вор… Но это сведения непроверенные, и уж в любом случае ни один вор ещё не сошёл с ума настолько, чтобы грабить самого эмира! Стянуть кошелёк с

золотом гораздо проще и безопаснее у какого-нибудь простофили на базаре. Селим ибн Гарун ал-Рашид ни за что бы не поверил, что именно этот вор не пойдет на базар. Как не поверил бы в то, что его сегодняшняя «игрушка» может и не испытывать щенячьего восторга от перспектив, уготованных ей судьбой. Эмир не намеревался украшать свой гарем безродной танцовщицей, просто иногда ему хотелось чего-нибудь эдакого, уличного, простонародного… Но мы, кажется, отвлеклись?

Итак, стражники на стенах Льва не видели, они, как и положено, взирали сверху на засыпающий город. Слуги и невольники тоже ничего не замечали, ибо Оболенский вдруг открыл в себе новую способность – по-хамелеонски сливаться с окружающим интерьером. Один раз он нагло прошёл большой освещённый участок, молча помогая какому-то служаке тащить большой ковёр. А в другой – так вообще промаршировал с десятком стражников, опустив голову и семеня за ними след в след, так что любой принял бы его за законно арестованного. Скорость движения Оболенский развил просто невообразимую благодаря тому же подсолнечному маслу. Теперь он ласточкой скользил по полированным кирпичам двора, неслышно огибал повороты и без напряжения протискивался в самые узкие двери…

Гарем нашёлся не сразу. Нет, если бы там над входом висела аккуратненькая табличка: «Гарем эмира. Приёмные дни – среда и пятница, с 10 до 20 часов. Посторонним вход воспрещён», тогда другое дело. А так, несмотря на разведданные скрупулезного Насреддина, найти нужное помещение оказалось не так просто. А проникнуть внутрь и того сложнее… Перед дверями стояли два неулыбчивых нубийца, тупо уставясь пустыми взглядами на алюминиевый полумесяц, интимно строящий рожки из-за главного купола дворца. Ошибка Оболенского заключалась в том, что он наивно счёл обоих обыкновенными евнухами…

– Здорово вечеряли, казаки! – бодро начал Лев, не скрываясь выходя им навстречу. – А я тут сегодня главный врач-гинеколог. Доктор, лекарь, знахарь и повивальная бабка в одном лице. Мне в гарем, по делу, срочно!

Нубийцы вообще не были евнухами (в смысле, толстыми кастратами с писклявыми голосами…). Эти двое лишились только языков и служили скорее для охраны от чрезмерно любопытных слуг, так и норовивших хоть одним глазком посмотреть на прекрасных жён эмира. Особо удачливые лишались глаза, не особо – жизни.

– Эй, братаны! Вы чё?! – неискренне завозмущался Лев, когда чернокожие, молча вытянув руки, взяли его в клещи. – Я ж без дураков говорю, что доктор! Меня эмир послал! У трёх его

супружниц внеплановые месячные, в белом ходить не могут, а танцевать хочется… Эй, эй, эй! Когти прочь от нетрадиционной медицины!

Бесполезно… Сейчас он мог бы орать что угодно, но недолго. Нубийцы знали своё дело и бросились на незваного гостя с чисто звериной грацией. Лев так и не понял, почему и как он выскользнул… Видимо, сила душителей была очень велика, а слой масла на халате Оболенского достаточно обилен. Охрана валялась рядом, стукнувшись друг с другом лбами, а Багдадский вор, выскочивший из их лап, как скользкий обмылок, неожиданно услышал мелодичный смех у себя над головой. Откуда-то сверху, со второго этажа, бесшумно спустилась верёвочная лестница, и округлая женская ручка зазывно поманила в окно…

– Гарем! – восторженно прорычал Лев Оболенский, делая первый шаг…

Глава 54

Застенчивая стриптизёрша раздевается дороже.

Знание, помноженное на практику.

Каждый раз, когда я просил своего друга вернуться к этой щекочущей воображение теме, – глаза Льва подёргивались романтической поволокой. Его супруга Маша подобных рассказов не одобряла. Причём исключительно потому, что упрямо считала их плодом больного воображения мужа. Если бы она хоть на минуту поверила, что всё это было всерьёз… Нет, Машенька – умница, милейший человек и добрая душа, а посему ни мне, ни Льву не хотелось огорчать её ни малейшим образом (и мы беседовали на кухне, за чаем, полушёпотом плюс при включённом радио).

– Андрюха, гарем – это что-то… Вот веришь – нет, а я ведь там не один день провёл – впечатлений на всю жизнь! Я не ангел… Скорее, даже наоборот.

Да, чёрт побери, не сексуальный маньяк, но присутствие хорошенькой женщины, и не в моих руках, – это уже оскорбление! Я всегда старался, как мог, и «оскорбляли» меня не часто… Но дело не в этом… Гарем, он… в общем, вот как бы тебе на примере объяснить… Ты женщин завоёвывал?

– В смысле, брал на поле боя под угрозой пулемёта?!

– Очень смешно… Я имею в виду, ты ведь ухаживал, дарил цветы, кормил мороженым, короче – соблюдал всю необходимую в деле охмурения процедуру и, в конце концов, брал своё, так?

– Ну… где-то как-то вроде того.

– Так вот, а в гареме всё иначе. Скажи, только честно! Лично тебя когда-нибудь хотели три красавицы сразу? Кидали на подушки, раздевали на месте, целовали во все места и отдавались со страшной силой?! Причём ни разу не поинтересовавшись твоим мнением (типа: устал на работе, голова болит после вчерашнего и очень спать хочется…).

– Н…нет, пожалуй, такого не было.

– А у меня – было!

Лев не знал, куда он лезет, не имел ни малейшего понятия о том, какой приём ему готовят там, наверху, и всё-таки лез. О эта необъяснимая русская вера во «что бог ни делает – всё к

лучшему»! О эта святая мужская простота, когда все судьбоносные решения принимаются не головой, а её уменьшительно-ласкательным прозвищем! О этот незыблемый дух собственного превосходства и неистребимого романтизма, толкающего нас проверить каждый разрез, измерить каждое декольте и заглянуть в каждую… Братья мужчины, будьте хоть чуточку осмотрительнее! Просто Багдадский вор нарвался на чрезвычайно отзывчивых и истосковавшихся по ласке юных жён эмира, а попади он двумя комнатами южнее… В том углу жили первые, то есть уже постаревшие и озлобившиеся, настолько верные тётки – кастрировать могли запросто! А тут, по словам Оболенского, он выполз в общий коридор где-то примерно через час-полтора, оставив позади сразу трёх, едва мычащих от умопомрачающего экстаза, гурий. Имён он не знал, они и не пытались представиться, но то, что это были именно гурии, – факт бесспорный! Ибо делали они с ним то, что, по убеждению всех мусульман, делают настоящие гурии в раю с настоящими праведниками…

Из всей одежды Оболенскому удалось захватить лишь тюбетейку. Впрочем, душа его пела, и когда дрожь в ногах немного прошла, он горделиво ускорил шаг, водрузив головной убор на приличествующее ему место. В смысле, на макушку… Общее здание гарема занимало два этажа и подразделялось на несколько помещений. На первом этаже: баня, столовая, кухня, комната для молитв и большой гостиный зал для собеседований. На втором этаже: уединенные комнатки-спаленки, отделённые друг от друга толстыми стенами. Это на случай, если венценосный супруг возжелает сам навестить какую-то из жён, а не призвать её в свои покои. Ну, короче, если будет эротический шум и вопли, чтоб прочие супружницы не захлебнулись слюной от зависти… Естественно, стража присутствовала только у входа на первый этаж, войти наверх мог исключительно эмир. Так что Льву в коридоре опасаться было некого, разве вновь доведётся попасться в нежные женские объятия.

– Нет, нет и ещё раз нет! – строго напоминая самому себе, бормотал наш герой, идя неизвестно куда. – Джамиля – чудная девушка, и я не хочу обижать её мелочными изменами. Один раз – это ещё куда ни шло… В конце концов я же был захвачен врасплох и даже чуточку посопротивлялся… Но второй раз – категорически нет! Я занят, у меня срочное дело, на меня возложены большие надежды и… черт! Можно подумать, мир перевернется, если я тут немного задержусь?! О аллах, ты меня поймёшь… Это ведь гарем! Когда ещё доведётся…

Но, увы и ах, этой ночью ему довелось испытать совсем

другое. Пройдя весь коридор от начала до конца, Оболенский не обнаружил ничего, кроме лестницы, ведущей вниз, и закрытого с обратной стороны входа (или выхода?). Ладно, это не принципиально… Главное то, что Льву пришлось вернуться назад, и вроде бы у одной двери его слуха коснулся знакомый перезвон ножных браслетов.

– Тук-тук, кто в тереме живёт? Не пугайся, Иридушка, это всего лишь я! – Как утверждал Оболенский, с этими словами он вошёл. Просто вошёл, благо не заперто. Просто сказал, ничего такого не сделал, и почему рыженькая танцовщица бревном рухнула на пол, так и не понял. Хотя она ведь тоже не сразу потеряла сознание, сначала покраснела, потом побледнела, потом попыталась прикрыть ладошкой глаза, но не успела, тогда и повалилась навзничь. Не на шутку перепуганный Лёвушка кинулся её поднимать, уложил головой себе на колено, похлопал по щёчкам, и девушка вроде бы на секунду очнулась. Очнулась, спросила: «Где я?», скосила глазки, увидела где и отвалилась заново. Гроза Багдада был в полном недоумении…

– Ирида! Солнышко наше кучерявенькое, вставай, а?! Там на улице Ходжа дожидается, сестра твоя с ума сходит, а ты тут разлеглась… Вот уж не знал, честно говоря, что все танцовщицы такие припадочные!

– Не все… – едва слышно пролепетала девушка, не раскрывая глаз.

– Очнулась?! Ах ты ж моя умничка! Ну, вставай, надо рвать отсюда, не оглядываясь. – Лев встал и одним могучим рывком поставил маленькую красавицу на ноги. Глаза она по-прежнему не открывала, даже наоборот – зажмурилась что было сил.

– Вы Багдадский вор – Лев Оболенский?

– Ага, он самый! Минуточку, ты что же, не узнаёшь меня, что ли? Протри светлые очи, подружка, только вчера вместе пили!

Вместо ответа Ирида отрицательно помотала головой. Лев опять ничего не понял и, уверенно взяв её за руку, потянул к дверям, но девушка удивительно легко вырвалась.

– Ты чего?!

– Я никуда не пойду.

– Ах вот оно что… – медленно и певуче протянул знаток женских душ, для которого неожиданно всё стало на свои места. – Ага… теперь-то мне всё ясненько… Конечно, кто для тебя какой-то там Насреддин – преступный элемент, изгой, гонимый ветром легенд литературный персонаж. Не чета вашему эмиру, разумеется! Да я не в претензии, каждый устраивается, как может… Раз тебе в гареме лучше, о чём говорить?! Мне глазки строила, Ходже улыбалась, так и эмира охмуришь – он тебя

наутро любимой женой вне очереди назначит. А мы уж, извини, для такой чести компания неподходящая… Как говорится, стражу не позвала – и на том спасибо!

– Я не могу…

– И не надо! Я уж сам как-нибудь отсюда выберусь, без провожатых… Что сестре-то передать? Или ну её на фиг… Оно, знаешь, правильнее будет – зачем жене эмира внебрачную дочь визиря в сродственницы принимать? Далеко пойдёшь, свет Епифенди, ой далеко!

– Не-е-т!

– Что орёшь? Ну нет так нет… Не хочешь далеко ходить – не надо. В последний раз спрашиваю, ты со мной или как?

Девушка долгую минуту молчала, напряжённо морща носик, потом всё-таки решилась и, повернувшись ко Льву спиной, выпалила всё как на духу:

– Я не могу с вами пойти, потому что вы весь голый!

– Кто, я?! – не сразу поверил Лев, лихорадочно проверяя, а на месте ли верная тюбетейка. На месте, хвала аллаху… Но кроме неё ничего другого обнаружено не было. Он вынужденно признал правоту девушки. – Ладно, каюсь… Были форс-мажорные обстоятельства и… и… и потом, у меня всё равно весь халат бесповоротно испорчен подсолнечным маслом! Твой Ходжуля подсуропил, кстати… А у вас тут нигде лишних шаровар не завалялось?

– Нет.

– Да ты хоть глаза открой и посмотри хорошенько!

– Не буду я глаза открывать! – почти срываясь на слезы, взвизгнула девушка. – Потому что вы голый, а Шариат запрещает смотреть на голого мужчину!

– Я в тюбетейке… – нервно огрызнулся Лев, ему и самому уже стало как-то неудобно. Пошарив по комнатке, он вытащил полупрозрачные газовые ткани, три раза обмотал себя вокруг пояса и вполне удовлетворился осмотром.

Стыдливая Ирида, мельком глянув на приодевшегося Багдадского вора, коротко всхлипнула и вновь повернулась спиной:

– Все равно…

– Что всё равно? Сейчас-то чем я тебя не устраиваю?!

– Всё равно у вас всё видно…

Ответить Лев не успел, хотя уже набрал полную грудь воздуха для гневной отповеди, – в коридоре раздались возбуждённые голоса:

– Эмир! Радуйтесь, ибо наш муж пришёл к нам!

Глава 55

Вернулся муж, а я без парашюта.

Памяти В. Вишневского.

А скромный полуголый герой почему-то сразу почувствовал, что Селим ибн Гарун аль-Рашид несколько не в духе. У владыки Багдада, надо признать, были причины для плохого настроения. Являясь просвещённым монархом, он время от времени переодевался в платье простолюдина и разгуливал по базару, слушая, как народ восхваляет его правление. Естественно, заблаговременно предупрежденная стража Шехмета, так же переодевшись, ненавязчиво охраняла эмира от всяких малоприятных неожиданностей. Со стороны это выглядело очень впечатляюще: десяток откормленных мордоворотов в нищенских лохмотьях, распихивая прохожих, повсюду сопровождал невысокого, худенького декханина средних лет, с набриолиненной бородкой и ухоженными руками. Народ тоже быстренько просёк это дело, и везде, где только появлялся переодетый эмир, начиналось шумное, едва ли не хоровое, вознесение до небес его социальной политики. В результате каждый получал, что хотел: эмир – удовлетворение, народ – разрядку, ибо после таких похвал увеличивать налоги было уже как-то неудобно…

Вот в один из безоблачных от общегородской лести дней великий и могущественный Селим ибн Гарун аль-Рашид увидел на базаре танцующую девушку. Ее милое личико слегка прикрывала полупрозрачная вуаль, шаровары и расшитый жилетик почти не скрывали стройную фигурку, и, посоветовавшись с ближними сопровождающими, эмир решил взять танцовщицу во дворец. Ему казалось, что это очень хороший и мудрый шаг – в народе будут говорить, что их повелитель скромен, доступен и не чванлив, раз берёт себе в постель первую же базарную девку. Ошибка была лишь в том, что Ирида Епифенди таковой не являлась. Да и сами багдадцы вряд ли сочли подобный произвол свидетельством простоты и демократии…

Но причина плохого настроения именно сегодня была совсем в ином – город полнился слухами о неуловимом Багдадском воре. За последние несколько дней его видели многие, его деяния превращались в легенды, его голубыми глазами бредили

женщины, его ловкость и безнаказанность воспевали бродячие акыны, его приметы были столь значимы, что не узнать такого человека на улице было просто невозможно, а он всё равно оставался неуловим… Он обокрал караванщиков Бухары, он надсмеялся над городской стражей, бежал из зиндана и дважды грабил самого Шехмета; он опозорил подающего надежды Али Каирского, расстроил его брак и изгнал Далилу-хитрицу вместе с дочерью; он постоянно уходил из суровых рук закона, и некоторые отдельные неблагонадёжные мусульмане даже смели ему… сочувствовать! А ведь в Багдаде уже почти установился истинный порядок… Назойливые мысли о наглом воре не давали эмиру спать, и даже когда преданные нукеры доложили о доставке во дворец рыжеволосой красавицы с базара, эта приятная новость всё равно не была достаточной для полного успокоения души. Конечно, здесь было где порадоваться телу, но… Сиюминутное удовлетворение чисто мужских потребностей с новой игрушкой не могло соперничать со жгучим желанием собственноручно содрать кожу с бесстыжего нарушителя основных заповедей Корана. Но ладно, пусть неотвратимое возмездие подождет, а пока на маленькую танцовщицу следовало взглянуть поближе. Каково же было удивление эмира, когда у самых дверей хранимого Аллахом гарема он обнаружил двух бессознательных охранников! Причём бедные нубийцы валялись так, словно какой-то дэв-великан стукнул несчастных лбами, как шкодливых котят. По одному знаку владыки гарем со всех сторон окружили бдительные нукеры с ятаганами наголо! А сам Селим ибн Гарун аль-Рашид осторожненько постучал в дверь…

– Да, наш господин? – счастливым хором взвыли все жёны, наложницы, сожительницы, любовницы и фаворитки эмира, гроздьями высовываясь из окон второго этажа.

– Кыш, бесстыдницы! Разве вы не видите, сколько здесь посторонних мужчин?! А вы куда уставились, негодяи?! Разве вы не видите, что это мои жёны?!

– Да простит нас Аллах… – пряча улыбки, ответили верные стражи, а женщины с упоённым визгом задёрнули занавески. Эмир постоял, подумал и решился на новый вопрос, не очень умный…

– О женщины, нет ли в моём гареме незнакомца?

Ответом послужила долгая минута недоуменного молчания, а потом началось такое… Вой перепуганных и оскорблённых женщин был так громок, что под ногами нукеров задрожала земля. Некоторые опустили ятаганы, наиболее впечатлительные падали ничком, закрывая ладонями уши, а сам владыка Багдада едва не опрокинулся навзничь, хватаясь обеими руками за

спрыгнувшую с головы чалму. Увы, ей не удалось спастись бегством… Призвав на помощь всю силу воли и терпение, умудренный опытом жития с пятьюдесятью женами сразу, Селим ибн Гарун аль-Рашид безуспешно пытался переорать несчастных. (Или счастливых? Ведь что ни говори, а посторонний мужчина в гареме – это какое ни есть развлечение для его обитательниц…) Но вернёмся к попыткам эмира – они были сколь старательны, столь и бесполезны. Вой не прекращался!

А истинный виновник всей суматохи стоял в комнатке базарной танцовщицы Ириды, с лицом белее алебастровых стен и нервно дрожащими коленками. Лев лихорадочно соображал, куда и как удрать? Прыгать из окна второго этажа – глупо, там ждут стражи с острыми саблями, а выходить через единственную дверь первого этажа – прямо в тёплые объятия ревнивого мужа – тоже не намного умней… Тем паче что благодаря трём безымянным плутовкам Багдадский вор уже осчастливил хозяина гарема добротными, слегка разветвлёнными рогами. Мысли путались в голове, стукаясь, пихаясь локтями и яростно наскакивая друг на друга. Спокойно и хладнокровно вела себя лишь одна, чинно стоящая в уголочке, мысль о том, что времени становится всё меньше и меньше. Рано или поздно муж и жёны придут к взаимопониманию, в пять минут обыщут всё здание и с позором выдадут связанного шёлковыми ленточками блудливого внука дедушки Хайяма. Который, кстати, так и не узнает, где сгинул его воспитанник, ибо тайны гарема хранятся строго, а нарушители его покоя покоятся тихо. Если вы поняли, что я хочу сказать… Если не совсем, то поверьте мне на слово – Льву в ту минуту действительно было страшно.

– Они убьют вас.

– А? Что?! Кто? Эти?! Кого?! Меня-я???

– Обязательно убьют, – бесцветным, утешающим голоском продолжила маленькая Епифенди. – По законам Шариата безумец, опозоривший гарем владыки, подлежит немедленной казни. А также все жёны, что попались ему на глаза и были этим безвозвратно обесчещены…

– Да что ты… Их тоже поставят в угол?! – удачно, как ему показалось, съязвил Оболенский.

Девушка повернулась и в первый раз без смущения глянула ему в глаза:

– Нас обезглавят или утопят.

– Бред собачий!

– Так поступали всегда. Меж смертью и позором достойнейший выберет смерть.

– Угу… Офигенно нравится мне ваша толстовская политика

непротивления! – посерьёзнел Оболенский, и меж его бровей легла упрямая складка борца до последнего. – Короче, ты тут, конечно, как хочешь, а я пошёл домой.

– Там вооруженные люди. – Танцовщица мельком глянула в окно. Лев отважно (или безрассудно) пожал плечами. – Но выход только внизу, а там – эмир.

– Отлично, вот наконец и познакомимся! Так ты со мной?!

– Нет.

– Почему? – уже начал заводиться Оболенский, сам отвечая на свой вопрос. – Потому что я опять голый?! О, трах тибидох трах, чтоб не сказать крепче! Чёрт с тобой, где там завалялась моя старая одежда? Но имей в виду, она вся так пропитана маслом – хоть выжимай, и я наверняка буду оставлять жирные пятна на паркете… Устраивает?

Рыженькая Ирида осторожно кивнула. На всякий случай, так как особой уверенности у неё всё равно не было…

Глава 56

Гарем – это серпентарий из любящих жен.

Автор неизвестен.

Эмир у входа тоже пребывал в заторможенном состоянии. С одной стороны, так и не мог перекричать своих женщин, а с другой – что толку на них орать, если логического разрешения ситуации всё равно днём с огнём не сыщешь. Ведь вроде бы всё просто – зайди в гарем, самолично проверь помещение и, если там кто есть, – хватай злодея за шиворот да тащи в шариатский суд. А лучше – руби его тут же, на месте преступления… Оставалось одно «но» (честно говоря, их было два, просто второе вытекало из первого…). Вдруг этот Багдадский вор действительно там и вместо того, чтобы покорно склонить голову перед мощью закона, вздумает оказать сопротивление? Если он действительно так силён и страшен, то в одиночку выходить на такого преступника – опасно! Лучше заручиться поддержкой проверенных слуг и послать их вперёд, а уж самому появиться в нужном месте в нужный час для совершения акта последнего приговора. Вот тут-то вступает в дело второе «но», плавно проистекая из первого – если пустить нукеров в гарем, то получится, что они своими нескромными взглядами обесчестят всех пятьдесят жён! Что же потом, казнить и нукеров, и супружниц чохом?! Идея показалась настолько привлекательной, что эмир даже отвлёкся от мыслей о штурме. Любимые женщины старательно продолжали всё тот же ор, в полной убеждённости, что от их верноподданнического воя сердце их общего мужа полнится непередаваемой радостью.

– Я войду туда и за уши вынесу голову негодяя, скрывающегося в моём гареме!

– Но, владыка мира, а если там никого нет? – резонно уточнил кто-то из приближённых царедворцев. Ответить эмир не успел, так как четверо молодцов поставили пред его грозные очи вырывающегося Ходжу Насреддина:

– О великий и сиятельный, мы поймали этого человека за битьём окон во дворце!

– Кто ты такой?! – гаркнул эмир.

– Не слышу! – нагло ответил домулло, указуя кивком головы на заходящийся воплями гарем.

– Я спрашиваю, кто ты такой, недостойный червь?! – едва не

срывая глотку, проорал глава Багдада. Насреддин поморщил лоб, имитируя работу левого полушария, и откровенно доложил:

– Просто прохожий. Гулял себе под луной, смотрел на звёзды, слушал пение соловья о его неразделённой любви к прекрасной розе…

– Ты лжёшь!

– А что, нельзя?!

– Казнить паршивца!

– Что сделать?! – оттопыривая уши, переспросили нукеры. Эмир медленно начал наливаться багровой краской…

– Я сказал, отрубите ему голову-у-у!!!

– Не надо… – вынужденно буркнул Ходжа.

– Что?! – не расслышал эмир.

– Я говорю: не надо-о-о!

– Почему-у-у?!

– Потому что я – Насредди-и-н! Друг Багдадского вора-а, легендарная личность и герой народных анек-дото-о-ов!

– О-о?! – даже удивился Селим ибн Гарун аль-Рашид. – Так, значит, это ты и есть? Ну тогда, конечно, мы не можем тебя вот так, сразу, обезглавить… Мы посадим тебя на кол посреди базарной площади, где ты будешь, извиваясь от боли, славить моё имя!

– На всё воля Аллаха… Так я пойду?

– Куда?!

Если бы не бдительные стражи, Ходже почти наверняка удалось бы выкрутиться.

– Но вы же сами сказали, что пока я не нужен. Посижу вон там, в уголке…

– Ах ты, бесстыжий нахал! Паршивый шакал с раздвоенным языком змеи! Говори сейчас же, где прячется твой жалкий соучастник, и, быть может, мы одарим тебя лёгкой смертью!

– Ну, так сразу я не могу… – замялся Ходжа, опустив глаза долу. – Мне надо осмотреться, покажите-ка, где тут у вас что и как.

Пожав плечами, стража указала на двух всё ещё не пришедших в себя нубийцев и воющее здание «женского общежития».

– Угу, клянусь бородой пророка, здесь не обошлось без проделок Багдадского вора. Даю руку на отсечение – он и сейчас находится в вашем гареме!

– Ничего не слышу… – простодушно развёл руками эмир.

Насреддин поманил к себе ближайших стражников, и те под его началом хором проорали:

– Баг-дад-ский-вор-в-ва-шем-га-ре-ме!!!

От такого громогласного известия притихли даже заинтересовавшиеся жёны.

– Кто у нас в гареме? – тихохонько полюбопытствовал тонкий голосок со второго этажа.

– Баг-дад-ский-вор! – ещё раз продекламировали нукеры, виновато косясь на обалдевшего владыку.

– Ой, мамочки-и… – томно вздохнули три голоса сразу. И все почему-то поняли, что это значит…

– Я убью его! – визгливо поклялся эмир. – Принесите мой самый большой ятаган!

– И доспехи! – твёрдо добавил домулло. – Щит, шлем, кольчугу, копьё, кинжал и лук со стрелами. О вас же забочусь, о великий и блистающий в гневе… Мой друг силён, как снежный барс, просто так вам ни за что его не одолеть.

– Может быть, взять боевого коня? – призадумался Селим ибн Гарун аль-Рашид, но Ходжа дружески отсоветовал:

– Не стоит, о мудрейший… Гонять лошадь взад-вперёд по всем этажам, да ещё заглядывая под каждую кровать в каждой комнате?! Клянусь аллахом, это лишнее…

– Но как я могу доверять тебе?

– Его дед, – домулло ткнул пальцем в сторону гарема, – когда-то написал:

Если глупый лекарство даёт тебе – вылей!
Если мудрый подаст тебе яду – прими!

А я отнюдь не глупец…

– Из тебя вышел бы хороший царедворец, – поджав губки, процедил эмир, – но я всё равно посажу тебя на кол, а с твоего друга сдеру кожу. Ну, чего же вы ждёте, лентяи?! Слышали, что он сказал? Принесите мой парадный доспех, и живо!

Выдрессированные слуги бросились выполнять приказ уличного бродяги, подтвержденный волей самого властелина Багдада. Но пока они бегают туда-сюда, у нас есть пять минут свободного времени, и мы вполне успеем посмотреть, где в настоящий момент скрывается думающий виновник всего переполоха. Думающий – это потому, что рыженькая Ирида ушла на поиски Лёвиной одежды, а сам Оболенский ходил взад-вперёд по комнатке и стучал себя кулаком в лоб.

Или по лбу? Ладно, ему без разницы, а нам тем более… Главное, что он изо всех сил пытался найти достойное разрешение сложившейся трагикомедии. Причём ритуальное харакири его никак не устраивало…

– Вот, почтеннейший, я нашла! – Впорхнувшая в дверь

танцовщица аккуратно сложила промасленный халат и шаровары у ног углублённого в себя Багдадского вора. – Только мне надо руки чем-нибудь вытереть…

– Ха… убедилась?

– Да, уважаемый. Вы были правы, это никак нельзя носить. Масло так и сочится…

– Вот видишь.

– А я-то ещё думала, с чего это у вас такая блестящая задн… ой! Прошу прощения! Вы весь такой блестящий…

– Неприятно… – скорбно откликнулся Лев, – ходишь везде, поскальзываешься, и вообще… Кстати, чем у нас прочие обитательницы занимаются?

– Пока все собрались на втором этаже, в конце коридора, ждут указаний светлейшего эмира.

– И сколько их там?

– По-моему, человек пятьдесят, – припоминая, Епифенди вскинула бровки и почесала за ушком, – но точно не знаю, я ведь здесь новенькая.

– Хм… пятьдесят, это, пожалуй, много.

– Увы, если эмир прикажет жёнам выкинуть вас из окна – они справятся. Вы сейчас – как между молотом и наковальней…

– Да, вроде бы не ядерная война, а всё равно хреново, – деловито согласился Лев, и нездоровый блеск в его глазах показался девушке чуточку опасным. – Значит, если их попросят, то они меня отсюда турнут? Да ещё и всем коллективом, конечно… Постороннему мужчине в гареме не место! Это хорошо, это даже правильно, это просто прелесть какая-то…

– Что с вами, почтеннейший?! – настороженно подобралась маленькая Ирида, глядя, как Оболенский хватает с пола испорченную одежду, потрясая ею в воздухе.

– Они ждут приказа эмира? Да я сам их попрошу! И клянусь бородой… этого… вашего… Гызра!

– Хызра, – автоматически поправила танцовщица.

– Короче, уж мне-то они не откажут!

На персидский ковёр падали тяжёлые капли подсолнечного масла…

Глава 57

Красота мужчины на конце его копья!

Арабская пословица с намеком.

Вот ей-богу, это был один из немногих случаев, когда я категорически отказывался верить Оболенскому. На мой взгляд, способ, каким они выбрались из, казалось бы, совершенно безвыходного положения, оказался настолько прост, что первоначально даже не укладывался в голове. Может быть, я чересчур подозрителен, может быть, просто переутомился или перечитал фантастики, но всему же есть разумные границы! Если верить Льву, то эмир Багдада был человеком весьма недалёкого ума, отличавшимся редкостной скрупулёзностью и требовательностью в соблюдении буквы закона. Да что там буквы… он мог прийти в бешенство от неправильного толкования какой-нибудь запятой! А ведь именно это и дало возможность нахальному Багдадскому вору смыться. Или вот нукеры, стражники и слуги – неужели они так уж слепо и безоглядно выполняли любое указание начальства? Ведь стоило им проявить хоть чуточку неповиновения и личной инициативы – моего друга сграбастали бы как миленького! А жёны? Вряд ли гарем является местом строгого содержания пятидесяти дур одновременно! Нет, я отнюдь не отличаюсь махровым мужским шовинизмом и как раз уверен, что женщины точно знают, чего хотят. А хотели они немногого – глотка свежего воздуха свободы и скромненького домашнего бунта. Нет, не кровавой революции, упаси аллах! Просто так, немножечко, чуть-чуть, маленький мятежик на чисто бытовом уровне… Лев долго уверял меня, что на Востоке свои законы: например, за невыполнение приказа, приведшее ослушника к победе, – ему сначала отрежут уши, а потом наградят новым седлом. Стоит ли игра свеч?! Вот и я о том же… Так что в этой истории все действовали в строгом соответствии с законами Шариата, а потому виноватых просто не было. Не верите, убедитесь сами…

– Что я должна сделать?

– О несложившаяся балерина багдадского канкана! Повторяю в пятый раз – иди и скажи им, что я – здесь!

– Ясно. Но ведь они побегут на вас смотреть?

– Это нам и нужно.

– А если они захотят вас побить?

– Это предусмотрено планом операции, даже больше – именно на факт битья мы и делаем основную ставку.

– Мы?

– Я. Ты стоишь позади всех, как бедная родственница.

– Как кто?!

– Не важно, главное, когда все выйдут – сразу дуй к воротам, там тебя будет ждать Ходжа.

– А как же вы?

– Я выберусь сам, я скользкий. Все поняла?

– Да.

– Тогда – вперёд.

– Куда?

– В конец коридора, к прочим жёнам!

– А что я там буду делать?

– О-оу-у, ВАЗ, УАЗ, МАЗ, КАМАЗ – язви тебя в карбюратор!!!

Ириду Епифенди снесло наверх взрывной волной, словно растрёпанного воробышка. Лев, с трудом уняв рвущийся с языка эмоциональный стресс, злорадно подумал, что домулло будет очень весело с такой хохотушкой. Он ещё раз выкрутил обеими руками свой настрадавшийся халат, выжимая на гладкий мраморный пол последние капли масла. Коридор первого этажа, от лестницы до входных дверей, имел свободного пространства метров восемь – десять. Из них последние пять были обильно политы подсолнечным маслом. Сам Лев бочком прогуливался по узенькой сухой кромке впритык к двери. А с той стороны доносились звуки не менее содержательного диалога…

– Теперь хорошо?

– Изумительно, храбрейший из отважнейших! Но что вы собираетесь предпринять?

– Как что, приблудный сын шелудивой собаки?! Войти в свой гарем и ятаганом вытащить печень у твоего дружка!

– Вай мэ… как это мудро! Куда же ему без печени – люди засмеют… Но, мой эмир, я лишь хотел узнать, как именно вы будете его убивать – ведь негодник очень хитёр!

– Сначала я всажу в него все пять стрел, как пять сур Корана. Потом проткну его шаурменским зазубренным копьём, после чего изрублю дамасским ятаганом, зарежу кривым пакистанским кинжалом и больно ударю по голове круглым шитом с двадцатью семью серебряными шишечками! Что скажешь? Что вы все скажете, а?!

– Ва-а-а-а-х… Велик и прекрасен наш эмир, но нет ничего страшнее его гнева – от такого любой вор точно умрёт! Мы бы

умерли…

– Ха! Медноголовые дети глупцов, даже я и то умер бы! А ты почему молчишь, бессловесный чурбан для колки дров?!

– Я не молчу… я… я… Га-га-га!!!

Не вовремя расхохотавшийся Ходжа тут же получил по спине древком эмирского копья. Больно, но смех оказался сильнее… В этот момент срывающийся девичий голосок, звеня от напряжения, оповестил весь гарем:

– Внизу, у входа, стоит сам Багдадский вор!

Прежде чем Селим ибн Гарун аль-Рашид успел осознать, что это значит, толпа женщин, с рёвом и топотом, ломанулась по лестнице со второго этажа на первый. Что же предстало их взглядам? Практически голый Оболенский нагло расхаживал на цыпочках, приплясывая в неизвестно откуда знакомом ритме:

Все вы, бабы, – стервы,
Милый бог со мной!
Каждый, кто не первый,
Тот у вас второй.

Первоначально эмирские жёны массово обалдели. На лестнице все не умещались, а любопытство слабого пола ещё со времён Адама приводило человечество к плачевным последствиям. Каковой результат не замедлил сказаться и в данном контексте…

– Что они там так притихли? – шёпотом поинтересовался эмир, и в этот миг двери прорвало! Естественный напор сзади стоящих жён на впереди стоящих наложниц дал свои результаты: приливной волной хлынув на промасленный пол, они, как по натертому паркету, всем весом ударили в дверь, снеся её, словно картонную перегородку. Все пятьдесят женщин высыпались наружу, и сверху кучи малы, пятками вверх, восседал героический Лев Оболенский! Сбитый с ног, закатившийся в угол владыка Багдада тем не менее сумел правильно оценить обстановку. Голову он не потерял, законы помнил, а потому командирски взвыл во всё горло:

– Всем закрыть глаза! Не смотреть на моих жён! Кто опозорит хоть одним взглядом жену вашего повелителя – будет казнён на месте!

Нет проблем – все так и поступили. Верные нукеры, опытные телохранители, обученные слуги, рабы и невольники послушно побросали оружие, плотно закрывая ладонями глаза. Кое-кто даже падал лицом вниз, чтобы уж наверняка не быть заподозренным в нескромных взглядах.

– Ну, что встал, как памятник Гоголю? Валим отсюда! – Подскочивший Оболенский схватил за рукав замешкавшегося Насреддина. – И очи свои ясные распахни, ты же не видишь, куда бежим.

– И я с вами! – Из растерзанных дверей, на разъезжающихся ногах, показалась рыжеволосая Ирида.

– О звезда моих очей… – растроганно начал Ходжа, но был быстро одёрнут деловитым сотоварищем:

– Хватай свою звезду в охапку, и бежим не оглядываясь! На меня тут слишком сладко смотрят… Бежим, я тебе говорю! Нас не догоня-ят! Хм… кажется, это немного не в той музыкальной тональности. На-а-с не догоня-а-а-т! Вот оно… именно так!

Глава 58

Приказы не обсуждаются, не комментируются и не выполняются.

Армейская практика.

Как я уже говорил вначале, вот этот конкретный эпизод лично мне представлялся и представляется весьма сомнительным. Однако, чтобы не гонять вас туда-сюда со своими авторскими ремарками, критику отложим на потом, а пока я просто продолжу…

Итак, благодаря уже набившему вам оскомину подсолнечному маслу пятьдесят женщин великого эмира впервые покинули гарем. Столь массированный и несанкционированный выход в свет был обеспечен давлением желающих, скользким полом и бесстыже голым певцом с оскорбительными куплетами. Справедливости ради признаем, что не все жёны оказались морально подготовлены к столь решительному шагу (собственно говоря, вообще никто). Посему большинство – вовремя вспомнило о законах Шариата, и, как подобает правоверным мусульманкам, женщины поспешили завизжать, прикрывая лица подолами рубах. Помните похожую сцену в фильме «Белое солнце пустыни»? Так вот, режиссёр практически не соврал, именно так и поступали благовоспитанные жёны в подобных экстремальных случаях. А теперь попробуйте представить себе положение недотоптанного эмира, неуклонно требующего от своих подданных буквально дословного исполнения предписанного закона. Представили? Итак, сначала он никак не мог подняться по причине тяжести доспехов и того, что ножны его ятагана намертво заклинило меж двумя особенно массивными телохранителями. Как вы поняли, град женщин обрушился отнюдь не на одного эмира, но и приближённым досталось на орехи…

– Всем закрыть глаза и не смотреть на моих жён!

Это был приказ номер один, никто и не пытался ослушаться.

– А вы куда уставились, бесстыдницы?! Всем сию же минуту прикрыть лица! – это приказ второй, не менее разумный и вполне последовательный. До этого момента все действия главы Багдада выглядели абсолютно логичными и рассудочными. Потом, когда он увидел, как лица, явно виновные в создавшемся кавардаке, внаглую улепётывают к воротам, эмир бросил третий клич, – и не умный, и не последовательный…

– Что вы встали, словно столетние чинары? Хватайте этих

негодяев!

Ослушаться, как вы догадываетесь, никто и не подумал. Восток – дело тонкое, там дураков мало… Вот мудрых людей там много, их ценят и уважают. Ибо мудрость восточного человека, в отличие от ума европейца, имеет не только практическое, но и материальное обоснование. Будь на месте мудрых нукеров какие-нибудь умные рыцари, они бы с ревом повытаскивали двуручные мечи и, всей толпой бросившись в погоню, не оставили б от Льва с компанией даже тапочек. Но для этого надо открыть глаза, что налагает мгновенный позор на гарем горячо любимого правителя, а он, правитель, непременно припомнит свой позор в самое неподходящее время. Мораль: в присутствии начальства выполняй все приказы, а не только самый последний. Не сомневайтесь, по слову эмира догонять «негодников» бросились практически все. Но, памятуя о предыдущем указании, – строго не открывая глаз! Люди похватали сабли и ринулись во все стороны сразу, предпочтительно друг на друга, босиком по визжащим от ужаса жёнам владыки. Селиму ибн Гаруну ал-Рашиду стало дурно… Полнейший бардак на относительно маленькой площадке грозил обернуться глобальным мордобитием на ощупь. Мужчины уже кое-где где радостно гвоздили друг друга по чалмам. Нежные восточные женщины только выглядят беспомощными и забитыми, но это пока им три раза не наступят на ногу или не ткнут острым ятаганом… совсем не туда! В эти горькие для отечества минуты они с ходу превращаются из гурий в фурий, бодро выщипывая бороды зазевавшимся нукерам. Если наши друзья успели беспрепятственно добежать до выхода, то исключительно благодаря перечисленным выше обстоятельствам…

Двое молодцов в коротких кольчугах, охраняющие ворота, схватились было за копья, но Насреддин храбро упал им под ноги, вереща на одной истерично-надрывной ноте:

– Открывайте ворота, о беспечные воины! Уводите всех, кого ещё успеете спасти! Случилось страшное, ибо Аллах забыл про нас…

– Что такое, э? – нервно поднапряглись стражи, шум и крики со стороны гарема было невозможно не услышать.

Ходжа закатил глаза и страшным шёпотом пояснил:

– Женщины взбесились!

– О шайтан… – с ужасом выдохнули воины, а домулло одним махом добавил скипидара в огонь:

– Аллах поразил безумием весь гарем нашего повелителя! Женщины словно сошли с ума! Они сломали двери, они бьют правоверных, они произносят непотребные слова и грозятся

уничтожить весь город. Эмир с верными людьми пытаются их задержать, но…

– Говори же! – переглянувшись, взмолились оба молодца.

– Но он… увы мне, я не смогу жить после того, что видел! Он успел крикнуть, чтобы я уводил всех невинных, а сам… А-а-а! Смотрите, смотрите, о воины, – вон они! Уже бегут сюда!!!

Из-за поворота действительно показался рослый полуголый человек, на плечах которого, надсадно вопя, подпрыгивала какая-то растрёпанная девица. От изумления стражники бросили копья и попытались спрятаться за щитами.

– Куда?! У-у, хвастливые дети высокогорных баранов… – беззлобно рявкнул Насреддин, хватая храбрецов за шиворот и намеренно меняя тон. – Живо открывайте ворота, пока эта безумная не откусила мусульманину голову! Кто готов оказать ему братскую помощь? А, правоверные?!

Ворота открылись мгновенно, благо запирались простым брусом, без всяких сложностей с замками. В образовавшуюся щель первыми юркнули отважные воины эмира. Лев подбежал совершенно запыхавшийся, а у танцовщицы от шока так свело ножки, что Ходжа еле-еле снял её с затёкшей шеи Оболенского.

– О любовь моя, исстрадавшаяся на жёсткой коже этого белого иблиса! О солнце моё, натрудившее дивное горлышко в непотребном крике! О печаль моя, устало открывающая божественный ротик и вдыхающая ошеломляющей грудью…

– ВАЗ, УАЗ, МАЗ, КАМАЗ – язви тебя в карбюратор!

От таких слов добрый домулло многозначительно окосел, имитируя китайского мандаринчика. Услышать подобное из уст невинной девушки было для него равносильно полноценному плевку верблюда в самую душу.

– Это ты?… Ты, богохульник, оскверняющий воздух столь ужасной руганью, что ей нет названия! Ты её этому научил?!

– Не-а, – устало ворочая языком, отказался Оболенский, но впервые взглянул на маленькую Ириду с неподдельным уважением, – не я это. Наверное, из детского сада принесла, они там быстро всё подхватывают.

– А что я такого сказала? – на всякий случай уточнила танцовщица, но достойного ответа получить не успела. Из-за угла дворца, со стороны гарема, показались первые догоняющие; мужчины и женщины бежали единым строем, вперемешку, под предводительством эмира, оставившего в прошлом все религиозные предрассудки. А в распахнутых воротах появилась могучая фигура Ириды аль-Дюбины:

– Спешите ко мне, я вас прикрою!

Все трое героев, не задавая вопросов, ринулись вперёд, за

дворцовой стеной их ждала та же самая телега, запряжённая двумя лошадьми. Оба стражника со следами побоев на лицах отдыхали рядом. Башмачник Ахмед, стоя в полный рост, уже крутил над головой вожжами:

– Скорее, скорее, отважные похитители девиц! Нас не догоня-а-ат!

Откуда одинокий багдадский башмачник знал эту мелодию – осталось полной тайной. Лев даже не успел особенно удивиться. Тем паче что обе Ириды с разбегу прыгнули в телегу (пардон за бытовую рифму!), кони рванули с места, и он сам едва-едва успел плюхнуться на самый краешек. А вот Ходжа… Не отличавшийся особым проворством ног, Насреддин всегда больше полагался на собственную голову. Однако в этот раз она могла послужить ему лишь средством расплаты… Багдадский вор плюнул, соскочив на ходу, и бросился на выручку другу.

Глава 59

Стиль тигра – агрессивен, стиль змеи – изящен, стиль осла – узнаваем…

Северный Шаолинь.

…Когда Маше Оболенской объявили о некотором улучшении состояния больного, она на радостях оповестила всех знакомых, ну и меня в том числе. Стационарное лечение дало свои результаты, пациент уже начал открывать глаза, шевелить пальцами ног и даже слегка поворачивать голову. Конечно, до окончательного выздоровления было ещё очень далеко, но согласитесь, и такие достижения весьма впечатляли, вселяя законную гордость за нашу медицину. Всё видеооборудование из палаты убрали, а мелкие кражи прекратились сами собой. Не то чтобы поймали вора, отнюдь, злодей до сих пор ходил безнаказанным. Просто весь медицинский персонал сам по себе постепенно взял привычку не носить с собой мелких вещей. То есть вообще практически никаких – часы, кольца, браслеты, кошельки, ключи, брелочки исключались напрочь. Теперь все это запиралось в сейф в кабинете главврача и выдавалось под расписку по окончании рабочего дня. Такая схема хранения вполне себя оправдала, полностью исключив саму возможность кражи. Кто же знал, что в один прекрасный день таинственный вор взломает даже сейф?! Милицию вызывать не стали. Сейф был вскрыт (всё-таки вскрыт, а не взломан!) ночью, так что никаких ценностей, за исключением официальных документов, там не было. Все бумаги остались нетронутыми, а неизвестный преступник, видимо смеху ради, вложил внутрь телефонный аппарат и всё, что в беспорядке лежало на столе главврача. В конце концов сошлись на модной версии шалостей барабашки…

Вообще, засев за эту книгу, я невольно поражался своей невнимательности и равнодушию. Вспоминая редкие звонки Маши и сумбурные рассказы, мне становилось просто стыдно за собственную чёрствость. Как и большинство, я ограничивался словами участия и сочувствия, а ведь в это время за моей спиной развивалась целая история! Сколько разного и интересного можно было бы увидеть воочию, если бы я не корпел у компьютера, а приехал и сел в засаду у постели больного друга? Кто знает, быть может, я был бы единственным свидетелем необычайного искусства настоящего Багдадского вора…

…Лев говорил, что их судьба в ту ночь действительно висела на волоске. Из-за нерасторопности Ходжи и отчаянной трусости Ахмеда телега ушла далеко вперёд. А среди слуг эмира оказались довольно быстроногие ребята, и дело могло кончиться очень печально, если бы не… В тот момент, когда Оболенский подхватил растянувшегося на мостовой друга, первые эмирские молодцы уже бежали к распахнутым воротам. Закрывать их было некогда, да и преследуемых от догоняющих отделяли какие-то пятьдесят шагов. Вот тут-то словно из-под земли вырос маленький, но очень грозный серый ослик! Оскалив зубы и прижав уши, он издал длинный пиратский клич, что-то вроде «Иа-хо-хо!», отважно бросившись на врага. Храбрые нукеры были готовы ко всему… но не к этому. Поверьте, взбесившийся осёл – это каюк тигру! Рабинович кусал всех за всё подряд, лягался ногами в самые неподходящие места, пихался крупом, хлестал хвостом и орал так, словно пытался на спор перекричать всех муэдзинов сразу. Нападающие стушевались, сбились в кучу и, отмахиваясь саблями от «длинноухого шайтана», предприняли тактический отход за подкреплением. Ослик тут же сорвался с места, пулей подлетел к своим хозяевам и услужливо подставил спину. После секундного размышления мужчины кое-как уместились вдвоём, а мужественное непарнокопытное резво бросилось прочь. Рабинович нёсся вперёд резвее породистого аргамака. Как только они пересекли площадь и скрылись в россыпи переулочков, риск погони отпал сам собой. Мохноногий спаситель перешёл на размеренный шаг, а двое друзей пошли рядышком пешком, давая герою хоть немного отдышаться.

– Никогда больше меня так не обнимай.

– Блин, и ты туда же?!

– Куда я? Нет, хвала аллаху, я не туда же! Я в голом виде по чужим гаремам не бегаю…

– Это от зависти! И нечего на меня так смотреть – я не голый, у меня тюбетейка и вот… это вот… прозрачное. Ты чего уставился?

– Вах, никуда я не уставился.

– Нет, уставился! То не обнимай его, то сам глаза отвести не может!… Какой-то ты подозрительный, Ходжа… Нужно мне было тебя обнимать? Просто держаться за что-то надо.

– Ну и держись подальше! И прикройся чем-нибудь… Вот, на, свой халат отдаю.

– Без блох? Ладно, шутка…

– О Аллах, ты видишь моё долготерпение? Отметь это в Книге Судеб и признай, что теперь мне есть чем откупиться за все грехи.

Так что колёса Рока успешно вошли в свою колею. Правда, на подходе к лавке башмачника соучастники ещё немного поцапались, выясняя, кто так хитроумно поставил осла в засаду и кому он, осёл, вообще принадлежит? Рабинович, уже неоднократно слышавший подобные споры, проявлял поистине философское равнодушие. Или, попросту говоря, «пофигизм», ибо точно знал, что не принадлежит никому, кроме себя любимого. А в шумные приключения Багдадского вора и его друзей идёт исключительно добровольно, по причине любопытства и авантюрного нрава. Но ослы – существа неразговорчивые, посему все мысли лопоухого умнички так и оставались при нем же.

В лавке горел свет, телега с лошадьми стояла у входа, а взмыленный Ахмед торопливо переносил в неё вещи.

– Хвала аллаху, вы тоже живы!

– Вашими молитвами, – буркнул Лев.

– Потому, что руки помощи от тебя не дождешься, – так же сухо добавил Ходжа.

– Но… я… я же… ведь надо было… – смущённо забормотал башмачник. – Главное ведь – спасти женщин?! Вот я их и… то есть, конечно, это мы их… мы все их спасали!

Оболенский махнул рукой и вошёл в лавку, домулло молча протиснулся следом. Аль-Дюбина, сидя на кошме, паковала в узлы самое необходимое. Её рыженькая сестричка безмятежно спала, свернувшись калачиком, на старом ковре в углу. Лев только хмыкнул и поспешил переодеться, Насреддин же сразу уселся у стены, налил себе остывшего чаю и как ни в чем не бывало начал светскую беседу:

– Скоро рассвет, уважаемая. Ночь была насыщенной, и нам всем стоило бы отдохнуть где-нибудь – подальше от Багдада.

– Мы едем в мой кишлак, – лаконично поведала старшая Ирида.

– Хорошее дело, о мудрейшая. Пора, давно пора навестить вашу почтеннейшую матушку. А она не очень огорчится, если мы вас немного проводим? Я вчера обещал другу показать окрестности Багдада…

– Остановитесь у меня, там вас не будут искать.

– Ваша забота о нас, недостойных, превыше всякой похвалы. Аллах, всевидящий и всемогущий, не оставит вас без награды. Но воины эмира наверняка будут отвлекать нас от дружеской беседы и тихих радостей жизни…

– Не будут, – уверенно обрубила девушка. – Мой папа направит их поиски в другую сторону. Уж это он мне точно обещал!

– Храни его Всевышний! – благодарно поклонился Насреддин

и отправился собирать собственные немногочисленные пожитки.

Примерно через полчаса все были в сборе. Заранее подкупленные стражники быстренько выпустили из города двух всадников, девушку на осле и странную «супружескую» пару, где «жена» волокла за собой «мужа», а тот только вскрикивал от радости. Начиналась новая стезя приключений Багдадского вора – так сказать, вне стен Багдада. И пусть это были не такие захватывающие события, но тем не менее… Хорошо, я буду нетороплив и последователен. Продолжим?

Глава 60

Все, что нам даётся даром,
лучше брать деньгами.

Еврейская мудрость.

Раз уж мы договорились рассказывать друг другу истории, то, думаю, сказку о Багдадском воре и аль-Дюбине можно считать законченной. Нет, разумеется, они так сразу не расстались, но и провести всю оставшуюся жизнь в далёком горном кишлаке Оболенский бы ни за что на свете не согласился. Их совместные планы были утрясены ещё утром, почти сразу же за воротами Багдада. Было решено, что девушки под охраной Ахмеда (хотя надо ещё посмотреть, кто под чьей охраной!) отправлялись в почти двадцатикилометровый путь, к матушке старшей Ириды. А два массовика-затейника намеревались неспешно отсидеться в маленьком кишлаке Кадисе, что расположен буквально в трёх часах ходьбы от славного Багдада и скорее даже считается его пригородом. Там часто останавливались разные путешественники, был большой караванный двор, а затеряться в толпе всегда легче. К тому же где, как не в караван-сарае, воровские способности Оболенского могли найти себе лучшее применение? Ходжа первым проговорился, что у них кончаются деньги: пришлось сделать немалые (добровольные и не очень) пожертвования соседям, хотя впоследствии все легенды однозначно утверждали, будто бы Насреддин безвозмездно раздавал всё золото беднякам. Да – раздавал, да – безвозмездно, да – почти всё, но… Во-первых, из самых разных побуждений, и филантропия играла здесь самую распоследнюю роль. А во-вторых, раздавал-то действительно домулло, но кто добывал непосредственные капиталы? На одной детской афере с киданием лохов по принципу: «Вот! Зверь под названием кот!» долго не протянешь и много не заработаешь. Ходжа честно признавался, что даже провести эту шутку в гастрольном порядке, каждый день меняя кишлаки, – всё равно очень рискованно. Дурная слава распространяется быстро, а кизиловые палки – вещь пренеприятнейшая, так что риск прямого воровства был практически минимален в сравнении с иными способами изъятия денег у населения. Следующую историю, согласно установившейся традиции, мы могли бы условно озаглавить как: ***«Али-Баба и Багдадский вор проявляют чудеса храбрости, избавляясь от…»,*** ну и так далее. Подходит? Опаньки! Ребята, я,

кажется, упустил одну очень важную вещь. Не для всех важную, конечно, но женщины всё время меня спрашивают: а как дальше сложились отношения рыженькой танцовщицы Ириды Епифенди и знаменитого Ходжи Насреддина? Была ли у них любовь? А свадьба, а дети? Кое-что могу сказать со всей определённостью – любовь была! Домулло не раз навещал свою шаловливую избранницу, и его чувства не были безответными. А вот насчёт свадьбы и всяких дальнейших совместных проживании «долго и счастливо» – увы, не знаю. Лев ничем не мог помочь в плане информации просто потому, что все это произошло уже после его таинственных приключений. Или не произошло вообще… Придумайте себе любой вариант развития событий, и, если вы всерьез верите в теорию материальности человеческой мысли, тогда где-то там далеко у этих двоих – всё сбудется. Мне кажется, что они будут вам только благодарны… Ну а мне, к сожалению, нельзя ни на шаг отступать от истины и разворачивать историю так, как это было бы желательно сентиментальному читателю. Довольно псевдолитературной болтовни – ближе к делу…

– Лёва-джан, я тебе арабским языком повторяю – это мой осёл!

– Ходжа, ну у тебя хоть кол на голове теши. Я сам! Собственноручно! Его! Украл! Значит, он мой…

– А потом ты подарил его мне!

– Ничего я тебе не дарил! Ты сам его схватил, внаглую, без спроса.

– А ты не оспаривал, значит – он мой! Мой, ибо сказано в Коране…

– За-бо-дал!

– Аналогично!

– О, какое мы слово выучили?!

…Вот так легко и беззлобно беседуя на чисто философские темы, два друга возлежали на старом персидском ковре третий день, тратя золотое время в самых недорогих номерах караван-сарая. Цены на продукты и жилье были достаточно низкие, красть приходилось по минимуму, и уж конечно не там, где ночевали. Ослик наслаждался подножным кормом, а новости, привозимые купцами из Багдада, в основном обнадёживали. Главной темой был визит в эмирский дворец целой банды волшебников, похитивших у главы города его горячо обожаемый гарем. Хотя некоторые, более осведомленные, уточняли, что волшебников было всего двое и похищен не целый гарем, а лишь одна жена, зато самая любимая. Кое-кто поминал также и дикого снежного барса, изувечившего своими копытами весь цвет эмирской

гвардии. С чего это у барса вдруг выросли копыта – никто не знал, но все верили. Ответные меры, предпринятые разобиженным эмиром, воспринимались окружающими несколько скептически. Городская стража Шехмета получила по чалмам, и хотя они теперь хватают всех подряд, виновные до сих пор так и не найдены. Проблема как раз не в том, чтобы кого-то поймать, а в том, что эмир лично видел в лицо тех, кого поймать-то как раз и требуется. То есть абы кого уже никак не подсунешь. Безвинно задержанным дают подзатыльник и вынужденно отпускают восвояси. А самые свежие новости впечатляли и того круче: никаких волшебников не было вовсе! Эмирский дворец на самом деле посетил неуловимый Багдадский вор со своим хитроумным напарником Ходжой Насреддином. Имя Льва Оболенского стало всенародно известным за какие-то два дня! Конечно, ничего, кроме плахи, такая слава принести не могла, но факт её наличия всё равно немножко окрылял. Прибывающие и отбывающие купцы рассказывали друг другу сказки об удачливом воре, нарушителе всех заповедей Корана, и осмеянном эмире, поборнике закона и справедливости. На Льва и Ходжу никто не обращал внимания. Предположение, что оба мошенника отсиживаются здесь, в самой гуще народа, казалось чрезмерно глупым. И даже если бы они оба били себя в грудь, предъявляя паспорта с фотографиями, – им бы всё равно не поверили. А может быть, и поколотили за присвоение чужой популярности…

История с Али-Бабой началась, когда Оболенский проголодался. Домулло пожал плечами, он тоже был не дурак покушать, поэтому заказали на двоих большое блюдо настоящего узбекского плова. Обедали на открытой веранде, подобно римским патрициям возлежа на потёртых пуфиках. Свежие лепёшки, дыню и холодную простоквашу на десерт подали сразу же, но не в этом дело, а в том, что, почти покончив с горячим, Лев неожиданно заметил краем глаза смуглую руку, тянущую со стола лепёшку. Удивлению Багдадского вора не было границ – его пытались обокрасть! Могучая ладонь Оболенского, подобно лапе царя зверей, накрыла руку злоумышленника.

– Ходжа, ты тока глянь, что у вас тут творится – лепёшки буквально изо рта рвут! Как пылесос плюшки фрекен Бок…

Насреддин придирчиво осмотрел извлеченного из-за занавесочки щуплого мужичка с дрожащими губами.

– Уважаемый, судя по вашей одежде, вы – местный. Скажите, неужели ваш казий никогда не рассказывал, как в эмирате наказывают воров?

– Не губите… – из последних сил пискнул несчастный и обвис в потере сознания.

Лев аккуратно положил его рядышком и укоризненно обернулся к Ходже:

– Братан, ты уж полегче как-нибудь… Глянь, до чего мусульманина довёл, а ведь у него жизнь небось и так не сладкая.

– Вах, вах, вах… Вор всегда заступается за вора, или, как говорят мудрецы, одна рука не откажет другой в умывании! Но ты ошибаешься, о мой мягкосердечный друг, – это очень зажиточный человек.

– Да брось…

– Посмотри сам, – Насреддин многоопытно кивнул на добротное платье лежащего, – халат чистый, новый, чалма дорогая, чувяки сделаны на заказ, а руки… Вай мэ, ну вообще-то раньше он много работал, мозоли ещё видны. Хотя последние года два…

– Браво! – слегка поаплодировал Оболенский. – Скотланд-Ярд в очередной раз посрамлён великим мастером дедукции. А скажи-ка мне лучше, зачем такому солидному дяденьке воровать мою законную лепёшку? Честно купленную, отметь!

– Отмечаю, на краденые деньги.

– Не увиливай от ответа!

– А ты от ответственности!

– Почтеннейшие… – У пришедшего в себя мужчины оказался такой слабенький голос, что соучастники разом прекратили диспут. – Ради аллаха, дайте мне самый маленький кусочек лепёшки… Я буду вечно молить Всевышнего за вашу доброту!

– Ходжа, да он просто голодный… – беспомощно протянул Лев. – Как хоть тебя зовут, голодающее Поволжье?

– Али-Баба…

Глава 61

Искренняя забота есть разновидность шантажа.

Больной, но богатый родственник.

Думаю, что популярную сказку об Али-Бабе и сорока разбойниках вы и без меня знаете. Излишней нужды в детальном пересказе нет, но позволю себе обратить ваше внимание на некоторые, несколько щекотливые, моменты. Сам я этого тоже никогда не замечал, и Лев, расписывая этот сюжетик, буквально открыл мне новое прочтение давно известной истории. Буду краток. Как вы помните, Али-Баба успешно победил всех нехороших разбойников и богато зажил с уворованным им золотом. После смерти брата Касима он унаследовал и его дом, и его жену, и рабов. А именно среди них и бытовала некая Марджина, известная своей паранормальной преданностью хозяину. Именно она изобразила на дверях всех домов своего квартала тот самый крестик, которым разбойники пометили дом ограбившего их Али-Бабы. Только она, а не кто другой, повинна в страшной, чудовищной смерти самих разбойников – Марджина залила их кипящим маслом! Представьте на секундочку: хрупкая женщина с бледным лицом сорок раз кипятит ведро кунжутного масла, чтобы сорок раз пойти и вылить его на головы беспомощных людей, сидящих в больших кувшинах… Сорок ходок, сорок человек, сорок воплей боли, сорок смертей и спокойный, уверенный в себе взгляд человека, считающего, что творит правосудие, угодное Аллаху! А бесчестное убийство атамана разбойников?! Она ведь попросту зарезала его, без всякого предупреждения распоров горло гостю, вежливо наслаждавшемуся её танцем! После первого преступления несколько шокированный, но всё же благодарный за спасение Али-Баба дал ей золота и отпустил на свободу. Золото бывшая рабыня, естественно, прикарманила, а вот на свободу не пошла, предпочтя остаться в доме своего господина. Ей не рискнули перечить… Да и кто бы, скажите, особенно возражал дамочке, за одну ночь отправившей на тот свет целую банду?! Вот после этого, уже будучи, по сути, вольным человеком, она и замочила главаря разбойников. Причём сделала это демонстративно, при всех, раз и навсегда давая понять, кто теперь главный в доме. Бедный Али-Баба не сразу понял, что происходит… Он даже

радовался вначале, видя, как бодро и решительно Марджина управляется со всеми делами по хозяйству, раздавая приказы направо и налево. Он прозрел, лишь когда все ключи от дома оказались у неё на поясе и повар виновато пояснил, что без распоряжения «суровой госпожи» не смеет дать ему поесть. В считанные дни был установлен самый настоящий террор. Без соизволения бывшей рабыни никто и шагу ступить не смел, а та всё туже закручивала гайки… Мы уже упоминали о названии этой истории, но давайте всё же внесём некоторые правки… Пожалуй, пусть лучше будет вот так: ***«Сказ о Багдадском воре, Али-Бабе, страшной красавице Марджине – убийце разбойников и бедных стражниках Шехмета…»*** Нет, Ходжа, конечно, тоже участвовал, но если перечислять всех, то никакой бумаги не хватит.

Пока голодающий Али-Баба слёзно обрисовывал ситуацию, два сочувствующих слушателя всё подсовывали ему то лепёшку, то кусок дыни, то остатки плова. История простодушного, доброго сказочного героя взывала к чисто мужскому братству, и Оболенский уже был готов украсть для него какой-нибудь домик с фруктовым садом, где его не найдёт ни одна Марджина.

– Что вы здесь делаете, мой господин?

Троица едва не подпрыгнула на месте – за их спинами стояла неулыбчивая молодая женщина лет двадцати пяти. Вся в чёрном, лицо до глаз закрыто полупрозрачной вуалью, а сам голос способен заморозить фрукты на зиму. Али-Баба побледнел и опустил плечи, недоеденную лепёшку он воровато сунул в рукав.

– Гражданочка, а ваше какое дело?! – нарочито грубо развернулся Лев Оболенский, он никогда всерьёз не воевал с женщинами, но чувствовал себя обязанным вступиться.

– Моё имя Марджина. Я лишь недостойная рабыня моего любезного господина, да продлит Аллах его годы! – поклонилась домоуправительница, и мужчины могли бы поклясться, что не слышали более покорного тона. Вот только в миндалевидном разрезе глаз явственно блеснула полоса отточенной стали. Ходжа даже вздрогнул, но Лев был непреклонен:

– Иди домой, тётка! Твой любезный господин ещё посидит часок-другой в чисто мужской компании. Мы тут пивка попьём, анекдоты потравим, о политике потреплемся. Короче, он мальчик взрослый и к вечеру приползёт без няньки…

– Как будет угодно моему владыке.

– Я… я уже иду, о Марджина… – Ади-Баба, подобно загипнотизированному удавом кролику, безропотно сполз с ковра и повесив нос поспешил к выходу. На новых друзей он даже не смотрел.

– Эй! Ты что?! Ты кого слушаешь, а? Да будь же ты мужчиной в конце концов!

Марджина на секунду замерла, потом быстро шагнула на ковёр и подняла маленький ножик для резки дынь. Али-Баба в испуге зажмурил глаза, Ходжа сжал кулаки, а Оболенский только презрительно сдвинул брови:

– Положи на место, для бритья подмышек эта штука не подходит. Чего уставилась? Пора милицию вызывать?! Багдадского вора всякой десертной железякой не запугаешь! Так ты сама свалишь, или всё-таки чем-нибудь подтолкнуть?!

– Я всего лишь сопровождаю моего достойного господина в его собственный дом, – чуть скрипя зубами, отозвалась женщина. – Он уже раскаивается в том, что заговорил с вами, почтеннейшие. И будет раскаиваться ещё очень долго. – Она быстрыми шагами догнала Али-Бабу, потом, словно вспомнив что-то, резко обернулась: – Мне показалось, будто бы вы в чём-то упрекали его? Никому не дозволено обижать моего хозяина. Не делайте так больше, уважаемые…

Лев был уверен, что женщина лишь поправила вуаль, и только поэтому даже не дёрнулся, когда маленький кухонный нож сверкающим шмелем впился в глиняную стену у самого его уха. Традиционно побледнеть он догадался гораздо позже.

– Лёва-джан, ты цел?

– Не уверен, щас общупаюсь… вроде да.

– Эта женщина – живое воплощение шайтана.

– Да уж, агрессивный феминизм шагает по Востоку семимильными шагами. Я таких камикадзе только в документальных фильмах видел, сериал «Шокирующая Азия».

– Я тоже в шоке, спаси аллах!

Лев медленно отлип от стены, осторожно вытащил до половины ушедший в саман нож и нервно бросил его на пол. Насреддин, пристально вглядевшись во двор караван-сарая, оставил друга одного и куда-то сбежал. Сам Оболенский не испытывал ни страха, ни восхищения от встречи со столь необычной женщиной. Скорее его распирало от раздражения… «Я не люблю насилья и бессилья!» – наш герой тоже мог бы честно подписаться под этой фразой. Жалкая беспомощность Али-Бабы вызывала здоровую обиду на искажение самой сути мужской природы. Мужчина – представитель сильного пола, и никакая сумасбродная баба с кровавыми тараканами в голове им управлять не может. Не должна, ибо это нарушает промыслы Аллаха, вот! Лев почему-то был свято убеждён, что и Аллах, всемилостивейший и всемогущий, разделял сейчас его возмущение…

– Слушай, Ходжа, я так больше не могу. Пойдём и выскажем этой… фригидной стерве всё, что мы о ней думаем!

Бочком подошедший домулло молча взял друга под руку и быстренько потянул на выход.

– Я всегда знал, что ты со мной! – умилённо выдохнул Оболенский, не сразу улавливая все тонкости ситуации. – А куда ты, собственно, меня тащишь?

– Подальше отсюда, о тупоголовый сын волооких павлинов! Пока ты тут распускаешь хвост неизвестно перед кем, эта подлая женщина, эта нехорошая Марджина, эта… да простит Аллах мой грешный язык! Эта прямая кишка, выпавшая из-под хвоста самого шайтана, донесла на нас страже!

– Упс… похерился курорт на караван-сарае!

– Вот и я говорю: надо грузить хурджины на моего верного ослика и бежать.

– Можешь начинать свой кросс хоть сию же минуту, но мой Рабинович останется тут! – многозначительно привстал Лев.

Домулло не дрогнул и взглянул на него так, словно надеялся испепелить на месте. Ничего не вышло, Оболенский даже не вспотел…

– Чего ты хочешь? – придушенно выдавил Насреддин.

– О неоновый свет моих предвыборных реклам! Стража здесь, тётка здесь, Али-Баба тоже здесь – грех не воспользоваться моментом!

– Этого я и боялся… Что ты задумал, крупный искуситель правоверных?

– Я её украду!

Глава 62

Воевство и къептомания – суть
две бойшие язницы!

Одесский Клуб клептоманов.

В процессе моей работы над романом мы неоднократно спорили со Львом – кто же по сути своей был этот самый Ходжа Насреддин? Ведь даже классический подход к данному вопросу давал диаметрально противоположные сведения. По одним легендам – это врун, хохмач, хитрец, набивающий собственную мошну за счёт разных легковерных простофиль. По другим – тихий деревенский дурачок, постоянно попадающий в нелепые ситуации, несложившийся мулла, незадачливый муж, вечно голодный бедняк. По третьим – образованный человек, странствующий мудрец, символ свободолюбивого духа народа и бич властвующих. Тот же Соловьев (да сохранит Аллах память о нём в благодарных сердцах потомков!) вывел свой, личный образ Ходжи Насреддина, ставший для тысяч читателей абсолютно культовым. Его литературный герой умён, обаятелен, философичен, остроумен и настолько притягателен – к концу книги в него невозможно не влюбиться! Ни одной ошибки, ни одного плохого или нечестного поступка, праведность такая, что просто скулы сводит от зависти… Согласитесь, очень легко впасть в пошлые комплексы, находясь в компании такого совершенства. У соловьёвского Насреддина нет минусов, люди почти в лицо называют его совестью нации! Оболенский считал иначе… И я почему-то уверен, что Лев мне не врал. Ходжа, в первую очередь, был и оставался человеком. Не ожившей легендой, а реальным человеком, со своими слабостями, страстями, взлётами и падениями, мятущейся душой и зачастую необдуманными поступками. Там, в Багдаде, эти двое очень неплохо дополняли друг друга. Думаю, именно Багдадский вор научил Насреддина бесшабашной русской удали, умению полагаться на «авось» и чисто гусарской манере ухаживания за «ляфамками». В свою очередь и Лев Оболенский незаметно нахватывался у товарища специфически восточных качеств, как то: неизменное упорство в достижении цели; умение терпеливо ждать; любовь к красиво построенному, даже чуть изукрашенному, слогу; и уважение к аксакалам. Впрочем, Лев с завидным постоянством переделывал последних на «саксаулы»… Я так и не пришёл к единственно верному выводу (это к началу темы нашего разговора) насчёт

Ходжи, но убежден, что без Багдадского вора мы бы вообще не знали всей правды о похождениях Насреддина. Может быть, это слишком смелое заявление? Что ж, я и не претендую на истину в последней инстанции. Но поверьте, короля делает окружение. Сам по себе, на пустом месте, никогда бы не родился такой герой. Если Ходжа Насреддин появился на Востоке – значит, именно на Востоке в нём нуждались больше всего, и он не мог не появиться! Что возвращает нас к мысли о явлении Багдадского вора – ведь, значит, Лев был там очень нужен… Даже больше – востребован! А это, в свою очередь, подводит к логическому умозаключению о том, что всё рассказанное Оболенским – правда…

– Нет, ну ты, в принципе, вполне можешь отказаться.

– Лёва-джан, отвяжись, ради аллаха!

– Но я ж от чистого сердца… не ходи.

– И я тебе от чистого сердца, отвяжись!

– Ходжа, а ты уверен, что надо было наряжаться именно так? – уже, наверное, в четвёртый раз допытывался Лев, выравнивая на голове друга скользкую баранью требуху.

– Во все времена всегда трус и предатель обязательно был лысым! Это наша восточная традиция, и ломать её я никому не позволю, о пренебрегший образованием в медресе!

– Да у меня два института за плечами…

– Уй, молчал бы лучше! Просидел всю жизнь заколдованным в пещере у какого-то чёрного джинна с порочным именем и пытается давать советы умнейшим. Как там его звали, Дайженщину?!

– Бабудай, – поправил Оболенский, а Насреддин придирчиво осматривал себя в начищенное днище большого казана. Он был одет в самые несусветные лохмотья (его друг едва не плакал, воруя по всему караван-сараю половые тряпки!), лицо перемазано золой и жиром, а на поясе висели большие, чуть тронутые ржавчиной, ножницы.

– Мне ещё бритва нужна.

– Ходжа-а, – жалобно простонал Лев. – Ну не совсем же я память потерял – уверяю тебя, что парикмахеры так не одеваются!

– Так одеваются брадобреи! – снисходительно пояснил домулло. – Не надрывай мне сердце своими жалкими упрёками, я знаю, что делаю.

Спорить можно было долго, но толку? В конце концов Оболенский махнул рукой и больше не дёргался, глядя, как его преступный сообщник входит в роль. У Насреддина действительно были хорошие актёрские данные, и план мести коварной Марджине вступал в первую фазу действия. Для начала

Лев шумно рассчитался с хозяином караван-сарая, стараясь, чтобы свидетелями его отъезда было как можно больше народа. После чего покинул территорию и тихохонько спрятался на плоской крыше той же веранды, где они обедали. А переодетый «возмутитель спокойствия» легко затерялся в толпе перемещающегося люда, дожидаясь визита багдадских стражников. Не сомневайтесь, они приехали! Пусть с опозданием, пусть уже ближе к вечеру, но десяток всадников под предводительством самого Шехмета прискакал для ареста самого популярного вора современности.

– Запереть ворота! Обыскать все комнаты! Привезти живым, а эмир собственноручно снимет с него кожу!

– Какой пыл, какая патетика, какие спецэффекты… И всё это ради меня? – невинно бормотал Оболенский, любуясь беготнёй внизу. – А как шустрят, как шустрят – дурдом на выезде!

Стражники на самом деле старались от души. Над всем караван-сараем стояла пыль столбом, дым коромыслом, ругань килограммами, а перья из перин, лирично кружась в наэлектризованном воздухе, создавали законченную картину предрождественской суеты. Бледные от ярости караванщики бессильно сжимали кулаки, глядя, как бесцеремонно раскидываются тюки с их товаром, вспарываются мешки, сбиваются замки с сундуков. Повальному обыску подверглись все, даже верблюды! Когда общий энтузиазм стражи несколько спал, к высокородному господину Шехмету подвели хозяина.

– Где Багдадский вор?!

– О смилуйтесь, мой господин, у меня в караван-сарае никогда не было воров!

– Хорошо, – на этот раз глава стражников был куда более осмотрителен, – а не было ли среди странников молодого мужчины высокого роста, с голубыми как небо глазами?

– Был! – сразу же вспомнил тот. – Но он расплатился уже часа два или три назад и ушёл за ворота.

– В какую сторону?

– Не знаю, мой господин… Я не смотрел ему вслед, ведь он честно заплатил за ночлег и плов с лепёшками.

– Дайте ему двадцать палок по пяткам, чтобы впредь знал, на кого надо обращать внимание, – ровно приказал Шехмет, но прежде, чем вопящего от горя хозяина увели, на его защиту встал невзрачный, замызганный брадобрей. Таких бродяг до сих пор можно встретить на пыльных дорогах Средней Азии, они, как перекати-поле, идут от кишлака к кишлаку, за мелкую монету или какую-нибудь еду подстригая бороды правоверных.

– О великий и благородный господин! Ты наверняка сам

визирь нашего милостивого эмира, и на челе твоём видны следы мудрых мыслей! Что ты дашь бедному брадобрею, если он укажет тебе, в какую сторону ушёл голубоглазый муж с вороватыми руками?

– Если ты знаешь, где он, – говори, и получишь пять таньга! – Шехмет с нескрываемым презрением оглядел невысокого, грязного шарлатана с блестящими струпьями на голове. – Но если мы не найдём Багдадского вора в той стороне, куда ты направишь нас, – мои люди отрежут твой лживый язык твоими же ножницами!

– Всё в воле Аллаха… – бесстрашно хихикнул бродяжка, протягивая грязную ладонь, по знаку начальства один из стражников нехотя бросил в неё пять медных монет.

– Идите за мной, доблестные воины, я покажу вам дом, где прячется человек, которого вы ищете…

Нарочито прихрамывая на левую ногу, Ходжа повёл весь десяток окольными дорогами по заранее уточнённому адресу. А Лев в это время уже стучался в ворота дома Али-Бабы…

Глава 63

Феминизм есть сексуальная неудовлетворённость плюс гомиканизация всей страны!

Бывший партийный лозунг.

Когда я пересказывал эту историю одной моей знакомой, она была страшно возмущена. По её женской логике мстить бедненькой Марджине – чудовищно и безнравственно! Чему я учу будущее поколение мальчиков! В стране и так вечный дефицит джентльменов, а мои герои нагло бахвалятся тем, как они «кинули» бывшую рабыню. Забитую женщину феодального Востока… ага, как же! То, что на совести этой «бедняжки» сорок один труп, – это, видите ли, не проблема. Она ведь защищала дом и семью своего хозяина, а это так понятно и благородно… тьфу! Женская логика меня порой просто умиляет… Ведь люди сидели себе в кувшинах, никого не трогали, выбраться самостоятельно не могли, кто ей, садистке, мешал позвать стражу и сдать всю банду тёпленькими? Нет, ей хотелось поубивать!… Медленно, с чувством, с расстановочкой, одного мужчину за другим… Может, тётке в личном плане не повезло, может, её в детстве мальчишки задразнили, может, ещё что – без психотерапевта не разберёшь. Но если уж у тебя с головой проблемы, так иди, лечись! А убивать лучше?! Рискую прослыть ярым женоненавистником, но в той ситуации я однозначно поддерживал Льва и Насреддина. Так что считайте – нас было уже трое…

Оболенский раз пять барабанил тяжёлым кулаком в ворота, пока мальчишеский голос изнутри осторожно не вопросил:

– Кто там?

– Сто грамм! – привычно ляпнул Лев, покосился на ослика, прикусил язык и продолжил уже совершенно другим тоном: – Это я, лучший друг Али-Бабы, арабский террорист – старик Хоттабыч! Пустите переночевать и погреться…

– Никак нельзя, почтеннейший, у моего отца давно нет друзей.

– О, так не тяни время, скажи папе, что тут пришёл ваш участковый милиционер и очень хочет с ним по беседовать по поводу табакокурения некоего несовершеннолетнего сынули, – чуть изменил голос наш герой. Мальчик за воротами подумал, но открывать не стал:

– Всё равно не могу, уважаемый. Но не беспокойтесь, госпожа Марджина сама меня накажет.

– Слушай, у меня окончательно кончается терпение, пионер… А ну, дуй и сообщи всем, что тут явился страшно суровый и праведный мулла! Если меня и после этого не пустят – я предам вас всех анафеме и упрошу Папу Римского впредь не продавать таким невежам длительные индульгенции.

На этот раз молчание длилось гораздо дольше, а новый вопрос был поистине детским и логичным одновременно:

– Так вы там все трое?!

– Ага, причём в одном флаконе, – махнув на всё рукой, согласился Оболенский. Мальчик чему-то обрадовался, убежал, а через пару минут явился доложить, что госпожа Марджина велела никого не пускать.

– Ну ни фига себе заявочки… Что, совсем никого не пускать?

– Совсем, – грустно подтвердил ребёнок. – Она сказала, никого, кроме Багдадского вора!

– Хм… тогда отпирай! – твёрдо решил Оболенский. Эта Марджина оказалась очень неглупой женщиной, и, хотя друзья предусматривали такой разворот событий, лёгкий озноб всё-таки пробежал у Льва по рёбрам. Но отважный герой, дважды сражавшийся с пустынными гулями и не уступающий дорогу самому эмиру, не мог позволить себе даже самое слабенькое проявление страха. – Я – Багдадский вор!

Ворота негостеприимного дома распахнулись в ту же минуту. Счастливый мальчик лет двенадцати, в тюбетейке, штанах и с голым пузом, приветствовал его низким поклоном:

– Салам алейкум, уважаемый. А где прочие почтеннейшие аксакалы?

– Какие прочие?!

– Старик, милиционер и мулла, вы ведь сами сказали…

– Ах, эти… – припомнил голубоглазый аферист. – Это фикция, шутка такая, чёрный юмор, понял?

– Нет…

– Ясно. Тогда они не стали ждать и ушли по домам.

– А-а… – разочарованно протянул мальчик и поклонился ещё раз, приглашая следовать за ним в дом.

Чуть пристыженная гроза Багдада ласково потрепал парнишку по плечу:

– А ты, стало быть, достойный продолжатель знаменитого рода Али-Бабов? Или Бабов?!

– Нет, мой папа был братом дяди Али, его убили разбойники. Меня тоже зовут Касим, как и папу… А дядя Али хороший, он заменил мне отца и никогда меня не обижает.

– М-да, печальная история… А тётя Марджина, она как?

Мальчик втянул голову в плечи и бросил на гостя такой затравленный взгляд, что Оболенскому стало не по себе. Они прошли через небольшой, чисто выметенный дворик к увитой зелёным виноградом беседке. Там, под навесом, его ожидал поникший Али-Баба. Неприступная, как Кронштадт, домоуправительница молча стояла рядом.

– Ха! Привет, мой изысканно печальный друг! Вот я и пришёл к тебе в долгожданные гости. И не делай вид, будто бы ты мне не рад, я всё равно не поверю! – Невзирая на бледность хозяина, Лев храбро шагнул вперёд, поднял мужичка за грудки и смачно, по-русски, одарил троекратным поцелуем. После чего обернулся к Марджине: – И тебе привет, бультерьерка! Всё спросить хотел, у тебя в роду персидских княжон не было? Так я хотел пригласить тебя покататься по речке в расписных челнах, прямо из-за острова на стрежень.

Марджина с Али-Бабой обменялись непонимающими взглядами, а кудрявый нахал, прикинув время, необходимое Ходже на вывод шехметовской стражи, терпеливо продолжил:

– Так о чём это я? О, вспомнил! Я же – гость! Эх, пить будем и гулять будем, а пора придёт – помирать будем! Только ребёнка за бутылкой не посылай, это непедагогично…

Высказавшись, Лев демонстративно присел на самую большую подушку, безуспешно пытаясь скрючить ноги по восточному образцу. Не будем врать, что это у него хоть когда-нибудь получалось… Молчание затягивалось, и мягкосердечный Али-Баба не выдержал первым:

– Салам алейкум, почтеннейший! Конечно, ты – гость, но… у нас… я не…

– Мой добрый хозяин, да хранят его небеса, хочет сказать, что Аллах благоволит к путникам и наказывает тех, кто отказывает мусульманину в гостеприимстве. Заходите в дом, господин, кушанья и шербет будут поданы вскоре. Вечером я буду танцевать для вас…

– Хачатурян. «Танец с саблями»?

– С кинжалами, – холодно поправила бывшая рабыня и, не поняв юмора, проследовала в дом.

– Эй, минуточку! – лениво задержал её Оболенский. – Через часик сюда доставят мой багаж, несколько больших кувшинов с маслом. Понимаешь намёк? Так уж ты, домомучительница, проследи, чтобы к ним никто не приближался. Мало ли чего…

– Я прослежу, – с нескрываемым торжеством в голосе обернулась Марджина, а Али-Баба вновь закрыл лицо руками. – Обязательно прослежу, почтеннейший. А то действительно – мало

ли что…

– Безумен! Она погубит тебя… – Едва рабыня прикрыла за собой дверь, её бедный хозяин бросился выпихивать гостя со двора. – Беги! Беги и не возвращайся, да охранят тебя святые Муса и Джабраил!

– А пузырек? А посидеть? А законы гостеприимства, освящённые Аллахом?! – упирался Лев – бегство отнюдь не входило в его планы.

– Глупец, она же зарежет тебя, как зарезала атамана разбойников, прикрывавшегося честным именем купца!

– Ой, да жалко, что ли?! Дай тетке выпустить пар. С купцом получилось, пусть и со мной поэкспериментирует…

– Ты что, больной, да?!

– Больной у нас – ты! Посмотри на меня повнимательнее, дубина, я похож на пацана с суицидными наклонностями?! Нет!

– Но… тогда кто ты? – бессильно опустил руки домовладелец.

– Я – Багдадский вор, Лев Оболенский! Запомнил?! И я же – твой последний шанс, ва-банк, выигрышный лотерейный билет на свободу. Второго такого уже не будет…

Али-Баба сдержанно кивнул, но в его безропотных глазах впервые загорелся огонёк надежды…

Глава 64

Уличные сплетни – газета для малоимущих.

И это правда.

Десять всадников из мобильного отряда городской стражи высокородного Шехмета длинной кавалькадой вытянулись вдоль узенькой улочки. На их суровых лицах была написана смутная нерешительность. Конница хороша для открытого боя, где есть место разбегу и манёвру. А вот для штурма крепкого зажиточного домика, с надежными воротами и высоким забором, подходит весьма относительно. Да ладно, откровенно говоря… совершенно не подходит! Особенно если учесть, что дом Али-Бабы с обеих сторон плотно прижимали дома таких же состоятельных соседей. На кишлачной улице и одной лошади развернуться еле-еле, что уж говорить о боевом десятке. Шехмет понял это первым, подманивая пальцем неопрятного брадобрея:

– Иди сюда, плешивый лжец! Так ты говоришь, именно в этом жилище укрывается сейчас наиподлейший Багдадский вор?

– Воистину! – важно кивнул Ходжа. – Он бежал под кров благочестивого мусульманина, взял в заложники всю его семью и грозно хохочет, угрожая им кривым ножом!

– Ва-а-а-х… – сочувственно прошелестело по колонне стражников.

– А еще он бессовестно кушает их плов! – повысил голос Насреддин.

– Ва-а-й мэ-э…

– Вот видите, какой он страшный злодей?

– Видим, – чуть поёжился в седле глава городской стражи. – Сейчас мы спешимся, сломаем ворота, ворвёмся в дом, и там наши ятаганы решат судьбу негодяя!

– Как будет угодно моему повелителю, – поклонился брадобрей, но, словно припомнив что-то, вновь поднял глаза: – А разве великий эмир Багдада не желал видеть отступника живым у своего трона?

Многомудрый Шехмет слегка изменил решительный угол бровей:

– Что ты можешь предложить, плешивый глупец?

– Если только мне будет позволено говорить, о величавый, я бы рассказал много тайного и скрытного, ибо люди во время бритья часто распускают язык и забывают о рассудке и

осторожности…

– Говори, да покороче!

– Слушаю и повинуюсь… – елейно пропел домулло, привычно вводя в свой тон нотки опытного вруна-акына. – Да будет известно благороднорождённому господину, что случайно прознал я о том, кто в нашем кишлаке покрывает воров и злодеев. Кто втёрся в доверие к простодушному мусульманину, обманул его семью, погубил брата и взял бразды хозяйства в свои преступные руки. Знай же, что именно в том доме скрывается чёрная злодейка, нарушительница Шариата, не стыдящаяся переодевать платье перед книгой Корана, – бесстыдница Марджина!

– Погоди-ка… – попытался припомнить Шехмет, – это не та храбрая женщина, что победила целую шайку из сорока разбойников?

– Та самая, о начитаннейший, – язвительно подтвердил Ходжа. – Да только скажи мне, разве хоть одна монетка из разбойничьего клада попала в руки великого эмира? Нет! Эта наглая воровка просто извела всех своих сообщников и, запугав добрейшего Али-Бабу, устроила в его доме воровской притон… Тот, кого ты называешь Львом Оболенским, прячется именно там!

– Так ты, презренный болтун, утверждаешь, что Марджина на его стороне… – Как человек, занимающий свой пост по праву, высокородный Шехмет соображал быстро. Брать штурмом дом, где засели Багдадский вор и женщина, угробившая сорок с лишним человек, – это вам не фунт изюму! Здесь понадобилась бы вся городская стража, а не жалкий конный десяток. – Я сейчас же пошлю за подкреплением!

– О храбрейший и предусмотрительнейший, сколько медных монет ты дашь бедному, глупому брадобрею, если он укажет тебе, как взять Багдадского вора?

– Ты получишь целый дирхем серебром, но если…

– Буду казнён в соответствии со всем богатством твоей фантазии, – равнодушно перебил Насреддин, делая начальству знак наклониться поближе. – Там, за углом, есть лавка старьёвщика, купи себе в ней купеческое платье и попросись на ночлег. С тобой пойду я, а десять сундуков с товарами будут нагружены на десять лошадей. Али-Баба не откажет путникам в гостеприимстве…

– А в каждом сундуке будет сидеть по моему воину! Ночью я выпущу всех, и мы захватим злодеев спящими!

– Твоя мудрость и прозорливость не знают разумных границ… – с непередаваемым оттенком полувосхищения-полуиздёвки протянул фальшивый брадобрей. – Лавка плотника

находится через четыре дома по соседней улице, быть может, он продаст десять сундуков сразу.

– Мы поступим иначе, – после секундного размышления коварно усмехнулся глава городских стражников. – Я вернусь в караван-сарай и возьму всё, что мне надо, даром! А ты жди здесь…

– Воистину говорят: «Советы суслика смешны для тигра!»

После такого комплимента неподкупный Шехмет раздул щёки, вскинул подбородок и чуть тронул пятками под бока своего коня. Белоснежный арабский скакун, пританцовывая, понёс своего хозяина вниз по узкому переулочку. Кое-как развернувшись, остальные всадники припустили вслед.

Ходжа философски поковырялся в ухе, чихнул, вытер нос остатками рукава и, неспешно подойдя к дому Али-Бабы, постучал в ворота. Мальчишеский голос ответил минуты через две:

– Кто там?

– О юный отпрыск почтеннейшего семейства, не у вас ли находится в гостях знаменитый Багдадский вор?

– У нас, они с моим приёмным отцом вкушают лепёшки и шурпу.

– О ненасытная утроба, жрёт, где только может… – тихо облизнулся Ходжа и громко попросил: – Будь добр, прекрасный юноша, передай Багдадскому вору, что его товар будет доставлен через полчаса. И это будут не кувшины с маслом, а сундуки с тканями. Десять штук! Ты всё понял, мальчик?!

– Обязательно передам, – честно пообещал ребёнок.

– И пусть он там не пьёт вина!

– Что вы, уважаемый?! Аллах запрещает правоверным мусульманам употребление…

– Знаю, знаю… – отмахнулся Насреддин, разворачиваясь спиной к воротам. – Только кое-кому все эти запреты, как Рабиновичу – вентилятор! Кстати, не забыть бы спросить у Лёвы: что такое вентилятор?

Когда я работал ещё только над первыми главами этого романа, то пару раз консультировался с моим хорошим другом, известным харьковским литературоведом. Так вот, он как-то прочёл мне целую лекцию о том, что на самом-то деле в Багдаде был халиф, а не эмир. Эмир, видите ли, эмирствовал в Бухаре! Плюс еще тенге – это именно бухарская мелкая монета, а в Багдаде якобы все расплачивались динарами и дирхемами. Ну что я мог сказать? Для начала сунулся в областную библиотеку и, покопавшись в книгах, обнаружил, что мой критик совершенно

прав! Потом, в тот же вечер, набрал телефон Оболенского в Москве и устроил ему разнос за такую «подставу». Лев выслушал меня с истинно танковым спокойствием и сказал, что всё это чушь! Нет, если дословно по тексту, то он выразился так: «Андрюха, не морочь мне голову, всё это – фигня! Может быть, в Багдаде и должен был сидеть твой халиф, но я сам видел только эмира. И все его называли эмиром, а уж чего там навыясняли всякие учёные и филологи-востоковеды… лично мне до лампочки! Ты кому веришь?! Твой профессор когда в последний раз был в средневековом Багдаде? Я его знаний не оспариваю, но и ты мои мемуары на склерозе не замешивай. Таньга там были! Были, я тебе говорю! Только не тенге, а именно – таньга! Я с тобой тут делюсь откровенными воспоминаниями, как редкий очевидец, а ты мне специалистов в нос тычешь… Вообще ничего не буду говорить!» Господи, ну естественно, я бросился извиняться… Книга уже как-то складывалась, оставлять её из-за мелких исторических неточностей казалось глупым, но мнение своего харьковского друга я всё же принял к сведению. По совести говоря, мне не так уж интересно, сколько правды и сколько лжи в рассказах Оболенского. Он любит и умеет приукрашивать, я об этом предупреждал. Но сама-то история от этого только выигрывала, получаясь куда более живой и интересной! Поэтому каждый вечер я открывал большую тетрадь, и волшебный Восток распахивал мне свои чарующие, сказочные объятия…

Глава 65

Надевающий маску теряет лицо.

Кодекс самураев буси-до.

– Отец, там приехал купец с караваном, он просится на ночлег!

Али-Баба вопросительно взглянул на бывшую рабыню, та молчаливо кивнула.

– Но, сынок, разве у нас во дворе поместится целый караван?

– Не знаю, отец… Там десять лошадей с поклажей, высокий господин с очень сердитым лицом и добрый брадобрей с плешью на голове.

– Разместятся! – уверенно разрешил Оболенский, сыто откидываясь на подушках. – Это, видимо, мой товар прибыл. Можете не разгружать, сундуки и на лошадях прекрасно повисят.

– Но бедным животным надо отдохнуть, – удивился Али-Баба.

– Ничего, уже сегодняшней ночью их ноша заметно полегчает… – с нажимом произнёс Лев, адресуясь исключительно к Марджине, и она это прекрасно поняла. В её чёрных раскосых глазах мелькнуло зарево такой упоительной радости, что Оболенскому на миг даже стало жарко. – Ну, так нечего тянуть, зови дорогих гостей за стол и будь лапушкой, сгоняй за вином, я угощаю!

Женщина безоговорочно приняла из рук Багдадского вора золотой динар, попробовала его на зуб и, поклонившись, вышла из комнаты.

– О добрейший и благоразумнейший…

– Не надо титулов и грубой лести, – мягко остановил хозяина наш герой. – У меня интуиция пашет без передыху – ты ведь хотел спросить, как я намерен избавить твою хату от этой навязчивой хранительницы домашнего очага?

– Да, да… – сбивчиво забормотал Али-Баба. – Я очень ей благодарен, клянусь аллахом! Но… ей всё мало! Я дал ей свободу, дал золото, ключи от всех сундуков – ей опять мало! На днях она потребовала, чтобы я женил на ней сына своего брата…

– У-у… тётка западает на малолеток? – понимающе присвистнул Лев. – Вообще-то очень неглупый ход, если вдуматься… Пара несчастных случаев, и она остаётся молодой вдовой с богатым наследством!

– Увы мне…

– Эй, надеюсь, ты ещё не дал согласие?!

– Нет, но она требует…

– Не вздумай, пожалей ребёнка! А что касается твоей бывшей наёмной работницы, то у меня такое предвидение, будто бы после этой ночи она надолго залетит в тюрягу… «Залетит», я имею в виду – сядет, а не то, что ты подумал…

Али-Баба с надеждой взглянул на ухмыляющегося Оболенского и, пустив слезу, бросился целовать «пыль его сапог».

– Сдурел мужик! Я ж тебе не Наташа Ростова… – искренне возмутился Лев, отдёргивая ногу. Но хозяин упорствовал в проявлении своей благодарности, завязалась свалка, в каковом положении их и застал вошедший Насреддин.

– Вай дод! Лёва-джан, что он от тебя хочет?

– Сам спроси!

– Только не говори, что он первым начал…

– Слушай, ты в чём меня подозреваешь?!

– Уважаемый Али-Баба, не могли бы вы отпустить восхитительно белую ножку моего друга и выйти во двор, где вас нетерпеливо дожидается багдадский купец, изнывающий от жгучего желания у вас переночевать? – Одной длинной фразой домулло выпроводил смутившегося хозяина за дверь. – Где Марджина?

– Объект отправлен за алкоголем, а ты взял с собой самогонку?

– Нет, у меня имеется кое-что получше… – «Брадобрей» сунул руку за пазуху и вытащил крохотный бумажный пакетик. – Это гашиш, он дарит самые чувственные фантазии. Между прочим, пришлось отдать торговцу последние три динара…

– Хорошая наркота дешевле не стоит, – авторитетно кивнул Лев, чьи познания о наркобизнесе ограничивались газетными вырезками и кинематографическим ширпотребом. – Да, кстати, почему сундуки, а не кувшины?

– Сундуки безопаснее, – пояснил домулло. – Или ты, упаси аллах, решил дать возможность этой женщине ещё раз сварить в масле правоверных мусульман?

– Ну-у, может, самую чуточку…

Ходжа покосился на вальяжного Оболенского, быстро сунул в рот половинку персика и, прислушиваясь к шагам за дверью, прошипел:

– Это Шехмет! Умоляю тебя, о невежливый и сквернословящий, будь с ним поласковее!

– Я буду с ним… нежен, – томно промурлыкал Лев, потягиваясь, как огромный мартовский кот.

– Ладно, шайтан с тобой, обольстительный бесстыдник! Ответь только на один вопрос: там, в гареме, ты спал с какой-

нибудь женой эмира?

– Сразу с тремя… Только почему же спал? Я, знаешь ли, очень даже… бодрствовал!

– Только могильная земля исправит горб горбатого… – прочувствованно оповестил домулло, и дверь в комнату открылась. Али-Баба с поклонами ввел внутрь маскарадного купца. Честное слово, иного эпитета было не подобрать! Чалма поверх медного шлема, рукояти ножей, торчащие из-за голенищ, румийская кольчуга, блистающая в разрезе халата, за поясом ятаган, а длинная белая борода топорщится мочалом под чёрными усами. Чтобы окончательно быть неузнанным, премудрый господин Шехмет перевязал левый глаз чёрной тряпочкой и изменил голос.

– С-с-салам алейкум, поч-чтеннейшие! – старательно заикаясь, произнёс он. – Я сам-арка-ка-ндский купец Ке-керим!

– Керим, – пояснил Ходжа, все, кроме Оболенского, вежливо кивнули. А Лев в совершенно ненормальном оцепенении впился взглядом в ястребиное лицо начальника городской стражи, даже не дыша от изумления.

– Добрейший хозяин, да продлят небеса твои годы и осыпят твой дом благостями, не будет ли нам позволено сесть и насладиться беседой четверых достойнейших мужей, ибо каждому из нас есть что рассказать миру, – многозначительно выдал Насреддин, подпихивая Али-Бабу. Тот сразу вспомнил о законах гостеприимства, захлопал в ладоши, и всё тот же мальчик Касим быстренько произвёл на столе надлежащую смену блюд.

– Да простит Аллах моё нетерпение, о великодушнейший Али-Баба, но твоя доподлинная история известна всем. – Когда присутствующие уселись, «брадобрей» вновь взял нить разговора в свои руки. – Я бы мог рассказать много чудесного, но мои уста сковывает печать обета. Ибо обещал я Всевышнему не раскрывать чужих секретов и не выдавать личных тайн до тех пор, пока само Небо не призовёт души усопших к Страшному суду! Но, быть может, молодой господин с голубыми глазами и богатырской статью развлечет нас какой-нибудь сказкой?

Лев молчал, всё так же открыв рот и не сводя глаз с напряжённого Шехмета.

– Эй! Эй, уважаемый, я к тебе обращаюсь! – Оболенский не реагировал. Поняв наконец, что все усилия пропадают втуне, домулло почтительно обернулся к так называемому купцу: – Тогда, быть может, мой спутник, благородный торговец Керим из Самарканда, поведает нам занимательную историю?

– М-м… кх… ну, я, вообще-то, не… – Чувствующий себя не в своей тарелке Шехмет не сразу вспомнил о том, что надо

заикаться. – Особенных историй как бы и не было… так, мелочь всякая. Служба, разъезды, стражи… ой! Торг-говля, это… странны всякие, стольк-ко интер-р-ресного, уй! Но всего н-не запомнишь… ага.

В дверь постучали, молча вошла Марджина, прикрывая лицо широким рукавом, и поставила перед Оболенским небольшой кувшин вина, литра на полтора. Именно это и сыграло роль последней капли… Лев вздрогнул, соединил в памяти Шехмета и кувшин, после чего повалился в приступе дикого и абсолютно неуправляемого хохота! Он совершенно по-детски, упоённо заливался смехом, он ржал, как лошадь на свежий анекдот, он уже едва дышал, перемежая короткие всхлипы с придушенным хихиканьем, и никак не мог успокоиться…

– Н-ну, и что же т-тут смешного… – непритворно заикаясь, звенящим от ярости фальцетом выдавил глава городской стражи, его пальцы нервно заплясали на рукояти кривого ятагана.

Глава 66

Хороший писатель не усложняет жизнь своим героям.

Бесплатный совет начинающим.

Надо отдать должное Льву, в какую-то минуту он сумел вовремя остановиться. То есть всей силой воли наступить на горло собственной песне (в данном контексте – хохоту).

– Всё, всё… не кипятись, старик! Дай отдышаться, и я расскажу тебе такую смешную историю, что все правоверные мусульмане вашей епархии просто животики надорвут!

– Сначала скажи – ты ли тот человек, которого называют Багдадским вором?

– Ну я. Пардон, если забыл представиться… Лев Оболенский – тот самый Багдадский вор, собственной персоной. Ещё у кого вопросы есть?

– Нет, – убедившись, что все молчат, объявил домулло, – только, может быть, не надо всё рассказывать, а?

– Пусть говорит! – начальственно разрешил «купец», и Али-Баба поддержал его согласным киванием. Никто и не обратил внимания, куда и как исчезла Марджина…

– Жили-были, значит, я – Багдадский вор – и начальник городской стражи – некий гражданин Шехмет… – торжественно начал Лев, демонстративно игнорируя явное напряжение по крайней мере двух слушателей. Но если переодетое начальство заинтересованно вытянуло шею, то проницательный «брадобрей» обличающе покрутил пальцем у виска. (Жест, чрезвычайно редко встречающийся в мусульманских странах, сильно подозреваю, что Ходжа просто перенял его у щедрого на такие штучки Оболенского.)

– Так вот, шёл как-то раз я – бедовая головушка воровская – по пустыне и причалил к одному бухарскому каравану. А заправлял там некий Гасан-бей, не слыхали?

– Не, не… – тут же открестился Шехмет, – н-не слыхал и н-не хочу!

– Ну и леший с ним! Всё равно он гадом оказался впоследствии… Короче, пригласил он меня в шатер и поставил на спор пять кувшинов креплёного вина, а один зажал. Якобы для этого самого Шехмета из городской стражи. Тоже сволочь изрядная…

– Э-э… почему же?! Я слы-лышал, будто бы господин Ш-Шехмет – храбрый, мудрый и весьма достойный п-почитания человек!

– Да, да… – сдержанно подтвердил Ходжа. – Его достоинства так велики, что вызывают исключительно одно восхищение!

– У прекрасных дам? – слегка спошлил Оболенский, но его московский юмор не был оценён по достоинству – никто просто ничего не понял. – А ну вас… В общем, решил я от него ночью сбежать. Стырил у Гасана стильную одежонку и влез в здоровенный такой баул с китайскими ширпотребными шароварами. Слушайте, они у вас тоже все рынки оккупировали, да? Ой, отвлёкся… а шестой кувшинчик шахдизарского я, естественно, затащил с собой. Чего ж, думаю, в скукоте-то сидеть? Так с выпивкой, как сами понимаете, было куда веселее… Утречком в лагере – шум, суета, все вопят и друг на друга наезжают – дескать, верблюды мусульманина съели!

– Вай дод! – не сдержался Али-Баба. – Такое точно бывает! Мой дед спал на песке, а его же верблюд за ночь выщипал ему все волосы на голове…

– Все? – не поверив, отвлеклись Лев, Шехмет и домулло.

– Все! Все четыре, клянусь аллахом! – страстно заверил Али-Баба, присутствующие сочувственно пожали плечами. На Востоке в большинстве живут легковерные люди, перечитайте арабские или турецкие сказки – вы поразитесь количеству самого незатейливого вранья и ещё больше – готовности населения принимать всё это за чистую монетку.

– Если тема волосатого дедушки исчерпана, то я, с вашего разрешения, продолжу… – церемонно объявил Лев, ему вежливо улыбнулись – продолжайте, почтеннейший. – Итак, пока суд да дело, мне в туалет захотелось со страшной силой. В бауле нельзя – все шаровары промочу, наружу тоже не выскочишь – мы в воротах стоим. Думаю, ну куда? Ага, ты правильно угадал, прозорливый купец Керим, – именно в опустевший кувшин!

Лицо грозного Шехмета пошло пятнами… Казалось, что вот-вот, и главу городских стражников хватит удар. Он было открывал рот, беззвучно шевеля безвольными губами, и тут же его захлопывал, словно боясь сказать лишнего. Думаю, на самом деле его уже тыщу лет вот так не высмеивали в присутствии посторонних…

– Там, конечно, было потом много всякого, но суть не в этом. Я ведь почему сейчас, при вас, так неделикатно расхихикался? Просто вспомнил, как этот Гасан-бей наливал из этого кувшина этому самому Шехмету, а он…

– Он – не пил! – срывающимся голосом взвыл «псевдокупец».

– Ни глотка не пил! Он сразу понял, что это… слышишь, ты?!

– Заикаться не забывайте, уважаемый, – скромно напомнил домулло, господин Шехмет кивнул и продолжил:

– Я т-тоже слышал эту гн-нусную сказку про нашего дорогого и вс-семи любимого нач-чальника стражи. Тебе не удалось его провести! Он не выпил, не выпил, не выпил, чтоб ты знал!

– Я говорю, заикаться не забывайте, э?!

– Д-да, д-да, спасибо… – закашлялся выравнивающий дыхание гость. – Ну, я х-хотел, чтоб-бы он п-понял!

– Вот за это и выпьем, – с напором опытного миротворца предложил Лев. – За понимание!

Увы, выпить не успели… В комнату вбежал перепуганный мальчик с криками о помощи:

– Там – беда! Лошади почтенного купца взбесились!

– Вай мэ…

– А сундуки ругаются человеческими голосами!

– Вай дод…

– И тётя Марджина обварила себе ногу кунжутным маслом!

– Упс! – подытожил Оболенский. – Подъём, мужики! Надо поглядеть на трезвую голову, что там у нас творится…

Да, собственно говоря, когда они вышли во двор, ничего особенного там уже не творилось. Подуспокоившиеся боевые кони фыркали, прядали ушами, нервно переступали с ноги на ногу, но не бесились. Опытный взгляд господина Шехмета отметил лишь следы маленьких копыт, истоптавших землю вокруг лошадей. Этот факт не ускользнул и от Оболенского… Насчёт «ругающихся сундуков» начальник стражи разобрался ещё быстрее, громогласно сообщив, что, «если хоть какой-нибудь шайтан подаст голос, то не сносить ему головы!». Подозрительный шум разом прекратился, хотя звуки, издаваемые «сундуками», скорее походили на стоны, чем на ругань. А вот разнесчастная Марджина действительно сидела в углу двора на перевёрнутом вверх дном ведре, и всё вокруг нее было забрызгано жирными пятнами. При виде мужчин бывшая рабыня сжала зубы, встала и, страшно прихрамывая, поплелась в дом. Она так старательно делала вид, будто бы с ней ничего не случилось, что ей почти поверили. Покачав головой, Али-Баба прилюдно постыдил мальчика за поднятую суматоху, вновь приглашая всех вернуться за стол. Поцокав языками, гости проследовали за хозяином, и только один Лев Оболенский чуточку задержался на входе – исключительно для того, чтобы послать воздушный поцелуи подмигивающему из-за угла Рабиновичу. Маленький ослик и был на деле первопричиной всех бедствий. Скучающий четвероногий герой явно знал куда больше, чем казалось на

первый взгляд. Ведь Лев привёл его до того, как Шехмет с Насреддином разместили в маленьком дворике десять лошадей с притороченными к сёдлам длинными сундуками. В каждом лежал стражник, каждый был заперт на замок, а для дыхания в каждой крышке было просверлено несколько дырочек. Ослик спокойненько бы стоял себе в уголке, если бы не злокозненная Марджина, обстучавшая пару сундуков и убедившаяся, что внутри – люди. Когда она, приплясывая, бросилась кипятить масло, Рабинович взялся за дело.

Надо признать, ничего из ряда вон выходящего он не сотворил, так… начал совершенно бесстыдно домогаться всех кобыл в отряде. А их оказалось целых четыре. Ни самим кобылам, ни стоящим рядом коням, ни белому жеребцу господина Шехмета это почему-то не понравилось. Арабский скакун так вообще счёл, будто кто-то нарушает его личные, племенные прерогативы. Через минуту в маленьком, спаянном табунке вызрел бунт и началась драка! Все пытались прижать, лягнуть и укусить наглого, вертлявого ослика. Каково пришлось лежащим в сундуках стражам, можно только догадываться… А тут ещё и бывшая рабыня спешит с ведром наперевес. Удирая, Рабинович сделал ловкий финт, и арабский жеребец грудью сбил несчастную женщину, заставив её на собственной шкуре испытать всю прелесть кипящего масла. Вот, собственно, и всё… К тому же будем откровенны – всё вышесказанное лишь лирические домыслы Оболенского. Он ведь лично при этом не присутствовал и в описании данного инцидента руководствовался лишь собственной интуицией и хитрющим прищуром доверчивых глаз любимого Рабиновича…

Глава 67

Хочешь, я убью соседей, что мешают спать?

Да, да! Марджина и такое предлагала…

Кражи в клинике временно прекратились. Никто не знал, с чем это связано и какому святому ставить пудовую свечу, но… факт остаётся фактом – после вскрытия памятного сейфа целую неделю ничего ни у кого не пропадало. Выздоровление Оболенского шло довольно медленно, по мнению его супруги, и необыкновенно быстро – с точки зрения профессиональных медиков. То есть больной самостоятельно поворачивал голову, шевелил пальцами обеих рук (левой активнее, чем правой), почти без помощи медсестёр переворачивался с боку на бок, и у него существенно улучшился аппетит. Хотя можно ли считать последнее личной заслугой Оболенского? Думаю, всем известно, как кормят в наших больницах и клиниках… Так вот, даже эту перетёртую, пюреобразную бурду выздоравливающий наловчился проглатывать быстро и без претензий. Дополнительные калории и витамины, приносимые заботливой супругой, съедались с тем же пылом, хотя Лев по-прежнему никого не узнавал. Но самое главное, что прогресс пошёл! Мой друг маленькими, но уверенными шажками шёл к выздоровлению. Быстро или медленно, не столь важно, важно – что стабильно! Теперь-то я понимаю все тонкости и почти эфемерные аспекты этой больничной истории. Выздоровление Льва могло обозначать только одно – там, в другом мире, он уже приступил к выполнению своей самой главной миссии…

Как сидели, что пили, чем закусывали и о чём говорили наши герои за столом у Али-Бабы – вряд ли стоит дословно воспроизводить. Ни даже сам Лев, ни уж тем более я не смогли бы абсолютно достоверно припомнить малейшие детали застольного разговора, произошедшего столько лет назад. Именно лет, можно было бы написать и столетий, ведь реальные похождения Багдадского вора пришлись на очень древние времена… Как говорится, ещё до царя Гороха… Мы же с вами вернёмся к той достопамятной ночи, когда Али-Баба был освобождён от тирании бывшей спасительницы, господин Шехмет ещё раз получил щелчок по носу и впал в ересь, а Лев Оболенский был живым вознесён на небеса! Не подумайте, что за праведность,

совсем наоборот. И, кстати, ему там не очень понравилось…

Как понимаете, эта сволочная Марджина на достигнутом не успокоилась. Одной обваренной ноги ей было мало, и тётка, дождавшись ночи, с маниакальным упорством взялась за прежнее дело. На кухоньке вовсю полыхал весёлый огонь, а в подвешенном казане булькало кипящее масло. Свои «танцующие» кинжалы она достала и наточила заранее. Почему эта, в чём-то довольно умная и даже изобретательная, дамочка отдавала предпочтение уже наработанным методам – я совершенно без понятия! Вроде бы если так уж хочешь кого-нибудь непременно убить, то способов для этого тысячи, ан нет! Масло, кинжал… и всё тут. Не зря медик и математик Авиценна говорил: «Женщине можно доверить всё, кроме: тайны, денег, здоровья, жизни и прочего…» Хотя, быть может, это сказал и не Авиценна, Лев точно не помнил… Однако первую роковую ошибку допустил не он, а благородный господин Шехмет. Пользуясь тем, что Али-Баба повёл гостей укладываться на ночь, он незаметно проскользнул во двор и начал проверять боеготовность своих людей:

– Тук-тук! Не спишь?!

– Никак нет, мой господин!

– Молодец! Жди, скоро ты мне понадобишься.

Вот примерно такой диалог прозвучал почти десять раз. Почти, потому что в четырёх случаях переодетому купцу ответствовал здоровый храп и добудиться спящих в сундуках воинов было очень непросто. А ошибка заключалась в том, что на стук и ругань змеей выскользнула бдительная Марджина, лишний раз убедившаяся в полной основательности своих подозрений. Участь бедных стражников была решена… Вот вторую ошибку совершил действительно Оболенский, хотя и не без участия Насреддина. Заметив, что Марджина сидит себе в одиночку на кухне, кипятит масло и ест лепёшку с сыром, он недолго думая свистнул пару ломтиков. А опытный Ходжа, разогрев в ладонях катышек героина, аккуратно залепил его в сыр. Вернуть украденный продукт на место оказалось ещё проще, и через пару минут наркотик плавно опустился в желудок бывшей рабыни. Ошибка заключалась в том, что на разных людей гашиш действует по-разному. Далее сюжет разворачивается трогательно и обеззвученно одновременно…

Всё происходило в тишине. Весь дом погружён в праведный сон (хотя на деле спят лишь Али-Баба, мальчик Касим и трое-четверо невольников). Из дверей, дыша бесшумно, крадется одноглазый заикающийся купец и торопливо осуществляет совершенно сумасшедшую работу – в одиночку разгружает всех лошадей, складывая сундуки со стражниками в ряд! (Три пары

глаз старательно наблюдают, как он обливается потом.) После чего мудрый Шехмет хлопает себя по бокам, рыщет в халате, в чалме, в поясе – ключа от сундуков как не бывало! (Две пары глаз перемигиваются, ибо ключик давно у Оболенского.) Проклиная ни в чём не повинного шайтана, глава городской стражи идет обратно в дом, где начинает шумные поиски в темноте на месте общего ужина. (Третья пара глаз, наблюдающая из кухни, радостно вспыхивает, и нетерпеливая Марджина идёт на дело.) Она вприпляску бежит через весь двор и, глупо хихикая, выливает полное ведро кипящего масла на первый же сундук. Но попасть в маленькие, почти неразличимые в темноте дырочки для воздуха – это ведь не в широкую горловину кувшина… То есть практический результат – на нуле! Однако гашиш даёт о себе знать, в движениях женщины наблюдается нездоровая активность, как у ополоумевшего таракана. (Две пары глаз, по-прежнему следящие из окна дома, обмениваются многозначительными взглядами.) Мокрая от счастья Марджина, порхая словно мотылёк, носилась взад-вперёд с полунаполненным ведром, ибо ждать, пока новая порция масла соизволит вскипеть, она уже не могла. У тётки свербило в одном месте… Вскоре все сундуки были обляпаны горячим, чуть тёплым, а кое-где и совершенно холодным маслом. Лежащим внутри стражникам практически ничего не перепало, но бедняжка уже не могла успокоиться и всё так же бегала из кухни во двор, воодушевленно размахивая ведром. В эту минуту благородный Шехмет наконец вышел из дому и стал искать ключ на пороге, где, кстати, он и оказался. (Одна пара глаз, исчезнув на мгновение, быстро вернулась к другой, мигнув в знак выполненного задания.) Глава стражников сразу же открыл все сундуки, дважды падая поскользнувшись на масле. Естественно, что бедолага даже не заметил здоровенного силуэта, выросшего у него за спиной, и, получив тяжёлый удар по затылку, ничком рухнул наземь. В сознание он пришёл, оказавшись связанным спиной к спине с «плешивым брадобреем». Вот здесь наконец начинаются первые диалоги, а то я и сам успел утомиться от однообразной описательности…

– Что… со мной?

– Ты связан, о великий охотник на воров. Тебя ушибла ведром вон та сумасшедшая, пытающаяся залить кипящим маслом твоих доблестных воинов, – доходчиво пояснил Насреддин, бессовестно оклеветав старательную женщину. Шехмет зарычал, дёрнулся пару раз, но верёвки попались крепкие.

– Почему же ты, сын осла, не поднял тревогу?!

– Помилуй аллах, да разве у меня ключ от твоих сундуков?

– Ага! Сундуки! – восторженно взвыл переодетый начальник

стражи. – Хвала аллаху, я успел открыть замки! Эгей, мои храбрые воины! Выходите по зову своего командира!!!

Марджина, не прекращая хихиканья, продолжала бессмысленную беготню, так как масло на кухне давно кончилось. На все вопли грозного Шехмета особенно никто не вышел… То есть попытались, конечно, кое-кому из стражников даже удалось откинуть крышку, но на этом… увы… всё! А вот попробуйте сами полежать в узком сундуке по стойке «смирно» в течение часов семи-восьми, дыша через крошечные дырочки… Естественно, у людей безнадёжно затекли и руки, и ноги. Начальству легко глотку драть, но встать по приказу, к сожалению, не сумел никто, хотя честно пытались все! В результате своими криками Шехмет добился одного – находящаяся под кайфом Марджина вдруг вспомнила, на кого ей следует обратить внимание. Ведро полетело в сторону.

– Я буду танцевать для вас, почтеннейшие! – свистящим шёпотом пропела она. В руках бывшей рабыни зловеще сверкнули длинные дамасские кинжалы.

Глава 68

Что плохому танцору мешает, а хорошему тенору помогает? Угадали!

Ходжа, конечно, понимал, что всё идёт по его же плану, но всё-таки… Всё-таки колющее оружие у женщины в состоянии наркотической эйфории выглядело весьма жутковато. Гашиш действительно вызывает у человека самые разные реакции: кто-то впадает в безумное веселье, кто-то в дикую работоспособность, а кто-то в волшебные галлюцинации. Марджина, как вы видели, прошла все три стадии, но, прежде чем наркотик свалил её, обессиленную и опустошенную, бывшая рабыня вполне могла натворить дел… В планы друзей это никак не входило, они почему-то надеялись, что мужененавистница быстро выдохнется и захрапит, а Лев, соответственно, беспрепятственно сунет её в мешок, дабы «украсть» куда подальше. Увы… глянув на покачивающуюся в танце женщину, упоённо отстукивающую кинжалом о кинжал ритм, у Оболенского резко пропало желание воровать. Резко, но ненадолго… Поразмышляв с минуточку, он высунул нос из-за двери, осмотрелся и пошёл корректировать планы. Или, иными словами, вносить в стратегические разработки Ходжи необходимые изменения по ходу дела…

– Бум-балаки-дон! Бум-балаки-дон! Смотрите на меня, почтеннейшие, ибо нигде и никогда больше вы не увидите ничего более прекрасного, чем мой танец!

– Спаси аллах, спаси аллах, спаси аллах… – на одной ноте надсадно бормотал начальник городской стражи, не в силах отвести глаз от тусклого блеска стали. Домулло, напротив, что-то пристально высматривал за спиной Марджины, казалось – среди лошадей бесшумно скользит чья-то громоздкая фигура.

– Бум-балаки-дон! Бум-балаки-дон! Что же вы молчите, уважаемые?! – Одурманенная танцовщица на миг замерла, пощекотав кинжалом фальшивую бороду Шехмета. – Вам не нравится?! Ах, значит, вот как… не нравится!

Связанный «купец» икнул и потерял сознание. Насреддин мысленно помянул «тупоголовых иблисов, принимающих в ряды городской стражи людей, склонных к припадочности»…

– А ты, бум-балаки-дон!

– Я – бум-балаки-дон?!

– Не строй из меня глупую женщину! – взвизгнула мгновенно оскорбившаяся домоуправительница. – Я никому не позволю…

бум-балаки-дон! Бум-балаки-дон! Так как тебе мой прекрасный танец, о плешивейший из всех брадобреев?

– Вай мэ, клянусь Аллахом и Мухаммедом, пророком его, твой танец – есть живое совершенство, счастье для души, радость для глаз и услада для сердца! – с чувством ответил домулло, видя, как под чадрой лицо женщины буквально светится от удовлетворения. – Однако не позволишь ли ты мне, недостойному ценителю твоих красот, один вопрос, терзающий мой скудный разум?

– Бум-балаки-дон! Бум-балаки-дон! – Бывшая рабыня быстро забыла о собеседнике и, протанцевав ещё какое-то время, обернулась к нему, словно видя впервые: – Как тебе мой танец?

– Хвала небесам, это прекрасно, изумительно и достойно восхищения Всевышнего! – лишний раз подтвердил Ходжа. – Но неужели столь искусная в движениях красавица знает только один танец?

Марджина остановилась как вкопанная. Видимо, какая-то часть её мозга всё ещё боролась с наркотиком и чётко понимала, что зрителей пора убивать. С другой стороны, один из них и так уже не дышит, а другой смеет сомневаться в её возможностях?! Нет, это, знаете ли, слишком!

– Бум-балаки… ладно, танец с кинжалами я дотанцую после. Говори, что бы ты хотел увидеть? Каирскую плясовую? Бухарскую свадебную с выходом?

– «Укус пчелы»!

– Но… это же… бум-бала…

– О да! Это чувственный и страстный танец для самых храбрых женщин, но не каждая решится его…

– Довольно! – Марджина швырнула клинки наземь и, полуприкрыв глаза, начала плавно покачивать бёдрами, напевая сама себе одну из сверхпопулярных мелодий Древнего Востока.

Домулло скромно поздравил себя с победой и дважды больно пнул бессознательного Шехмета локтем в бок. Отважный начальник городской стражи слабо застонал, открывая глаза:

– Я уже на небесах? Тогда что за шайтан лупит меня по рёбрам…

– Ва-а-х, зачем так шумишь? Лучше посмотри, что происходит!

А на происходящее стоило посмотреть. Кое-как выползающие из сундуков воины замерли на полпути. Вышедший на шум во дворе Али-Баба встал столбом, прикрыв ладонью вытаращенные очи приёмного сына. Лев Оболенский, успешно выводящий за ворота уже третью пару лошадей, словно окаменел с поднятой ногой. Что говорить, благородные жеребцы и те повернули

головы, а у впечатлительного Рабиновича разом отвисла челюсть…

Вы знаете, что такое танец «Укус пчелы»?! Вот и я не знал до тех пор, пока мой друг не поведал, с заблестевшими глазками и прерывающимся полушёпотом. Это стриптиз! Самый настоящий, неприкрытый багдадский стриптиз, без всяких топлесс… Марджина, мягко двигаясь по кругу, невесомыми пассами рук «отгоняла» от себя невидимую пчелу. Её уста сомкнулись, прекратив пение, а сквозь зубы вылетало навязчивое жужжание «насекомой». «Пчела» кружила вокруг молодой женщины, заставляя ту изгибаться в самых причудливых и сладострастных позах. Это было необычайно пластично и сексуально притягательно. Льву первому удалось стряхнуть с себя чары бывшей рабыни (в конце концов, уж он-то насмотрелся в своё время всяких разных стриптизёрш в десятках московских клубов!). Благословив общую оцепенелость, Багдадский вор неторопливо повёл за ворота следующую пару лошадей… А танец меж тем разворачивал своё мистическое действо, буквально завораживая слабые мужские сердца. Опасная «пчела» одним махом «залетела» в рукав танцующей, заставив ту завертеться волчком, срывая с себя одну деталь одежды за другой. Было видно, как женщина боится «укуса пчелы», как она топчет упавшее платье, рубашку, шаровары, но… ах! При снятии последнего, сугубо интимного предмета туалета «пчела» всё-таки исхитрилась совершить своё чёрное злодеяние! Гибкое смуглое тело вздрогнуло, невероятно прогнувшись, и словно забилось в последнем, яростном экстазе немыслимо сладкой боли…

– Вай мэ-э… какая женщина-а! – единым мужским вздохом пронеслось над упавшей в изнеможении Марджиной. Танец кончен… Мужчины – тоже. В смысле, что нечто подобное испытал и каждый из зрителей (ну, может быть, за исключением мальчика). Шехмет блаженно-вялыми глазами уставился на сглатывающего слюну Насреддина, гладя его кончиками пальцев по бедру:

– Она – пэри! Не правда ли, мой друг с обольстительно сияющей плешью?

– О да-а… – не сразу опомнился домулло. – Э, руки убери, почтеннейший! Не надо меня так трогать – от этого меня бросает в пот, а когда я потею, то пахну!

– А? Что?! Где? Это я, что ли, тебя трогаю?! Думай, что говоришь, бесстыжий сын косоглазого джейрана!

– Хвала аллаху! Вот теперь я вижу перед собой сиятельного начальника городской стражи. Так мы будем ловить Багдадского вора или нет?

Шехмет прозрел. В чёрном проёме ворот исчезал хвост последней кобылы. Высунувшаяся напоследок рука Льва сделала неприличный жест и скрылась. Стражники, кряхтя, выпадали из сундуков, на четвереньках спеша к своему грозному начальнику. Добрый Али-Баба, загнав Касима в дом, бросился развязывать пленников. Поняв, что ловить в общем-то уже некого, а до рассвета осталась всего пара часов, благородный господин Шехмет принял самое разумное решение – изобразить всё произошедшее так, словно оно соответствовало его тщательно продуманному плану:

– Слушайте меня, правоверные! Мы вновь одержали весомую победу над происками Льва Оболенского, да пожрёт шайтан его лёгкие и почки! Мы спасли дом благочестивого мусульманина Али-Бабы со всем его семейством! Мы поймали опасную преступницу, нарушительницу законов Шариата, безбожную Марджину! (Кстати, заверните её в ковёр. Бесстыдница так хорошо танцует и так упоительно сложена, что я намерен взять её восьмой женой…) Мы прогнали Багдадского вора и дали ему в дорогу целых десять лошадей! Это ловушка! С таким табуном он не затеряется в песках и будет пойман с первыми лучами солнца… С почётом и достоинством предстанем мы перед милостивым ликом эмира!

– Да продлит Аллах свет над головой нашего мудрейшего командира! – хором отрапортовали весьма довольные собой стражники.

– А мои деньги? – шепотом поинтересовался Ходжа, поймав за рукав уходящего Шехмета.

Тот злобно вырвался:

– Ты получил бы свои грязные медяки, если бы помог нам связать презренного негодяя. А пока он гуляет на свободе…

– Три таньга!

– Одна! И клянусь мощами пророка…

– Две! И я никому ничего не скажу!

Две маленькие медные монетки перекочевали за пазуху хозяйственного домулло.

Глава 69

Тверже всех на грешной земле
стоят писатели-фантасты.

Судя по тиражам и
гонорарам.

Быть может, вам, дорогие читатели, как и мне, юмор моего друга представляется иногда… слишком прямолинейным, что ли… Я пытаюсь по-своему облагородить и причесать реальные события, но увы… первая заповедь серьёзного писателя-фантаста: «Никогда не врать!» Можешь сочинять всё, что душе угодно, но так, чтобы любой человек, открывший твою книгу, уверенно сказал: «Да, вот так оно всё и бывает! Жаль, что это случилось не со мной…» Так вот, если вы вспомните историю нашей литературы, то признаете, что ведущие мастера юмора рождались скорее на Украине, чем у матушки-России. Гоголь, Ильф и Петров, Булгаков… Список можно продолжать сегодняшними авторами, но не в этом суть. К моему безграничному удивлению, древний Багдад, наоборот, обладал чувством юмора, стопроцентно идентичным именно современной Москве. Простые, солдафонские, а зачастую и явно чернушные шуточки моего друга имели среди местного населения головокружительный успех! Казалось бы, ну что особенно смешного в том, что человек сбежал из зиндана? Так нет, эту историю, с хохотом и прибаутками, передавали из уст в уста! А что особенно весёлого в том, что кто-то переночевал в чужом гареме? Да мы в лучшем случае пожмём плечами, если узнаем из «желтой прессы», как какой-нибудь шустрый аферист переспал с женой олигарха! А в Багдаде и пригородах народ надрывал животики, расписывая во всех красках бледный вид «рогатого» эмира… Неисповедимы пути человеческого смеха и чудны проявления его! Долгое время и для меня это было камнем преткновения, казалось, что роман о приключениях Багдадского вора получается чрезмерно бытовым и обыденным, а значит, малоинтересным для рядового читателя. Честно говоря, было бы очень грустно ощущать, что история моего друга остается интересной только мне… Хотя какого чёрта?! Роман движется к концу, а я всё еще терзаюсь сомнениями – стоило ли вообще огород городить? Стоило! И если кому-то что-то не по вкусу, то это его проблемы!…

Лев и вправду не очень далеко ушёл. Примерно до конца

улицы, всех лошадей он связал по ранжиру и застопорился, в сущности, только из-за того, что толком не знал, куда двигаться дальше. Проблема любого вора не в том, чтобы украсть, а в том, куда и как сбыть украденное. Приятно ощущать себя счастливым владельцем сразу десяти боевых коней с полной упряжью, а дальше? О том, что делать дальше, они с Ходжой не договаривались. Да и вообще акт конокрадства был стихийным, вынужденным, животные просто попались под руку… И то, что один, самый молодой и ретивый, стражник из отряда дерзнул-таки выглянуть за ворота, тоже никак не планировалось.

– О шайтан! Братья, смотрите – там наши лошади!

Стражники к этому времени всё ещё передвигались на полусогнутых, однако близость преступника возбудила в доблестных воинах горячий охотничий азарт.

– Наш командир был прав – злодей не уйдёт от расправы! Хвала мудрейшему Шехмету! Бей бесчестного Багдадского вора!

Все, кто мог, ринулись в погоню. Домулло тихо застонал, скорбно сдвигая плешь себе на нос. Его досаду вполне можно было понять – ведь как хорошо все складывалось: Али-Бабу от Марджины избавили; домовитую маньячку не убили, не сунули в тюрьму, а выдали замуж; всю стражу практически отправили пешкодралом до Багдада, так нет же тебе! Этот голубоглазый шайтан, иблис и… очень нехороший человек не сумел даже отбежать на приличное расстояние!

– У меня нет на тебя слов, Лёва-джан… Но если они тебя схватят, я поимею ещё три таньга. Итак… держи вора-а-а!!!

Не пугайтесь и не сомневайтесь, Лев бы удрал от ковыляющих преследователей с обезоруживающей лёгкостью. Лошадей было жалко бросать, а так бы удрал, конечно… Но в этот момент произошло одно из самых невероятных событий, когда-либо обрушивавшихся на Багдад и его окрестности: из глубин фиолетового неба над спящей улицей скользнул огромный серебристый диск, переливающийся цветными огнями! Зрелище было столь прекрасно и как бы сказать… нестандартно?! – что все свидетели замерли в столбняковом состоянии.

– Мать честная, охренеть на этом месте… Гадом буду – НЛО! – хрипло охнул Лев Оболенский, и в ту же секунду его накрыл сияющий бледно-лиловый луч. Неподвижные стражники, Насреддин, Шехмет и даже вездесущий Рабинович, не шевелясь, смотрели, как рослая фигура Багдадского вора словно бы растворяется в неземном сиянии. Секунда, другая, и свет погас. Слепящее огнями чудо по диагонали взмыло вверх, теряясь среди перепуганных звёзд. На улице одиноко топтались брошенные лошади…

– Что это было, клянусь аллахом?! – первым заговорил начальник городской стражи. Присутствующие молчали.

Наконец один, самый старый и опытный, выдавил:

– Мой прадед рассказывал о таком волшебстве моему деду, а тот моему отцу, а отец мне. Это сияющая колесница, уносящая особо праведных мусульман живыми на небеса, к престолу Всевышнего!

– Вах, ты хочешь сказать, что грязный вор и есть такой праведник?

– Не мне судить о деяниях Аллаха, мой господин. Я говорю только то, что слышал от отца, он от деда, а тот от прадеда… Святой старец Хызр был вознесён именно таким способом, и он уже не вернулся к людям.

– Хм… – подумав, пожал плечами благородный Шехмет, – значит, я могу сообщить эмиру, что причин для беспокойства больше нет. Багдадский вор вознесён на небеса колесницей святого Хызра! Что вы встали, болваны?! Поймайте лошадей…

Вскоре на улочке вновь стало тихо. Но вплоть до самого рассвета Ходжа Насреддин и его верный ослик до рези в глазах всматривались в небеса, ожидая возвращения своего внезапно исчезнувшего друга. Увы, небеса, как водится, безмолвствовали…

Я вновь позволю себе сделать авторское отступление, ибо на одной коротенькой истории конь моего долготерпения споткнулся так, что едва не выбросил из седла всадника моего доверия. Это по цветисто-восточному… А если по-человечески, то все рассказы Оболенского до сей поры не выбивались за разумные границы «Тысячи и одной ночи», однако – инопланетяне?! Дамы и господа, признайте, что это слишком! Мы спорили до хрипоты часа три, клянусь аллахом… Лев доказывал, что ничего он не сочиняет, и вот так всё оно и было. Книжки он тоже умеет читать, и если бы уж очень захотел выдумать нечто эдакое, так приложил бы все усилия для сохранения единого стиля повествования. Что мешало ему наврать, например, о путешествии в паре с Синдбадом-мореходом? Или активном участии в судьбе достопамятного Аладдина? Действительно, логично возмущался я, какого шайтана он не взял давно сложившиеся и не вызывающие недоверия линии сюжета? Зачем было ломать традиции?! Инопланетяне в Персии и Аравии, свободно порхающие на летающих тарелках и похищающие правоверных мусульман в ближайших пригородах Багдада… О, это чрезмерно даже для фантастики! Но если вдуматься, то именно факт столь дикого и неправдоподобного поворота темы и убедил меня в конце концов, что мой друг не врёт. Только из уважения к нашим хорошим отношениям я зарылся в специальную литературу и, к

своему величайшему удивлению, натолкнулся на старинные упоминания о «колеснице святого Хызра». В персидских сказках говорилось о том, как с небес спустилась божественная колесница, сияющая, словно тысяча солнц, забирая с собой святого праведника, обходившего землю и просвещавшего верующих. Естественно, не мне подвергать сомнению религиозные догматы, но если мы с вами только предположим, что это был неизвестный летательный аппарат… Тогда новая история Льва Оболенского вовсе не представляется фантастичной, наоборот… В любом случае настала пора дать этому событию своё собственное название: ***«Сказ о Багдадском воре и его вознесении на небеса колесницей святого Хызра».***

Глава 70

Над моим родным аулом
Что-то в небе громыхнуло.
Грустно в поле саксаулу,
«Стингер-2» – абзац аулу!

Афганский фольклор

Когда его «возносили» – он ни капли не боялся. Собственно, как вы поняли, чувство страха у Льва вообще было дохлым и недоразвитым, но причина не в этом. А в том, что он почти стопроцентно знал, что и почему с ним происходит. Благодаря широко разрекламированному сериалу «Секретные материалы» любой среднестатистический россиянин в той или иной мере уже готов к встрече с инопланетянами. Мой друг Оболенский не исключение. Увидев спускающуюся с небес летающую тарелку, он даже слегка присел от удивления, но не более того. Или наоборот, более этого – он был счастлив, что именно его скромную особу выбрали для установления первого контакта с человечеством. Сияющий луч, почти вертикально обрушившийся сверху, так свободно поднял немелкого Льва, что на мгновение тот ощутил лёгкое головокружение. Видимо, луч обладал какими-то антигравитационными свойствами, так как вместе с человеком с земли воспарили мелкие камушки и случайная приблудная кошка. В такой компании, конечно, куда веселее, но Лев не успел этого в должной мере оценить. От слепящего света он зажмурил глаза, а когда открыл их, то даже не сразу вспомнил, где находится. В смысле, куда попал… Прошу извинить меня за некоторую корявость слога, но раньше мне никогда не приходилось описывать инопланетян. В основном это прерогатива научной фантастики, так что вынужден полностью полагаться на зрительную память моего друга. Багдадский вор пришёл в себя, лёжа на спине, совершенно голый, на низеньком холодном столике. Руки-ноги разведены в стороны и закреплены какими-то мягкими, пластиковыми зажимами. С потолка светит здоровенный восьмиламповый диск, обстановка вокруг напоминает то ли операционную комнату, то ли ветеринарную лечебницу. Не пахнет ничем, кроме умопомрачающей стерильности (если стерильность может хоть чем-то пахнуть…). Рядом, слева, полочка с ящиком, истыканным разными проводками, тут же всякие неприятные медицинские инструменты, о назначении которых гадать не особенно хочется…

Единственное живое существо (кроме самого Льва, разумеется) – та самая приблудная трёхцветная кошка неопределённой породы. Она спокойненько умывалась, сидя в уголочке на полу, и Оболенский почти уже собрался на неё гавкнуть для разрядки, но не успел. Часть стены мягко скользнула в сторону, и в комнату плавно вошло (вкатилось? вплыло?) три абсолютно одинаковых существа. Внешность скорее гуманоидная, одежды никакой, бесполые, кожа ближе к серому или голубому, ноги коротенькие, руки трёхпалые, череп вытянутый к затылку, вместо ушей, носа и рта – дырки, а вот глаза… Необычайно огромные, практически в пол-лица и блестящие радужными разводами, как у насекомых. Все трое встали возле распростёртого Оболенского, возбуждённо перепискиваясь на односложно птичьем языке.

Лев помолчал, кашлянул пару раз для приличия, увы – со стороны хозяев ноль внимания. Тогда он просто повернул голову и дружелюбно оповестил:

– Жители великой планеты Земля приветствуют вас, гости из космоса! Я счастлив своими глазами лицезреть братьев по разуму и надеюсь, что первый контакт не разочарует обе стороны, а старушка-Земля войдёт наконец в межгалактическое содружество!

– Не шевелись, человек. – Ровные монотонные слова без малейшей эмоциональной окраски раздались прямо в мозгу Оболенского. – Мы не в первый раз на твоей планете. Лежи спокойно, и тебе не причинят вреда.

– Э… так в чём проблема, парни? – почему-то занервничал Лев. – Развяжите меня, и мы тут мирненько, по-добрососедски побеседуем. А то я лежу, вы стоите, неудобно как-то…

– Тебе не причинят вреда. Мы лишь изучаем вашу расу.

– А с какой целью?

– Наша цель – единство Вселенского Разума.

– Весьма благородно, конечно… – поморщившись, буркнул мой начитанный друг. – Но что же мне всё это напоминает? Эй, ребятки! Я пока не буйный, но вы меня, пожалуй, всё-таки развяжите…

Вместо ответа прожектора над его головой вспыхнули синим, зелёным и красным цветом. Льву показалось, что всё его тело просвечено насквозь. Разноцветные лучи медленно двигались по кругу, у Оболенского заколодо в висках, потом резко свело судорогой руки, отпустило, невидимым прессом сдавило все внутренности в животе, резануло под коленными чашечками и замерло пульсирующей болью в кончиках пальцев ног.

– А-у-у! Эй, медики паршивые, больно же.

– Тебе не причинят вреда, наша цель – изучение.

– Ну так изучайте на кроликах каких-нибудь или мышках лабораторных, нельзя же на живых людях эксперименты ставить! Развязывайте на фиг, я вам говорю!

– Человек, тебе не причинят… – Один из инопланетян взял маленькими ручками непонятный медицинский инструмент, несколько смахивающий на пиратский пистолет с воронкообразным дулом. При виде такого обхождения Лев, может быть впервые в жизни, испытал настоящий панический страх.

– Вы н-не имеете прав-ва… – запинаясь, начал он. Тот, что держал «пистолет», потихоньку подкрадывался к его левой ноге.

– Человек, – всё так же монохромно отозвалось в голове Оболенского, – мы изучаем вашу расу с целью нахождения ей наилучшего применения на тех планетах Галактики, где уже владычествует Вселенский Разум. Каждое существо, обладающее, как и вы, хотя бы зачатками интеллекта, обязано трудиться во имя достижения общей цели.

– Не хочу я трудиться!

– Это можно исправить. Мы действуем тебе во благо. Не мешай нам, человек.

В воспалённом мозгу Оболенского молниеносно прокручивались жуткие кадры сцен издевательств и насилия представителей инопланетных цивилизаций над бедными жителями Земли. Он почему-то сразу предположил худшее… Вряд ли эти умники будут его перевоспитывать по неувядающей системе Макаренко, скорее всего просто сделают что-то нехорошее с мозгом (промывка, присыпка, затирка, а то и прямая ампутация!). Невероятным напряжением воли и всех мыслимых сил здорового русского организма ему удалось вырвать из тисков левую ногу и махом врезать пяткой в лоб изготовившегося «медика»! Видимо, такое поведение «неразумных существ» было для инопланетян не в диковинку, но удесятерённой отчаянием силы Льва они, конечно, предусмотреть не могли. Несчастный яйцеголовый пушинкой отлетел в угол, рухнув спиной прямо на закончившую умывание кошку. Бедняжка взвыла дурным голосом и так расцарапала загривок упавшего, что тот от шока выстрелил себе в пальчик. Оболенский успел ощутить слабый, конвульсивный писк, и тельце инопланетянина обмякло. Двое оставшихся вперились фасеточными зрачками в освободившуюся ногу нашего героя.

– Хм… я не хотел… Примите мои искренние извинения, дорогие собратья по разуму. Гляньте там, может, его ещё починить как-нибудь можно?

Инопланетники переглянулись и молча вышли вон – дверь в лабораторию открывалась и закрывалась, повинуясь

телепатическому приказу. Зачем они ушли, было непонятно, но неужели те двое ещё и надеялись, что в их отсутствие «жертва» устыдится содеянного и будет покорно ждать уготованной участи? Как знать, «подопытные» бывают разные… Наверняка попадались и те, что были счастливы оказать посильную помощь в эксперименте над самими собой. Упираясь пяткой в зажим на правой ноге, Оболенский просто вывернул и его с потрохами. После долгих попыток освободить руки вынужденно отказался от этой бесперспективной идеи. А вот сам стол выломать удалось! Соскользнув на бок всей массой тела, молодой россиянин расстарался и снял-таки с несущего стержня вращающуюся на нём столешницу. Упоённый победой, он даже побегал туда-сюда по крохотной комнатке, успокаивая нервы и просматривая обстановку.

– Что-то у нас не законтачилось… Я представлял себе встречу представителей двух высокоразвитых цивилизаций несколько иначе. Может, мы друг друга недопоняли? Или эти сифилитики безносые и вправду хотели сделать из профессионального вора рядового колхозного трудягу… О блин! Нет чтоб на консенсус пойти, по-человечески обо всём договориться… Если ребяткам так уж важен наёмный труд на хорошо оплачиваемых виноградных плантациях какой-нибудь Тау Кита, так ведь всегда можно договориться! Вон внизу целых десять трудолюбивых молодцов из гвардии Шехмета ждут не дождутся. Кстати, вместе со своим господином в придачу, а из него классный прораб мог бы получиться… – неизвестно кому и зачем вслух объяснял Оболенский, поглядывая на распростёртого инопланетянина. – Слышь, ты, братан по разуму? Вставай, а?! Я ведь не со зла тебя так приложил, а пушкой своей ты, вообще, сам застрелился. Кстати, уберём-ка её от греха подальше…

Ловким пинком Лев выбил опасную штуковину из безвольной руки лежащего и футбольно загнал под металлический шкаф с кнопочками. Инопланетянин дернулся и кое-как открыл глаза…

– Хвала аллаху и пресвятой деве Марии! Обвинение по статье о непредумышленном убийстве УК РФ с меня, грешного, может быть снято. Итак, будем знакомы, я – Лев Оболенский!

Глава 71

В интеллектуальном споре побеждает тот, кто стреляет первым.

Правило Клинта Иствуда.

Маленький инопланетянин молчал… Никаких чувств, даже отдалённо напоминающих страх, панику или хотя бы интерес, на его кукольном лице не отражалось. Лев пробовал и так и эдак – разговорить яйцеголового не удавалось. В конце концов Оболенский рассердился всерьёз и, страшно оскалив зубы, склонился над ушибленным так, что его кулак, схваченный зажимом у запястья, оказался на одном уровне с носовым отверстием похитителя. Вот этот жест был понят безоговорочно и сразу! Держу пари, что мужчины всех планет бескрайнего космоса в чём-то трогательно одинаковы… Тонкие пальчики нажали какие-то кнопочки на ребре столешницы, и Оболенский разом обрёл желанную свободу. Первым делом он выудил из-под шкафа тот самый «пистолет» и уже целенаправленно взялся за допрос с пристрастием. Судя по готовности голубокожего к сотрудничеству, соображалка у парня работала…

– Да, да, мой глазастый друг, я без малейших колебаний пущу эту штуковину в ход, а она пустит тебя в расход! – поэтично предупредил Лёвушка. – Быть может, это не цивилизованно и отдаёт средневековым варварством, но вы первые начали – не фиг было меня электрошоком запугивать! Так что активного милосердия от меня теперь и не жди… Ты всё переварил?

– Нелогичная система подачи информации. Речь строится на сложной взаимосвязи недоступных пониманию символов и скрытых образных ресурсов. – Изо рта инопланетянина не вылетало ни звука, он по-прежнему общался посредством телепатии.

– Хоп… побойся аллаха, я и сам у тебя понял слова три от силы! Давай как-то попроще, а?

– Спрашивай, человек, – согласился голос.

– Где два твоих боевых товарища?

– Они обсуждают произошедшее в рубке управления полётом, мы поддерживаем постоянную связь посредством Высшего Разума.

– Отличненько, вот и пусть сидят там не дёргаясь, иначе я начну изображать очень справедливого шерифа с жутко Дикого

Запада. Буду палить навскидку во всё, что шевелится, понял?

– Это неразумно. У тебя неоправданно высок уровень агрессии.

– Точно! Так неоправданно высок, что сам вздрагиваю периодически. А ну, говори, чего вы там с человечеством сделать задумали?!

– Мы не причиним вам вреда.

– Та-а-к, на данном направлении линия перегружена. – Лев угрожающе поднял оружие.

– Вопрос понял, – неожиданно легко признался допрашиваемый. – Мы хотим только добра для всех разумных существ на вашей планете. Люди, как наиболее высокоорганизованный вид, могут принести большую пользу всем цивилизациям. Мы поможем вам преодолеть болезни и увеличить срок жизнедеятельности организма…

– Неплохо.

– …предотвратим войны и стихийные бедствия…

– Тоже ничего.

– …создадим практичные правительства, действенную систему организации производства…

– И это нужное дело.

– …избавим от религиозных, политических, расовых и половых различий…

– Правильно, мне начинает нравиться ваша концепция благоустройства нашей… Что-о?! – Первоначально Оболенский решил, что просто ослышался. – А ну, повтори ещё раз, импотент плешивый, от каких различий ты решил меня избавить?!

– Различий на почве религии, общественных и социальных устоев, а также расовых и половых индивид… – Голос в мозгу Льва тихо увял, донельзя подавленный нарастающей в недрах «серого вещества» клокочущей русской яростью! Впрочем, я полагаю, не только русской… Не много людей на планете пришло бы в восторг от идеи полной отмены полов. В любом случае я и мой друг не из их числа…

– Человек, не надо.

– Надо! Я ещё отродясь никого не убивал – ты будешь первым!

– Это нецелесообразно. Парализатор существует для успокоения и придания статичного положения, а не…

– Готовься к вечной статике, гад! – Ещё секунда, и Лев бы наверняка нажал чёрную пластинку, расположенную на месте привычного спускового крючка, но сзади раздался мягкий стук раскрывающейся стены.

– Человек, положи парализатор. Сопротивление

бессмысленно.

Оболенский презрительно скривил губы, за его спиной, отражаясь в полированном металле ящичка, стояли двое уходивших на совещание инопланетян. В их тонких ручках неуверенно подрагивало такое же оружие. О наивные дети высокоразвитых цивилизаций… Они никогда не имели дела с грязными штучками отчаянного дворянина, насмотревшегося в своё время голливудских вестернов. Мгновение, и… огромное тело Багдадского вора, совершив немыслимый кувырок, скрылось за раскуроченным столом. Сверху показались две мускулистых руки – одна держала за химок обалдевшего инопланетного благодетеля, другая недвусмысленно упиралась дулом парализатора ему в бок.

– Это ничего не изменит. Нас всё равно останется двое, это больше, чем один, – неуверенно стукнулось в висок Оболенского.

– Верно, но два – это уже меньше, чем три! – логично парировал он.

– Почему ты не хочешь следовать путём Высшего Разума?

– Потому, что у меня своя тыква на плечах!

– Это неправда. Тыква – наименование крупного овоща из семейства тыквенных.

– Точно, считайте, что в МГУ вы пройдете без экзаменов! Короче, репоголовые, или вы меня отпускаете, или я тут все крушу к едрёне фене!

– Разумное существо не сможет причинить осознанный вред окружающей среде…

– А я неосознанно! – нагло выкрикнул Лев и, примера ради, пальнул в синий огонек на потолочном осветительном приборе. Грохоту, искр и брызг получилось в изобилии… Двое инопланетян переглянулись, опуская руки. Похоже, такой непослушный пленник им попался впервые… Через полчаса голый Оболенский и все трое членов экипажа космического корабля сидели в рубке управления полетом, дипломатично обсуждая детали «разумного выхода из сложившейся ситуации». Вся одежда Оболенского была признана недостаточно гигиеничной и давным-давно выброшена за борт.

Летающая тарелка пребывала в состоянии вольного парения где-то на высоте пятисот метров над спящим Багдадом. На первый взгляд галактическое время не особо отличалось от земного. Звездная россыпь на муаре неба уже не казалась такой холодно-прекрасной. Понимание того, что и на иных планетах тоже есть жизнь, делало их сияние более теплым и домашним. Казалось, звезды и светятся на небосклоне именно затем, чтобы показать – они живы, они счастливы и они очень хотят друг к

другу в гости…

Большим плюсом со стороны инопланетян оказался телепатический обмен информацией. Дважды повторять остальным ничего не пришлось, они и так были в курсе предыдущих разговоров. Однако снисходя к «примитивному уровню мышления» Оболенского, ему еще раз обстоятельно объяснили все плюсы программы обновления человечества с помощью объединений Высшего Разума. Экипаж данной «тарелочки» прибыл из соседней галактики с многоступенчатым цифровым названием. Он был скорее разведывательным или научно-исследовательским, военных действий не производил, а живых существ похищал исключительно с познавательными целями. Лев царственно-снисходительно, как наивных детей детсадовского возраста, выслушал инопланетян и все их предложения, со всем согласился, по всем пунктам покивал и задал в конце концов один-разъединственный вопросик:

– Мужики, а зачем устранять различие полов?

– В нём нет логической необходимости. Продолжение рода гораздо перспективнее проводить путём научного почкования и репродуктивного воспроизводства.

– Угу… – задумчиво почесал затылок Левушка. – Стало быть, все функции мужчины и женщины вы рассматриваете с точки зрения произведения потомства. Должен вас огорчить, есть еще один очень важный аспект, который в таком щепетильном вопросе никак нельзя сбрасывать со счетов.

– Какой? – В трёхголосии впервые послышались нотки удивления.

– Сам процесс!… – загадочно объявил Оболенский. – Ладно уж, объясню поподробнее. Итак, с чего все начинается…

Глава 72

На Тау Ките условья не те…

Из туристического справочника.

А вы знаете, как много общего между исламом и христианством? Лично я, когда узнал, был просто в ступоре. Заповеди Корана и Святого Писания настолько идентичны, что похожи на записи двух прилежных учеников, конспектирующих один и тот же текст. Сходство – поразительное! Я мог бы привести целую кучу примеров, но сейчас нас более всего интересует единство позиций по отношению к семье и браку. Благо и то и другое считается в обоих верованиях глобальными ценностями! Особенно же мне бросилась в глаза общность взглядов на роль женщины в семье. Не будем отвлекаться на фундаменталистов и ортодоксов, в Коране и Библии нет прямых указаний на «второсортность» женщины. Наоборот, относиться к ним следует с любовью, уважением и заботой – таков долг истинного мусульманина или христианина.

Требования к достоинствам тоже едины у всех: скромность, доброта, мягкосердечие; минимум косметики, украшений и максимум длины подола. Однако если один библейский пророк прямо заявил, что «лучше человеку вообще не касаться женщины…», то благословенный Мухаммед был гораздо терпимее и тоньше в таких вопросах. Он легко, без ложного стыда, честно и умно касался самых интимных тем, отстаивая в вопросах секса равные права и мужчин и женщин: «Возлежание с собственной женой есть искреннее деяние». «Муж и жена, делящие брачное ложе, достойны восхваления и благословения Аллаха». А как вам понравится такое: «Мужу, прежде своих желаний, следует удовлетворить желания жены». Думаю, что наши доморощенные феминистки должны взвыть от восторга и толпой переброситься в ислам. Однако… «если муж призывает на брачное ложе жену свою и она не отвечает ему согласием, тогда пусть Тот, Кто является Властителем Небес, проклянет её и не простит до тех пор, пока не удовлетворит она желание мужа своего»!

Таким образом, нашему герою, Льву Оболенскому, выросшему в православной Москве и нахватавшемуся коранических откровений в Багдаде, было что рассказать трем, тогда еще бесполым, необразованным инопланетникам… Не будем впустую пересказывать их содержательную беседу,

остановимся на главном – Лев убедил оппонентов! Во всяком случае, довёл свои логические требования до той крайней точки, когда без «практического эксперимента» уже ничего не решишь.

– Ребятушки, у нас тут две проблемы.

– Человек, наша цивилизация обогнала вашу на десятки тысяч лет, и наш уровень развития позволяет решить любые проблемы.

– Ловлю на слове! – охотно согласился Оболенский. – Ну, стало быть, во-первых, надо сделать из вас конкретных мужиков или баб. В одном случае требуется нарастить, в другом – наоборот, прорезать. Тьфу, шайтан, что говорю, а? Я тут скоро краснеть начну, как практикантка-зоотехник на собрании трудового коллектива…

– Мы готовы освободить свои первичные половые признаки.

– Так они у вас есть?! – ахнул Лев.

Инопланетяне помялись, зачем-то потыкали себя в низ живота, и у всех троих лихо выпрыгнули некие подобия… сами знаете чего. Не знаете? Угадайте с трёх раз, а я подсказывать не буду. Принципиально.

– М… мелкие какие-то…

– Для освобождения организма от излишков жидкости величина и размер не играют весомой роли! – надулись экспериментаторы.

– Ладно, не лезьте в бутылку… А функционировать будет?

– Именно это и должен выяснить наш совместный опыт.

– Наш?! – вытаращился Оболенский. – Ни за что! На меня в этом нехитром деле даже не рассчитывайте. Вернёмся лучше к проблеме номер два: где взять женщину?

– Мы можем создать её искусственным путём… – после недолгих размышлений предложили инопланетники. – Потребуется капля твоей крови и вон то живое существо.

– Кошка?

– Мы не знаем её наименования, – напомнили пришельцы.

– А сколько времени это займёт? Я имею в виду, что до утра… пардон, уже вовсю рассветает! – оглянулся Лев.

– Нам понадобится некоторое количество свободных временных единиц, именуемое у вас часом. Потребуется твоя консультация, человек…

– Вот это от всей мусульманской души!

Предупреждаю сразу – ни я, ни Лев не сильны в области космических технологий, и, к сожалению, все сложные приборы, научные разработки, инопланетные ноу-хау мне были поданы с чисто русской характеристикой. Оставляю всё как есть, возможно, определенные аспекты вы расшифруете лучше, чем я…

«Полчаса ловили кошку. На „кис-кис“ не идет, стерва… Яйцеголовых расцарапала так, что приходи, кума, любоваться! Я – умный, я не полез. Вопящую дурным голосом кошару в шесть рук запихали в прозрачный аквариум, утрамбовали и залили сверху густой зелёной гадостью. Кошка примолкла, вроде как под наркозом. Они туда проводов разноцветных насовали, два ящика с кнопками подключили и рубильник, здоровый такой, вроде стоп-крана в самолете… Ха, купился! Ладно, кроме шуток… Сначала там искорки бегать начали, потом такие разряды электрические, и жидкость сразу прозрачной стала, как „Аква Минерале“. Тут один из местных ко мне примазался с клизмой металлической, маленькой, карманной наверное. В руку ткнул, подержал секунду, и всё – на экранчике синеньком циферки с графиками забегали. Это он так пробу крови получил. И не больно совсем… А с кошки вся шерсть почему-то отпала, собралась комочком на поверхности, они её сачком вычерпывали. Но знаешь, самой мурке всё до балды – дышит, и морда такая блаженствующая. Что-то там зафурычило и тикать стало, а экран в рост пошёл. Какую-то фиговину они к цилиндру подсоединили – типа всё, что на экране, в цилиндре на практике проецируется. Вот тут-то и понадобилась моя конкретная консультация. Ибо откуда же им, сморчкам необрезанным, знать, как настоящая женщина должна выглядеть?! Наши, земные, их не возбуждают, а своих нет давно. Я так понял: они у себя на планете самок в первую очередь извели. Дескать, организм слишком сложный, многофункциональный и каждый месяц сбои даёт. Переделали. Всех переделали, согласно велениям Высшего Разума, в средний бесполый тип, но с некоторыми мужскими детальками. Я так чую, что этот Высший Разум тоже небось не девочка… Ну да и хрен с ним! Короче, пока мы создавали инопланетную женщину, я ощущал себя практически Богом…»

– Глаза ещё увеличьте. Вот так… И ресницы. Да, да, как у меня, только длиннее…

– Зачем, человек?

– Для красоты! Слышал ты такое слово, зануда?!

– Это нефункциональное и относительное понятие, неподводимое под чёткую цифровую классификацию.

– Молчал бы, Челентано! Талию пауже… ага, а бёдра пошире. Бедра, я тебе говорю, а не плечи!

– Нам нравится…

– Блин, ну ты из неё шкафчик с ушками сделал. Талию уже, тебе говорят! Во… вот, это другое дело. Теперь грудь давай.

– Шире? Уже?

– Выше! Да не туда… это ж тебе не мосты гнуть. Пообъёмнее,

поаппетитнее, и раздели надвое.

– Математическая формула не ясна. Конкретизируйте параметры.

– Ёлы-палы, да как я тебе конкретизирую-то…

– Покажи, человек.

– Ага, если бы они у меня были! Ну-ка, пусти меня к экрану… И карандашик дай, не сломаю. Вот так вот вроде… и тут вот ещё кружочки такие, с пилочкой посередине… Понял?

– Странно выглядит…

– Ну я ж не Рафаэль! Хочешь, ещё прибавим?

– Так лучше… А это что?

– Волосы.

– Зачем?

– Не задавай дурацких вопросов! Вот тут, на голове, их много должно быть, женщины из них прически всякие бигудями вертят. И тут вот… немножко…

– А тут зачем?

– Да так… для загадочности… вообще-то это на любителя…

– Нам нравится.

Примерно через пару часов (в час они не уложились) в стеклянном цилиндре плавала первая инопланетная женщина. Яйцеголовые возбуждённо пищали. Довольный Лев утомлённо вытирал пот со лба. Кажется, получилось…

Глава 73

Влажная киска и мокрая кошка –
далеко не одно и то же.

Французское наблюдение.

Оболенский искренне любовался на дело рук своих, как, может быть, художник-профессионал с детским восхищением ходит кругами у мольберта с законченным шедевром. В заметно увеличившемся цилиндре полусонно плавала воплощенная эротика инопланетян из галактики с долгопроизносимым номером. Маленького, но обаятельного роста, с элегантными ушными, ротовыми и носовыми отверстиями, копной черно-бело-рыжих волос (вот где пригодилась кошачья шерсть!), гитарообразной фигуркой, грудью впечатляющего объёма и большущими фасеточными глазами в обрамлении чуть загнутых ресниц. Даже у самого «консультанта» это творение вызывало положительные эмоции, а что уж говорить об обалдевших инопланетянах… Коротышки носились вокруг едва ли не вприсядку, безалаберно споря о том, кто будет экспериментировать первым. Нет, не подумайте, Льву они тоже предложили, но он отказался. Дескать, феодальное право «первой ночи» уже отжило своё, и если у девушки первым мужчиной будет именно человек, то нет гарантии, что после этого её хоть когда-нибудь заинтересуют инопланетяне. Объяснять почему, не стал, понадеялся, что яйцеголовые умеют сравнивать…

– Ну что, выпускаем?

Инопланетники кивнули, понажимали на кнопочки, что-то чавкающе заурчало, убирая из цилиндра жидкость. Пятью минутами позже извлечённая и обсушенная девица кокетливо покачивала ножкой и оценивающе вглядывалась в четырёх создателей. Лев, естественно, выделялся, как новенький «фиат» среди детских самокатов, неудивительно, что первые вопросы были именно к нему. Телепатически, естественно…

– Зачем ты создал меня, человек?

– Хороший философский вопрос… – не сразу нашёлся мой друг, он ожидал от девушки какого-нибудь младенческого агуканья, но не такие проблемы, и сразу в лоб. – Если попытаться ответить покороче, то я взял на себя смелость напомнить гостям из далёкого космоса о красоте и любви. Вот ты и полетишь как первый секс-символ к ним на родину.

– Я знаю, что такое любовь и красота… – грациозно

потянулась искусительница, а самый впечатлительный из экипажа от избытка чувств рухнул на пол. – Какая-то часть меня очень хорошо это помнит… Ночь, крыши, длинные серенады усатых самцов, увенчанных шрамами. Всепоглощающая дикая страсть в пылающей крови и кончиках холодных ногтей! Кто будет биться за право быть со мной?

– М-м… я-то уж точно нет. Вот эти трое, – указал Лев, – пожалуй, будут. Но, может быть, вы тут без меня решите все интимные вопросы посредством Высшего Разума?

– Решим, решим! – хрипло прозвучали голоса инопланетян. – Иди, человек, мы тут сами… мы вспомним… природа подскажет!

– А я напомню, мышки мои…

Оболенский понял, что душа блудливой кошки нашла себе самое подходящее вместилище, и если он не хочет быть втянутым ещё и в эту оргию, то надо линять, пока есть время.

– Ты – будешь лежать у моих ног! А ты – почёсывать меня за ухом! Ну а ты… иди сюда, повернись, отлично… Спой мне!

– Как скажешь, о… – От восхищения у всех троих перемкнуло телепатическую связь.

Девица на мгновение нахмурила лобик и поманила Оболенского:

– Человек, они не знают, как ко мне обращаться. Дай мне имя!

– Справедливо… – что-то прикинул в уме Лёвушка. – Есть несколько традиционных вариантов, например Ева?

– Нет.

– Ну и правильно, так ещё звали покойную супругу Гитлера… А если Венера или Афродита?

– Нет.

– Хм… вообще-то хорошие имена. Разве что одно какое-то болезненное, а другое чересчур эстрадное. Что же мне для тебя выбрать, аляпистая ты наша?

– Вот!

– Аляпис… Аляпка?! – от души поразился Лев, но девушка-кошка была довольна по уши. Удовлетворённый Оболенский не сразу сообразил, что его недвусмысленно подталкивают к выходу из лаборатории. Кажется, трое инопланетян и впрямь ощутили незнакомые доселе муки ревности. Ухмыляясь, Багдадский вор позволил сопроводить себя к так называемому выходу. В рифлёном полу открылся круглый люк, снизу ударило предзакатным отсветом и прохладой.

– Эй, Казановы, а вы ничего не забыли? Я ведь не горный орёл и с такой высоты без парашюта сигать не намерен.

– Мы спустим тебя, – торопливо засуетились яйцеголовые.

– Как воду в унитазе?!

– Аллегория не ясна.

– Это шутка. Надеюсь, там, под нами, город?

– Да. Ты будешь доставлен на крышу одного из высотных зданий. Встань сюда. О результатах эксперимента мы сообщим…

Оболенский послушно шагнул на красную ступеньку, сверху вспыхнули огни, и всё его тело охватил знакомый холодок антигравитационного луча. Хотел было стырить пистолет-парализатор, но одежды нет, куда его сунешь?

Переноса он не почувствовал…

А что всё это время творилось в клинике, это, я вам скажу, в двух словах не описать. Машу Оболенскую срочно вызванивали и дома, и на работе. Из двух институтов были приглашены профессора, студенты-медики гурьбой лезли посмотреть на живое чудо. Относительно живое… То есть чудо на данный момент пребывало в состоянии медленного выхода из комы. Больной подавал большие надежды и уверенно шёл на поправку, вселяя в окружающих врачей уверенность в превосходстве отечественной медицины. И тут вдруг ни с того ни с сего – нате вам – здрасте! Выздоровливающий резко вернулся к исходному состоянию, прекратил отзываться на любые раздражители и, что хуже всего, – весь покрылся непонятными цветными пятнами. Да ещё такими яркими, словно беднягу вымазали финской краской «Тиккурилла»! Тело больного было чётко поделено на четыре цветовых зоны: голова и плечи – синие, грудь, живот и локти – красные, бёдра и кисти рук – жёлтые, а ноги – изумрудно-зелёные. Подобного регресса не знала даже мировая медицина… Предусмотрительные нянечки и медсестры помоложе внаглую фотографировались на фоне кровати с разноцветным Львом. С телевидения спешили корреспонденты, иностранные врачи срочно покупали билеты в Россию, но увы… примерно через час лафа кончилась. К больному настолько быстро вернулась естественная окраска, что у четверых доцентов буквально обвисли хвостики… Ярких люминесцентных пятен как не бывало! Прибывшие светила недоумённо пожимали плечами, разводили руками и глубокомысленно удалялись в курилку. Гипотез было много, однозначного ответа – ни одного. Оболенский вновь стал шевелить рукой и даже более активно поворачивать голову. Медики так и не пришли к более-менее логическому выводу, что это было. Но мне теперь абсолютно ясно, что в этом деле как-то замешаны инопланетяне. И Лев, лежащий в клинике, наверняка был просвечен теми же лампочками, что и его двойник в летающей тарелке. Хотя вот… был ли двойник? Как уже

упоминалось в самом начале – это один из вопросов, так и по сей день оставшийся неразгаданным. Могла ли душа человека, лежащего в коме, путешествовать по параллельным мирам? Вполне! Но почему же тогда она не вселилась в кого-нибудь, а разгуливала в своём собственном теле Льва Оболенского?! Он же лежал в клинике! Ей-богу, если кто-нибудь из знатоков не раскроет эту загадку – в клинику попаду я сам. Просто от неудовлетворенного любопытства…

Наш герой пришёл в себя, потягиваясь на теплой, нагретой солнцем площадке среди оранжерей… эмирского гарема! Как только до него дошло, куда он опять влип, Лёва-джан молитвенно опустился на колени, проникновенно обращаясь к небесам:

– О, Аллах, всемилостивейший и всемогущий! Ничего не скажу, удружил… Это ж такой подарок! Просто слов нет… но ты знал, ты зна-а-л! Большое тебе мусульманское сенкью! Не буду задерживать, ещё раз спасибо, я пошёл…

Глава 74

Стеной тот город окружен,
И в нём имеют общих жен.

Почти В. Хлебников. Почти «Хаджи-Тархан».

Вечера на Востоке короткие, муэдзины объявляют вечернюю молитву до заката солнца. В идеале таких молитв должно быть пять, но… Какой же бай позволит своим работникам «отдыхать» трижды в день, тратя драгоценное время на общение с Аллахом? Ни торговля, ни пахота, ни военная служба таких перерывов тоже не подразумевали, поэтому багдадцы ограничивались утренней и вечерней молитвами. Кто мог себе позволить пять – хвала Аллаху, а кто нет… В конце концов, важно не количество молитв, а их искренность! Голый Оболенский благодарил Всевышнего совершенно искренне, так что у него даже слезы на глазах выступили от религиозного экстаза. Не подумайте, что в свой прошлый визит в это благословенное место Лев стыдливо прикрывал глазки. Ничего подобного! Кроме рыжекудрой Ириды он присмотрел ещё не менее двенадцати роскошных тёлочек и был полон решимости разгуляться от души. То гостеприимное окошечко, в которое его «пригласили» в предыдущий раз, он нашёл довольно быстро и, свесившись с крыши, деликатно постучал в узорчатую раму. Удивлённая красотка, выглянувшая в окно, едва не взвизгнула от восторга, только подняв глаза. Лев сыто облизнулся и, целомудренно прикрываясь ладошкой, на одной руке попробовал соскользнуть вниз. Сверзился бы сразу… Увы, порок восторжествовал, любителя гаремов подхватили и утроенными усилиями втянули внутрь. Здесь наше повествование обрывается аж на целых три дня. Ибо о трёх днях, проведённых в эмирском гареме, мой друг не мог сообщить ничего вразумительного. Он только закатывал глаза, тихо вздыхал, и на лицо его набегала такая романтическая дымка, словно его только вчера выкинули из рая. Причём за неуспеваемость… Там было больше пятидесяти женщин, даже если выбирать через одну, то всё равно – как успеешь?! Теперь-то уж он точно знал, какие бывают гурии и на что они способны… Эмир в эти дни гарем не посещал, был занят на пирах, устраиваемых в честь избавления города от Багдадского вора. Евнухов девицы обводили вокруг пальца просто играючи. К особо верным и любящим жёнам Оболенский не совался, вполне довольствуясь молоденькими и

особенно обделенными вниманием девчонками от восемнадцати до двадцати пяти. В общем и целом ему было так хорошо, что он даже ни разу не вспомнил о своих друзьях… А проблемы рухнули романтично, как снег на голову. Как-то утром Лев сибаритствовал, наслаждаясь тайским массажем и танцем живота, когда одна из прелестниц вбежала в комнату с воплем ужаса:

– О аллах, защити нас, сюда идёт эмир!

– Я занят… – отмахнулся Оболенский, ещё не до конца осознав размеры катастрофы, но девушки соображали быстрее…

– Сюда?!

– Сюда, сюда! Прямо сюда, в гарем!

– О глупая… В гарем – это одно, а прямо сюда – совсем другое, – успокоили паникёршу подруги. – Что угодно нашему сиятельному мужу?

– Говорят, он удивлён тем, что уже три дня мы ничего не просим, не докучаем капризами и не стремимся даже выйти погулять по саду. Наш господин в хорошем расположении духа и хочет уделить внимание всем.

– Это правильно. – Встав, Лев подошёл к окну, аккуратно выглянув наружу. – Вау! Да он сюда со всей стражей припёрся… Держу пари, рыбки мои, нас кто-то круто заложил!

– Это не я!

– И не я!

– Я тоже никому ничего не говорила! Все и так знают… – Повисшее молчание было тяжёлым, как чугун. Никто не понял, кто именно ляпнул последнюю фразу, но всем стало ясно, что визит эмира не случаен и ничего хорошего их не ждёт.

– Э-э… пожалуй, загостился я тут у вас, – поразмыслив, решил Оболенский. – Пора Ходжу навестить, Ахмеда проведать, к Джамиле в гости заглянуть…

– К какой такой Джамиле?! – мгновенно вскинулись девицы.

– Без комментариев! – цыкнул Лев. – Уважайте шариатское право мужчины на личную жизнь. Кого же я ещё позабыл? А, мой Рабинович! Мой верный ослик, чудо моё с раскидистыми ушами! Как же я по тебе соскучился…

В дверь без стука влетели ещё две красотки:

– Лёва-джан, беги! Наш муж и господин в гареме!

– Уже улетучиваюсь… но вот только куда?

– Ах, куда захочешь… главное, ненадолго!

Действительно, из здания особо не выскочишь, в коридоре увидят, на крыше заметят, иных вариантов практически нет. На этот раз Оболенский опередил девушек в плане принятия единственно верного решения:

– Женское платье пятидесятого размера, две подушки под

грудь, косметику, духи и вуаль поплотнее – живо!

– Так ты остаёшься, о наше неутомимое счастье?! – восторженно взвизгнули девушки. Багдадский вор царственно кивнул:

– Только мне надо передать срочную записку на волю. Кто сумеет «перебросить» через забор?

– У Зухры и Фланмы есть знакомые стражники, они отнесут.

Записка Льва на куске белого шёлка сурьмой была предельно короткой: «Я – в гареме». Больше он не уместил – выводить пальцем арабскую вязь вообще чертовски трудно. Девочка с письмом умчалась прочь, при удачном исходе операции клочок ткани непременно должен был попасть в руки башмачника, а уж Ахмед поймёт от кого и найдёт способ предупредить Насреддина. Если, конечно, он уже вернулся от аль-Дюбины. А домулло, соответственно, из одной зависти не даст другу бесследно сгинуть в сладком плену эмирского гарема…

Сам Селим ибн Гарун аль-Рашид в это время со всей свитой, при полном параде, торжественно отпирал двери «женского общежития». На самом-то деле он действительно шёл с праздничным настроением и карманами, набитыми подарками. Эмиру не доложили, что в последние три дня со второго этажа здания стражники постоянно слышат подозрительный шум, более всего напоминающий крики страсти и стоны удовлетворённых женщин. Будучи людьми опытными, евнухи принимали эти доклады, но к правителю не обращались, понимая, что в отсутствие законного мужа у женщин могут быть «свои секреты». Однако последовавшие за этим жалобы от старших жён на «чужеродный запах мужского тела» и, главное, весомое улучшение аппетита молоденьких наложниц, уносящих еду целыми подносами, возбудили в хранителях гарема логичное недоумение. Посовещавшись, они толпой направились к правителю Багдада, деликатно поведав ему о необходимости навещать своих благоверных хотя бы иногда, ибо если «боевой конь долго томится без дела, то падает на колени»… Эмир опомнился, принял целебный отвар из секретного набора алтайских трав и выразил желание провести ночь вне мужской части дворца. О том, чтобы с ним отправились верные нукеры, благоразумные евнухи позаботились заранее. Они же и утвердили план встречи высокого гостя…

– О благочестивые дочери мусульман, радуйтесь – ваш муж стоит у входа! Надевайте лучшие одежды, доставайте дорогие украшения, берите индийские благовония, ибо сегодняшней ночью эмир может войти к каждой! Встречайте своего мужа и господина, согласно заповедям Аллаха, с кротостью и

благоговением, с любовью и лаской, с уважением и почтением!

Не прошло и десяти минут, как дисциплинированные мусульманские женщины уже стояли в ряд соответственно возрасту и ранжиру. Сначала старшие жёны, потом любимые, затем фаворитки, наложницы, танцовщицы, певицы и просто «девушки приятные повсюду»… Вот где-то среди них и затесалась совершенно новая «жена» почти двухметрового роста, с богатырским разворотом плеч и сорок третьим размером туфелек. Она единственная не склонила головы при виде вошедшего в гарем эмира, а лишь вскинула массивный подбородок, демонстративно скрестив руки на арбузной груди. Оболенский был не очень хороший актёр, хотя… эмир тоже оказался не лучшим театральным критиком. В любом случае его взгляд зажёгся не подозрением, а любопытством…

Глава 75

Законопослушная девушка всегда
рада помочь главе государства.

Моника Левински.

Одним движением бровей Селим ибн Гарун аль-Рашид дал понять, что все остальные свободны. Внимательные евнухи быстро разогнали недовольно попискивающих женщин по их комнатам. Лев остался один посреди чистого зала, как дуб в грозу. По знаку эмира двое евнухов склонились перед правителем в подобострастных поклонах.

– Кто эта гордая чинара?

– А… о… уй, наш благородный господин, видимо, совсем забыл эту красавицу… – кое-как промямлил главный «завгар» (домашнее сокращение от «заведующий гаремом»). – Её прислал халиф самаркандский как знак дружбы и военного союза против неверных. Давно, ещё до Ночи Бесстыжих Шайтанов…

– Вай мэ, действительно забыл… – виновато улыбнулся эмир. – А что она умеет?

– О, всё на свете! – Евнухам было некуда отступать. Признайся они, что впервые видят эту кряжистую дылду, – им бы просто отрубили головы за халатность. – Она танцует, поёт, играет на свирели и знает все тайны возлежания по-самаркандски!

– Как её имя?

– Сию минуту, светлейший… – Завгар бросился к хладнокровно ожидающей девице, едва не падая от усердия и страха. – Как твоё имя, о дочь моего позора?!

– Ну, положим, Фёкла…

– Вай дод!… О блистательный эмир, имя твоей новой наложницы Положим Фёкла-ханум!

– Шайтан побери этих самаркандцев за такие странные имена… – удивился Селим ибн Гарун аль-Рашид. – Неужели я уже сочетался с ней законным браком?

Евнухи беспомощно уставились на Оболенского. Он кокетливо откинул с плеча россыпь искусственных косичек, приподнял вуаль, подмигнул эмиру и честно признался:

– Нет, дорогой мой, руку и сердце ты мне ещё не предлагал и марш Мендельсона для нас пока не играли.

– Тогда покажи мне своё умение, и я уединюсь с тобой, и случится мне войти в тебя, если ты бусина несверлёная и

кобылица другими не…

– Ты меня ещё верблюдицей обзови, ага… – неожиданным басом рявкнула самаркандка. – Войдёт он, как же… Да я сама тебе так войду! Я, между прочим, девушка из приличной семьи и до свадьбы себя лапать не позволю! А приставать к девственницам с такими охренительными предложениями Шариат не позволяет…

Сказать, что эмир малость обалдел, значит не сказать ничего. В идеале Коран дарует женщине с мужчиной равноценные права, но на практике все прекрасно понимают, как далёк идеал от действительности. Впечатлительные евнухи, например, без слов рухнули в обморок, ибо на их глазах было совершено величайшее оскорбление законов Шариата – женщина противоречила мужчине! Причём кому?! И при свидетелях… Лев же без тени смущения шагнул к остолбеневшему эмиру и, ласково потянув его за бородку, интимно предложил:

– Но если хочешь, я для тебя станцую. А может, ещё и спою… Эй, эпилептики, подъём! И усадите куда-нибудь моего сиятельного ухажёра – я плясать буду!

Судя по тому, что завгар с подчиненными не отреагировали, их обморок был предельно искренним. Оболенскому пришлось дважды хлопнуть в ладоши перед носом эмира, прежде чем со второго этажа набежали его любопытствующие подружки и усадили правителя Багдада на гору пуховых подушечек. Они же мгновенно принесли бубен, пару дудочек, дудар и некое подобие двадцатиструнной арфы – для аккомпанемента. Лев чувствовал себя как Остап Бендер на пике вдохновения, по уши в адреналине, и, не приведи аллах, остановить не вовремя! Дудар он забрал себе, перехватив на манер бас-гитары, и хотя совершенно забыл полный текст песни, но припев исполнил с большим чувством и бешеным энтузиазмом:

Мне другой награды не надо!
Ты один – мой смех и награда!
Быть твоей рабыней я рада,
А другие – кыш, кыш, кыш!!!

Остановившиеся глазки Селима ибн Гаруна аль-Рашида быстренько оживились, и даже увлажнились некоей восторженной сентиментальностью. Он явно испытывал большое удовлетворение, глядя, как на повторе припева «самаркандская чинара» перехватила дудар за гриф и размахивала им над головой, «отгоняя» от его царственной особы «ненавистных соперниц». Оболенский действительно разошёлся не на шутку!

Его глаза метали молнии, привязанные косы свистели в воздухе, а сам танец всё больше напоминал вдохновенную помесь «казачка» и шаманской пляски. Под конец он ещё рухнул перед повелителем на колени и по-цыгански потряс плечами:

Па-а-целуй меня, ты мне нравишься!
Па-а-целуй меня, не отравишься!

Такого в эмирском дворце не слышали со времён его сдачи в эксплуатацию. Муж и господин попятился задом… Одно дело – намекать даме на возможность более близких отношений и совсем другое – когда дама прёт на тебя, как бронетранспортёр, недвусмысленно угрожая изнасиловать в зюзю! Евнухи не делали даже попыток поднять бритые головы, им давно всё было ясно. Не подумайте, что эмир отличался таким уж скудоумием, то, что перед ним слишком мужеподобная женщина, он понял сразу. Просто в его феодальном мозгу не могла зародиться сама мысль о том, что под личиной женщины скрывается настоящий мужчина. Ибо это было бы полным крушением всех устоев и мгновенно сделало бы его посмешищем не только Багдада, но и всего мусульманского Мира. Получилось, как в сказке Андерсена «Новое платье короля». Король не хотел знать, а прочие знали, но молчали…

– Уф… – Оболенский в изнеможении плюхнулся рядом с эмиром, панибратски обнимая его за плечи. – Ну, как тебе, брильянтовый наш?

– О, этот танец воистину послужил усладой моему сердцу… – робко выдохнул Селим ибн Гарун аль-Рашид. Многие мужчины, гордые своей храбростью и твёрдостью в делах власти, совершенно беспомощны, когда их прижимает женщина втрое крупнее. – А возлежание по-самаркандски?

– Я ж говорю – только после штампа в паспорте.

– Воистину ты мудра и благочестива, о Положим Фёкла-ханум! – поразился правитель, а завгар приподнялся на четвереньки, старательно кивая в такт словам эмира. – Я не обижу тебя и не унижу себя настаиванием на ночи любви в твоей комнате. Но пусть завтра же нас свяжут брачные узы!

– В смысле, мы оформим юридический брачный договор? – разом вскинулся Лев. – Имей в виду, я буду настаивать на шестидесяти процентах совместно нажитого имущества даже в случае отсутствия детей!

– Ты родишь мне сына, – покровительственно улыбнулся повелитель Багдада и ласково потрепал «красавицу» по бедру.

– Ой, чёй-то в этом пункте у меня здоровые сомнения…

– Вот, возьми это кольцо в знак моего расположения. Я пока проведаю старших жен, а вам должно подготовить мою новую невесту к завтрашней церемонии, – поднимаясь, кивнул эмир, евнухи подобострастно склонились в поклонах. – Пусть халиф самаркандский знает, что я не оставил его дар без внимания…

– Всё равно не буду сына рожать! – упрямо буркнул Оболенский вслед удаляющемуся владыке. Присутствующие девицы прыснули в безудержном хохоте…

Глава 76

У невесты эмира ВСЕГДА много родственников.

Закон жизни.

В ту ночь мой друг «реально оторвался по полной программе». Понимая, что завтра они его уже не увидят, наложницы и фаворитки плюс две юные жены устроили Оболенскому настоящий праздник! Вино текло рекой: одежда слетала, как шелуха; халва с орехами валялась горками, а поцелуи были столь частыми, что и вздохнуть-то толком некогда… Жар страсти и неистовство стонов заставили двух евнухов помоложе экстренно задуматься об отставке, а четырёх охранников у дверей довели-таки до греха… Что делать – Восток есть Восток, и отношение к чувственным наслаждениям там несколько иное, чем у нас. Если в Сибири это служит лишь способом согреться, то в Индии и Персии искусство любви считается даром Всевышнего и величайшим благодеянием для человека. Утро этот человек встретил, так и не сомкнув глаз… Завгар осторожно скрёбся под каждой дверью, извиняясь и выспрашивая, где тут, собственно, обитается прекрасная пэри – Положим Фёкла-ханум? Оболенский заскрипел зубами, но менять прозвище было поздно, оставалось только достойно доиграть свою роль до конца. Рыдающие девушки вырядили его так, что хоть сейчас мог бы претендовать на звание первой красавицы бразильского карнавала.

Главный евнух терпеливо ждал его у дверей:

– Эмир требует, чтобы ты, о почтеннейшая, явилась к нему, дабы при свидетелях отметить ваш брачный…

– Знаю, знаю! – раздражённо отмахнулся Лев, поправил вуаль на носу и, не оборачиваясь, пошёл по коридору. Бедный завгар бежал следом, не успевая за широким шагом «невесты из Самарканда»:

– О благороднейшая Положим Фёкла-ханум, а не расскажешь ли ты мне, скромному служителю эмира, в какой день и месяц какого года ты попала в наш гарем?

– Не помню, – на ходу огрызнулся Лев, – нам, красивым бабам, это без надобности.

– О блистательная и восхитительнейшая роза эмирского сада, а в какой же комнате и кто тебя поселил, ибо память всё чаще изменяет мне, а на евнухов помоложе никогда нет надежды.

– На евнухов вообще надежды нет! Не мужики, а тьфу – сплошное недоразумение! Хуже голубых, ей-богу…

– Такими нас создал Аллах! – попытался оправдаться заведующий гаремом, но получил в ответ только короткий взрыв издевательского басовитого хохота:

– Что, вот так, своей собственной рукой и создал?! Не срамись, дедуля, Аллаху больше делать нечего, чем таких бородатых телепузиков кастрировать… И вообще, чё ты ко мне пристал? Не видишь, какая я раздражительная…

– Вижу, понимаю, опыт есть… – уныло повесил голову евнух, а Оболенский прошествовал мимо двух страшно суровых стражников, не удержался и свистнул у обоих по кошельку (у одного из-за пояса, у другого из-за пазухи).

– Ладно, отец, извини за грубость. Прими в качестве презента, не такая я уж сволочная стерва… – Пересыпав монеты из кошельков в трясущиеся руки старого евнуха, он позволил беспрепятственно проводить себя в мужскую часть дворца, где трое невольников с обнажёнными мечами торжественно отвели их в церемониальную залу.

Эмир возлежал на низкой кушетке, утопая в шёлковых подушках, и медленно посасывал кальян. Вокруг плотной толпой стояли придворные, из знакомых лиц выделялся только господин Шехмет, начальник городской стражи Багдада. Здесь же стояла парочка имамов и невысокий благообразный старец с необычайно длинной бородой.

– Салам алейкум, граждане! – Мой друг так и не понял, почему после его общего приветствия в зале повисла нехорошая тишина.

– Это она? – прозвучал наконец ровный голос эмира, и старец с бородой рухнул ему в ноги. Собственно, специально он этого делать явно не собирался, просто запнулся ногой о полы своего полосатого длиннющего халата. Или ноги сами собой подкосились, это вернее…

– Она! О Аллах, благослови великого и мудрого правителя города Багдада за то, что он вернул мне мою давно потерянную дочь!

Эмир глянул на Оболенского, Оболенский на эмира, что-то где-то шло не по плану. Вместо ожидаемой свадьбы смутно вырисовывалась пародия на телепередачу «Моя семья». Впрочем, она и так является пародией…

– Мы с моей благопристойной супругой Айшой жили в большом доме, в самом центре Бухары. Я тогда был знаменитым купцом, и мои караваны ходили во все стороны света!… Когда Всевышний подарил нам дочь, вся Бухара плясала на этом

празднике…

– М-м… но ведь эта девушка из Самарканда? – уточнил владыка.

– Воистину так! Ибо сразу же после первого месяца мы переехали в этот замечательный город, где у меня жили бедные родственники. Аллах заповедал помогать ближнему – и моя маленькая Фатима…

– Положим Фёкла, – ещё раз поправил эмир.

– Какого шайтана? – не выдержал старец. – Кто мог так обозвать мою возлюбленную дочь?!

– Она сама сказала!

– Вай мэ… премудрый и учёнейший из всех мужей, великий Саади как-то сказал: «Слова женщины – истина лишь для самой!» Разве отец не лучше знает имя, которое он дал своему ребенку?

Оболенский украдкой оглядел присутствующих. Вроде бы все были согласны…

Старик подмигнул ему и продолжил тем же менторским тоном:

– Иди сюда, о дочь моя, украденная злыми разбойниками Кадиса и воспитанная в беззаконных землях франков, откуда тебя вовремя спасли вольные сыны моря – пираты Алжира, и доставили халифу Самарканда девственной, что уже само по себе есть великое чудо Всевышнего! Всё ли ты поняла, карданный вал тебе в заднюю дверцу?!

– Мог бы и не разжёвывать… – удовлетворённо мурлыкнул Лев и с разбегу бросился «на ручки» вставшему с пола другу. – Папа! Сколько лет, сколько зим, как я скучала, кто бы знал… Ой-ё, шире вселенной горе моё! Прижми меня покрепче, я твоя маленькая зайка…

– За-а-души-шь… – едва не поперхнулся бородой несчастный Насреддин. – Слезь, зараза!… Я же живот надорву…

– Вах, вах, вах… – искренне умилились все присутствующие. Встреча двух родственников после долгой разлуки казалась безмерно мелодраматичной. Вид двухметровой «девицы» на руках у почти падающего «папочки» вызывал слезы на глазах и обращал взоры к высоте небес, соизволивших пролить на землю такое счастье…

– Клянусь бородой пророка, когда стражники доложили мне, что благообразный старец ищет свою дочь в моём гареме, я не сразу поверил, – начал Селим ибн Гарун аль-Рашид, когда ахи и охи несколько приутихли. – Но ныне стыжусь своих подозрений… Хотя всякому правоверному свойственно совершать ошибки, ибо шайтан не дремлет!

– Как ты узнал, что я – твоя дочь? – не разжимая зубов,

спросил Лев.

– «Я – в гареме!» Кем ещё ты там мог вырядиться?! – так же, не снимая улыбки, пояснил Ходжа.

– Но сегодня у всех нас будет радостный день, – тем же тоном продолжал эмир, – ибо намерен я взять эту девушку в жёны! Достойно истинной мусульманке во всех странствиях и напастях сберегла она свою честь и готова принести её мне на брачном ложе.

– Ты не говорил, что выходишь замуж за эмира, – тихо процедил домулло.

– Можно подумать, меня спрашивали?! – скорбно ответил Оболенский и приветливо помахал правителю рукой.

По знаку эмира вперёд вышли два имама, на чалме каждого сверкал кусок зелёного шелка – знак паломничества в Мекку. Один ловко установил нечто вроде пюпитра, а другой торжественно возложил на него Коран. Брачная церемония на Востоке проводится быстро и по-деловому…

Глава 77

Герой делает трупы, а трупы делают из него героя.

Парадокс, но факт.

А вы обратили внимание на то, что в этом романе еще ни разу никого не убили? Во всех моих предыдущих книгах трупы если и не громоздились горами, то уж по меньшей мере без трех жмуриков повествование никак не складывалось. Фэнтези – литература сильных страстей и ярких характеров, соответственно, без убийств в ней ну никак нельзя обойтись! Если уж не главный герой и не его возлюбленная, то хоть какой-нибудь второстепенный злодей точно должен примерить белые тапки. «А как же Ай-Гуль-ага?» – скажете вы и будете уличены в невнимательности. Старого вампира никто не убивал – он сам отравился. Так же как и прочие гули, решившие полетать с минарета под воздействием опиумных паров. Вот видите, это еще одно весомое доказательство, что весь роман не выдуман, а почти дословно списан со слов прямого очевидца. Ведь сочиняй его я, Багдадский вор уже давно бы избавил город от деятельного эмира посредством волшебного ятагана с именем, ничего не говорящим непосвященному лицу.

На самом деле никакой брачной церемонии не было. Ходжа только взглянул в помутившиеся глаза друга и содрогнулся – в небесной голубизне посверкивали знакомые искорки. И значит, грозовые тучи неумолимо собираются над головой Селима ибн Гаруна аль-Рашида! Красное с золотым люрексом платье невесты уже едва не лопалось на напряженных плечах Оболенского – потомственный русский дворянин ни за что не хотел выходить замуж! Даже чуть-чуть, даже в шутку… даже за эмира… Всем присутствующим тоже вроде бы показалось, что «дочь купца» как-то странно покраснела, и эта краска скорее означала гнев, чем стыд.

Всесильный владыка махнут рукой, первый имам открыл Коран, и тут домулло решительно шагнул вперед.

– О великий и могущественный правитель! Ты оказываешь мне, безродному, великую честь, становясь моим сиятельным зятем. Но пусть и все гости твоего дворца, и слуги, и рабы твои, и визири, и прислужники, и нукеры, и стражи знают, что не последнее чучело отдал тебе бедный бухарский купец из Самарканда. Люди! Взгляните на нее. У кого есть дочь лучше,

выше и сильнее моей?!

– Пусть говорит, – милостиво качнул бородой эмир, – купеческая натура всегда берет верх – он не может не похвалить свой товар…

– Глядите же, правоверные мусульмане, и пусть взоры ваши видят истину, ибо дочь моя заметней, чем знамя! Тело её подобно чистому золоту, мягкому шелку и свежему курдюку! (На этом эпитете Оболенскому, уже расплывшемуся в довольной улыбке, резко поплохело, а это было еще только начало). Щеки её равны степным макам, живот втянутый, с тремя складками, пупок вмещает полстакана подсолнечного масла, бедра похожи на подушки, набитые павлиньими перьями, а между ними находится вещь, которую бессилен описать язык…

– Какая вещь? – едва сдерживаясь от рыка, прошипел Лев.

– Которую бессилен описать язык, и при упоминании её наворачиваются слезы! Этому нет названия.

– Ах, вот ты о чем. Ну почему же нет?

– Вешний бутон, распустившаяся роза, благоуханный тюльпан! – продолжал надрываться Ходжа.

– Хм… вообще-то у нас все гораздо проще и приземленнее.

– Молчи, о неразумное дитя! Опусти свой взгляд и не смей поднимать его на великого эмира, доколе не станет он мужем твоим, а ты женой его. И тогда войдет он, подобно финику, в твою пшеницу, и будет кусать тебе щёки, и ложиться на грудь движениями каирскими, заигрываниями йеменскими, вскрикиваниями абиссинскими, истомой индийской и похотью нубийской, жалобами деревенскими, стонами дамасскими, пылом астраханским, наскоками самаркандскими, резвостью городскою, толчками бухарскими, жаром саадийским, томностью александрийской и ревностью корсиканской!

К концу перечисления все, от последнего раба до первого визиря, в изумлении раскрыв рты, уставились на великого эмира. Селим ибн Гарун аль-Рашид ещё никогда не чувствовал себя столь неудобно. Подобные восхваления не редкость на пышнословном Востоке, однако обычно венценосные особы выслушивают оды другого рода. О победе над врагом, например… О храбрости, силе, милосердии и сыновней почтительности. Но не о феерических возможностях в плане гольного секса!

– Откуда ты всё это знаешь? – «Дочь» незаметно пихнула коленкой отца. «Старец» потёр ушибленную задницу, огрызнувшись сквозь зубы:

– Книжки надо читать, о бестолочь, бесполезно-необразованная… Для тебя же стараюсь!

– Чем? Готовишь меня к прелестям замужней жизни?!

– Тяну время-а! О пророк, дай мне еще немного терпения и силы. Я верну, я очень долго не буду тебя беспокоить из-за этого неблагодарного отпрыска глупых сибирских барсуков!

– Довольно, старик! – Огромным волевым усилием эмир набрал в голос металла и требовательно поднял руку. – Нам надо покончить с церемонией побыстрее, на сегодня есть и другие, не менее важные для правителя, дела.

– Слушаю и повинуюсь, но если мне будет позволено…

Поздно, домулло уже никто не слушал. Стражники ударили мечами в щиты, и первые слова извечной молитвы Корана уже срывались с богопослушных губ имамов:

– Алла-а! Биссмилле, ир рэхим ин рехмен! Воистину велик и мудр Аллах и деяния его подобны…

– Великий эмир! Срочная весть для великого эмира!! Благая весть!!! – В зал вбежал мокрый от усердия стражник. – На базарной площади нашего благословенного города пойман сам Багдадский вор!

– Не может быть… – прошелестело по толпе придворных.

– Ты забылся, воин… – Селим ибн Гарун аль-Рашид чуть нахмурил брови. – Глава городской стражи, благородный господин Шехмет, уверял меня, что Багдадского вора забрала на небо сверкающая колесница святого Хызра!

– Так то был молодой вор, – охотно пояснил вестник. – А мы задержали старого. Помните, он ещё стихи о пьянстве и греховной любви проповедовал?

– Хайям ибн Омар?! – От изумления эмир даже вскочил на ноги, раскидав во все стороны вышитые подушки. – Неужели нам удалось наконец поймать этого старого развратника, чьи бесстыжие стихи губят нравственность и веру в молодых, неокрепших сердцах…

– Воистину так, о сиятельный!

Царедворцы шумно поздравляли друг друга с успехом, Лев и Ходжа молча выпялились на счастливого стражника, не в силах поверить, что всё, сказанное им, правда. Может быть, охрана ошиблась? Может быть, это вообще совсем другой старик? Ведь дедушка Хайям давно должен был загорать на курорте, спокойненько передоверив весь план посрамления эмира – своему великовозрастному внуку… И ведь нельзя сказать, что Оболенский с задачей не справился. Он изо всех сил старался выделиться, и уж действительно только что не женил эмира на себе. Не успел, если быть объективным…

– Все на площадь! Привести в порядок место казни. Собрать весь Багдад, пусть люди видят, чья твердая рука защищает законную власть и порядок! Позовите палача, пусть возьмёт

самый большой ятаган…

Свора прихлебателей, кланяясь, бросилась к выходу. О «бедном купце» с нескладной «дочерью» все разом подзабыли. Кто бы поспорил – грядущее зрелище было куда интереснее традиционной свадьбы. Причём свадеб-то уж всегда и везде полно, а по Шариату всё это делается очень просто. У молодых выясняют их обоюдное согласие, читают над ними Коран, и… всё, хвала аллаху – они уже муж и жена.

– Я так понял, братан, свадьбы не будет?

– Если не поспешим, Лёва-джан, то будут похороны.

– Селимушка, погоди! Не бросай свою суженую! Куда пошёл, стой, тебе говорят! Сто-о-й! Ходжа, за мной! Мы всё равно его поймаем…

Глава 78

Обижающий поэта упрекнет и Аллаха.

Догмат Корана.

Экстренный выезд Селима ибн Гаруна аль-Рашида был обставлен с надлежащей помпой и двинулся за ворота примерно через час. Понятное дело, надо же было одеться соответственно случаю, подготовить лошадей, снарядить повозки, выстроить стражу, эскорт, конвой, перекусить перед выходом… Час – это еще рекордная скорость, в обычном режиме парадный выезд властителя готовится за неделю вперёд. Если бы там и преступников ловили такими же темпами, волна бандитизма захлестнула бы Багдад в течение месяца… Лев и Ходжа тоже зря времени не теряли, перехватив того самого молодца, что докладывался эмиру. Парень впал в болезненную «звёздность», высокомерно отказываясь отвечать на вежливые вопросы «какого-то там старого купца»… Оболенскому пришлось брать проблему в свои руки: после выкручивания запястья и двух омоновских пинков по почкам стражник раскололся. Не осуждайте моего друга, в иной ситуации он бы не распускал кулаки, но сейчас на карту была поставлена жизнь его деда! Оказалось, что Хайям ибн Омар практически сам сдал себя в руки городской охранки. Старый пьяница, будучи абсолютно трезвым, подошёл к двум стражникам, осуществляющим дневной обход базарной площади, и прямо спросил у них: где его внук, Багдадский вор – Лев Оболенский? Те, естественно, радостно ответили, что уже на небесах! Старик охнул, начал рвать на себе одежду, бить себя кулаками в грудь и всячески поносить благочестивое правление эмира. На том его, собственно, и повязали… Стража утверждала, будто бы Хайям оказал сопротивление, даже кого-то там ударил. Скорее всего, это была грязная ложь, грубо сляпанная в надежде на большую награду за задержание «особо опасного преступника». Сверх этого никакой полезной информации выбить не удалось. Молодого стражника отпустили, он вроде бы побежал кому-то жаловаться, но передумал. Оно и правильно, стыдно признаваться, что тебя побила девушка… почти двухметровая… с косой саженью в плечах.

Однако после выяснения сути дела нашим героям легче ничуть не стало, То есть разумного плана спасения старого Хайяма ибн Омара ни у кого не было. На площадь они попали

вместе со всем эмирским парадом (выкинув из второй повозки двух каких-то особенно визгливых царедворцев). А народу вокруг видимо-невидимо! Вся площадь от края и до края волновалась многоцветным ковром, словно поле пшеницы, где каждый колосок был живым человеком. Кто-то что-то кричал, размахивал руками и ощущал себя незыблемой частичкой того огромного тысячеликого организма, носящего красивое и вольное имя – народ! Весь Багдад, от старого до малого, собрался по зову глашатаев, и никто на свете не мог бы сейчас сказать, что его переполняет: радость или горе, слезы или смех, гнев или печаль? Лица людей были суровыми и напряженными. Если эмир рассчитывал казнью пожилого человека укрепить свой престиж, демонстрируя, каким образом можно заботиться о нравственности молодёжи… либо он не знал свой народ, либо не уважал его. Толпа способна качнуться в любую сторону – построить храм и разнести город. Но народ – не толпа, и уж тем более не быдло. Старого поэта многие знали, его стихи гуляли по рукам и заучивались наизусть, передаваясь из уст в уста. Чтобы убить человека, прежде надо убить его славу! Эмир этого не учёл…

Одной стороной базарная площадь прилегала к крепостной стене, в тени которой был установлен большой помост с черной плахой посередине. Ближе к стене на помосте высились ряды скамей наподобие амфитеатра. В центре, под балдахином, уже устанавливали переносной трон для правителя. Пленника держали в небольшом караульном помещении у той же стены. Больше половины шехметовской стражи стояло здесь боевым порядком с обнажёнными ятаганами. Перед эскортом эмира народ послушно разошёлся в стороны, давая место для прохода. Селим ибн Гарун аль-Рашид прогарцевал на редком андалузском жеребце иссиня-черной масти, приветливо помахивая плетью направо-налево. Багдад встретил его молчаливыми поклонами. Оваций не было, приветственные крики изображала исключительно стража. Помост окружили тройным кольцом всадников, а места вокруг эмира быстро разобрали шустрые придворные. Седобородый купец с наглой дочерью бесцеремонно уселись в первом ряду и даже цыкнули на помощника визиря, пытавшегося их оттуда согнать. Под барабанный бой и рёв длинных труб на «ковер крови» был выведен злостный нарушитель нравственности – поэт, пьяница и вор Хайям ибн Омар. Вся площадь невольно зароптала, видя перед собой высохшего старика в поношенном халате и застиранной чалме. Но дух его не был сломлен, глаза горели обжигающим пламенем, а в поступи чувствовалось врождённое величие образованного

человека. Такого можно казнить, но нельзя заставить служить власти… Эмир милостиво качнул пальчиком, и подобострастный казий бросился изображать мирового судью:

– О великий владыка Багдада, и вы все, правоверные мусульмане, внемлите мне, ибо тяжек грех человека, стоящего передо мной, и горько мне видеть бездну его падения. Дожив до седых волос, он презрел мудрость аксакалов и толкнул своими грязными рубаи десятки доверчивых юношей на стезю порока! Я не хочу обвинять его, хотя Коран учит нас говорить правду в лицо, ибо только так мы можем спасти сбившегося с истинного пути мусульманина. Мне достаточно лишь громко прочитать эти бесстыжие строки, и тогда каждому из вас станет ясно, за что будет наказан этот человек. Мы скорбим о нём! Мы оплакиваем его, ибо демоны Зла заберут его душу, навеки лишая её возможности услышать пение райских гурий! Итак, Хайям ибн Омар, признаёшь ли ты за собой написание стихов, прославляющих пьянство:

Под мелодию флейты, звучащей вблизи,
В кубок с розовой влагой уста погрузи.
Пей, мудрей, и пускай твоё сердце ликует,
А непьющий святоша – хоть камни грызи!

– Признаёшь ли ты, старик, эти строки своими?!

– Да.

Вся площадь примолкла, и тихий голос Хайяма долетал до самых дальних её уголков.

– Но восславления греха, запрещённого Кораном, тебе было мало… Ты хвастливо написал о своём самом страшном для истинного мусульманина проступке – о воровстве! И где?! В святом месте – в мечети! Да, правоверные, этот человек ограбил мечеть! Его стихи выдают его с головой:

Вхожу в мечеть. Час поздний и глухой.
Не в жажде чуда я и не с мольбой.
Когда-то коврик я стянул отсюда,
Истерся он, хочу стянуть другой.

– И это я написал.

После такого признания над Багдадом пронёсся недоуменный ропот.

Довольный собой казий ещё раз поклонился эмиру и продолжил:

– Но это не всё! Человек, стоящий перед вами, создал сотни стихов, восхваляющих греховную похоть. Не любовь! Ибо, как написано в Коране, мужчина любит лишь своих законных жён, а в рубаи этого безрассудного старца нет ни слова о законной жене! Он разрушает сами основы семьи и брака! Он призывает юношей пить вино и развлекаться на лужайках с музыкантшами, танцовщицами и продажными девками! Вот его слова:

Я терплю издевательства неба давно.
Может быть, за терпенье в награду оно
Ниспошлет мне красавицу легкого нрава
И тяжелый кувшин ниспошлет заодно…

– Я признаю эти стихи.

Теперь уже не ропот, а рокот возмущённых голосов повис в воздухе. Оболенский слушал все обвинения в адрес дедушки, опустив голову. Как бывший работник прокуратуры, он не мог не признать их весомость и состоятельность. Хотя… всё равно бы не вспомнил, что такое «прокуратура».

– О Аллах, всемилостивейший и всемогущий! Если бы только этим ограничивались прегрешения этого человека, мы бы простили его, снисходя к его почтенным годам. Но он посмел поднять руку на… самого Всевышнего! Он, в своём слепом ничтожестве, попытался свалить на Аллаха всю ответственность за свои же грехи. Он бесстыдно обвиняет самого Господа в нарушении законов Шариата. Вы только послушайте, правоверные:

Ко мне ворвался ты, как ураган, Господь,
И опрокинул мне с вином стакан, Господь!
Я пьянству предаюсь, а ты творишь бесчинства?
Гром раздери меня, коль ты не пьян, Господь!

Дальше обвинителю пришлось кричать в полную глотку, дабы хоть как-то перебить фанатичный рёв толпы. Хайям ибн Омар только молча кивнул, в очередной раз подтверждая своё неотъемлемое авторство, и остановить вой оголтелых фанатиков было уже невозможно. Не будем врать, что в вину старика поверили все, для большей части народа его стихи были абсолютно близки и понятны своим истинным, а не поверхностным смыслом. Но были и другие… Дураков, как правило, много не бывает. Но они шумны, энергичны и полны нечеловеческой злобы к любому творцу, пытающемуся жить

своим умом – вне понимания их узколобого мира. Поэтому, когда казий патетично бросил в толпу: «Виновен ли этот человек?» – нашлись те, кто счастливо завопил: «Виновен!» Селим ибн Гарун аль-Рашид был очень доволен. Огромный волосатый палач положил тяжёлую пятерню на хрупкое плечо старика…

Глава 79

Всё лучшее о себе я тоже услышу
после смерти…

Автор.

Вот мы не так давно рассуждали с вами о похожести религиозных догматов, а теперь коснёмся одного, очень яркого, различия. Помните, как сказано у христиан: «Тому, кто ударит тебя по правой щеке, подставь левую…» Это, видимо, для того, чтобы бьющему стало как-то стыдно и он больше не дрался. А может, и извинился в придачу… Но честно предупредим: на пьяниц, наркоманов, садистов и душевнобольных это правило не распространяется! В исламе всё иначе, там официально разрешено «отвечать на зло равноценным злом». Хотя «простивший и смирившийся будет возвышен Аллахом»! Вот видите, им, восточным людям, это можно, а нам… Может быть, именно поэтому мы так легко забываем добрые христианские законы и с присущим русскому человеку смирением, получив по правой щеке, размашисто сворачиваем зачинщику челюсть! Всю челюсть. Чего уж там на пощёчины разменяться…

– Ты хочешь что-нибудь сказать? – Эмир поднял руку с холеными пальцами, посверкал перстнями, и над площадью разом воцарилась тишина. – Говори, ибо следующие слова ты будешь произносить уже перед престолом Всевышнего!

– Я… старый, выживший из ума глупец… – Хайям ибн Омар высоко поднял голову, чтобы никто не видел его слез. – Я писал свои стихи для людей, обладающих тонким умом, чувствующих шутку, и если над кем и смеялся, так лишь над самим собой. Но я виновен перед Аллахом… И вина моя столь велика, что не имеет прощения! Я… своими руками… послал в Багдад самого прекрасного, самого умного, самого почтительного из всех юношей – своего внука Льва Оболенского…

Здесь стоит сделать короткий перерыв ради описания выражений лиц присутствующих. Должен признать, что всё многообразие чисто человеческих эмоций разом проявилось в исключительной полноте и первородной яркости. Народ вытянул шеи и разинул рты – оказывается, ловкий Багдадский вор был внуком знаменитого поэта! Эмир вытаращил глаза, до боли в пальцах впиваясь в подлокотники трона, – ему совсем не хотелось, чтобы на площади, прилюдно, вспоминали о том, как этот молодец украл рыженькую танцовщицу Ириду! Благородный

господин Шехмет молил небеса, взявшие Льва Оболенского, чтобы те его ни за что не возвращали! А сам Багдадский вор шумно рыдал на плече у Ходжи Насреддина, вытирая мокрый нос его же фальшивой бородой, потому что «таких хороших слов он от дедушки с детства не слышал»…

– Да, мой бедный внук был вором… это я сделал его таким. Ибо если у народа нет своего героя, то и неуловимый солнечный зайчик может разить его врага страшнее удара молнии! Мой мальчик был высоким, сильным, голубоглазым, его нельзя было не заметить в толпе. Быть может, он жил грехом, но у него было большое сердце… Скажите, правоверные, разве он хоть кого-нибудь довёл до нищеты? Разве украл последнюю лепёшку у бедной вдовы? Разве он обидел ребёнка? Разве не раздавал всё ворованное простым людям?

– Воистину так… – прошелестело над базарной площадью, а эмир посмотрел на начальника городской стражи таким взглядом, что тот начал икать.

– Багдадский вор клеймил жадность, глупость и чванство. Он был для вас звуком праздничного бубна, потаённым смехом в ночи, глотком свободы в тисках безжалостного закона. Закона – единого для всех, а потому карающего без разбора… Стражи сказали, что мой внук уже… на небесах… Зачем мне жить? Пусть и моя стариковская голова падёт к неумолимым стопам Закона, разучившегося смеяться.

– О чём ты говоришь, вздорный старик?! – рискнул вставить своё слово казий. – Закон – праведен и дан нам Всевышним для укрепления души и смирения страстей. Тот, кто нарушает законы, идёт против воли Аллаха!

– Ты прав, о почтеннейший… – печально подтвердил Хайям. – Мудрость предпочтительнее беззаботного смеха. Я низко склоняюсь перед каждым мудрецом, учащим в своих книгах юношей правде жизни. Пища для ума, как и пища для тела, должна быть и правильной, и полезной. Мой внук был насмешкой над вашими мудрыми речами… и это плохо! Но что будет с человеком, если его поить только молоком и мёдом? Они очень полезны. Но иногда… редко… всего один глоток ароматного вина способен принести в сердце несказанную радость! Багдадский вор был тем, что заставляло народ улыбаться и… верить.

– Он был вором!

– Увы… но у него была добрая душа, и его забрала на небеса сияющая колесница святого Хызра!

– Уж не думаешь ли ты, старик, что от этого мы сочтём его праведником?! – наигранно расхохотался казий. Его смех прозвучал как-то особенно одиноко, напоминая скорее кряканье

полузадушенной утки. – Господин Шехмет, лично присутствовавший при этом, убеждён, что злодея забрали, дабы избавить от него землю Востока и бросить великого грешника пред грозные очи всесильного Аллаха!

– Что ж, тогда и мне пора отправляться вслед за ним, – покорно кивнул поэт, опускаясь на колени перед палачом.

– Но почему ты не хочешь просить о помиловании? – неожиданно поднялся эмир. – Разве твоя жизнь и твоя смерть не в моей воле?!

– О нет, великий эмир, всё в руках Аллаха… Когда-то давно он дал мне эту жизнь в долг и сегодня лишь заберёт обратно. Кто я такой, чтобы судить деяния Всевышнего?

– Ответ, достойный мудреца… Но не уподобляйся торопливому юноше – я мог бы не только пощадить твою жизнь, но и наградить тебя!

– Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глодать, чем прельститься сластями
За столом у мерзавцев, имеющих власть! –

неожиданно громко, отчеканивая каждое слово, словно серебряный дирхем, ответил старик.

Восхищённый гул пронёсся над площадью, и Селим ибн Гарун аль-Рашид с каменным лицом опустился на трон.

– Правоверные мусульмане! Вы сами видите закостенелое упрямство этого седобородого безумца. Наш добросердечный эмир сам предлагал ему прощение, – но он отверг его милости. Пусть же ятаган палача станет последним укором тому, кто выпустил на наши улицы бесстыжего шайтана, именуемого Багдадским вором! Пусть…

– Довольно! – Густой, благородный бас прервал суетливую речь казия. В первых рядах царедворцев встала могучая фигура девушки в чадре и подвенечном платье. Она подошла к палачу, еле слышно бросив ему пару слов сквозь зубы. Мужчина ахнул, отбросил ятаган и поспешно ретировался, прикрывая обеими руками то, что так старательно прячут футболисты во время штрафных ударов. А девушка, не обращая внимания ни на кого, легко подняла старого Хайяма, ласково прижимая к своей необъятной груди. Стоптанные пятки несчастного болтыхались в воздухе…

– Что происходит? – искренне удивился правитель.

– Багдадский вор – Лев Оболенский не умер! – громогласно оповестила «невеста из Самарканда», поставив старика на место.

– Он жив! Отпустите дедушку, и я покажу вам Багдадского вора.

Селим ибн Гарун аль-Рашид сделал нервный жест левой рукой, что было оценено как согласие на сделку. В ту же минуту к его ногам полетела чадра, фальшивые косы, красное платье и пышные шаровары. По эффекту разорвавшейся бомбы этот стриптиз превзошёл все «укусы пчелы», вместе взятые.

– Будем знакомы, я – Лев Оболенский!

Глава 80

Смех – это не оружие.
Это – обезоруживание.

Практика пацифистов.

После утреннего обхода главврач чуть не уволил двух молоденьких медсестер. Причина увольнения – надругательство над пребывающим в состоянии комы больным! Согласитесь, это что-то… Нет, в наше противоречивое время младший медицинский персонал мог быть уволен за взятки (хотя вряд ли…), за невнимание, за преступную халатность, за… да за что угодно, но не за это! Главврач больницы, а с ним еще четверо специалистов застукали девушек за абсолютно непотребным занятием – они наносили макияж на лицо беззащитного пациента. Вообще, подобное деяние даже трудно с ходу классифицировать… Издевательство, глупая шутка, подготовка к будущей практике в морге? Доподлинно никому не известно… Обе девицы, рыдая на весь этаж, клялись Гиппократом, что они ничего такого не делали. Совсем наоборот, пытались ватками и носовыми платочками стереть с больного непонятно откуда появившуюся косметику. Это не они, а кто-то другой подвёл пациенту глазки, накрасил реснички, нарумянил щёки и жутко извозил помадой губы. Естественно, им никто не поверил… Макияж был нанесён абсолютно профессионально и явно женской рукой. Кое-как главврач сдержал праведный гнев и дал медсестричкам испытательный срок…

Ай, какое яркое солнце горело в тот день над притихшим городом… Какое синее небо раскинулось сияющим шатром так высоко, что даже верхушки минаретов не доставали его, как ни тянулись… И какой человек блистал на самой известной сцене Багдада – грубом помосте, куда мог ступить каждый, но оттуда ещё никто не уходил своими ногами…

– Ну, всё… всё, дедуль… не надо. – На Льве оставались лишь белые нижние шароварчики, чуть ниже колен, да пара ниток недорогих бус.

Старый Хайям припал к его груди, и наш герой продолжил неуклюжие утешения:

– Живой я, живой! Что со мной сделается… Ты-то как здесь оказался? За каким шайтаном тебя понесло в Багдад… сидел бы себе в санатории, в шашки с Бабудай-Агой резался. А, саксаул?

– Аксакал! Глупый мальчишка! Никуда я не ездил… – тихо признался Хайям. – Так и сидел в пустыне. Джинн приносил вести о тебе, одну чудеснее другой… Потом ты пропал… я пошёл в город…

– Вот это зря! Я ж не младенец на прогулке, извилинами шевелить умею, не потерялся бы… Кстати, а где наш чёрный друг? Я ему пиво обещал.

– Они… отобрали кувшин.

– Кто, стражники? – Лев обернулся и грозно поманил пальцем господина Шехмета. – Да, да, вас, почтеннейший! Это что же получается? Подчинённые вам блюстители порядка задержали и обобрали прямо посреди улицы пожилого, уважаемого человека. Где дедушкин кувшин, а?!

Шехмет сначала немного опешил, потом подошёл поближе к Оболенскому, присмотрелся повнимательнее и, выхватив кинжал, тонко завопил:

– Стража-а! Взять его! Он тот самый Багдадский вор!

Придворные засуетились, двое рослых телохранителей мгновенно прикрыли правителя, а народ на площади прямо-таки взвыл от восторга! Вот стража никуда не набежала… Зачем бегать? Преступник и так стоит почти голый, без всякого оружия перед судом великого эмира, в окружении десятков нукеров и всадников с ятаганами. А самое главное, что при таком скоплении народа это было совсем небезопасно. Оболенский меж тем, не говоря дурного слова, усадил старого поэта на своё место и беззастенчиво обратился к эмиру:

– Дорогой наш Селим ибн Гарун аль-Рашид, давай сначала ты меня выслушаешь, а потом начнёшь домогаться с претензиями. Раз уж я здесь, перед всем народом, нигде не прячусь и ни от чего не отпираюсь, гак начнём показательный судебный процесс над Багдадским вором прямо тут! Граждане багдадцы, возражений нет?

– Только не уходи! Останься, ради аллаха!

Под давлением выкриков из толпы великий эмир сдержанно кивнул. Он ведь был поборником истины и верным слугой Закона, а значит, никак не мог отказать даже самому закоренелому преступнику в справедливом суде.

– Итак, во-первых, торжественно и официально заявляю: всё, что было здесь высказано в качестве обвинений моему уважаемому дедушке, – ложь и брехня! Если судить о личности поэта по его стихам, то Пушкин с няней гасил кружками, по-чёрному! Блок ломал коням тяжёлые крестцы, Есенин сосал глазами синь, Маяковский сверлил флейты из позвоночников, а Хлебников вообще пинь-пинь-пинькал зинзивером! Есть ещё

Вознесенский, но он такое писал, мне повторить неудобно… Любому филологу ясно, что дедуля писал образно, на философско-отвлечённые темы, без обязательной проекции на себя лично. Кто готов выступить декадентствующим оппонентом, прошу сюда вместе с контраргументами!

На до-о-о-лгую минуту повисла гробовая тишина. По-моему, Ходжа Насреддин был одним-единственным человеком, который хоть что-то понял. Ну, по крайней мере, уловил общую суть…

– Возражений всё ещё нет? Отлично. Селим Гарунович ибн Рашидович, если ты тоже не против, то мой дед полностью оправдан! Молчишь? Хорошо, в большинстве культурных стран – это общепринятый знак согласия. Теперь переходим к главному. Какие у тебя претензии лично ко мне?

На этот раз эмиру было некуда отступать. Становилось совершенно ясно, что именно здесь и сейчас решается судьба всего правопорядка, на всём Востоке. Если какому-то наглому вору удастся склонить на свою сторону общественное мнение – нравственность погибнет навеки! Порок будет неискореним даже самыми жестокими репрессиями. Если же в споре победит буква Закона, уже никто и никогда не посмеет упрекать великого эмира в злоупотреблении властью, и его имя восславят в веках!

– Что ж, будь по-твоему, Багдадский вор… Я сам зачитаю длинный список твоих прегрешений, от одного упоминания которых сердца истинных мусульман содрогаются от ужаса! Вот твой первый проступок: ты украл четыре перстня благородного господина Шехмета, а его самого опоил…

– Ни в одном глазу! – клятвенно заверил Лев. – Но если есть сомнения, спросим у него самого. Так чем это я вас опоил?

– А… эм… великий эмир, он говорит… правду, – краснея, как свёкла, выдавил начальник городской стражи. – Все перстни мне вернули, и я ничего не пил! Клянусь бородой пророка! Я только понюхал и сразу всё… понял. Я не выпил!

Над площадью пронёсся чей-то сдержанный гогот.

Эмир бросил на Льва самый строгий взгляд и продолжил:

– А разве не ты убежал из зиндана, украл всю казну городской стражи, распустил лошадей и вытащил во двор самого господина Шехмета в одних…

– Смилуйся, о великий и справедливый!.. – в полный голос взвыл Шехмет, падая на колени. – Всё, о чём ты говоришь, сотворили бесстыжие демоны-иблисы! Человек не сумел бы такого сделать… А уж тем более этот неуклюжий медведь!

– Есть ещё какие-нибудь обвинения? – ровно спросил Лев, победно подмигивая начинающим хихикать людям.

– Ты обманул и опозорил Далилу-хитрицу и её дочь,

мошенницу Зейнаб! Теперь они прячутся в изгнании, а молодой Али Каирская ртуть от стыда бежал в родной Каир. Признаёшь ли ты это?

– Вы о Ночи Бесстыжих Шайтанов? Так там, как я понимаю, тоже похозяйничали барабашки… Весь город в свидетелях, правда?

– Истинно так! – дружным хохотом откликнулся народ.

– Но это был ты! – взвился оскорблённый эмир. – Ты и твой проклятый дружок, осквернитель морали – Ходжа Насреддин!

Оболенский открыл было рот, но ответить не успел. С переднего ряда гордо поднялся невысокий благообразный старик и величаво прошагал к Багдадскому вору:

– Здесь прозвучало моё имя? И, клянусь одеждами Мусы, Исы и архангела Джабраила, прозвучало осуждающим тоном.

– Ходжа, ты рехнулся, сядь на место!

– Не мешай, Лёва-джан, я тоже хочу высказаться. – Седая борода, длинные усы и подушка, выуженная из-под халата, упали с помоста вниз.

– Ва-й мэ-э… – дружно выдохнули все. Домулло повертелся то тем, то этим боком, давая возможность людям посмотреть на себя во всей красе.

– Раз уж нас с моим великорослым другом обвиняют в грехах, которых мы не совершали, позвольте мне покаяться в грехе, по сей день тяготящем моё больное сердце. Я хочу рассказать вам, о правоверные мусульмане, о маленькой рыжеволосой танцовщице. О той, что плясала для вас на базаре, где её и заметил наш великий и милосердный…

– Нет! Ничего этого не было! – вовремя вмешался побледневший Селим ибн Гарун аль-Рашид.

– Неужели не было? – хором удивились Лев и Ходжа. – Так, значит, в случае с Иридой Епифенди мы невинны?

– Я ни в чём вас не обвиняю! – дрожащим от ярости голосом торжественно объявил эмир.

– О наш благородный правитель, тогда заплати нам, и мы терпеливо отвалим… – ласково предложил Оболенский. Сразу никто ничего не понял, пришлось объяснять очевидное. – Ты ведь каких-нибудь пару часов назад обещал сочетаться со мной законным браком? Вытащил меня из гарема, заставил вырядиться, как белку новобрачную, с папулей моим при всех договорился, а теперь на попятную? Ладно, я тоже не страсть как горю замуж… Но по законам столь любимого тобой Шариата ты должен выплатить нам приличную компенсацию, чтоб мне как «честной девушке» было не стыдно глядеть в глаза соседям. Ну, так что, эмир?! Будешь платить, или всё-таки поженимся? Думаю,

в твоём гареме меня снова примут с радостью…

Последние слова моего друга потонули в таком гоготе, что деревянный помост закачался! Казалось, разом засмеялась вся площадь… Люди, лошади, бродячие собаки, голуби на крышах, минареты и здания, деревья и облака – всё задохнулось в едином порыве нечеловеческого хохота! Селим ибн Гарун аль-Рашид пробовал что-то объяснить, но его никто не слушал. Неуправляемое веселье овладело душами, и если бы в этот момент кто-то умер от смеха, то он предстал бы пред взором Всевышнего с улыбкой до ушей! Народ катался, схватившись за животы, стражники ржали, даже не прикрываясь щитами, царедворцы и нукеры висели друг на друге, не в силах остановить распирающий гогот. Не смеялся только один человек. Вы знаете – кто, и ему действительно было совсем не смешно. Криками и пинками эмиру кое-как удалось поднять своих же стражников, заставляя их взять в кольцо двух возмутителей спокойствия.

– Вы будете казнены сию же минуту!

– За что? – хихикнули оба, народ успокоился довольно быстро и посерьёзнел, видя, что события принимают совсем нежелательный оборот.

– Ничего не хочу знать, казнить, и всё!

– А как же закон?

– Казни-и-и-ть!!! – взвыл Селим ибн Гарун аль-Рашид, площадь возмущённо замерла. Лев ободряюще похлопал Насреддина по плечу и спокойно уточнил:

– Шайтан с тобой, не ори только… Но прежде, чем мне отрубят голову, я могу попросить, чтобы дедушке Хайяму всё-таки вернули его законное имущество в размере одной ёмкости для алкогольных напитков?

– Можешь… – скрипнул зубом эмир. – Где этот проклятый кувшин?

Кто-то из стражи быстренько сбегал в караулку и притащил совершенно обычный глиняный кувшин для вина. Эмир потряс им, понюхал горлышко, не обнаружил ничего подозрительного и попытался сунуть себе под мышку:

– Твой дед получит его после твоей смерти.

– Э нет… – Никто не мог бы сказать, каким образом кувшин вдруг оказался в ловких руках Оболенского. – Такие дела надо доводить до конца собственноручно. Эй, Бабудай-Ага! Ты где? А ну, вылезай…

Мгновение спустя из горлышка кувшина повалил чёрный дым, и над базарной площадью вырос двадцатиметровый джинн! Кто-то успел взвизгнуть…

Глава 81

Смех – это знак равенства
между царем и нищим.

Марк Твен.

На этот счёт в одном из хадисов прямо сказано: «Тот из вас, кто видит нечто непотребное, должен исправить это с помощью руки своей. Если же у него не хватит на это сил, тогда он должен постараться исправить это словом уст своих. Но если у него и на это не хватит сил, то он по меньшей мере должен ужаснуться этому всем сердцем своим!» Лев всегда считал, что эмир Багдада в своей борьбе против греха изрядно перегибает палку. А значит, ему, Льву, как истинному мусульманину вменяется в обязанность беспременно вмешаться. Дабы честно и нелицеприятно поправить всё рукою своей, словом из уст своих, ну и конечно же сердцем!

– Что тебе угодно, о неисправимый Багдадский вор? – пророкотал джинн, изо всех сил стараясь выглядеть предельно крутым и впечатляющим. Это стоило сделать, ибо не будем врать, что все горожане при виде здоровенного монстра впали в истерику и бледность. Вовсе нет… Ну, многие, конечно, пригнулись, кое-кто даже зажмурился от страха, но не убежал ни один. То ли джинны на Востоке не такая уж диковинка, то ли здесь, на базарной площади, становилось слишком уж интересно, а любопытство – самый большой двигатель прогресса и самая сильная слабость человеческой души.

– Здорово, Бабудай-Ага! Сто лет не видались, как жизнь, как дети, как супруга?

– Хвала небесам, всё в порядке… – Джинн наклонился пониже и шёпотом доложил: – Ты все перепутал, уважаемый! Меня мог вызвать только твой дед, и потом, для этого надо хотя бы потереть кувшин. Я бы не настаивал, но традиции есть традиции…

– Ладно, приму к сведению. Дедушка Хайям, ты не против, если я загадаю одно желание?

– А у меня и осталось всего одно, – прямо с места крикнул старик. – Трать его, о мой бесшабашный внук!

– Так, так, так… и чего бы мне эдакого пожелать? – Лев Оболенский изобразил на челе мучительную работу мысли. – Вообще-то, в свете последних событий, когда нас вот-вот обезглавят, наверное, стоило бы… Эй, эмир! Ты, случайно, не передумал нас казнить?

– Вы… свободны, – тупо выдавил Селим ибн Гарун аль-Рашид, опустив голову в знак признания своего поражения.

– Хвала аллаху за такое правосудие! – счастливо возопил Ходжа Насреддин, подпихивая друга в спину. – Бери дедушку и пойдём отсюда в ближайшую чайхану самого дальнего города. В какую-нибудь Басру, например… айда!

– Не пойду.

– Что ты сказал, Лёва-джан?

– Ты иди, а я пока задержусь. Мне кажется, у вас тут надо кое-что поправить… – сощурясь, заявил Лев, странно посматривая на эмира. Тот сидел ни жив ни мертв, белее потолка, и вся площадь совершенно ясно поняла, ЧТО сейчас произойдёт. Не думайте, будто бы на Востоке дворцовые перевороты чрезмерная редкость… Просто обычно их совершают лица, так или иначе приближенные к реальной власти. Всякие внебрачные принцы, опальные сыновья султанов, дети купцов и, на худой конец, великие герои из народа. Но не уличный жулик…

Первым опомнился всё тот же Насреддин:

– Ва-а-х, так ты, о подлейший из соучастников, вознамерился сам стать эмиром?!

– Ходжа, я не…

– Молчи, лукавый преступник с языком пустынной гюрзы! Ты сразил меня стрелой обиды прямо в печень, и она вот-вот выйдет через… нет, это неприлично. Оставим стрелу в покое… Как ты посмел хотя бы помыслить о присвоении себе законного трона эмиров Багдада?!

– Слушай, может, ты всё-таки меня…

– И не надейся, о голоштанный преступатель клятв! Я больше не поверю ни единому твоему слову… Легко ниспровергать эмира, имея за плечами самого большого из всех джиннов! А кстати, у тебя там не будет свободного места визиря?

– Я не буду эмиром.

– А я как раз был бы очень неплохим визирем от народа, потому что… Что ты сказал? – споткнулся домулло. – Как это не будешь эмиром?!

– Да так… не хочу. – Лев благодушно пожал плечами. – Я ведь вор. А всякая политика, дипломатия, интриги, перевыборы… Не, на главу государства долго учиться надо. На фига мне такой геморрой в ранней юности? У меня были совсем другие планы…

– Ка… какие? – не выдержав, пролепетал Селим ибн Гарун аль-Рашид. Кажется, он понял, что власти его лишать всё-таки не будут, но вполне могут сотворить что-нибудь неприятное. А к помосту тем временем активно проталкивалась маленькая, храбрая девушка в платье обеспеченной простолюдинки. Её вез

очень убедительный ослик, нагло кусающий всех, кто не успевал сойти с пути. Вместо обычной чадры лицо всадницы было полуприкрыто дорогой вуалью, а глаза горели, как у голодного гуля.

– Джамиля? – не сразу поверил Оболенский, пока девушка, спрыгнув, проскользнула между стражниками и ловко вскарабкалась на помост. Первым делом она немножко повисела у него на груди, обозвав «бесчувственным» и «бессердечным», потом всхлипнула и, повернувшись лицом к эмиру, бухнулась на колени:

– О великий и справедливый правитель Багдада! Я, твоя верная раба и несчастная вдова, прошу милости для этого человека. Не убивайте его, пожалуйста, а?

– Да… мы… собственно… как бы… ну, я не очень и собирался, – затравленно оглядевшись, пояснил Селим ибн Гарун аль-Рашид.

– Тогда почему же вы его не отпускаете?

– Я не отпускаю?! Да пусть идёт, ради аллаха! Хоть на все четыре стороны из моего благословенного города. Я не отпускаю… Это он меня не отпускает!!!

– Лёвушка… – Джамиля посмотрела на Оболенского, на кивающего домулло, на здоровенного джинна, произвела в голове несложные математические вычисления и… бросилась на Льва с кулачками. – Так ты сам захотел стать эмиром?! Ты говорил мне о свободе, о демократии, о равноправии, о конституции и других непонятных вещах, а сам только и ждал своего джинна, чтобы стать эмиром! Тебе так нужен его гарем?!

– Солнышко, – шутливо отбивался Лев под нарастающие смешки толпы, – но согласись, гарем – это единственный плюс во всей работе президента. Где ещё ему расслабляться после споров о Курильских островах или опохмелки в Ирландии?

– Лёва-джан, – даже обиделась Джамиля, – но там же полно старух и всяких разукрашенных дур, которые сами и тарелку вымыть не смогут, и в ком… компь…ютере ничего не смыслят! А я уже слова «Микрософт Ворд» и «Пейдж Мейкер» выучила…

– Ты у меня прелесть! Раз такое дело, какой, к лешему, гарем?! Я отказываюсь от эмирства! Эй, Селим ибн Гарун аль-Рашид, ты меня слушаешь?

– Только этим и занимаюсь… – сухо буркнул эмир.

– О, да у тебя начинает проявляться сарказм, – искренне удивился Лев, – а от сарказма уже недалеко до иронии, ты выздоравливаешь на глазах. Вот, собственно, нечто подобное я и намеревался пожелать. Граждане багдадцы! Ваш эмир по сути своей человек неплохой и неглупый, просто чересчур серьёзный.

А потому менять его мы не будем! Мы его… подкорректируем… Бабудай-Ага!

Доселе молчавший джинн послушно склонился к Багдадскому вору, внимательно вслушиваясь в его указания. Вся площадь ждала, затаив дыхание и вытянув шеи. Потом по широкоскульному лицу Бабудай-Аги пробежала довольная улыбка, он снисходительно кивнул, хлопнул в ладоши и… исчез. Если зрители ждали каких-то шумных спецэффектов с громом, молниями и конфетти, то вынуждены были разочарованно развести руками. Селим ибн Гарун аль-Рашид, зажмурившийся и вжавшийся в кресло, осторожно ощупал себя и открыл глаза. Ничего такого зримого с ним не случилось… В смысле, рога на лбу не выросли, уши не удлинились и речь вроде бы осталась по-прежнему человечьей, а не ослиной, к примеру…

– Ну и чего ты добился? – краем рта прошипел Ходжа.

– Сейчас увидишь, должно сработать… – точно так же отмазался Лев. – Расскажи ему какой-нибудь анекдот.

– Кому ему?

– Балда, эмиру!

– За твои анекдоты у нас сажают на кол, – душевно пояснил Насреддин, улыбаясь так, словно у него перекосило лицо. – Я ещё очень молод, я могу исправиться, доучиться на муллу, в конце концов… Лёва-джан, давай скажем, что мы пошутили, и скромненько попросим прощения?!

Стоящая рядом Джамиля восприняла тихую панику Ходжи по-своему и, загородив собой массивного Льва, вновь бухнулась на колени перед оживающим эмиром:

– О мудрый и благородный владыка Багдада! Я, бедная вдова, припадаю к твоим стопам с мольбой о справедливости. Пощади жизнь этого человека! Он спас меня и многих честных мусульман сразу от восьми пустынных гулей. И ещё одного, моего бывшего… но тоже очень страшного!

– Каких гулей? Почему спас? Ничего не понимаю… – нервно отмахнулся правитель, и все поняли, что сейчас он способен как казнить, так и помиловать. Раз глупый Багдадский вор отпустил могучего джинна, то теперь всё зависит от настроения эмира…

– Я расскажу! – быстро затараторила Джамиля, её речь то и дело перемежал выразительный ослиный рев («Иа!»). – У меня был старый муж, и он был гуль! Он всех к себе заманивал, кусал и ел. А потом Лёву заманил и стал пугать, а Лёва – с ним драться, а я его подносом по голове, а он как зазвенит, и на нём до сих пор вмятина. («Иа?! Иа-а-а…») Тогда мой муж укусил Льва за плечо и сразу помер! Наверное, отравился… («Иа. Иа-а…») А потом другие гули пришли, сразу все восемь! И Лёва-джан с Ходжой-

эфенди пошли меня спасать. Лёва украл армянского принца с саблей, чтобы он их по…погасил?! («И-и-а-а-а-а…») И всех гулей аракой напоили. А они не пьяные! Потом мы им опиума на угли насыпали, и они все нанюхались… И Ходжа-эфенди тоже, у него уже двоилось и глаза в кучку сошлись. («Иа! Иа!») Лев его на улицу понёс, я гулей сторожила, а принца мы туда ещё раньше затолкали, и я тоже нанюхалась… Вот тут он нас всех и спас! Лёва-джан тоже в комнату пошёл, тоже опиуму нанюхался и всех гулей повёл с минарета летать. («Ий-а-а-а?!») Так и кричал, как на голубей: «Гуль, гуль гуль! Кыш, кыш, кыш!» Но они плохо летали… а падали хорошо. Даже красиво падали! Я не видела, мне домулло рассказал… «Муха больше не жужжит, в мусорном ведре лежит…» А Лев прищемил хвост шайтану, он же не виноват, что гули не летают. Не казните его, пожалуйста… («Иа?») Лёвушка говорил, что это не… не… не педагогично!

Вся площадь схватилась за голову, все взоры были умоляюще устремлены на эмира. А Селим ибн Гарун аль-Рашид сидел на своём троне, прикрыв лицо ладонями. Его плечи судорожно вздрагивали, изредка слышались прерывистые всхлипы, но когда встревоженные визири склонились над ним с утешениями – он просто сполз с трона, едва дыша от… хохота! И весь Багдад своими глазами увидел самое невероятное чудо – их эмир научился смеяться…

А в эту судьбоносную минуту небеса содрогнулись от грохота, и прямо с облаков на город рухнула летающая тарелка. Мгновенно опознанная как «колесница святого Хызра», она косо замерла метрах в пяти над помостом, дрожа и заваливаясь набок.

– Человек. Лев Оболенский. Спаси нас… – Ровный металлический голос одновременно отозвался в мозгу каждого присутствующего.

– В чём проблемы, знойные прибалтийские мачо? – задрав голову, крикнул Лев.

– Забери эту женщину! Мы не можем с ней возвращаться, она сломала системы навигации. И потом… она это… всех уже…

– Не понял? – притворился идиотом Оболенский. Тарелка дёрнулась, и голос подробно пояснил:

– Она всем нам вставила отрицательные электроды, перекрыла подачу топлива и, невзирая на растраченные ресурсы, увеличивает обороты, а в результате наши функциональные детали стираются быстрее, чем мы успеваем их регенерировать!

Вряд ли до кого дошло… По-моему, Лев был единственным, кто вычленил из этой псевдонаучной белиберды смысл истинной трагедии. Потому и осел прямо на плаху, гогоча, как сумасшедший! Глядя на него, эмир вновь подхватил бациллу

смеха. Обиженная «колесница», не оборачиваясь, рванула ввысь, а на главной площади Багдада в голос хохотали два таких непохожих человека – эмир и вор…

Глава 82

Все писатели ВСЕГДА ВСЁ ВЫДУМЫВАЮТ.

СП России.

– Слушай, Лев… – продолжал я, потому что конец этой истории меня, как литератора, не устраивал. – В целом всё замечательно – ты ходишь по Багдаду, мочишь корки на каждом шагу, шалишь по всем направлениям, а смысл? Что-то мне не очень верится, что ты вот так легко отказался стать новым эмиром… Ты же потомственный дворянин, у тебя борьба за власть генетически в крови заложена.

– Андрюха, у тебя, как помнится, тоже в предках дворяне были?

– У меня много кто был… – уклончиво парировал я, – но не обо мне речь. Ты хочешь сказать, что тебе были абсолютно до лампочки и дворец, и гарем, и поклонение народа?

– Скучно это… В сказках – красиво, а в жизни скучно. – Оболенский демонстративно зевнул. Было около часа ночи, мы тихо спорили на кухне, стараясь, чтобы наши голоса не беспокоили его семью.

– Я же говорю, у них там был не самый плохой эмир. Налогообложение – терпимое; внутренняя политика – как у всех, ни шатко ни валко; пару раз ходил на войну, кого-то там успешно отбил – чего ради мне его менять? Нет, конечно, на волне народного энтузиазма и моей бурной популярности вполне прокатило бы. Но что потом? Я уж молчу о реакции соседей, всяких там падишахов, султанов и прочих государственных деятелей… Новый эмир Багдада – бывший вор!

– В чём-то ты прав.

– Во всём! Давай ещё кофе налью?

– Знаешь, я почему-то думал, что ты разберёшься с эмиром как-то иначе. Осмеёшь прилюдно так, что он сам от трона откажется и харакири себе сделает. А возрождённым Багдадом станет править его опальный брат, подросший сын или какая-нибудь из молоденьких жён. Читатель любит сентиментальные концовки.

– Вай мэ! Концовку ты, в конце концов (о тавтология!), можешь придумать сам, я не обижусь. Но знаешь, этот Селим ибн Гарун аль-Рашид в тот день так изменился, прямо как в сказке! Был жабой надутой, а стал…

– Луи де Фюнесом? – хмыкнул я. – В одном из писем моя добрая знакомая из Питера написала: «Смех посрамляет пафос». Хорошая мысль, если вдуматься… Не уничтожает, а именно посрамляет. Подстригает, как газон. Ибо буйно разросшийся пафос – это уже пошло, а пошлость – лишь неправильно понятая ценность. Только смеющийся человек способен расставлять правильные акценты.

– Очень умная девочка, познакомишь?

– Иди ты…

– Ой, ой, ой! Какие мы собственники…

…В тот «жаркий» день они ушли с площади триумфаторами! Народ едва не носил их на руках, причём всех четверых, включая Рабиновича. Маленький ослик тоже справедливо считался героем дня, хотя вся его заслуга на этот раз исчерпывалась исключительно фактом доставки Джамили. Без него юной, скромной девушке ни за что бы не удалось пробиться сквозь плотные толпы народа. У всех был праздник! Люди обнимались прямо на улице, везде звучала музыка, и сам город, впервые за несколько последних лет, словно бы распрямил плечи. На базаре раздавали персики и изюм даром, бродячие акробаты и канатоходцы вовсю веселили публику, а счастливые дети носились с визгом, играя в «воров и стражников», и никто их за это не наказывал… Маленькая компания наших друзей довольно долго плутала по узеньким улочкам, пытаясь как можно деликатнее оторваться от толпы восторженных почитателей. Это удалось далеко не сразу, народ ни в какую не хотел отпускать своих любимцев. В результате к лавке башмачника Ахмеда добрались уже после полудня. Притомившаяся Джамиля клевала носом, сидя на Рабиновиче и крепко держась обеими руками за его холку. Лев в чьём-то халате и Ходжа в новой чалме тихо обсуждали произошедшее на площади – события последних часов и впрямь были судьбоносными не для них одних…

– А ты небось думал, что больше меня не увидишь?

– Я очень на это надеялся, Лёва-джан… Когда колесница святого Хызра живым вознесла тебя на небеса, моё сердце исполнилось просто неземного блаженства! Если бы я был весь покрыт струпьями и у меня двадцать лет беспрерывно болели все зубы сразу, а потом, милостью Всевышнего, я получил полное излечение, то и тогда не испытал бы сотой доли того удовлетворения, какое посетило меня при виде твоего вознесения…

– А если то же самое, но короче? – попросил Лев.

– Аллах не внял моим молитвам…

– Вот это уже понятнее. Я тебе про эту колесницу как-нибудь

поподробнее расскажу. Сейчас она больше похожа на экспериментально-принудительный дом терпимости межгалактического масштаба. Но это мелочи… Главное, я был в гареме!

– Ты так орёшь, чтобы Джамиля тоже услышала? – укоризненно покосился Ходжа.

– Уп… миль пардон, нет, конечно… Это я для того, чтоб ты тут с ног до головы обзавидовался.

– Скажи лучше, с чего это эмир решил на тебе жениться? На взгляд правоверного мусульманина, девушка из тебя получилась, как из половинок кирпича – серьги!

– Между прочим, вашему правителю, видимо, такой вот массивной крали и не хватало! – беззлобно огрызнулся Лев. – Как ты помнишь, лично я в невесты никому не набивался! Даже больше, если бы он полез с поцелуями, я бы…

– Охотно верю. Пожалей эмира, ему и так сегодня досталось…

– Ты-то сам за каким попёрся во дворец изображать моего седобородого папочку, самаркандец из Бухары… Кстати, откуда такое подозрительное название, там все бухают?

– О, напомнил! – хлопнул себя по лбу домулло. – А почему твой дедушка с нами не пошёл?

– Он сейчас в эмирском дворце, приглашён как независимый консультант по вопросам сохранения альтернативных культурных ценностей.

– Значит, пьёт…

– Пьёт, – согласился Оболенский, – у него есть повод. От казни спасся, внука нашел, во дворец пригласили, как же тут не выпить… И кстати, мы тут к Ахмеду намылились, а он вообще дома?

– Какая разница? – уклонился Ходжа. – Ты лучше мне скажи: так мы посрамили эмира или нет?

– Круче! Я убедил джинна даровать ему чувство юмора.

– О аллах, и только? По-моему, стоит пойти и досрамить…

– Нет, дружище. – Мой друг остановился мимоходом свистнуть с чьего-то прилавка большой кусок халвы. Джамиля её очень любила. – Я сам проверял: принёс извинения за ночёвку в гареме и попросил, чтоб он уж там со всеми подряд не разводился…

– А эмир?

– А ваш Селим ибн Гарун аль-Рашид подумал, дал мне по шее, хихикнул и заявил, что завтра же женится ещё на десятке таких молодых курочек. Вот это ответ настоящего мужчины! Я его уважаю…

В лавке Ахмеда их ждал сюрприз – за накрытым столом сидел не только нарядный башмачник (вот почему он не был на площади при всех разборках!), но и спешно вызванная госпожа аль-Дюбина и её рыжеволосая сестра! Пьянка и веселье затянулись аж до ночи… Сколько смеха, сколько воспоминаний, сколько слов любви… Но, как ни странно, в тот вечер Льву почему-то было грустно. Необъяснимая, невнятная печаль тяжело легла на его ресницы и затаилась, как тень. Нет, он так же пил розовое вино, смеялся и шутил, отгоняя дружескими улыбками непонятную тревогу от сердца. Что-то шло не так… Или, наоборот, что-то уходило из его жизни, что-то очень важное, имеющее колоссальное значение, что никак нельзя отпускать и даже просто выпускать из рук! Лев нервно встал, едва не опрокинув глиняное блюдо с фруктами, сам посмеялся над своей неуклюжестью и, сославшись на больную голову, вышел освежиться.

На Востоке короткие вечера и дурманные ночи. Аромат цветов трепетал в воздухе, лёгкий ветерок щекотал листики чинар, а звёзды… падали. Много-много, самых разных звёзд, больших и маленьких, колючих и ласковых. Они, вздрагивая, бросались вниз, оставляя за собой короткий сияющий след. И в этом чарующем звездопаде было что-то чистое, трепещущее и обновляющее душу. Лев даже вытянул руки вперёд, сложив ладони ковшиком, но увы – ни одна, даже самая крохотная, звёздочка туда не упала…

– Тебе пора, Лёва-джан… – За плечом Оболенского неслышно возник чёрный джинн с печальными глазами.

– Да, да… – рассеянно ответил Лев. – Слушай, Бабудай-Ага, а вот почему так бывает – ведь вроде все весело было, а сейчас… грустно. Даже больно…

– Мои долги уплачены. Я выполнил три желания, но мне нельзя оставлять тебя здесь.

– Почему? Здесь мой дом, мои друзья, моя родина…

– Нет, – Джинн виновато опустил голову, – ты не отсюда. Я не мог взять тебя насовсем, есть законы, которые непозволительно нарушать даже нам, джиннам.

– Так я что, не багдадец? – тупо выдохнул Лев. – Вот хренотень подберёзовая… Может, ты скажешь, что ещё и не мусульманин?!

– Бог един. Иди, тебя ждут.

– А… если… ну, ты понимаешь…

– Иди, – Бабудай-Ага легонько подтолкнул его в плечо. – Если понадобится, Багдадский вор вернётся снова. Я обещаю.

Оболенский кивнул, сдвинул тюбетейку на затылок и смело

зашагал по пустой базарной площади навстречу судьбе. На мгновение из сарайчика Ахмеда высунулась раскрасневшаяся Джамиля. Следом за ней показался и Насреддин.

– Лёва-джан, не надо ничего воровать, всего полно! Пойдём, там сейчас Ирида танцевать будет!

Лев обернулся и помахал им рукой.

– Лёвушка… – растерянно вскинула бровки девушка, но домулло потянул её внутрь:

– Не волнуйтесь, госпожа, он сейчас вернётся. Он всегда возвращается…

И только маленький лопоухий ослик, видевший всё своими глазами, тихо плакал в закутке, пока могучая фигура его любимого хозяина незаметно таяла в жасминовом аромате ночи…

P. S.

О Аллах, знающий самые сокровенные тайны наших сердец, выведи меня из тьмы к Свету.

Пророк Мухаммед.

– Врачи говорили, что я удивительно легко отделался. Ну, ключи там и безделушки всякие пришлось по углам раскидать, думаю, их нашли. Меня сначала отпускать никак не хотели, вроде лежал себе человек почти месяц, а тут взял и за одну ночь встал живой-здоровенький! Пришлось давать расписку и буквально бежать, меня Маша едва ли не зубами из той клиники выгрызала…

Лев говорил что-то ещё, но я уже слушал его вполуха. Он заразил меня Багдадом, и до чего же не хотелось прерывать ставшую такой родной сказку… Что потом? Опять быт, работа, зарплата, мелкие проблемы, суета на пустом месте. Творчество, книги, бессонные ночи в Интернете и редкие прогулки. Неужели какой-то мелкий уголовник за несколько дней сумел оставить такой след в истории? А мы… а как же мы, честные, умные, правильные, пишущие серьезные книги и думающие о будущем страны?! Останется ли что-нибудь после нас… Лев прав, вся эта история начиналась очень весело, а заканчивается почему-то грустно.

– Ладно, я пойду. Поезд уже через час, а мне ещё надо зайти в камеру хранения.

– Ладно, Андрюшка, до встречи! Жду тебя в Москве, ничего не обещай, получится книжка – с тебя автограф.

– И тебе счастливо. Часы верни.

– Какие часы?

– Мои часы, Лёва-джан!

– Ах, эти… – На секунду глаза моего друга совсем по-азиатски сощурились, он улыбнулся и вытащил из-за пазухи мой паспорт, авторучку, расчёску, серебряный крест на цепочке и золотисто-розовый билет в Астрахань. Часы на ремешке легли сверху. Долгую минуту я пристально глядел в безмятежные небесно-голубые очи моего друга, пытаясь отыскать там хотя бы капельку раскаяния или стыда. Увы… мне везло не более, чем другим.

Уже потом, в метро, я вспомнил, что Лев просил не указывать его настоящего имени (всё-таки теперь он солидный человек,

работает в престижной фирме, и какие-то моменты могут оказаться не совсем этичными…). Мои губы разъехались, мстительно улыбаясь самым черным мыслям… Я представил, как Оболенский открывает первую страничку и…

Хвала Аллаху, воздающему по заслугам – каждому!